

ISSN 0038-5050

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

1989

С О В Е Т С К А Я
Э Т Н О Г Р А Ф И Я

2

Март — Апрель

1989

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ ● ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Навстречу Пленуму ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений
в СССР

Заседание Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов	3
Доклад Я. К. Ребане (Таллин). Изменения национальной структуры, межнациональные отношения и языковая ситуация в Эстонской ССР.	4
Обзор выступлений	18
М. В. Крюков (Москва). Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения	24

Статьи

А. В. Коротаев, А. А. Оболонков (Москва). Родовая организация в социально- экономической структуре классовых обществ	36
Г. Е. Арешян (Ереван). К обоснованию методов исследования культурных и этни- ческих контактов в древности (этнокультурные связи Юго-Восточной и Центральной Европы с Армянским нагорьем и Южным Кавказом)	45
В. П. Орфинский (Петрозаводск). Вековой спор. Типы планировки как этнический признак (на примере поселения Русского Севера)	55

Из истории науки

К. В. Чистов (Ленинград). М. К. Азадовский и проблема исполнителя в русской фолькло- ристике XIX—XX вв.	71
--	----

Этнография в музеях

В. А. Дмитриев, Н. М. Калашникова (Ленинград). О принципах комплектова- ния фондов этнографических музеев на современном этапе	82
---	----

Сообщения

В. Я. Бабенко (Уфа). Пища украинского населения Башкирии	94
Т. В. Зайковская (Нежин, Черниговская обл.). Традиционные верования и представ- ления греков Аджарии (античные истоки образов св. Илии и св. Георгия)	105
В. Г. Чалаян, Н. В. Мейшвили (Сухуми). Демографические характеристики стада приматов как модель аналогичных образований у ранних гоминид	115

Е. Н. Студенецкая (Ленинград). Расследование 120 лет спустя	123
--	-----

Научная жизнь

А. Ю. Брицына (Киев). Совещание собирателей фольклора Украины	130
А. В. Курбанов, А. М. Бианки (Ленинград). Среднеазиатско-кавказские чтения, посвященные 80-летию со дня рождения Е. Н. Студенецкой	133
М. Я. Жорницкая, Э. Г. Александренков (Москва). Фестиваль этнографических фильмов	135
Коротко об экспедициях	137

Наши юбиляры

Список основных работ доктора исторических наук А. О. Вийреса (к 70-летию со дня рождения)	141
Список основных работ доктора исторических наук Н. В. Кочешкова (к 60-летию со дня рождения)	144

Критика и библиография

Общая этнография

А. И. Першиц (Москва). Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов Зарубежной Европы	147
В. С. Титов (Минск). Древняя одежда народов Восточной Европы	150

Народы СССР

Т. С. Гузенкова, А. Д. Коростелев, В. В. Пименов (Москва). Этносоциальные проблемы города	152
М. Я. Мельц (Ленинград). М. К. Азадовский. Сибирские страницы: Статьи, рецензии, письма	155
М. Г. Рабинович (Москва). Д. А. Гранин. Ленинградский каталог	158
Н. Д. Челинцева (Москва). Этнографические материалы в серии «Памятники материальной культуры Азербайджана»	160

Народы Америки

В. И. Гуляев, Э. Г. Александренков (Москва). Археология Кубы	161
--	-----

Народы Океании

О. Ю. Артемова (Москва). Мифы, предания и сказки Западной Полинезии	163
---	-----

Лев Евгеньевич Куббель	167
---	-----

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. (главный редактор),
 В. П. Алексеев — акад., С. А. Арутюнов, С. И. Брук,
 Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева, Т. А. Жданко,
 Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, **Л. Е. Куббель** (зам. главн. редактора),
 Г. Е. Марков, Р. М. Мунчаев, А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора), П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
 телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР

ЗАСЕДАНИЕ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ АН СССР, ПОСВЯЩЕННОЕ ПРОБЛЕМАМ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКАХ ПРИБАЛТИКИ

28 октября 1988 г. в Институте этнографии АН СССР состоялось очередное заседание Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов при Президиуме АН СССР. Был заслушан доклад академика Яна Карловича Ребане, председателя созданного в Эстонской ССР аналогичного совета. Докладчик проанализировал сложившуюся в Эстонии ситуацию, изложил свое понимание концепции республиканского хозрасчета. В ходе обсуждения участники заседания затронули и вопросы, относящиеся ко всему Прибалтийскому региону СССР, а также некоторые общие проблемы национально-государственного развития страны.

Доклад Я. К. Ребане дается полностью, выступления и дискуссия в изложении. В докладе, естественно, не нашли отражения принятые в ноябре 1988 г. и позднее законодательные меры Верховного Совета ЭССР, направленные на регулирование межнациональных отношений (декларация о суверенитете и изменения Конституции ЭССР, закон о государственном языке — эстонском).

ИЗМЕНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЭСТОНСКОЙ ССР

В условиях перестройки, демократизации, гласности во весь рост встала задача объективного, непредвзятого осмысления положения, которое сложилось у нас в сфере национального развития и межнациональных отношений. Такое осмысление крайне необходимо для принятия эффективных практических мер по регулированию межнациональных отношений, по преодолению имеющихся противоречий.

Несмотря на специфику национальных процессов в различных регионах нашей огромной страны, в них имеется также много общего. Немало общего наблюдается и в их понимании. Поэтому, прежде чем перейти непосредственно к эстонским проблемам, хочу поделиться некоторыми соображениями относительно осмысления национальных процессов.

Как освещался национальный вопрос в прошлом? Как правило, весьма односторонне. Главным пороком не только политических деклараций, но и множества научных работ было стремление во что бы то ни стало выдавать желаемое за действительное. Реальные противоречия при этом игнорировались, негативные явления (в том числе и незаконные массовые репрессии в отношении ряда национальностей) объявлялись «отдельными» ошибками и недостатками.

В настоящее время большинство советских ученых ясно осознает, что «ленинско-сталинская национальная политика», как она именовалась в свое время, была более сталинской, чем ленинской, т. е. в ней, с одной стороны, принципы марксистско-ленинской национальной политики признавались на словах и претворялись в той или иной мере в жизнь, а с другой, — эти же принципы оказались до неузнаваемости искаженными в результате административно-репрессивного произвола. Предстоящий Пленум ЦК КПСС по национальному вопросу, по-видимому, скажет свое веское слово и по поводу оценки советской национальной политики периодов сталинизма и застоя.

Однако критикуя односторонность освещения национального вопроса в прошлом, необходимо ясно осознавать также и опасность противоположной тенденции — игнорирования наших реальных достижений. Быстрый прогресс остальных в прошлом народов (например, переход от кочевого скотоводства к современному промышленно-аграрному обществу), образование национального рабочего класса и национальной интеллигенции, развитие национальных культур, утверждение в общественном сознании идей равноправия, сотрудничества и дружбы народов — все это и многое другое прочно вошло в актив советской национальной политики. Мы имеем много положительных достижений, составляющих хорошую основу для конструктивного движения вперед.

В настоящее время в ряде регионов страны, в том числе и в Эстонии, наблюдается обострение межнациональных отношений. Довольно часто в качестве основной причины такого обострения называют гласность: пресса якобы вышла из-под контроля и разжигает национальные страсти. Действительно, такое бывает. В условиях плюрализма мнений в прессе порой появляются и националистические, и великодержавно-шовинистические высказывания, неприемлемые для нашей идеологии. К этому как к неизбежному злу надо привыкать. Вместе с тем необходима настоящая партийная борьба против этого. Решающая роль в борьбе должна принадлежать средствам той же гласности. Тем не менее, гласность — отнюдь не первопричина обострения межнациональных отношений. Если она в чем-то и «повинна», то лишь в том, что межнациональные отношения с их противоречиями стали открыто обсуждаться.

В контексте осмысления национальных процессов хочу коснуться еще одной важной проблемы. Еще совсем недавно приходилось встречаться с весьма

своеобразным пониманием интернационального, когда интернациональное фактически сводилось к национально-русскому, к русскоязычному. При этом в частности принцип практического национально-русского двуязычия (т. е. овладения вторым языком на уровне языка общения) подменялся лозунгом полного двуязычия, принципом «двух родных языков».

Подобное представление опиралось на концепцию слияния наций, которая фактически использовалась для обоснования ассимиляторских идей. Хотя сторонники этих идей и пытались доказать, что слияние — нечто совершенно отличное от ассимиляции (а так оно в процессе длительного развития и получилось), но говоря о реальных этнических процессах в СССР, имели в виду именно ассимиляцию, «облагороженную» термином «слияние». Слияние в результате которого на почве объединения этносов возникает новый этнос — процесс весьма долгий, и примеров ему у нас пока нет. В реально осязаемом времени, в течение жизни двух-трех поколений наблюдается все-таки лишь ассимиляция. Именно путем ассимиляции (в основном, путем ассимиляции русской нацией) исчезли после Октября десятки малых народов СССР*. Думается, что пора называть вещи своими именами: ассимиляция и есть ассимиляция, нет никакой необходимости стыдливо скрывать, что она может происходить и в нашей стране.

Реальное слияние наций — дело далекого будущего. Так рассматривал вопрос Ленин, связывавший слияние наций с развитием человечества после всемирной победы коммунизма (см. Полн. соб. соч. Т. 38. С. 182; т. 41. С. 76). С точки зрения отдаленной исторической перспективы рассматривается вопрос и Программой КПСС. Характеризуя нынешнее развитие как дальнейший расцвет и неуклонное сближение наций и народностей на основе добровольности, равенства, братского сотрудничества, Программа партии отмечает, что «это развитие несет с собой в *отдаленной исторической перспективе*» (курсив мой. — Я. Р.) полное единство наций». Следует сказать, что выражение «полное единство наций», перешедшее в новую редакцию Программы из прежней, не является однозначным и допускает различные толкования. Наверное, это даже хорошо. Ведь нельзя с достаточной точностью прогнозировать процессы далекого будущего.

Я не берусь судить, в какой мере концепция быстротечного «слияния наций» опирается на аналогию с национально-этническими процессами, скажем, в США. Между тем эти процессы служат как раз примером слияния путем ассимиляции: постоянно происходит американизация иммигрантов. При этом во многих случаях у них сохраняются присущие родине предков национально-этнические черты, но уже как дополняющие «среднюю» американскую культуру этнографические или «экзотические» особенности. Естественно, такие же процессы, связанные с интенсивной миграцией, имеют место и у нас. Однако в целом провозглашенный Программой КПСС основной принцип национальной политики — всесторонний расцвет и взаимное сближение наций, — существенно отличается от того плавильного тигля, каковым представляется развитие национальных процессов в США.

В свете концепции слияния наций делались также попытки истолковывать понятие «советский народ» как новую историческую общность людей. Некоторые авторы даже трактовали ее как новую национально-этническую общность. Эта трактовка весьма сомнительна. Я присоединяюсь к точке зрения, согласно которой советский народ воплощает в себе сообщество сотен миллионов граждан Страны Советов; это понятие выражает социально-экономическую и идейно-политическую, но не национально-этническую общность людей.

Возражая против интерпретации принципа «сближения» как повсеместного и быстротечного процесса слияния/ассимиляции наций (а подобные точки зрения тоже высказывались в литературе), я имею в виду, что любые межнациональные отношения, если говорить и об этнокультурных последствиях для взаи-

* Народы «исчезали» и просто в силу бюрократического доктринерства, когда при переписях населения их включали в более крупные народы (прим. редакции).

модействующих сторон и об их интересах, — это отношения не однолинейные, а двух- и многосторонние, которые встречаются в этой сфере. Национализм малого народа и шовинизм большого питаются из одного и того же источника — национального неравенства, национальной ограниченности, кичливости. К тому же они взаимно усиливают друг друга. И кроме того, «малый» и «большой» — понятия относительные и, скажем, азербайджанский или эстонский народ тоже является «большим» по отношению к живущим на его земле представителям других национальностей.

Я обратил внимание на ошибки прошлого отнюдь не из желания поколебать уважение к русскому народу, к его культуре и языку как к общепринятому у нас языку общения. Речь идет об ошибочных взглядах на национальную политику, решительному и окончательному преодолению которых призвана помочь перестройка.

* * *

Национальные процессы в Эстонии, как и всюду, определяются совокупностью исторических, демографических, экономических, социальных, культурных, образовательных факторов. Из этого сложного переплетения объективного и субъективного, материального и духовного, прошлого и будущего я постараюсь выделить некоторые наиболее существенные черты.

Прежде всего следует отметить, что Советская Эстония — многонациональная республика. Однако ее развитие определяется взаимодействием двух контингентов населения — эстонцев (в начале 1988 г. 61% населения) и неэстонцев в основном русскоязычных (39% населения). Все мероприятия в области регулирования межнациональных отношений должны базироваться на учете и разумном сочетании интересов этих крупных национально-этнических контингентов.

В настоящее время люди говорят открыто о том, что их особенно тревожит в сфере национальных отношений. Эстонцы озабочены чрезмерной миграцией, сокращением доли эстонцев в населении республики и на почве всего этого — будущим эстонской нации, ее языка, ее культуры. Инонациональные жители Эстонии озабочены тем, как сложится в будущем их жизнь среди эстонского народа, на земле Эстонии, которую они, их родители или даже прародители когда-то избрали местом проживания.

Открытое обсуждение национального вопроса еще больше усилило взаимную озабоченность. Об этом свидетельствуют опросы общественного мнения. Сравнивая данные соответствующих опросов, проведенных в конце 1986 г. и в апреле и сентябре 1988 г., мы видим, что изменения произошли отнюдь не к лучшему. (Первый опрос провела группа по исследованию национальных отношений Института истории партии при ЦК КП Эстонии, второй и третий — сектор изучения национальных отношений Института истории АН ЭССР совместно с Информационно-вычислительным центром Госкомитета по телевидению и радиовещанию республики). В ноябре — декабре 1986 г. было опрошено 730 эстонцев и 550 инонациональных жителей; в апреле 1988 г. — соответственно 600 и 360, в сентябре 670 и 480 (см. табл. 1, 2).

Как видно, оценка состояния межнациональных отношений стала более негативной в обеих группах. Если оценка, данная неэстонцами в 1986 г., была намного позитивней чем оценка, данная эстонцами, то в сентябре 1988 г. эти оценки уже совпадают. Что касается перспектив развития межнациональных отношений, то в эстонской группе с апреля по сентябрь 1988 г. оценки улучшились, а в инонациональной группе примерно на столько же ухудшились. Наиболее вероятная причина всех этих изменений — то обстоятельство, что с апреля 1988 г. в эстонской прессе началось оживленное обсуждение мер по защите эстонского языка (придание ему статуса государственного языка) и по ограничению миграции. Улучшение оценки эстонцами перспектив развития межна-

Таблица 1

Ответы на вопрос «Как изменились отношения между эстонцами и инонациональным населением в последние годы?»

(% ответивших)

Ответы	эстонцы			другие национальности		
	1986 г.	апрель 1988 г.	сент. 1988 г.	1986 г.	апрель 1988 г.	сент. 1988 г.
Отношения улучшились	22	3	8	42	8	6
Отношения остались прежними	41	28	15	44	49	17
Отношения ухудшились	37	69	77	14	43	77

Таблица 2

Ответы на вопрос «Как изменятся отношения между эстонцами и инонациональным населением в будущем?»

(% ответивших)

Ответы	эстонцы			другие национальности		
	1986 г.	апрель 1988 г.	сент. 1988 г.	1986 г.	апрель 1988 г.	сент. 1988 г.
Отношения улучшатся	16	11	27	58	35	25
Отношения останутся прежними	46	34	25	33	44	35
Отношения ухудшатся	38	54	48	9	21	40

циональных отношений и выражает надежду на устранение накопившихся болевых точек. Ухудшение же оценок со стороны неэстонцев свидетельствует о росте их озабоченности своим будущим. При этом приходится, к сожалению, констатировать, что вполне оправданная защита своих национальных интересов эстонскоязычной или русскоязычной прессой порой перерастает в высокомерие, в недооценку инонациональных интересов. В этом случае не соблюдается ленинский принцип, согласно которому против национальной ограниченности, национализма и шовинизма должны выступать представители данной нации. Но у нас не так уж редки случаи, когда эстонскоязычная печать энергично борется с великорусским шовинизмом, а русскоязычная печать — с эстонским национализмом. В результате такой взаимной борьбы напряжение лишь возрастает. Достижение взаимопонимания двух основных языково-этнических групп зависит от того, в какой мере удастся нашей печати и устной пропаганде освободиться от этого глубоко неправильного, вызывающего нездоровые эмоции подхода к защите своих национальных интересов.

* * *

Кроме сиюминутных идеологических промахов и ошибочных тенденций имеются и более глубокие причины, порождающие недовольство людей состоянием межнациональных отношений. Эстонцев более всего беспокоит то, что в результате притока извне все новых жителей доля эстонцев среди населения республики будет постоянно уменьшаться; и эстонцы на своей исконной родине могут стать меньшинством. О том, что такие опасения имеют под собой основания, свидетельствуют данные табл. 3.

Для удобства все абсолютные цифры в таблице округлены до тысячи, проценты — до целых чисел. Данные за 1922 и 1934 г. относятся ко всей территории тогдашней Эстонской Республики (на нынешней территории ЭССР доля эстонцев в 30-х годах составила бы около 92%). В рубрике «Другие национальности» в предвоенное время (в 1934 г.) больше половины составляли вместе немцы —

Национальный состав населения	1922		1934		1959		1979		По оценке на 1.1.1988	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Всего жителей	1107	100	1126	100	1197	100	1465	100	1570	100
Эстонцев	970	88	992	88	893	75	948	65	956	61
Русских	91	8	93	8	240	20	409	28		
Других национальностей	46	4	41	4	64	5	108	7		
Всего инонационального населения	137	12	134	12	304	25	517	35	614	39

* Составлено по: Rahva demograafiline koosseis ja korteriolud Eestis. 1922. a. üldrahvalugemise andmed. Vihk I ja II. Tallinn, 1924, lk. 31; Rahvastiku probleemid Eestis. II rahvaloenduse tulemusi. Vihk IV. Tallinn, 1937, lk. 22; Eesti Nõukogude Entsüklopeedia. 1987, 2. kd., lk. 68—71.

18 300 и шведы — 760 чел., в 1979 г. три четверти — вместе украинцы (36 000), белорусы (23 500) и финны (17 800). Нынешняя национальная структура населения сложилась под воздействием трех главных факторов: 1) потерь во время войны; 2) низкого естественного прироста населения; 3) интенсивного притока мигрантов.

За годы войны население Эстонии уменьшилось приблизительно на 200 тыс. чел. — с 1054 тыс. в 1940 г. до 850 тыс. в 1945 г. (число 1054 тыс. выведено с учетом нынешней территории Эстонской ССР, т. е. без Петсерского (Печорского) уезда и занарвских земель, в 1945 г. включенных в состав РСФСР). Число погибших во время войны до сих пор не установлено. В годы войны из Эстонии выехали в Швецию и Финляндию, а также ушли с оккупантами 70—80 тыс. чел. В 1945—1958-е гг. в Эстонию прибыло около 285 тыс. чел., среди них не менее трети — местных жителей (демобилизированных, эвакуированных и т. д.). В те же годы в республику переселились и многие эстонцы, проживавшие в других регионах страны. Этот приток эстонцев продолжался и в последующие годы. К концу 50-х гг. возвратилось и большинство незаконно выселенных в 1941 и 1949 гг. людей (см. Eesti Nõukogude Entsüklopeedia. Tallinn, 1970. 2 kd. Lk. 68—71).

Показатели естественного прироста эстонцев по-прежнему очень низки. По неопубликованным данным, любезно предоставленным нам демографом А. Куддо, за 1961—1985 гг., т. е. за 25 лет, естественный прирост населения в республике составил 135 550 чел., в том числе эстонцев — лишь 26 980 чел., или пятую часть. Хотя за несколько последних лет естественный прирост несколько увеличился, соотношение между естественным приростом эстонцев и неэстонцев не изменилось и сейчас составляет 1:4 в пользу последних. Причины низкого естественного прироста эстонцев, во-первых, в их более высоком среднем возрасте по сравнению с неэстонцами и, во-вторых, в ориентации на семью с одним или двумя детьми, сложившуюся в результате урбанизации. В итоге численность эстонцев в республике все еще не достигла довоенной, хотя здесь обосновались на жительство десятки тысяч эстонцев из других регионов страны.

Главным фактором, меняющим этническую структуру населения Эстонии, продолжает оставаться миграция. Чрезмерные миграции стали помехой в жизни и развитии всей Советской страны. К настоящему времени сложилось парадоксальное положение. Интересы социально-экономического развития настоятельно требуют притока населения в северные и восточные районы СССР, на деле же основные потоки мигрантов направляются на юг и запад. Пришло время всем, кто планирует нашу экономику, всерьез различать необходимую миграцию, связанную с освоением новых территорий, и вредную с социально-экономической точки зрения миграцию, в результате которой одни регионы,

в частности Нечерноземье РСФСР обезлюдели, а другие, уже достаточно населенные, перенаселяются. Вследствие такой миграции возник и особый контингент людей — утратившие свои корни искатели счастья.

Для Эстонии миграция приняла явно отрицательный характер. В интересах социально-экономического развития необходимо, чтобы повсеместно задавали тон постоянные жители, те, кто — независимо от национальности — прочно связал свою жизнь с Эстонией, у кого развито чувство родного края, кто любит не только свою большую, но и «малую родину».

За счет миграции в целом в послевоенные годы в Эстонии прибавилось около полумиллиона жителей, в 1959—1987 гг. — 210 тыс. чел., что составляет в среднем 7,5 тыс. в год. Эти числа отражают сальдо миграции, данные же о ее реальных масштабах оказываются на целый порядок выше.

Особенно интенсивным приток людей в республику, как уже сказано, был в 1945—1950 гг. Тогда, в период послевоенного восстановления и была заложена основа нынешней национальной структуры промышленной северо-восточной Эстонии. В 1944 г. в этом районе шли бои с февраля по сентябрь. Разрушенным и обезлюдившим оказался город Нарва, сильно пострадал сланцевый бассейн. Восстановление и дальнейшее развитие промышленности северо-востока республики осуществлялись главным образом силами переселившихся сюда новых (инонациональных) жителей.

Причиной, в дальнейшем постоянно обуславливающей приток иммигрантов, стал хронический (в значительной степени мнимый) дефицит рабочей силы, сопутствующий экстенсивному развитию промышленности Эстонии. Некоторые наши предприятия десятилетиями функционировали как своеобразные иммиграционные насосы: не способное создать устойчивые трудовые коллективы руководство таких предприятий постоянно привлекало из-за пределов республики людей, заинтересованных отнюдь не в работе на данном предприятии, а в возможности переменить место жительства. Таких предприятий много и в Таллине, большинство их — союзного подчинения. Поскольку они обладают ресурсами социального развития и строительными мощностями, то часть вновь прибывших при получении жилья оказывалась в привилегированном положении по сравнению с коренными жителями.

Складывавшуюся десятилетиями экономическую структуру нельзя изменить в одно мгновение. Однако в перспективе необходимо ориентироваться на развитие такой промышленности, которая действительно базируется на целесообразном использовании природных ресурсов (среди них важное место занимает географическое положение Эстонии как морской республики). Нужно развивать производство, основанное на высоких технологиях. Вместе с тем надо покончить с положением, когда морской торговый и рыбопромысловый флоты действуют как иммиграционные насосы по принципу: несколько лет в мореходном училище, далее пять лет на траулере, затем — постоянное жительство в Таллине.

Важной причиной, обуславливающей положительное сальдо миграции, служили также относительно лучшие условия жизни в Эстонии по сравнению с теми регионами, откуда люди прибывают.

Так как важным стимулом миграции служит надежда людей на лучшие условия жизни, то происходит она в значительной мере произвольно и регулировать ее административными мерами трудно. Более того, неравномерное снабжение населения и создание для столицы особых условий потребления вызывает непомерное разрастание Таллина. (То же самое происходит в Москве, Ленинграде и других «стольных» городах.) В Таллине проживает уже около одной трети всего населения республики и половина сальдо миграции (примерно 4000 чел. в год) устойчиво приходится на Таллин.

Силу притяжения Таллина можно показать на многих примерах. Так, в 1986 г. среди крупных городов СССР Таллин по розничному товарообороту на одного жителя (2241 руб.) был на втором месте после Москвы (2684 руб.).

В то же время в целом по стране розничный товарооборот на душу населения равнялся 1185 руб. («Правда», 13.12.1987). Или прирост населения. Сравним Таллин и Нарву. В 1987 году естественный прирост составил в Таллине 2650 чел., механический — 4300 чел., в Нарве — соответственно 640 и 270 чел. Прирост на 1000 чел. в Таллине (500 тыс. жителей) и в Нарве (81 тыс. чел.) был следующим:

	естественный	механический	всего
Таллин	5,3	8,9	14,2
Нарва	7,9	4,4	12,3

Оба города растут быстро, но Таллин — в первую очередь за счет механического, Нарва — за счет естественного прироста. Притягательная сила Таллина распространяется и на прилегающий к нему Харьковский район, где наиболее высок механический прирост сельского населения в Эстонии.

Чрезмерный механический прирост затрагивает интересы всех жителей Эстонии, независимо от их национальности. В целях его регулирования для предприятий промышленности, транспорта, связи, материально-технического снабжения и строительства недавно была введена плата за ввозимую рабочую силу (в Таллине и Тарту по 16 тыс. руб., в Нарве, Кохтла-Ярве, Пярну, Силламяэ и во всех окружающих эти города районах по 10 тыс. руб. за каждого работника и члена его семьи). Время покажет эффективность этой меры. Однако уже сейчас ясно, что она не уменьшает притягательности республики и ее столицы.

Миграция не только превратила Эстонию в поистине многонациональную республику, но и создала неравномерную национальную структуру по регионам. В промышленных городах северо-восточной Эстонии преобладает иномациональное население. В Нарве лишь каждый двадцатый житель — эстонец, в Кохтла-Ярве — каждый четвертый. В Таллине соотношение эстонцев и иномациональных жителей примерно один к одному. В Тарту, Пярну, Раквере эстонцы образуют три четверти населения, а в островном городе Курессааре — даже девять десятых. В городском населении (1127 тыс. чел.) республики доля эстонцев примерно 52%, в сельском населении (443 тыс. чел.) — 86%. Большинство эстонцев-горожан (около 57%) проживает в Тарту, Пярну, районных центрах и других малых городах. Сложившиеся национальная и возрастная структура населения (привлекаемые на работу мигранты — молодые) привели к тому, что постоянно сокращается доля эстонцев в рабочем классе республики, а в некоторых отраслях промышленности уменьшилась и численность рабочих-эстонцев.

Как сложится демографическая ситуация в будущем? Данные последних лет таковы: естественный прирост составляет около 6000 чел. в год, из них эстонцев — чуть больше 1000. Механический прирост — 8000 чел. в год, среди них небольшое число эстонцев (примерно 500 чел.). Таким образом, эстонское население выросло в среднем на 1500, иномациональное — на 12,5 тыс. чел. в год. Если эти тенденции упрощенно экстраполировать на будущее, то к 2000 г. население республики достигнет 1740 тыс. чел., из них эстонцев 978 тыс. или 56%, других национальностей — 762 тыс. или 44% (см.: *Ребана Я.* Основные черты национальных процессов в республике // Коммунист Эстонии. 1988. № 6. С. 23).

С другой стороны, принимая во внимание, что с сокращением или прекращением миграции начнется старение иномационального контингента и снижение его естественного прироста, демограф А. Куддо считает, что при нулевом сальдо миграции (пока лишь абстрактное допущение) этническая структура населения практически не изменится — к 2000 г. в Эстонии будет проживать 1600 тыс. чел., из них 60% эстонцев и 40% неэстонцев.

Итак, будущая национальная структура Эстонии зависит прежде всего от миграции. Нет фатальной необходимости, в силу которой эстонцы должны превратиться в национальное меньшинство на своей земле. Но ясно и то, что при

сохранении нынешних процессов это не за горами. Если такое положение вещей мы считаем нежелательным — а это так, то наступило время серьезно задуматься об ограничении миграции. Иногда в один ряд с миграцией ставится низкий естественный прирост эстонцев. Действительно, за 25 лет лишь трехпроцентное увеличение эстонского населения путем естественного прироста — крайне мало по сравнению, например, с Узбекистаном или Таджикистаном, где численность узбеков или таджиков удваивается в каждые 20—25 лет. Однако ожидать от эстонцев такого же естественного прироста было бы утопией.

Главное место в будущем должна занять экономическая саморегуляция миграции. Очень важно, например, осуществлять всю жилищную политику на основе закона стоимости, а не распределять государственные квартиры практически бесплатно, как это делается сейчас. Конечно, это возможно лишь одновременно с изменением ныне действующей системы оплаты труда и пенсионного обеспечения. Следует также рассчитывать на повышение жизненного уровня в других регионах страны.

Таким образом, при постановке любых социально-экономических, культурно-образовательных и других задач необходимо исходить из реальной национально-этнической структуры республики, а также из национальной структуры отдельных городов и районов, имея в виду, что многие общие для всего Советского Союза социальные противоречия, вызванные чрезмерной миграцией и неравномерным социально-экономическим развитием, в таких условиях приобретают дополнительно окраску национальных противоречий, а поэтому необходимы и существенные изменения в сложившихся в прошлом образе мышления, в определенных стереотипах мышления.

Типичная ситуация, с которой приходится встречаться, такова, что интересы республики, всего ее населения находятся в противоречии с претензиями какого-нибудь союзного ведомства (министерства). Кстати, именно стремление выйти из-под неразумной, нарушающей как экологические, так и национально-этнические условия жизни людей, власти центральных хозяйственных министерств, т. е. советских многонациональных корпораций, сделало к настоящему времени идею республиканского хозрасчета в высшей степени популярной среди населения Эстонии. Эта популярность сопровождается порою такими предложениями и требованиями, которые принципиально нереализуемы (например, эстонская валюта, «национализация» союзных предприятий и т. п.). Однако, сама идея республиканского хозрасчета в новой форме, на новом уровне ставит вопрос о соотношении «местных» (т. е. республиканских, национальных) и общесоюзных (т. е. общенародных) интересов.

В соответствии с укоренившимся стереотипом мышления противодействие, оказываемое на местах союзным ведомствам, квалифицируется преимущественно как проявление местничества, национальной ограниченности и т. п. Союзное ведомство утверждает, что оно выражает общенародные, общегосударственные интересы. Правда, иной раз так и бывает. Однако жизнь неоднократно подтверждала, что именно ведомственные интересы идут вразрез с общегосударственными. В развитии общества весьма обычная ситуация, когда ведомство, созданное первоначально как средство для достижения какой-либо важной цели, постепенно превращается из средства в самоцель. Происходит бюрократическое отчуждение.

Как избежать навязывания отчужденных ведомственных интересов? Их ограничение должна обеспечить перестройка в целом как с помощью новых принципов хозяйствования, так и путем демократизации общественной жизни. Наряду с этим необходимо резко изменить отношение к местным, республиканским, национальным интересам. Следует исходить из того, что не в ведомственных, а именно в местных интересах с большей вероятностью представлены общенародные интересы. Близкое к экологической катастрофе состояние природы Северо-Восточной Эстонии — не исключение. Загрязнение Байкала и Ладоги, ужасное состояние Аральского моря, гибель обширных лесных массивов вокруг

электростанций в Сибири, заболачивание и засоление орошаемых земель на юге страны, как и затопление рукотворными морями сел и плодородных нив России и Украины или погребение в отвалах ценнейшего ископаемого сырья — все это доказывает, что ведомства на деле игнорировали общегосударственные, общенародные интересы.

Итак, к защите республиканских и национальных интересов следует относиться не как к проявлению местничества или даже национализма, а как к индикатору, с большей долей вероятности указывающему на неприемлемость отчужденных ведомственных интересов. Это приложимо не только к экономике, но и к народному образованию, культуре, здравоохранению и пр. Такая установка соответствует также основному демократическому принципу организации общественной жизни, по которому пожелания и чаяния народа должны быть решающим фактором при принятии государственных решений. В этих целях следовало бы значительно увеличить национальное представительство в центральных органах исполнительной власти (министерствах и др.). Разумеется, при этом не нужно стремиться к какому-то заданному процентному соотношению (ведь руководителей следует подбирать по способности, а не по национальности). Представительство национальностей на высших постах в центральных органах исполнительной власти особенно необходимо для того, чтобы вносить коррективы в сложившиеся стереотипы мышления и предотвращать неизбежные в процессе руководства огромным многонациональным государством попытки регламентировать, невзирая на различия, все и вся по единому образцу, одинаково для Казахстана и Латвии, Армении и Украины, Челябинска и Таллина.

Когда речь идет о стереотипах мышления, следует также обращать внимание на то, какое значение при планировании тех или иных народнохозяйственных мероприятий придается их чисто экономическим, социальным, экологическим и национально-этническим результатам. До сих пор однозначно преобладал учет чисто экономической эффективности. Лишь в ходе перестройки начали как следует учитывать социальную и экологическую сторону планируемых народнохозяйственных мероприятий. Надо сделать еще один шаг и понять, что сфера национально-этнических процессов также нуждается во введении таких регулирующих принципов, или принципов запрета, как это делается в области экологии. Ведь исчезновение десятков малых народностей в СССР произошло в основном стихийно в процессе такого хозяйственного развития, при осуществлении которого не учитывались национально-этнические последствия. В дальнейшем регулировании народнохозяйственной деятельности надо этого избегать. Важное место при этом должно принадлежать образу мышления, согласно которому нежелательные национально-этнические последствия имеют такую же запретительную силу как нарушение допустимых норм загрязнения среды.

* * *

В настоящее время в Эстонии оживленно обсуждаются вопросы, связанные с намерением объявить эстонский язык государственным. Идут острые споры, наблюдается даже конфронтация больших групп населения по языковому признаку. Суть дела в том, что два основных национально-этнических контингента — эстонцы и русскоязычные неэстонцы — живут как бы собственной жизнью. Интеграция неэстонцев в систему эстонского языка и эстонской национальной культуры явно недостаточна. Взаимная ассимиляция, «слияние» друг с другом незначительно. Поскольку одним из показателей слияния считаются межнациональные браки, то обратимся к ним.

В 1987 году в Таллине национальная структура браков была такой (данные из интервью заведующего Таллинским отделом загса П. Кюттиса газете «Ноорте хяэль» 28 февраля 1988 года): чисто эстонских браков — 1725, чисто русских — 1510, эстонско-русских — 277, русско-украинских — 404, русско-белорусских — 159, эстонско-финских — 91. Эти данные отчетливо указывают на национально-этнические предпочтения при выборе спутника (спутницы) жизни. Если бы таких предпочтений не было, то число эстонско-русских браков много-

кратно превысило бы число русско-украинских браков. (Среди населения Таллина русских насчитывается примерно 40%, украинцев — 4, белорусов — 2,5, финнов — 1%, а эстонцы составляют немногим менее 50%).

Кстати, эти данные свидетельствуют и о том, что «усредненный» процент межнациональных браков (в данном случае, 22% из всего числа браков) может создать превратное представление о слиянии национальностей. На деле у нас наблюдается не слияние национальностей вообще, а слияние украинцев, белорусов, представителей многих других национальностей с русскими. Эстонцы же объединяются главным образом с финнами.

Языковая ситуация в республике, с точки зрения коренного населения, неудовлетворительна. Она неудовлетворительна в том смысле, что инонациональное население мало владеет эстонским языком, а не в смысле функционирования самого эстонского языка, хотя и здесь надо многое еще улучшить. Вот некоторые данные. Десятитомная эстонская Советская Энциклопедия (второе изд.) издается тиражом 220 000 экз. (Тираж ее 1-го издания был 65 000). В 1986 г. на национальных языках республик было издано книг (названий — данные из сб. «Печать в СССР в 1986 году». М., 1987. С. 14): на русском — 64 001; на литовском — 2039; на украинском — 1828; на грузинском — 1764; на эстонском — 1422; на латышском — 1048; на узбекском — 955; на азербайджанском — 869; на армянском — 803; на казахском — 676; на молдавском — 545; на таджикском и на киргизском — 394; на белорусском — 383; на туркменском — 325.

Эти материалы дают пищу для многих выводов. Вот наиболее значительные. Во-первых, огромен массив литературы на русском языке, который служит не только языком межнационального общения, но и мощным средством информации вообще. Во-вторых, различия в издании литературы на национальных языках очень велики. Они требуют серьезного анализа. Ведь эти различия проявляются еще более рельефно, если приведенные данные сопоставить с численностью соответствующей нации. (Для сопоставления взяты данные переписи 1979 г.; ныне пришлось бы для республик Средней Азии считаться с гораздо большей численностью населения, что лишь усилило бы различия). В 1986 г. на 1000 чел. данной национальности было выпущено книг и брошюр (названий): на эстонском — 1,39; на латышском — 0,76; на литовском — 0,72; на грузинском — 0,49; на русском — 0,47 (здесь учтены только русские по национальности, на деле русскоязычной литературой пользуется больше людей); на киргизском — 0,21; на армянском — 0,19; на молдавском — 0,18; на азербайджанском и туркменском — 0,16; на таджикском — 0,14; на казахском — 0,10; на узбекском — 0,08; на украинском и белорусском — 0,04. Несмотря на относительность такого сопоставления (информацию нельзя делить на «душу населения» аналогично количеству предметов потребления), различия весьма существенны.

У нас нет точных данных о действительном владении эстонским и русским языками. Данные переписи населения 1979 г. недостоверны, ибо тогда задавался вопрос, владеет ли человек языком «свободно», и знание языка указывалось согласно самооценке. Можно надеяться, что очередная Всесоюзная перепись населения 1989 г. даст более качественные сведения о знании языков. Сейчас на основании социологических опросов можно считать, что русским языком как языком общения владеют девять десятых эстонцев (свободно — по меньшей мере четвертая часть); эстонским языком владеет приблизительно одна треть инонационального населения (свободно — десятая часть). Таким образом, эстонцы знают русский язык значительно лучше, чем неэстонцы — эстонский. В то же время большинство неэстонцев получили образование в школах Эстонии, где эстонский является учебным предметом.

В возникновении такого положения во многом виновата система народного образования. Русскоязычная средняя школа в Эстонии была до сих пор десятилетней, работавшей по программам РСФСР (Срок обучения в эстонских шко-

лах — 11 лет). Правда, в программы русских школ введены эстонский язык и некоторые сведения об Эстонии, но дополнительный учебный год для их изучения не предусмотрен. Если к этому добавить отсутствие квалифицированных педагогов (подготовка учителей эстонского языка для русскоязычных школ начата только недавно), то понятно, почему многие выпускники этих школ не владеют эстонским языком даже на элементарном уровне и не знают ни истории, ни географии Эстонии, хотя официально на изучение этих предметов выделено определенное число учебных часов. За время всего обучения в средней школе на эстонский язык отводится около 600 уроков (в эстонских школах на русский язык — 1200 уроков), на историю и географию Эстонии — соответственно 6 и 8 процентов всего учебного времени, предусмотренного на эти предметы. Эстонская литература в учебный план не входит, ее можно изучать лишь факультативно в IX и X классах. Однако фактическое преподавание этих предметов, как и эстонского языка, нельзя считать удовлетворительным.

В начале этого года ЦК КП Эстонии, учитывая создавшееся положение, наметил ряд мер, призванных значительно улучшить знание эстонского языка неэстонцами и русского — эстонцами. Большинство откликов на эти меры — положительные. Люди понимают, что необходимо одновременное владение эстонским и русским языками. Однако имелись и возражения, суть которых вкратце сводится к следующему.

Со стороны эстонцев: мы живем в Эстонии, и нам достаточно знать эстонский язык, русский язык нам не нужен.

Со стороны русских и других инонациональных жителей: мы живем в Советском Союзе, и нам достаточно знать русский язык. Эстонский язык нам не нужен, так как в будущем мы, возможно, станем жить в другой республике.

Следует признать, что, соблюдая принципы языковой демократии, нельзя обязывать граждан изучать тот или иной язык. Цель намеченных мер отнюдь не в том, чтобы насильно заставить овладеть эстонским языком представителей других национальностей, а всех не знающих русского языка эстонцев — изучать его.

На деле эти меры касаются двух обширных сфер деятельности: народного образования и ряда профессий и должностей.

Во-первых, народное образование. Изучение второго языка в качестве языка общения включено у нас в школьные программы, как и изучение третьего — иностранного — языка, математики, истории, химии и др. Нужно лишь хорошо преподавать эстонский или русский язык, нужно, чтобы и тот, и другой были нормальными учебными предметами, как та же математика или история. Сейчас это не всегда так. До сих пор наблюдается тенденция объяснять упущения в обучении эстонскому языку неэстонцев (и русскому языку эстонцев) отсутствием у учащихся или даже у их родителей «необходимой мотивации». Конечно, мотивация — важный фактор в изучении языка. Однако таким образом можно все недостатки школы списать на отсутствие мотивации у учеников и их родителей. Кроме того, главная мотивация заключается в самом образовании, получении свидетельства об образовании, выдаваемого лишь после усвоения всего предусмотренного учебной программой. Поэтому, на мой взгляд, изучение эстонского и русского языков в школах не может быть «добровольным», как не может быть добровольным и изучение математики.

Во-вторых, существует немало должностей, характер которых предполагает владение двумя языками. При замещении этих должностей надо требовать знания обоих языков, стимулировать это знание и формировать для него соответствующую мотивацию. Таких должностей много в государственном и партийном аппарате, торговле, бытовом обслуживании, здравоохранении, народном образовании, правоохранительных органах и др. Знание двух языков общения необходимо всем, кто управляет людьми, либо обслуживает их. В будущем (сразу это невозможно, но и особенно откладывать не следует) нужно начать требовать от таких работников знания двух языков как обязательных для профес-

сиональной квалификации. Речь идет именно о профессиональной квалификации, и это требование совершенно не противоречит языковой демократии.

В вопросах языка, как и в других связанных с национальными отношениями, мы теперь начали распутывать узлы, которые образовывались десятилетиями. В этих вопросах необходимо действовать особо осмотрительно. Нельзя обвинять людей в том, в чем сами они не виноваты. Кроме того, требования в отношении знания языков вряд ли могут быть одинаковыми для Таллина (соотношение эстонцев и неэстонцев 1 : 1) и для Нарвы (соотношение эстонцев и неэстонцев 1 : 20). Всякие неосмотрительные действия в этой области могут лишь усилить наметившийся раскол населения республики по национальному признаку, выражающийся в противопоставлении Народному фронту Интернационального движения.

Речь отнюдь не идет о принижении значения русского языка. Поскольку в течение длительного времени обращалось внимание лишь на овладение эстонцами русским языком, то сегодня на первом плане стоит другая задача — добиться, чтобы неэстонцы лучше владели эстонским языком. Обстановка благоприятствует этому, по данным проведенного весной опроса общественного мнения, 71—72% неэстонцев намерены жить в Эстонии постоянно, а 90% инонациональных жителей считают, что эстонским языком должны владеть все живущие в Эстонской ССР. Теперь основные трудности лежат в плоскости реального обеспечения возможностей изучения эстонского языка.

Следует, однако, отметить, что владеть русским языком считает необходимым лишь 75% опрошенных эстонцев. Этот факт требует глубокого осмысления; видимо, дело здесь не только в ответной реакции на попытку провести в жизнь лозунг «второго родного языка», но и в том «вкладе», который вносят отдельные эстонскоязычные средства массовой информации, впадшие из одной крайности в другую и перешедшие от недооценки эстонского языка к полной его абсолютизации. Ведь защита эстонского языка, включая превращение его в государственный на территории Эстонии, отнюдь не означает принижения значения русского языка как средства межнационального общения. Знание этих двух, а также трех и более языков — это прежде всего вопрос культуры, образованности. Кичиться неумением разговаривать на другом языке — то же, что хвастаться малограмотностью. Было бы очень грустно, если бы забота эстонцев о будущем своей нации, своего языка, своей культуры выразилась бы в попытках утвердить свое национальное превосходство, придать национальному самосознанию, национальной гордости эстонцев откровенно шовинистические черты. Такая опасность существует, и ее нужно предотвратить. Реальное расширение сферы применения эстонского языка зависит в значительной мере от уровня культуры общения самих эстонцев с инонациональными жителями республики.

В Эстонии, помимо эстонцев и русских, живут представители многих других национальностей. В прошлом вопрос о возможностях культурной деятельности в области своих национальных культур у украинцев, белорусов, финнов, евреев и др., а также у русских в тех местах, где они не составляют компактного национального большинства, по-настоящему не ставился. Сейчас в Эстонии предприняты первые шаги в этом направлении. В этих целях представители различных национальностей организуют общества и землячества. В этих целях нынешней осенью в Таллине был также создан форум народов. По-видимому, такая деятельность нуждается и в правовом регулировании, в разработке принципов своеобразной «культурной автономии».

* * *

Основные характеристики национальных процессов в Эстонии можно представить следующим образом:

1. Эстонская нация не ассимилируется, эстонский язык и культура развиваются на собственной, национальной основе. Однако доля эстонцев в населении

республики сократились с 92% в 30-х гг. до 61% в настоящее время, и этот процесс продолжается; в связи с сокращением доли эстонцев в населении и возникновении районов с преобладанием инонациональных жителей сузилась сфера применения эстонского языка.

2. Главным фактором, вызвавшим изменение национального состава населения Эстонии, явилась чрезмерная миграция, обусловленная экстенсивным развитием экономики, а также тем, что при планировании социально-экономического развития Советской Эстонии не учитывались его национально-этнические последствия.

3. Инонациональному населению принадлежит важное место в народном хозяйстве и в других сферах деятельности, однако большая часть инонациональных жителей недостаточно интегрирована с социально-политической жизнью Эстонии и эстонской культурой, притом лишь одна треть их владеет эстонским языком.

4. Негативные явления в области национальных процессов (уменьшение удельного веса эстонцев в населении республики, сужение сферы использования эстонского языка, безразличие части инонациональных жителей к эстонской культуре) породили у части эстонцев опасения за будущее своей нации и чувство национальной ущемленности, что стремятся использовать в своих интересах противостоящие социализму националистические силы как у нас в стране, так и за границей.

Регулирование национальных отношений не ограничивается лишь непосредственно воспитательной, разъяснительной работой. Эта работа крайне необходима, но сам по себе ее результат — национальное самосознание и его интернационалистская либо, напротив, националистически-шовинистическая направленность — формируется не только воспитанием, но и под воздействием разнообразных глубинных процессов — экономических, демографических, культурных, образовательных и т. д. Поэтому управление национальными процессами и межнациональными отношениями на деле осуществляется как бы в трех плоскостях.

Первая. Управление глубинными социально-экономическими процессами. Планируя хозяйственные, культурные, социальные и прочие мероприятия, необходимо учитывать их национально-этнические последствия. Эстонцы не должны стать национальным меньшинством на своей земле. Миграцию следует ограничить. Условием такого ограничения служит интенсивное развитие всех отраслей производства, повышение производительности труда на основе его механизации, автоматизации и лучшей организации, увеличение доли эстонцев в промышленности, строительстве, морском торговом флоте и др. Разрабатывая планы развития нашей республики, нужно избегать всего увеличивающего приток рабочей силы извне.

Подобные меры не означают закрытия границ республики или отказа от притока высококвалифицированных работников. Речь идет о ликвидации такого положения, когда экстенсивное развитие экономики вызывает массовую иммиграцию в республику рабочей силы низкой квалификации. Наряду с ограничением миграции необходимо способствовать увеличению естественного прироста эстонцев, стимулируя рождаемость культурно-просветительными и воспитательными мерами.

Вторая плоскость связана с рассчитанной на длительное время работой в сфере народного образования и культуры. Нынешняя объективная ситуация наряду с регулированием глубинных социально-экономических процессов нуждается также в мерах, направленных на улучшение взаимосвязи между двумя основными национально-этническими контингентами и прежде всего на интеграцию проживающего в Эстонии инонационального населения с многообразной жизнью Эстонии, системой эстонского языка и культуры. Такая интеграция, «вживание» — долговременный процесс, но до сих пор для управления им делалось недопустимо мало. Нужно добиваться знания эстонского языка как язы-

ка общения (на принципах, о которых говорилось выше), большей вживаемости инонациональных жителей в эстонскую культуру и атмосферу жизни республики, активной деятельности самого инонационального населения на ниве своих национальных культур и соответствующих землячеств и т. п. Все это должно способствовать укоренению инонационального населения, для которого Советская Эстония является «малой родиной». Вместе с тем необходимо последовательно добиваться хорошего знания эстонцами русского языка как языка межнационального общения, а также знания истории и культуры русского и других народов СССР, глубокого развития чувства советского патриотизма, любви к общей Родине всех советских народов.

Т р е т ь я плоскость, тесно связанная с предыдущей, но относительно самостоятельная, — это непосредственное интернационалистское воспитание и пропаганда, воспитание людей в духе дружбы народов и советского патриотизма. И на этом участке предстоит коренным образом улучшить дела.

Главный недостаток этой работы в прошлом заключался в ее формальном, лозунговом характере, когда игнорировались реальные противоречия. Кроме того, в условиях разворачивания гласности в Эстонии, как и в других прибалтийских республиках, остро встала задача правильной оценки многих событий прошлого, которые нашей официальной исторической наукой освещались необъективно (например, отношения между СССР и Эстонией в 1939—1940 гг., незаконные репрессии периода сталинизма, в том числе массовые депортации людей в июне 1941 г. и в марте 1949 г. и др.).

Теперь печать и устная пропаганда в Эстонии стали уделять внимание «болевым точкам» в межнациональных отношениях, а также переоценке многих событий прошлого. Чтобы исправить положение, нужно, естественно, вскрыть недостатки. Однако нельзя впадать из одной крайности в другую и вместо игнорирования недостатков (как это было в прошлом) заняться только разоблачением, пренебрегая подлинными достижениями национальной политики Коммунистической партии (как это, к сожалению, делается теперь в некоторых публикациях по национальному вопросу и по истории Эстонии).

Итак, в Эстонии, как и повсюду в стране, идет перестройка. Она самым непосредственным образом касается и межнациональных отношений. Сейчас, когда национальный вопрос живо обсуждается в печати, на собраниях, в личных разговорах, особенно необходимы уравновешенность и спокойствие. Анализируя национальный вопрос, надо избегать односторонности, всплесков национальных страстей, подогревания эмоций. Нужно всемерно оберегать дружбу народов. Только на этой основе возможно конструктивно, в интересах всех жителей Эстонии, регулировать и улучшать национальные отношения, поднять на новую, более высокую ступень общежитие и сотрудничество людей разных национальностей.

С. Т. Калтахчян (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). В сложившейся общественно-политической ситуации особая ответственность лежит на ученых, призванных противопоставить эмоциям и спекуляциям трезвый анализ с позиций марксизма-ленинизма. Доклад Я. К. Ребана являет собой пример такого анализа, хотя некоторые его положения требуют, на мой взгляд, некоторых уточнений и комментариев.

Создание «Народного фронта» в Эстонии — это выражение процесса перестройки. Но нельзя не видеть того, что «Народный фронт» представляет собой преимущественно однопартийное движение эстонцев, что ведет к расколу населения республики.

В программе «Народного фронта» есть справедливые требования относительно создания условий для развития национальной культуры, эстонского языка и т. д. С этим нельзя не согласиться, но вместе с тем там имеются требования, которые противостоят некоторым принципам социализма. Прежде всего это касается положения о передаче государственных предприятий не только кооперативам, но и частным лицам, и о конституционных гарантиях частной собственности на средства производства. Прецедент, который существует в Польше и в других социалистических странах, не может служить для нас образцом. Во-первых, наличие частной собственности до сих пор не спасало эти страны от серьезных социально-экономических проблем, а во-вторых, СССР, объективно говоря, находится на иной ступени развития социализма, и для него реставрация частной собственности была бы существенным шагом назад.

О государственном республиканском языке, гражданстве, валюте и т. п. вопросах. Не такие уж это безобидные для единства Союза вещи, как нас призывают думать. Кроме того, надо быть реалистом. Даже когда человек вступает в брак, он знает, что должен ограничить свой «суверенитет», считаясь с партнером по браку, с семьей. Национальный суверенитет не означает полной, неограниченной самостоятельности. Он не должен противоречить суверенитету союзного государства.

Ю. Д. Дешериев (Институт языкознания АН СССР). Очень тревожно, что в Эстонии фактически происходит противопоставление эстонцев неэстонцам. А этого можно было бы избежать, не раздувая чрезмерно некоторые вопросы, не придавая им политического значения. Например, вопрос о государственном языке. Следовало бы вместо этого спокойно заниматься разработкой практических мер по развитию эстонского языка.

Задачу поголовного обучения иноэтнического населения языку основной национальности республики тоже надо ставить осторожно, с учетом конкретных условий. В СССР есть такие национально-государственные образования, в которых численность основных национальностей в десятки раз меньше численности иноэтничного населения. Нельзя же в таких случаях проводить политику поголовной языковой коренизации! Думаю, и в Эстонии выдвигать требования, чтобы абсолютно все неэстонцы знали эстонский язык, — неправомерно.

Сомнителен тезис о национально-культурной автономии. Мало того, что он противоречит нашей идеологии, нашим принципиальным установкам в национальном строительстве. Осуществление идеи национально-культурной автономии будет означать дальнейшее разобщение эстонцев и неэстонцев.

В. Д. Белкин (Комиссия по изучению производительных сил и природных ресурсов АН СССР). Гармоничное, взаимоувязанное решение общесоюзных и республиканских социально-экономических и национально-политических проблем возможно лишь на путях регионального хозрасчета. Причем это дело весьма реальное. Но реальное при обеспечении ряда принципиальных условий.

Экономика союзных республик должна строиться на полноценном бюджете, имея в виду нормальное соотношение его расходной и доходной частей и необходимое товарное обеспечение расходов. А для этого надо ликвидировать монополию центральных ведомств на материальные фонды. Далее — не Союз должен субсидировать республики, а республики должны делать оговоренные отчисления в союзный бюджет. Кроме того, рубль наконец-то должен стать действительно всеобщим эквивалентом стоимости, полноценной конвертируемой валютой для начала хотя бы на внутреннем рынке.

Вопрос о внутрисоюзной конвертируемой валюте не имеет ничего общего с идеей республиканской валюты. Такая валюта, даже в случае со столь экономически развитой республикой, как Эстония, не имела бы шансов на успех. Конвертируемой на внешнем рынке она не сможет стать. Дело в том, что эстонские товары пока что неконкурентоспособны на мировом рынке: например,

издержки на производство сельскохозяйственной продукции в Эстонии вдвое выше, чем в Западной Европе. Иными словами, переход на национальную валюту отгородит республику от союзной экономики, но не даст экономического эффекта.

Я думаю, что очень многие вопросы межнациональных отношений снимут республиканский хозрасчет + рынок: рынок сплавливает, интегрирует, а административные структуры разобщают. Сопоставим: страны ЕЭС все больше отказываются от экономического суверенитета, даже вводят общую валюту, а в Прибалтике хотят сделать наоборот. Национальные проблемы лучше решать экономическими методами, чем административными: это эффективней и безболезненней.

Наконец, важно понимать, что хозрасчет будет действенен лишь в том случае, если он будет распространяться не только на данную республику, но и на прочие территории СССР. Только тогда междереспубликанский обмен будет эквивалентным. Заодно исчезли бы диспропорции в социальном развитии, материальном обеспечении этих территорий, в миграциях, снизилась бы вероятность межнациональных конфликтов.

В о п р о с: Республиканский хозрасчет — это хозрасчет, сопряженный с политическими границами. Если пока отрешиться от политики и рассмотреть чисто экономическую сторону дела, считаете ли Вы, что республиканский хозрасчет — это оптимальный вариант регионального хозрасчета или есть более целесообразные альтернативы?

В. Д. Б е л и н: В том то и дело, что в этом вопросе нельзя абстрагироваться от политических моментов, поскольку надо считаться со сложившимися национально-государственными структурами, с республиканским суверенитетом. Хотя, разумеется, с «чисто экономической» точки зрения хозрасчетными отношениями следовало бы объединить гораздо более обширный регион (включая Прибалтийские республики, Белоруссию, Ленинградскую и Калининградскую области), в пределах которого действуют традиционные экономические связи.

Я. С. Б р о л и ш (Рижский политехнический институт). В решении национальных проблем надо начинать с экономики. Однако думать, что республиканский хозрасчет в существующих условиях возможен — иллюзия. Чтобы он стал реальностью надо, во-первых, отрегулировать экономические отношения в рамках всей страны, а во-вторых, лишить центральные ведомства возможности заниматься самоуправством. Находящиеся на территории той или иной союзной республики предприятия должны быть подчинены республиканским органам власти.

Надо заниматься не выработкой красивых и утопичных проектов, а решением конкретных проблем с учетом действительного положения вещей. А положение — весьма сложное. «Народные фронты» в Эстонии или Латвии — это преимущественно национальные фронты, а есть еще «интернациональные движения» и множество других объединений. Нет только одного — действительно народного фронта, который объединял бы всех сторонников перестройки, независимо от их национальной принадлежности. И заметим: в проходящих сейчас бурных дискуссиях как-то забыли говорить о Советской Латвии, о Советской Эстонии — все больше просто о Латвии или Эстонии.

В таких условиях именно ученые обязаны объективно анализировать ситуацию, давать отпор и экстремизму, и консерватизму, предлагать конструктивные пути выхода из кризиса. Этого пока нет. Нет даже взаимопонимания, сотрудничества ученых. Надо признать, что наука еще очень мало сделала для урегулирования национальных отношений. В прессе, на телевидении выступают преимущественно неспециалисты. Явно видна тенденция отрицать все, чего мы добились в прошлом, поставить под сомнение интернационализм. Дискуссии чаще всего превращаются в избиение или осмеяние оппонентов. Где же голос ученых? И по каким принципам нам дальше жить, чему, по какой программе учить студентов? По программе научного коммунизма или по программе демократического социализма, выдвинутой «Народным фронтом»? Совершенно необходимо самим ученым разобраться в этих вопросах, а не уstraняться от них.

В. И. К о з л о в (Институт этнографии АН СССР). Коллега из Латвии назвал «утопией» выдвинутую эстонским Народным фронтом идею республиканского хозрасчета. Когда такое говорят русские, то их нередко обвиняют в великодержавном шовинизме. Я — русский ученый, но для меня важнее сейчас быть именно ученым и отстаивать истину. Экономика нашей страны давно представляет собой единый народнохозяйственный механизм; в экономической системе имеется много недостатков, но устранить их можно лишь переделав всю систему. Попытки навести экономический порядок только в одной или нескольких отдельных республиках, завести в них свои деньги или сертификаты, отгородиться таможенными запретами и республиканским гражданством обречены на неудачу; другое дело, если эти республики решатся на политическое отделение от страны.

Я. К. Ребане в своем докладе обошел вниманием экономику и остановился на языково-культурных и демографических проблемах, хотя в основе и этих проблем лежит экономика. С выводами докладчика я не согласен. Он жаловался нам, что русские школьники в Эстонии учатся по программе и учебникам из РСФСР и от этого, а также из-за нехватки учителей эстонского языка плохо знают эстонскую историю и язык. Так пусть органы образования Эстонской ССР изготовят для русских школ свои учебники, пусть подготовят для них эстонских учителей. А тенденция решить эту проблему путем утверждения эстонского языка в качестве «государственного», т. е. путем силового давления на русских — это недемократично. Понятно, что эстонцы обеспокоены слабым ростом их численности и уменьшением их доли в республике. Но русские поселились там не для отдыха, а для работы в тех отраслях, где эстонцы не могли или не хотели работать, например на добыче горючих сланцев. Было бы понятно, если бы докладчик предложил национальную программу повышения рождаемости у эстонцев, но решать проблему путем введения республиканского гражданства и миграционных запретов — это, опять таки, недемократично.

Коллега из Латвии сказал, что национальные чувства в Латвии подогреваются направленными выступлениями. Я недавно был в Таллине, внимательно читал местные газеты и пришел к тому же выводу. Чего стоит, например, опубликованное без всяких комментариев заявление о том, что русские должны взять на себя вину за беды сталинизма. Перекалывать на русских или, скажем, на евреев какую-то «вину» за грехи системы — это значит лить масло в разгорающийся огонь местного национализма. И против этого следует бороться.

С. А. Арутюнов (Институт этнографии АН СССР). Вопрос поставлен прямо: быть или не быть Союзу ССР — федеральному государству, состоящему из 15 равноправных и суверенных национальных государств-республик. Период тоталитарной репрессивной диктатуры, при которой этот вопрос не звучал, у нас позади. Наши проблемы это — выплата того, что период диктатуры и время застоя взяли на долг у общества. Попытка решить эти проблемы вновь тоталитарными методами привела бы наш Союз к катастрофе.

Союз надо сохранить — это всем нам ясно. Для этого его прерогативы и функции надо ограничить. В идеале в ведении федеральной власти должны остаться три функции — оборона, т. е. содержание армии и флота (внутренние войска, погранохрана и т. п. вполне могут быть и в компетенции республик), ведение иностранных дел (с признанием за МИД республик права устанавливать с любыми государствами самостоятельные консульские отношения) и эмиссия денег. Разговоры о республиканской валюте — это, несомненно, бессмыслица.

Здесь говорили о том, что не надо, дескать, подогревать национальные чувства. Да, их действительно не нужно подогревать — всем видно, что они и так уже накалены до предела. И очевидно, что важную, если не главную, роль в доведении их до такого состояния сыграл и продолжает играть вульгарно-прямолинейный, бестактный командно-аппаратный псевдоинтернационализм.

Что касается государственного языка, то исходя из общедемократических принципов, и из необходимости избежать разделения республик на привилегированные и непривилегированные, необходимо последовательно узаконить его во всех союзных и автономных республиках — в Казахстане — казахский, в Удмуртии — удмуртский и т. д. Но наряду с этим без всяких оговорок русский язык должен быть объявлен государственным языком Союза ССР. На практике это означает, что в республиках все официальные акты должны публиковаться, все вывески госучреждений писаться, все бланки снабжаться графами на двух языках — национальном и русском.

Как организовать изучение, двух языков? В городах и селах должно быть достаточно и русских, и национальных школ, причем в национальных, помимо русского языка и литературы, некоторые предметы, например, обществоведение, Конституция СССР, история СССР, должны преподаваться по-русски, а в русских, помимо обязательных местного языка и литературы, в старших классах отдельные предметы должны вестись на местном языке.

И последнее — к вопросу об автаркичности экономики. Для культуролога совершенно очевидно, что ни экологическая обстановка, ни психокультурологические аспекты не могут позволить в обозримом будущем дальнейшее неограниченное потребление ресурсов, безграничное развитие урбанизации, индустриализации. Спиральность развития, диалектика отрицания должна будет привести к антропогеоэкологическому (по В. П. Алексееву) способу хозяйствования, с максимальным сведением обращения вещества к узким локасам. В зачатках эта тенденция уже прослеживается в технологиях с замкнутым циклом, в альтернативном земледелии, в биоэнергетических установках, в тенденциях дезурбанизации, в растущем отказе развитых стран от энерго- и материалоемких производств. Так что определенная автаркичность — это принцип будущего, и тяготение к ней неизбежно будет нарастать не только на уровне республик, но и на уровне административных райо-

И. А. Г р и ш а в (Ин-т этнографии АН СССР). Оценивая разработанные в Эстонии законы, особенности общественно-политического движения в республике без учета сложившейся ситуации, социально-психологического климата — нельзя. Ситуация же такова, что существующие в ЭССР национальные проблемы больше не могут ждать своего разрешения. Главные из них — диктат центра в вопросах социально-экономического развития, отсутствие подлинного самоуправления, недостаточность условий для развития эстонского языка и эстонской культуры. Учитывая все это, надо понимать, что, например, закон ЭССР о языке, другие проекты реформ, направленные на укрепление суверенитета республики, отвечают насущным чаяниям эстонского народа и в своей основе — справедливы. Очень жаль, что значительная часть русского населения республики не желает признавать эти законные требования, а «Интердвижение» явно противопоставляет себя «Народному фронту».

Л. М. Д р о б и ж е в а (Ин-т этнографии АН СССР). Как можно судить по выступлению Я. К. Ребане, по прессе Эстонии, наблюдениям специалистов, общественное движение в этой республике — одно из самых массовых и организованных. Это вполне объяснимо. Осуществленное Отделом этносоциологии под руководством Ю. В. Арутюняна совместное с Институтом истории АН Эстонской ССР исследование, еще в 70-х — начале 80-х годов показало, что развитие демократии осознавалось эстонцами еще до перестройки как важнейшая в нашем обществе задача и было характерно для них в большей мере, чем для народов в других регионах страны (до четверти эстонцев считало, что развитие демократии стоит в ряду первоочередных задач в сравнении с развитием дисциплины, укреплением обороноспособности и т. д.). Было бы несправедливо оценивать широкое общественное движение, в котором, как мы видели, отнюдь не одно течение, как националистическое. Сформулированная на Пленуме творческих союзов концепция содержала требования, нацеленные на углубление перестройки. Импонировало понимание лидерами значения объединения национальностей. Не случайно движение было названо Народный, а не Национальный фронт. Мы должны понимать, что как и в других регионах, здесь могут быть экстремистские проявления. Однако важно поддержать те силы, которые развертывают движение на социалистической платформе в русле демократических форм без забастовок и каких-бы то ни было элементов насилия.

Если говорить об альтернативных Народному фронту движениях, то перспективным может оказаться движение трудовых коллективов, объединенное Советом трудовых коллективов. Необходимо было бы поддерживать диалог между ними, тенденцию компромисса и консолидации всех сил в поддержку перестройки.

В связи с национальными требованиями общественных движений встает ряд теоретических вопросов. Одним из них является вопрос о содержании и предмете национальных интересов. То, что они неодинаковы у экстерриториальных и дисперсных этнических групп, с одной стороны, и наций союзных и автономных республик, с другой стороны, становится все более очевидным. Разработку этой проблемы надо ускорить к Пленуму ЦК по национальным отношениям.

Э. Э. Я н в а р к (Ин-т истории СССР АН СССР). Проблемы хозяйственной жизни Советской Эстонии выступают как первопричина недавнего обострения межнациональных отношений.

Когда М. С. Горбачев в феврале 1987 г. посетил Советскую Эстонию, он отметил дисбаланс ее торгового оборота. По данным, которые он привел, Эстония вывозит в другие республики продукцию примерно на 2,5 млрд. руб., а ввозит на 3 млрд. руб.

Эти цифры были восприняты с недоумением. Известно, что занятость населения ЭССР в общественном производстве выше среднесоюзного уровня; следовательно и произведенный национальный доход относительно больше. И вдруг — Эстония выступает в роли иждивенки. Позднее экономисты установили, что декретные цены, различные методики исчисления товарооборота не позволяют в настоящее время вообще определить объемы ввоза и вывоза в сопоставимых данных по республикам.

Далее выяснилось, что цены на многие виды продукции республики за ее пределами установлены в ущерб ЭССР. Это касается электроэнергии, которая продается Латвии и Псковской области значительно дешевле, чем предприятиям Эстонии, а также мясо-молочной продукции.

В настоящее время 90% промышленных предприятий республики находятся в общесоюзном подчинении. До сих пор ведомства планировали увеличение объемов производства на экстенсивной основе. В условиях Эстонии, где давно исчерпаны местные трудовые ресурсы, это означало постоянное привлечение рабочих из других районов СССР. В то же время ассигнования предприятий союзного подчинения на охрану природы и развитие социальной сферы не компенсировали соответствующих потерь. К середине 1980-х гг. в Таллине с полумиллионным населением построено

заводских объединений на 33 т. мест. Нарушается очередность предоставления жилья старожилам в пользу вновь прибывшего контингента людей. Возрастание бытовых неурядиц и несправедливость их разрешения вызывают нарекания коренного населения.

Развиваемые производства нередко работают полностью на привозном сырье, а львиную долю, если не всю их продукцию реализуют далеко за пределами республики (например, производство газоаппаратуры на Таллинском машиностроительном заводе им. Лауристина). Такая практика порочна для всей экономики страны.

Планы организации новых крупных производств до сих пор утверждались в центре без учета тех изменений, которые сопутствуют реализации проектов. Не принималась во внимание стоимость земли, изъятой у сельского хозяйства, ухудшение экологической обстановки, изменение демографической ситуации, социальной и культурной среды. Как правило, об этих планах заблаговременно не информировалось население, чьи интересы задеваются. Поэтому в нашей стране осуществлено немало проектов (например, Минводхоза, Минэнерго), общий итог которых оказался отрицательным и более того, разорительным для народного хозяйства в целом.

Именно таким грозит стать и крупномасштабный проект по добыче фосфоритов в Северо-Восточной Эстонии. Реализация этого проекта уничтожит древний и богатый земледельческий район, лишит его и другие районы питьевой воды, усугубит уже существующий экологический кризис на северо-востоке Эстонии. Проект Минэнерго по строительству новой мощной электростанции на горючих сланцах приведет к аналогичным последствиям.

В нынешних условиях гласности стало возможно широкое обсуждение указанных проектов с привлечением экспертов. Однако власть ведомств до сих пор огромна. Прикрываясь словами об общенародных интересах они следуют фактически своим узковедомственным интересам.

Поскольку начатая в СССР революционная перестройка всех сфер жизни советского общества включает и решительное преобразование экономических отношений, в Эстонии родилась идея республиканского хозрасчета. Эта идея нашла поддержку на XIX Всесоюзной партконференции.

Концепция республиканского хозрасчета ЭССР включает ликвидацию затратного механизма хозяйствования и установление эквивалентного товарообмена между союзными республиками. Она предполагает создание простора для экономической инициативы на местах. По концепции республиканского хозрасчета укрепление народного хозяйства республики является основой укрепления народного хозяйства СССР.

Хотя многие идеи, выдвинутые в рамках концепций республиканского хозрасчета непривычны, стоит ли их отвергать?

Советскую Эстонию следовало бы рассматривать как лабораторию новых экономических отношений в огромном народнохозяйственном комплексе страны. Лишь инициатива снизу — а на этом и зиждется концепция республиканского хозрасчета — может привести к отмене монополной власти ведомств — основного тормоза перестройки в экономике.

Ясно и то, что ощутимые успехи по созданию материальных благ — а на это нацелена программа республиканского хозрасчета — будет содействовать смягчению напряженности в межнациональных отношениях.

Ю. В. Бромлей (Ин-т этнографии АН СССР), охарактеризовав достоинства доклада, прежде всего его положения, касающиеся культурно-языковых проблем, вместе с тем подчеркнул, что удовлетворение потребностей в этой сфере одних народов не должно ущемлять аналогичные права других народов, прежде всего живущих в той же республике. В связи с вопросом о миграциях в Эстонской ССР в послевоенные годы многими специалистами было отмечено, что усиленные инвестиции и обширное строительство в Прибалтийском регионе было в значительной мере обусловлено сохранением здесь сравнительно развитой инфраструктуры; строительство же вызвало приток мало-квалифицированной рабочей силы, но это, разумеется, не было вызвано преднамеренным стремлением изменить этническую структуру республик (подобно тому как решение общесоюзных экономических задач привело к значительному понижению удельного веса коренного населения во многих регионах проживания народов Севера, Якутской АССР, Казахской ССР и т. д.). Отметив значение постановки доклада Я. К. Ребане на заседании Научного совета, Ю. В. Бромлей подчеркнул необходимость регулярного обсуждения на таких заседаниях сообщений о современных национальных процессах в отдельных республиках. Вместе с тем было обращено внимание на принципиальную значимость рассмотрения национальных явлений не только с позиций одной республики (или даже одной национальности), а также и в общесоюзном масштабе. Более того, нельзя абстрагироваться от общемировых тенденций современных этнонациональных процессов, в частности характерного для этих процессов в большинстве развитых стран превалирования интегрирующей тенденции.

С. В. Чешко (Ин-т этнографии, ученый секретарь Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов). Рассматривая сложные проблемы национальных отношений, важно соблюсти взвешенность в оценке нашей истории и действительности. Если мы что-то критикуем, то критика должна быть тем более корректной, чем более скомпрометирован в глазах общественности ее объект. Перестройка в идеологии вернула нам право на сомнение. Объективность исследования национальных проблем не означает, однако, тотального нигилизма, а плюрализм, свобода выражения мнений не должны пониматься как свобода произвольного обращения с фактами.

Думаю, состоявшееся обсуждение показывает хороший пример аргументированной и корректной дискуссии. Заслуга в этом принадлежит прежде всего Яну Карловичу Ребане, который в своем докладе подверг объективному анализу реальные проблемы. На мой взгляд, не все его выводы можно принять безоговорочно, но единодушие противопоставлено науке. И все же уместно будет уточнить некоторые положения доклада, не самые, наверное, важные для его общего пафоса, но заслуживающие внимания, тем более что они были включены автором в текст доклада уже позже, при его подготовке к публикации.

Докладчик справедливо указал на серьезные недостатки понятий «слияние», «сближение» наций. Они (добавим — и понятие «расцвет наций») обладают столь незначительным теоретическим и эвристическим потенциалом, что в прежние годы оказывалось возможным использовать их в околонульных конъюнктурных целях, для формулирования упрощенных, парадных концепций национального развития в СССР. Однако в официальной науке (не берусь, правда, судить, как обстояло дело, скажем, в прибалтийских республиках) слияние наций ни прямо, ни косвенно не отождествлялось с русификацией, с ассимиляцией вообще, сближение наций — с их слиянием, не выдвигалась идея о «повсеместном и быстротечном» слиянии наций. Более того, она скорее уж старалась избегать подобных тем, отгораживаясь от действительности общими фразами.

Нельзя отнести на счет старой теории наций и ошибочное положение о том, что советский народ — это якобы «национально-этническая» общность. Можно скептически относиться к канонизации формулы «советский народ — новая историческая общность», но критиковать даже официальную доктрину за то, что она будто бы наделяла советский народ этническими свойствами, нет веских оснований: еще раз, впрочем, оговорюсь, что я могу и не знать каких-то апокрифических концепций того периода. Кстати, неосторожная, необоснованная критика в этом вопросе может быть использована теми, кто сегодня так любит рассуждать о великорусском шовинизме и насильственной ассимиляции нерусских народов, ставит под сомнение само существование советского народа.

Впрочем, вопрос не столь прост. Дело в том, что специалисты (прежде всего этнографы) уже сравнительно давно рассматривают этническую структуру человечества как иерархическое явление, выделяя при этом, наряду с этносами основного уровня (нации, народности), также субэтнические (внутринациональные) и метаятнические общности. Под последними понимаются образования, которые, охватывая несколько этносов-народов, имеют некоторые общие черты культуры и общее самосознание. Таковы, например, народ Индии, индонезийский народ. Советский народ стоит в одном ряду с подобными образованиями, т. е. представляет собой метаятническую общность, отличаясь от них своими социальными параметрами. Но это не дает никаких оснований для отождествления советского народа с основными подразделениями этнической иерархии — национальными общностями.

Позволю себе усомниться в утверждении Я. К. Ребане о том, что исчезновение десятков народов страны в послеоктябрьский период произошло главным образом в результате их ассимиляции русской нацией. Во-первых, многие из них исчезли лишь из официальных сводок (вспомним хотя бы сталинское высказывание о «шестидесяти народах СССР»). Во-вторых, наиболее интенсивно ассимиляционные процессы протекали в зонах этнической консолидации и формирования молодых наций, т. е. прежде всего в Средней Азии, на Кавказе, в Сибири, вследствие чего действительно исчезли многие субэтнические и племенные группы, растворившиеся в более крупных этносах.

Я. К. Ребане разделяет достаточно популярную в Прибалтике точку зрения о том, что необходимо специально стимулировать естественный прирост у прибалтийских народов (в данном случае у эстонцев). Правда, докладчик считает, что для этого следует использовать культурно-просветительные, но, как явствует из доклада, не социально-экономические меры. Логика такой постановки вопроса ясна. С одной стороны, она отражает беспокойство по поводу падения доли эстонцев в населении республики, а с другой стороны, имеется в виду неприятие дискриминационных мер по отношению к иноэтническому населению. Бесспорно, проблема регулирования демографических

процессов, национального состава населения в Эстонии, как и в других регионах страны, есть. Но решать ее путем дифференцированной государственной политики (неважно — в рамках СССР или данной республики) по отношению к различным народам — недемократично и неверно. Одна лишь пропаганда этой политики может ухудшить состояние национальных отношений.

С. В. Чешко

От редакции

Наш журнал публикует уже второй отчет о заседании Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов (первый см. в № 1 за 1989 г.). Читателю может показаться, что заседания Совета не приносят видимой пользы, поскольку полемичность (а ее остроту нам удалось передать лишь отчасти) заметно превалирует над аналитичностью, а формулируемые идеи нередко выглядят несколько декларативными. Думается, такое впечатление было бы не совсем верным.

Оценивая текущий этап разработки концепции национального строительства (точнее сказать, положение вещей в конце осени прошлого года: ситуация в этой области науки настолько динамична, что такое уточнение — не лишне), надо отметить, что работа в данном направлении, уже перешедшая на стадию конкретных проектов, по-прежнему сопровождается оживленными, горячими дискуссиями. Причем споры идут вокруг важнейших, базовых принципов концепции, имеющих не только научно-познавательное, но и политическое значение. Иначе не может и быть. Совершенствование национальных отношений в СССР — это задача «техническая» лишь во вторую очередь. Прежде, чем принимать политические решения, улучшать законодательство по национальному вопросу, разрабатывать другие конкретные меры, необходимо заложить методологические, теоретические и идеологические основы программы реформ. Именно эти вопросы и стоят в центре внимания Межведомственного Совета.

М. В. Крюков

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СССР И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВСЕСОЮЗНЫХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

Исследования современных этнических процессов превратились за последние годы в один из наиболее важных и активно разрабатываемых разделов советской этнографической науки. Теоретическое обоснование понятия «этнические процессы» — достижение советских ученых, закономерно связанное с утвердившимся у нас пониманием этнографии как области общественно-научного знания, изучающего этнические общности во всем многообразии их синхронных и диахронных связей. Неслучайно поэтому ряд существенных наблюдений над закономерностями этнических процессов был сделан еще более полувека назад как раз теми исследователями, которые закладывали в то время основы теории этноса. На необходимость рассматривать взаимоотношения между этническими общностями как «процесс» указывал С. М. Широкогоров¹. Независимо от него

к выводу о значимости изменений этнических свойств во времени пришел еще в начале 20-х годов Н. Я. Марр. Он писал, в частности: «Особенно сильно влияли... на существо картины расселения довольно частые перерождения одних народов в другие и попутно новые внутренние осложнения племенного состава, порождения новых гибридных, иногда сугубо гибридных, типов. В связи с этим... имеет существенное значение разработка теории о гибридизации и установление ее типов и эпох»². Для обозначения всей совокупности явлений, связанных с «перерождением одних народов в другие», Н. Я. Марр употребил в одной из своих работ термин «этнографический процесс»³. Хотя первые исследования, специально посвященные этой проблематике, появились у нас вскоре после войны, систематическое изучение этнических процессов развернулось лишь в 60-е годы. Итоги накопления фактических данных и их теоретического обобщения были подведены в коллективной монографии «Современные этнические процессы в СССР», получившей высокую оценку как в нашей стране, так и за рубежом. В исследованиях Ю. В. Бромлея, В. И. Козлова, Т. А. Жданко и других советских ученых методологически обоснован понятийный аппарат теории этнических процессов, постепенно заимствуемый зарубежными этнографами⁴.

Трудно переоценить значение этих исследований для правильного понимания этнической ситуации, существующей ныне в Советском Союзе, а стало быть, и для осмысления путей оптимизации межэтнических отношений народов СССР. Актуальность этой проблематики остро напомнила о себе в последнее время. Еще несколько лет тому назад при определении путей дальнейшего развития советской этнографии отмечалось, что «в более отдаленной, но реально различимой перспективе встает очень сложная проблема прогнозирования, планирования и управления этническим процессом в его целостном выражении»⁵. Сегодня становится все более очевидной дистанция, отделяющая нас от подступов к реализации этой насушно важной программы. Рассматривая с этой точки зрения все сделанное советскими этнографами для изучения современных этнических процессов в СССР, приходится констатировать, что многое в методологии этих исследований действительно нуждается в совершенствовании.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что объектом анализа до сих пор выступают почти исключительно народы, т. е. этнические единицы основного таксономического уровня. Между тем хорошо известно, что этнические общности представляют собой сложные иерархические системы, в которых наряду с собственно этносами в большинстве случаев могут быть выделены единицы более низкого уровня (этнографические группы, или субэтноты), а также группы родственных этносов (для обозначения последних в нашей литературе чаще всего употребляется термин «метаэтническая общность»). Однако этнотрансформационные процессы на уровне субэтноты нами почти совершенно не изучаются, и поэтому выводы о степени внутриэтнической консолидации большинства народов СССР зачастую недостаточно обоснованы фактическим материалом.

Более того, как показала дискуссия, прошедшая в 1988 г. на страницах ежегодника «Расы и народы», у нас нет единства даже в отношении самих критериев выделения уровней этнической иерархии. Напомню, что до недавнего времени большинство авторов ограничивалось признанием того факта, что «часто бывает очень трудно провести принципиальное разграничение между отдельным народом или группой родственных по происхождению и языку народов, обладающих многими сходными, а часто и общими особенностями культуры и отчетливо осознающих свою этническую близость... С другой стороны, нередко бывает очень трудно провести границу между народами (особенно крупными) и входящими в их состав местными „этнографическими группами“...»⁶.

Видные советские этнодемографы отмечали в свое время, что разграничение уровней этнической таксономии представляет трудность даже в тех случаях, когда в распоряжении исследователя имеются подробные статистические данные о национальном составе населения⁷. Тем не менее высказывалось мнение о том,

что «наиболее надежными критериями выделения народов являются показатели национальности или родного языка, применяемые в переписях некоторых стран мира»⁸. Данный тезис дает мне повод более подробно остановиться на вопросах, связанных, с одной стороны, с прикладными аспектами этнографической разработки теоретических основ методики переписи населения СССР (в части, касающейся его этнического состава), с другой — с использованием этнографами результатов всеобщих переписей как источника для изучения этнических процессов.

Среди этнографов широко распространено представление о том, что переписи населения СССР дают в руки исследователя уникальные материалы, характеризующие тенденции и темпы протекания этнических процессов, поскольку «это самый массовый источник, отражающий одновременно и социально-культурные условия развития этноса, и этнокультурные процессы. В программы переписей наряду с социально-экономическими и демографическими характеристиками включены и этнические показатели. Сопоставимость данных отдельных переписей позволяет не просто фиксировать социально-культурные процессы, но и исследовать их в динамике»⁹.

Известно, что перепись 1920 г. охватила не всю территорию страны, и поэтому ее результаты обычно не учитываются при рассмотрении вопроса о трансформации этнического состава населения СССР. Что касается переписи 1926 г., то согласно ее данным, в СССР проживало тогда 190 народов. Численность 12 из них оказалась незначительной, и поэтому разработка материалов переписи была проведена по 178 народам. Число этносов, основная территория которых находится преимущественно в пределах СССР, составило по этим данным 169¹⁰.

Немногом более 10 лет после этого в СССР была проведена очередная перепись населения¹¹, выявившая лишь 100 с небольшим народов, причем опубликованные данные имели отношение лишь к 62 этническим общностям.

Спустя 20 лет, по данным переписи 1959 г., в СССР проживало 109 народов¹². Затем на протяжении последующих 20 лет, как о том свидетельствовали опубликованные результаты переписей 1970 и 1979 гг., ситуация практически не претерпела изменений¹³.

Используя эти данные для характеристики процессов консолидации, свойственных народам СССР на современном этапе, Ю. В. Бромлей полагал, что различия в числе народов, фигурировавших в переписях 1926 и 1959 гг. (178 и 109), свидетельствуют об объективной тенденции уменьшения мозаичности населения нашей страны. С другой стороны, поскольку перечень народов, выделенных переписью 1979 г., не отличается от соответствующих показателей переписи 1959 г., Ю. В. Бромлей пришел к выводу о том, что в настоящее время «пора наибольшей активности межнациональных и внутринациональных консолидационных процессов уже миновала»¹⁴.

Оба тезиса имеют принципиальное значение для общей оценки направления и степени интенсивности современных этнических процессов в СССР. Однако с ними трудно согласиться. Прежде всего, будучи динамической системой, этнос в то же время обладает значительной устойчивостью, и изменения в структуре этноса даже при наличии благоприятных условий происходят довольно медленно. Чаще всего изменение индивидуумами их этнической принадлежности начинается сказываться во втором поколении и дает ощутимые результаты лишь в третьем. Поэтому трех десятков лет, разделяющих переписи 1926 и 1959 гг., явно недостаточно для исчезновения с этнической карты целых народов. Далее остается неясным, почему в 60—70-х годах степень интенсивности консолидационных процессов существенно снизилась по сравнению с предшествующим временем. По-видимому, и в том, и в другом случае данные переписей населения не самоочевидны как основание для суждения об обусловивших их этнических процессах.

Эти обстоятельства объясняют нам появление в 1967 г. статьи С. И. Брука

и В. И. Козлова, в которой были сделаны существенные оговорки в отношении достоверности обсуждаемых нами материалов. Значительный разрыв в данных об этническом составе населения СССР в 1926 и 1959 гг. может быть вызван, по мнению авторов, воздействием какой-то одной из трех следующих причин или же их совокупностью: 1) действительным изменением этнического состава населения страны; 2) изменением установок, положенных в основу переписей; 3) погрешностями производства переписи на местах¹⁵.

По-видимому, третий фактор, хотя его и следует иметь в виду, вряд ли мог существенно повлиять на общие результаты переписей. Таким образом, вопрос сводится фактически к тому, считать ли приведенные выше изменения следствием фактически имевших место этнических процессов или же объяснять их иными, субъективными причинами, связанными с трансформацией «установок переписи».

Анализируя соотношение этих двух факторов, С. И. Брук и В. И. Козлов допускали, что расхождения в материалах переписей могли зачастую объясняться реальными последствиями внутриэтнической консолидации, межэтнической ассимиляции и сближения народов в пределах крупных историко-этнографических областей. Так, последующими переписями не были зафиксированы такие относительно крупные общности, как мишари (в 1926 г. численность их составила 243 тыс.), мегрелы (243 тыс.), талыши (77 тыс.), аджарцы (71 тыс.), кряшены (54 тыс.), таранчи (53 тыс.), курама (50 тыс.), кипчаки (34 тыс.), тептяри (27 тыс.) и т. д. По поводу мишарей, кряшен и нагайбаков С. И. Брук и В. И. Козлов писали, что основная их часть, вероятно, консолидировалась с татарами. То же относится к мегрелам, сванам и лазам, входящим в состав грузин; кипчакам, тюркам и кураминцам — в состав узбеков; иезидам — в состав курдов и т. п. Однако, подчеркивали тогда С. И. Брук и В. И. Козлов, роль этнических процессов в возникновении расхождений между результатами переписей в ряде случаев все же не была определяющей¹⁶.

Позднее В. И. Козлов снова вернулся к вопросу о причинах «исчезновения» некоторых этнических общностей, зафиксированных переписью 1926 г., и указал на «уточнение этнической номенклатуры, более четкое отграничение собственно народов от различных находящихся в их составе или сливающихся с ними этнических подразделений»¹⁷. Если это действительно так, то наибольшие успехи в изучении проблем этнической иерархии были, вероятно, достигнуты в течение десятилетия между 1926 и 1939 гг.

Но история нашей науки говорит совсем о другом. Начало 30-х годов стало периодом, когда начавшиеся ранее исследования в области теории этноса были прерваны. На этнографическом совещании 1929 г. декларировалось, что основным объектом исследования в этнографии являются не этнические общности, а «социально-экономические формации в их конкретных вариантах»¹⁸. По признанию Д. К. Зеленина, исследования советских этнографов в 30-е годы были «не столько теоретические, сколько практические»¹⁹. Впрочем, даже если бы в тот период и было бы что-то сделано в области критериев отграничения этноса от субэтноса, все равно этнография, низведенная тогда до положения «вспомогательной исторической дисциплины»²⁰, никак не могла повлиять на совершенствование установок переписей.

С. И. Брук в ряде своих работ последних лет неизменно настаивает на том, что сама формулировка вопроса о национальности в переписном листе 1926 г. во многом отличалась от последующих переписей и это отрицательно сказалось на результатах первой всесоюзной переписи населения в данном ее аспекте. Вот что писали по этому поводу С. И. Брук и В. М. Кабузан: «В перепись населения 1926 г. был включен вопрос о народности. В разъяснении к ответу на этот вопрос указывалось: „Перепись имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения... Лица, потерявшие связь с народностью своих предков, могут показывать народность, к которой в настоящее время себя относят“... Такая постановка вопроса не могла не оказать влияния на данные

о численности отдельных народов, что затрудняет сравнение их с данными последующих переписей»²¹. И далее: «В переписи населения СССР 1926 г., в целом проведенной на высоком научном уровне, из-за определенной направленности вопроса о народности..., по нашему мнению, не только преувеличена численность отдельных народов, наиболее активно взаимодействовавших с соседними этносами, но и названы в качестве самостоятельных народов многие этнические образования, фактически представляющие собой этнографические группы»²².

Разъясняя суть первого из этих двух недостатков, С. И. Брук и В. М. Кабузан утверждают, что программа переписи 1926 г. была нацелена фактически на определение этнического происхождения и поэтому недостаточно учитывала протекавшие в то время этнические процессы: «Этнические переходные группы, с течением времени приобретшие более четкое самосознание, при ответе на прямой вопрос о национальности в последующих переписях населения стали причислять себя к другому этносу»²³. Между тем, на мой взгляд, если в разъяснении к ответу на вопрос о народности и содержалась тогда какая-то особая направленность, то в случае с переходными группами населения она ориентировала отвечающего именно на выявление его нового, формирующегося этнического самосознания, так как фиксировала «народность, к которой в настоящее время себя относит», а не «народность своих предков». Во всяком случае у нас нет видимых оснований для утверждения, будто бы инструкция к этой переписи была нацелена на определение этнического происхождения.

Что касается второй особенности установок переписи 1926 г., то по мнению С. И. Брука, вопрос об этнической принадлежности был поставлен в ней так, чтобы определить, как сказано в инструкции, «племенной» этнографический состав населения²⁴. Между тем ни сама формулировка вопроса («К какой народности причисляет себя отвечающий»), ни употребление в инструкции термина «племенной состав населения» не дают повода говорить о какой-то особой, иной по сравнению с последующими переписями, нацеленности вопроса об этнической принадлежности. Не следует думать, что авторы разъяснений к переписному листу 1926 г. вкладывали в слова «племя» и «народность» тот же самый смысл, который закрепился за ними, начиная с 50-х годов, после выхода в свет сочинения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Нужно вспомнить, что В. И. Ленин называл «родственными славянскими племенами» русских, украинцев и белорусов²⁵. В практическом словоупотреблении у некоторых этнографов и этнодемографов термины «племя» и «народность» были синонимами, у других же их соотношение было совершенно иным, чем то, к которому мы привыкли. Так, С. К. Патканов в своих разработках результатов Всероссийской переписи 1897 г. при рассмотрении «географического распространения отдельных народностей и племенных групп» имел в виду «народности или ветви, входящие в состав каждой из этих племенных групп»²⁶. При составлении списка народностей Сибири, опубликованного в 1923 г., этот авторитетный ученый также исходил из представления о «племенных группах, распадающихся в свою очередь на народности»²⁷. Обобщая сведения об этническом составе населения СССР, И. И. Зарубин писал о русских, как о «наиболее многочисленной народности Союза», и в то же время относил к числу народностей также телеутов, карагасов, долган и т. д.²⁸.

Итак, вывод о какой-то особой направленности вопроса об этнической принадлежности в переписи 1926 г. не находит фактического подтверждения. Это возвращает нас к еще одному объяснению столь значительного разрыва в данных об этническом составе населения СССР по результатам первой и всех последующих переписей, сформулированному в свое время С. И. Бруком и В. И. Козловым: начиная с переписи 1939 г. общее число этнических наименований, относящихся к этническому составу населения нашей страны, было искусственно сокращено²⁹, в чем наглядно проявилось стремление обогнать реально развивающиеся процессы этнической консолидации³⁰.

Не будет преувеличением сказать, что в начале 30-х годов в советской этнографии сложилось примерно то же положение, которое позже возобладавало в биологии, где изучение фундаментальных законов генетики, объявленное буржуазной лженаукой, было подменено бесплодными поисками способа в кратчайшие исторические сроки вывести ветвистую пшеницу. Фактическое прекращение каких бы то ни было исследований в области теории этноса открыло дорогу, если так можно выразиться «этнографическому волюнтаризму», проявившемуся, скажем, при определении этнических подразделений основного уровня в Южной Сибири. Так, к началу нашего столетия на Алтае проживали различные тюркоязычные этнические общности — теленгиты (самоназвание чу-кижи), алтайцы (алтай-кижи), телесы (улаан-кижи), тубалары (туба-кижи), челканцы (куу-кижи), шорцы (шор-кижи) и др. Этнографические, лингвистические, антропологические исследования показывают, что перечисленные общности объединялись в две группы — южную и северную, обнаруживающие резкие различия в культуре и быте, языке, физическом типе³¹. Тем не менее они были объявлены алтайцами — единым народом, который в качестве «самоназвания» получил в административно-приказном порядке наименование одного из своих подразделений. Такого рода примеры, к сожалению, не единичны³². Необоснованное стремление искусственно подтолкнуть реально протекающие процессы этнической консолидации, отчетливо ощущавшиеся в нашей общественной жизни вплоть до самого последнего времени, имело своим результатом преуменьшение различий на уровне субэтносов. Отнюдь не случайно, что намеченная первоначально разработка материалов переписи 1959 г. по отдельным этнографическим группам азербайджанцев, грузин, узбеков, даргинцев, аварцев и ряда других народов так и не была осуществлена.

Здесь мы подходим к вопросу о том, что итоги переписи, имеющие отношение к выявлению этнического состава населения страны, зависят не столько от той или иной «направленности» вопроса об этнической принадлежности опрашиваемых, сколько от конкретной процедуры разработки полученных данных. По существующей традиции переписи населения предшествует составление списков народов. По мнению С. И. Брука и В. И. Козлова, «группировка этнических и лингвистических наименований, проводимая в них, не только кладется в основу переписи населения, но в какой-то степени предопределяет ее результаты»³³. Однако эта мысль выражена в данном случае слишком осторожно и недостаточно определено. Нет никакого сомнения в том, что в отличие от других пунктов программы переписи ее окончательные итоги, касающиеся этнического состава населения страны, целиком и полностью зависят от того, какой список народов положен в основу разработки данных переписи. Другими словами, на «выходе» мы можем получить только тот результат, который был нам заранее известен и зафиксирован уже «на входе».

В этой связи обнаруживается резкое противоречие в подходе к фиксации единиц этнического состава населения, с одной стороны, в ходе переписи, с другой — в процессе обобщения полученных данных.

Известно, что этническая принадлежность опрашиваемых при переписи населения устанавливается у нас в соответствии с принципом определения национальности самим респондентом без какого-либо воздействия со стороны. Этот принцип был сформулирован еще в 1872 г. на 8-й сессии Международного статического конгресса³⁴. Правда, во время переписи населения России в 1897 г. он не использовался и соответствующий вопрос о национальности был заменен вопросом о родном языке³⁵. Тем не менее, начиная с 1920 г. в переписной лист неизменно включается прямой вопрос об этнической принадлежности. При проведении переписи 1920 г. опрашиваемый должен был ответить на вопрос «к какой национальности себя относит», причем в инструкции отмечалось: «Под национальностью понимается группа населения, объединенная общностью национального самосознания». При переписи 1926 г. фигурировал вопрос о «народности», а в соответствующей инструкции специально подчеркивалось,

что «определение народности предоставлено самому опрашиваемому и при записи не следует переделывать показаний опрашиваемого». В 1939 г. «народность» была заменена «национальностью»; пояснение в данном случае сводилось к тому, что «в переписных листах необходимо записывать национальность, к которой относит себя сам опрашиваемый». Та же формулировка была сохранена и в инструкции к переписи 1959 г. В период подготовки к переписи 1970 г. С. И. Брук и В. И. Козлов предложили вернуться к некоторым положениям переписи 1926 г. и указать в инструкции: «Определение национальности (народности) предоставлено самому опрашиваемому (для малолетних детей — их родителям); при записи ее не следует переделывать ответов опрашиваемых или влиять на них путем подсказок»³⁶.

Такая постановка вопроса является совершенно правильной; она находится в полном соответствии с современными представлениями советских этнографов о сущности этноса и об этническом самосознании как важнейшем среди этнических признаков, поскольку «взаимодействие этих признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражаются в виде вторичного явления — этнического самосознания, которое в конечном счете оказывается решающим для определения принадлежности отдельных личностей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности»³⁷.

Однако последовательное осуществление принципа самоопределения этнической принадлежности при заполнении опросных бланков полностью сводится на нет процедуры разработки полученных данных, в основу которой кладется заранее составленный список народов. Поэтому, например, сколько бы опрошенных ни назвало себя «сванами», все равно в выходных данных переписи сваны не будут фигурировать в качестве самостоятельной общности, поскольку в исходный список народов они включены как этнографическая группа грузин и т. д. Наглядный пример зияющего разрыва между декларируемыми принципами и возможностями их реализации, столь характерного для многих сторон нашей общественной жизни!

Заметим при этом, что начиная с 1958 г. составляемые перед каждой очередной переписью списки народов СССР оставались практически неизменными. Это ли не главная причина того, что, как полагают, к этому времени пора наибольшей активности межэтнических и внутриэтнических консолидационных процессов уже миновала?

Ознакомление с издающимися у нас списками народов СССР свидетельствуют об одном важном обстоятельстве. Несмотря на то что сложилась устойчивая традиция основываться при определении национальности на этническом самосознании опрашиваемого, представление о самоназвании как непосредственном и наиболее очевидном внешнем выражении этнического самосознания не получило в рассматриваемых нами списках народов СССР сколько-нибудь последовательного отражения. Правда, в них приводятся самоназвания выделенных этнических общностей, но сделано это чисто формально и функции самоназваний там практически не проанализированы.

Так, в справочнике «Народы СССР»³⁸ не сделано каких-либо выводов из того факта, что общее самоназвание у некоторых общностей отсутствует, а отдельные их подразделения имеют свои собственные не совпадающие между собой самоназвания. Примером могут служить осетины (самоназвания — ирон, дигор), энцы (маду и пэбай), коряки (чавчыв и нымылъын) и т. д. С другой стороны, авторы справочника не придают значения тому, что некоторые общности, фигурирующие в списке как разные народы, имеют одно и то же самоназвание (адыге — у адыгейцев, кабардинцев и черкесов; коми-морт — у коми и коми-пермяков; нани — у нанайцев и орочей и т. д.). Часто вместо собственно самоназваний в этом издании приводятся производные от них русские этнонимы — сваны вместо шванар, агулы — вместо агулар и пр.³⁹.

В «Словаре национальностей», изданном на основе указанного справочника,

эти недостатки усугубляются тем, что помимо самоназваний в графе «Другие названия, которые могут встретиться в переписных листах» приводятся также «синонимы», в число которых авторы включили как название данного народа в языках его соседей, так и наименования входящих в его состав субэтнических подразделений, а также устаревшие русские этнонимы и т. д. Например, к алтайцам отнесены алтай-кижи (самоназвание одной из групп алтайцев), ойроты (распространенное в прошлом ошибочное наименование всей сборной группы в целом), черневые татары, кумандинцы, майминцы (русские названия отдельных подразделений алтайцев), тубалары (русский этноним, производный от самоназвания одного из этих подразделений) и пр.⁴⁰ Правильно ориентироваться в подобном недифференцированном и бессистемном перечислении разнородных по своему характеру этнических наименований местным работникам действительно было нелегко.

Достоин сожаления то обстоятельство, что сказанное в значительной мере относится и к «Списку народов СССР», приложенному к статье С. И. Брука и В. И. Козлова⁴¹. В нем также отсутствует принципиальное разграничение самоназваний (эндоэтнонимов) и наименований, данных со стороны (экзоэтнонимов). Между тем экзоэтнонимы в большинстве случаев вообще не имеют отношения к сфере выражения этнического самосознания. К тому же они нередко неадекватно отражают существующие этнические общности. В XVIII в. в России «немец» означало не только немцев, но и голландцев, датчан и т. д.; для обозначения этнической общности, называвшей себя «саха», русские в свое время заимствовали эвенкский экзоэтноним «якуты», в результате чего этот народ оказался противопоставленным «долганам», хотя и они также используют самоназвание «саха» и т. д.

Нельзя признать удачным и предложенный С. И. Бруком и В. И. Козловым способ разграничения народов, имеющих общее самоназвание, посредством указания на их язык. Например, по мнению авторов, люди, называющие себя «адыге» и говорящие на кабардинском языке, являются кабардинцами; «адыге» с родным адыгейским языком — это адыгейцы; этническая общность с тем же самоназванием, но пользующаяся черкесским языком — черкесы⁴² и т. д. Между тем кабардинцы и черкесы говорят практически на одном языке: искусственное противопоставление кабардинского и черкесского языков основано исключительно на различных экзоэтнонимах общности, имеющей общее самоназвание.

Вообще соотношение ответов на вопросы о национальности и о родном языке заслуживает более пристального внимания. С. И. Брук и В. И. Козлов совершенно правы, настаивая на сохранении в опросном бланке вопроса о родном языке, несмотря на сомнения, выражавшиеся по этому поводу некоторыми статистиками.

Хотя язык не играет роли главного этнического определителя, значительный интерес представляют случаи, когда ответы на вопросы о национальности и родном языке не совпадают между собой. В выходных данных переписи 1959 г., например, оказалось, что более 43 тыс. таджиков говорят на рушанском, шугнанском и других языках восточноиранской группы⁴³. Если бы эти данные отражали реальную действительность, пришлось бы признать, что изменения в этническом самосознании могут опережать соответствующие изменения в языке. Однако подобная ситуация невозможна, так как этническое самосознание представляет собой результат действия всех без исключения объективных признаков этноса, в том числе и языка, вследствие чего переход этноса на другой язык обычно предшествует изменению его самосознания. Таким образом, указание на то, что часть таджиков говорит по-шугнански, по-рушански и т. д., может свидетельствовать лишь о неправомерности отнесения их к таджикам.

Сказанного, по-видимому, достаточно, чтобы утверждать: применяемая при всесоюзных переписях разработка ответов на вопрос о национальности, т. е. группировка их в соответствии с априори составленным списком народов

не только в корне противоречит применяемому при заполнении этого пункта переписного листа принципу самоопределения национальности, но и лишает тем самым полученные данные какой-либо научной ценности для изучения этнического состава населения страны. Вполне понятно поэтому выражавшееся накануне переписи 1970 г. желание этнографов получить в свое распоряжение «чистые» материалы, не подвергшиеся предварительной обработке, — данные о численности народов в том виде, как они были даны в переписных листах, т. е. без группировки⁴⁴. К сожалению, это предложение так и осталось неосуществленным. Результаты переписей 1970 и 1979 гг. были опубликованы в обобщенном виде, что в значительной мере обесценило их.

Здесь кажется уместным напомнить ту хорошо известную истину, что на протяжении последних десятилетий советские обществоведы вообще испытывают прогрессирующий дефицит доступного для исследования статистического материала. Достаточно сказать, что данные переписи населения 1926 г. были опубликованы в 56 томах, 1959 г. — в 17 томах, 1970 г. — в семи томах, 1979 г. — в одном томе. В условиях проходящей в стране перестройки уже видны первые признаки нового подхода статистических органов к проблемам публикации такого рода данных. Хочется надеяться, что при издании очередной всесоюзной переписи печальная традиция непрерывного сокращения объема публикуемой информации будет наконец преодолена.

С другой стороны, актуальной практической задачей советских этнографов является обеспечение переписи населения теоретическим обоснованием, соответствующим современному уровню исследований в области теории этноса.

Выше уже говорилось о том, что принципиально важное звено в определении этнического состава населения — решение вопроса о таксономии этнических общностей и выявление единиц основного уровня (народов, или этносов) в отличие от их субэтнических подразделений. Между тем существующий в настоящее время список народов СССР восходит в своей основе к перечню национальностей, составленному в 1958 г. в условиях отсутствия должной методологической базы. Нам необходимо сегодня преодолеть прочно укоренившуюся иллюзию того, будто бы все вопросы, связанные с определением этнического состава населения Советского Союза, уже давно и однозначно разрешены. Признание решающей роли самосознания в общей совокупности специфических свойств этноса и представление об этническом самоназвании как о непосредственном и конкретном выражении этнического самосознания подсказывает целесообразность начинать работу по определению уровней этнической иерархии с «инвентаризации» самоназваний народов, как это уже предлагалось некоторыми исследователями⁴⁵.

Поистине уникальную возможность для этого может дать нам всесоюзная перепись населения. Цель получения информации обо всех реально бытующих в настоящее время этнических самоназваниях будет достигнута, если изменить формулировку вопроса об этнической принадлежности опрашиваемых и изложить его следующим образом: «Х какой национальности себя относите? Укажите название Вашей национальности на своем родном языке».

Такая формулировка вопроса об этнической принадлежности, на мой взгляд, позволила бы устранить погрешности в интерпретации материала, связанные с частичным несовпадением объема содержания этнического самоназвания и русского наименования того или иного народа (примеры тому приводились выше).

В инструкцию к заполнению данной графы опросного листа следовало бы включить недвусмысленное указание на то, что ответ опрашиваемого должен основываться целиком и полностью на его самосознании принадлежности к этнической общности. Необходимо элиминировать при этом возможное воздействие, оказываемое на респондента соответствующей записью в его паспорте. После введения в СССР в 30-х годах паспортной системы при получении паспорта допускался свободный выбор национальности, однако затем он был

ограничен национальностью родителей. Права исследователи, подчеркивающие, что запись о национальности в паспорте может в ряде случаев существенно затруднить опрашиваемому проявление его фактического самосознания, а стало быть, в конечном счете исказить действительную картину этнической структуры населения⁴⁶.

В инструкции к заполнению графы об этнической принадлежности должно быть также оговорено право опрашиваемого не давать прямого ответа на поставленный вопрос (такое право оговорено законодательными актами некоторых социалистических стран). Современные исследования показывают, что наши прежние представления об обязательной принадлежности каждого человека в любой точке земного шара к какому-то определенному этносу требуют коррективов. Значительные группы населения могут не обладать четко выраженным этническим самосознанием, что связано с нестабильным, переходным этническим состоянием, перерастающим порой в полную безэтничность.

В заключение следует коснуться еще одного важного аспекта проблемы. Применяемая в настоящее время машинная обработка полученных переписью данных закономерно требует того, чтобы в процессе переписи они были соответствующим образом закодированы. Между тем кодирование ответов на вопрос об этнической принадлежности делает необходимым предварительное составление списка народов. Использование же такого списка при обработке полученных сведений, как я стремился показать в предшествующем изложении, сводит на нет принцип самоопределения этнической принадлежности. Возможен ли выход из этого порочного круга?

Представляется, что выходом из положения была бы следующая процедура. Во время проведения переписи ответы на вопрос об этнической принадлежности не кодируются и фиксируются в словесной форме. На следующем этапе совокупность полученных ответов подвергается систематизации, затем составляется перечень всех встретившихся в ходе переписи этнонимов. Специалисты разрабатывают на этой основе список этнических общностей, максимально полно отражающий реальное этническое самосознание опрошенных в ходе переписи. И уже на основании этого списка осуществляется последующее кодирование ответов о национальности. Разумеется, предложенная процедура сложнее принятой и применение ее приведет к увеличению времени, необходимого для разработки результатов переписи. Однако есть основания полагать, что этот недостаток будет в конечном итоге компенсирован полученным результатом — адекватной информацией об этническом составе страны, дефицит которой мы ощущаем.

Нельзя не отметить, что теоретические изыскания в области изучения исторических закономерностей формирования этнонимии в целом и этнических самоназваний как ее наиболее существенной составной части у нас еще только начинаются⁴⁷. То, что сделано в этом направлении, чаще всего связано с выяснением этимологии тех или иных самоназваний. Но в свете обсуждаемых нами проблем гораздо важнее создание обоснованной типологии этнических самоназваний, исследование морфологических особенностей самоназваний у этнических единиц различного таксономического ранга, выявление исторического соотношения экзо- и эндоэтнонимов. Представляется, что изучение этого круга вопросов должно стать одним из главных направлений работы группы этнической ономастики Института этнографии АН СССР.

Как уже отмечалось в ходе дискуссии по проблемам иерархии этнических общностей, развернувшейся в 1988 г. на страницах ежегодника «Расы и народы», анализа одних лишь этнонимов для решения задачи установления таксономической соотносительности этнических общностей различного ранга, разумеется, недостаточно. Помимо этнического самосознания, выраженного в самоназвании, предлагалось прибегнуть к лексико-статистическим исследованиям языка, которые позволяют установить структурную дистанцию между выявленными этническими единицами. Еще одним звеном в процессе определения единиц основного уровня могли бы стать поиски эндогамных барьеров, разде-

ляющих этносы⁴⁸. Последовательное применение указанных критериев (этническое самоназвание, степень языковой близости идентифицированных на основе самоназваний этнических единиц, локализация основных эндогамных барьеров) позволит, с моей точки зрения, подойти к созданию научно обоснованной таксономической классификации народов СССР, которая может быть впоследствии использована в качестве основы для суждений о характере и тенденциях этнических процессов. Сказанное, разумеется, не исключает использование также и иных методов, но лишь при условии их операциональности.

Углубленное изучение этнического состава населения СССР и конкретизация на этой основе наших представлений о современных этнических процессах будут способствовать разработке программы оптимизации межэтнических отношений в нашей стране, имеющих столь существенное значение для дальнейшего развития советского общества.

Примечания

¹ Shirokogoroff S. Psychomental Complex of Tungus. L., 1935. P. 12.

² Март Н. Я. Племенной состав населения Кавказа. Пг., 1920. С. 12.

³ Март Н. Я. Избранные работы. Л., 1935. Т. 5. С. 184.

⁴ Показательно, что, например, в КНР отношение этнографов к понятию «этнические процессы» претерпело за последнее десятилетие заметную эволюцию. Если на Первой всекитайской этнографической конференции 1980 г. в выступлениях ряда специалистов прозвучала явно негативная реакция на советские исследования в области этнических процессов, то уже несколько лет спустя в научной печати появился первый критический обзор состояния этнографической науки в СССР, в котором работы по этому кругу проблем были оценены объективно и положительно (Хэ Гоань. Изучение актуальных вопросов современности в советской этнографической науке // Миньцзусюэ яньцзю. Вып. 8. Пекин, 1986. (на кит. яз.). С. 63—66. В настоящее время все чаще обращается внимание на необходимость изучать этнические процессы, протекающие в Китае (см., в частности: И. Мин. О разработанной советскими этнографами теории этнических процессов // Чжуньян миньцзу сюэюань сюэбао. 1988. № 2 — на кит. яз. — С. 29).

⁵ Пименов В. В. Прикладные аспекты этнографии: тенденции и проблемы // Сов. этнография. 1986. № 5. С. 11.

⁶ Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Сов. этнография. 1967. № 4. С. 95—96.

⁷ Брук С. И., Козлов В. И. Основные проблемы этнической картографии // Сов. этнография. 1961. № 5. С. 34.

⁸ Брук С. И., Козлов В. И., Левин М. Г. О предмете и задачах этногеографии // Сов. этнография. 1963. № 1. С. 18.

⁹ Арутюнян Ю. В., Сусоколов А. А. Переписи населения СССР как источник количественного анализа этнокультурных процессов // Сов. этнография. 1983. № 5. С. 14.

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. XVII. С. 106—107.

¹¹ Подр. см. Подъячих П. Г. Всесоюзная перепись населения 1939 г. М., 1957.

¹² Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том). М., 1962. С. 184—189.

¹³ Всесоюзная перепись населения 1970 г. М., 1976; Всесоюзная перепись населения 1979 г. М., 1984.

¹⁴ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 330—331.

¹⁵ Брук С. И., Козлов В. И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. // Сов. этнография. 1967. № 6. С. 7.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Козлов В. И. Национальности СССР. М., 1975. С. 5—6.

¹⁸ Совещание этнографов Москвы и Ленинграда // Этнография. 1929. № 2. С. 118.

¹⁹ Зеленин Д. К. Народы Крайнего Севера СССР после Великой Октябрьской социалистической революции // Сов. этнография. 1938. № 1. С. 50.

²⁰ 15 лет советской этнографии и ее дальнейшие задачи // Сов. этнография. 1933. № 1. С. 1.

²¹ Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика численности и расселения русских после Великой Октябрьской социалистической революции // Сов. этнография. 1982. № 5. С. 4 (прим. 4).

²² Там же. С. 16 (прим. 28).

²³ Там же. С. 16.

²⁴ Брук С. И. Все гораздо сложнее // Расы и народы. 18. М., 1988. С. 41 (прим. 3).

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 317.

²⁶ Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. I. СПб., 1912. С. 29.

²⁷ Патканов С. К. Список народностей Сибири. Пг., 1923. С. 3.

²⁸ Список народностей СССР / Сост. под редакцией И. И. Зарубина. Л., 1927. С. 5, 27, 37.

²⁹ Брук С. И., Козлов В. И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. С. 6.

- ³⁰ Там же. С. 8.
- ³¹ *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. С. 17—21.
- ³² *Крюков М. В.* Этнос и субэтнос // *Расы и народы*. 18. М., 1988.
- ³³ *Брук С. И., Козлов В. И.* Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. С. 13.
- ³⁴ Подробнее см.: *Демографический энциклопедический словарь*. М., 1985. С. 385.
- ³⁵ «Предлагать населению прямо вопрос о его национальности было ввиду разных соображений признано неудобным» — писал С. П. Патканов (См. *Патканов С. П.* Статистические данные... С. II), но не объяснял, чем это было вызвано.
- ³⁶ *Брук С. И., Козлов В. И.* Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. С. 8.
- ³⁷ *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. С. 99.
- ³⁸ Народы СССР. Краткий справочник. М.; Л., 1958.
- ³⁹ Там же. С. 13, 14, 17, 20, 22, 29, 33.
- ⁴⁰ Словари национальностей и языков для шифровки ответов на 7 и 8 вопросы переписного листа. М., 1959.
- ⁴¹ *Брук С. И., Козлов В. И.* Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. С. 16—20.
- ⁴² Там же. С. 17.
- ⁴³ Там же. С. 8.
- ⁴⁴ Там же. С. 14.
- ⁴⁵ *Ян Кунь.* Этноты и субэтнические подразделения // *Чжунъян миньцзу сюэюань сюэбао*. 1984. № 4. С. 87 (на кит. яз.).
- ⁴⁶ *Козлов В. И.* Национальности СССР. С. 230—231; *Брук С. И., Кабузан В. М.* Динамика численности и расселения русских. С. 17.
- ⁴⁷ См., например: *Этнонимы*. М., 1970; *Этническая ономастика*. М., 1984 и др.
- ⁴⁸ Подр. см.: *Крюков М. В.* Этнос и субэтнос.

А. В. Коротаев, А. А. Оболонков

РОДОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ КЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВ

До настоящего времени в нашей науке сохраняется достаточно отчетливая тенденция отрицания возможности существования в классовом обществе родовой организации (по крайней мере в ее живом, «непережиточном» виде). То, что род с конца 30-х годов XX в. рассматривался в нашей науке как исключительно первобытная форма свциальной организации и одно время прочно ассоциировался лишь с первобытностью (а понятие «родовой строй» даже считалось синонимом первобытнообщинной формации); привело к тому, что и сам термин «род» оказался для исследователей классовых обществ как бы табуированным, а родовая организация у относительно развитых, явно непервобытных народов начинала рассматриваться как пережиток первобытнообщинного строя. Когда же стало ясно, что перед нами не пережиток, а вполне живой социальный институт, достаточно приспособленный к условиям классового общества, возникла потребность обозначить его термином, отличным от термина «род». И такой термин появился — «патронимия»¹.

Стадиально, согласно М. О. Косвену, патронимия представляла собой «общественную форму», свойственную более первобытнообщинному, чем классовому, обществу; первая фаза развития патронимии относится М. О. Косвеном «к начальной стадии истории патриархально-родового строя, к стадии, которая сохраняет еще основные первобытнообщинные черты». «Вторая фаза рисует нам патронимию в ее большей или меньшей степени распадном состоянии»².

В конце 60-х — 70-е годы складывается «новая концепция патронимии»³, в соответствии с которой данная форма социальной организации присуща именно классовым обществам. В рамках этой концепции наиболее последовательно проводится мысль о «патронимии» как совершенно особой, принципиально отличной от рода и родовой общины форме социальной организации. И во многом, на наш взгляд, сторонники «новой концепции патронимии» правы. Ведь ее суть заключается в обосновании «связи... исторически поздней стадии развития родственных коллективов уже не с первобытнообщинной, а с последующими классовыми антагонистическими формациями»⁴. И не случайно А. Д. Давыдов полностью солидаризуется с главным противником «патронимической концепции» Н. А. Кисляковым, утверждающим, говоря о поздней родоплеменной организации: «Советские этнографы давно пришли к выводу, что эта родоплеменная организация имеет мало общего⁵ с классическим первобытнообщинным архаическим родом, что она отражает интересы классового общества, подчинена им»⁶. Другое дело, что представителем как «старой», так и «новой» концепции патронимии не удалось доказать, что при переходе к классовому обществу родовая организация не минует трансформируется в такой степени, что появляется необходимость говорить о принципиально новой форме социальной организации. М. О. Косвен называл два отличия

патронимии от рода ⁷; с одного из них мы и начнем разбор аргументации сторонников патронимической концепции ⁸ (другое отличие будет проанализировано в конце статьи).

1. Важным отличием патронимии от рода М. О. Косвен считал то, что «если род сохраняет свое общее наименование, то таковое обычно легендарно и нередко имеет тотемический по своему происхождению характер. Патронимия в качестве наименования данной группы основана на реальном собственном имени действительного предка» ⁹. Нетрудно видеть, что здесь сформулировано скорее вторичное отличие родовых групп разных порядков, чем различие принципиально разных стадияльных форм социальной организации.

Действительно, развитая родовая организация, как правило, имеет несколько уровней структурной иерархии, включая в себя родовые группы разных порядков: малые линиджи входят в большие, большие — в максимальные, максимальные — в субкланы и т. д. Между тем в нашей науке существует тенденция обозначать как «род» родовые группы только определенного (и, как правило, довольно высокого) порядка, а роды более низких порядков называть подкладами, субкладами, патронимиями (для позднеродовой организации), линиджами и т. д. Отметим, что термин «линидж» как обозначение родовых групп низших порядков ¹⁰ представляется нам вполне удачным, однако, на наш взгляд, не всегда оправдано противопоставление линиджа роду. Л. Дрегер, например, видит отличие линиджа от рода в том, «что происхождение в нем ведется не от мифического, а от реально существовавшего предка, что может быть прослежено и установлено» ¹¹. На наш взгляд, и здесь сформулировано то же, вполне достоверное отличие родовых групп высших порядков от родовых групп низших порядков. Но отличие это — вторично, и вытекает оно именно из различий порядков родовых групп. Ведь чем выше порядок данной родовой группы, тем дальше от ныне живущих ее членов отстоит во времени ее предок-родоначальник и, следовательно, тем меньше его достоверность и выше его легендарность. Уже поэтому, если на низших уровнях родовой организации генеалогические связи почти всегда в основном достоверны, то на высших — почти всегда легендарны. Так что данный момент указывает именно на отличие друг от друга разных уровней единой родовой организации. Линидж отвечает любому из распространенных ныне ¹² (и не только ныне) ¹³ определений рода ничуть не хуже, чем те высшие порядки родовой иерархии, которые принято обозначать как «роды». Ведь даже экзогамность присуща линиджам в большей степени, чем родовым группам высших порядков, ибо утрата родовой организацией экзогамности идет сверху вниз, от высших уровней структурной иерархии к низшим ¹⁴. Да и правами, обязанностями и т. д. родовые группы низших порядков были связаны заметно больше, чем высшие звенья родовой иерархии. Поэтому утверждения типа «род состоит из линиджей» не представляются нам достаточно корректными: ведь даже минимальный линидж представляет собой род, род первого (снизу) порядка. Для обозначения родовых групп промежуточных и высших порядков можно было бы пользоваться терминами «субклан» и «клан», которые пока не несут в нашей науке полезной семантической нагрузки. Одно из значений термина «клан» вполне передается термином «род», а другое — терминами «патронимия — матронимия — генеанимия» ¹⁵.

На наш взгляд, единственное заметное стадияльное отличие первобытных родовых групп от поздних в этом отношении заключается скорее в том, что со временем предки-родоначальники мифологического характера имеют тенденцию смениться легендарными предками-родоначальниками (речь идет, конечно, о родовых группах высших порядков; в качестве предков-родоначальников родовых групп низших порядков достоверные лица начинают выступать, по-видимому, вместе со становлением концепции вертикального родства, что происходит еще в рамках доклассового общества).

2. А. Д. Давыдов полагает, что к приведенным М. О. Косвеню можно «добавить еще по крайней мере одно принципиальное отличие рода и патрони-

мии: „Сущность рода“, „основное правило рода, та связь, которая его скрепляет“, то, благодаря чему „индивиды только и становятся родом“, состоит в строжайшей экзогамии, выражающейся в том, что „никто из членов рода не может вступать в брак внутри рода“¹⁶. «А для исторически более поздней патрионимии, наоборот, характерен полный отказ от этого основного принципа...»¹⁷ На наш взгляд, этот критерий является простым недоразумением, и объясняется оно, пожалуй, тем, что А. Д. Давыдов пришел к такому выводу, опираясь только на материалы Ближнего и Среднего Востока, т. е. региона, уникального именно в том отношении, что позднеродовая организация здесь практически повсеместно утратила свою экзогамность и даже перешла к предпочтительной эндогамности. Данные же по другим регионам показывают, что экзогамность могла быть свойственна и позднеродовой («патронимической») организации вплоть до самого ее разложения и даже в некотором смысле переживать последнюю¹⁸. Действительно экзогамность была присуща, например, родовым группам казахов¹⁹, калмыков²⁰, алтайцев²¹, астраханских (кундровских) татар²², удмуртов²³ (у которых, напомним, по наиболее распространенному мнению, и была открыта «патронимия»), у многих народов Кавказа²⁴, корейцев²⁵, китайцев²⁶, вьетнамцев²⁷, индийцев²⁸ и т. д. При этом, на наш взгляд, нет никаких оснований утверждать, что, скажем, экзогамные индийские «кланы» представляли собой более архаичную форму социальной организации, чем, например, афганские «патронимии», утратившие экзогамность. Перед нами, очевидно, одна и та же (позднеродовая) форма социальной организации. Другое дело, что раннеродовой организации экзогамность была свойственна в з а м е т н о б о л ь ш е й с т е п е н и, чем позднеродовой, — если в первобытную эпоху экзогамность была практически повсеместной характеристикой родовой организации²⁹, то по мере перехода к классовому обществу все большее число родовых групп начинают терять экзогамность; как тенденция подобная закономерность несомненно имела место. По-видимому, утрата экзогамности и переход к предпочтительной эндогамности был вариантом вполне адекватной трансформации родовой организации в ходе процессов классогенеза. «Экзогамная форма брака предполагала уход части имущества родственной группы в виде м а х р а (брачного выкупа. — Прим. авторов) за ее пределы в пользу рода невесты»³⁰. «В эндогамном кровнородственном коллективе была найдена возможность не утрачивая имущества — собственности одного из членов групп, — приобретать другую собственность — девушку-невесту, которая только в будущем могла трудом в домашнем хозяйстве и деторождением окупить то, что было затрачено на ее приобретение»³¹. С другой стороны, утрата экзогамности даже одними только высшими порядками родовой организации, на наш взгляд, существенно расширяла возможности организации по родовой матрице надродовых объединений.

Но это никак не должно заслонять того факта, что достаточно часто родовой организация (особенно на низших уровнях ее структурной иерархии) не утрачивала экзогамности даже на самых поздних этапах своего развития, и, следовательно, этот критерий сам по себе не дает оснований судить о большей или меньшей архаичности того или иного регионального или этнического типа родовой организации. Причины утраты родовыми группами экзогамности в одних обществах и ее сохранения в других, не менее развитых, остаются в нашей науке до сих пор не изученными.

Конечно же, неэкзогамные родовые группы (например, арабские или дагестанские) достаточно сильно отличаются от экзогамных (скажем, индийских или китайских)³², но, на наш взгляд, не настолько сильно³³, чтобы отказываться от общего обозначения для того типа социальной организации, в который входят оба данных вида. И, по-видимому, трудно придумать какое-либо обозначение такого типа социальных объединений, лучшее, чем «род», «родовая организация».

3. По мнению А. Д. Давыдова, «качественное отличие первобытного рода состояло в том, что он был самостоятельной хозяйственной единицей, объединенной коллективным трудом его членов и коллективным присвоением ими продуктов труда»³⁴. А. И. Робакидзе полагает, что «определяющая черта рода — родовая собственность на основные средства производства... с вытекающей отсюда... коллективным производством»³⁵. В отношении позднеродовой организации этого сказать нельзя, следовательно, она и не является родовой.

Этот критерий, на наш взгляд, не может быть принят уже потому, что указанные выше черты далеко не всегда присущи даже первобытному роду. Во многих первобытных обществах (и тогда, когда ни о каком разложении первобытно-общинного строя говорить не приходится) «род терял большую часть своих хозяйственных функций и продолжал существовать главным образом как брачно-регулирующее и надстроечное объединение»³⁶, не переставая от этого быть родом (речь здесь, отметим, идет о конце верхнего палеолита и мезолите). В. Р. Кабо считает, что даже в тех случаях, когда в доземледельческих обществах род рассматривался в качестве собственника земли, ее реальным собственником он все-таки не был; им была община³⁷. «Род был основой, фундаментальной ячейкой не на всем протяжении развития доклассового общества, а лишь на ранних этапах его эволюции», утверждает Ю. И. Семенов³⁸, и, скажем, у австралийцев и папуасов, по его мнению, род уже не был хозяйственной ячейкой³⁹. «Род в целом» не был основной хозяйственной ячейкой первобытности и по мнению Ю. В. Бромлея⁴⁰. «За исключением гипотетической стадии дислокального брака, род не совпадал с первобытным хозяйственным коллективом», — полагает Д. Д. Тумаркин⁴¹. В любом случае даже в эпоху расцвета «родового строя»⁴² в качестве «самостоятельной хозяйственной единицы, объединенной коллективным трудом ее членов», мог выступать род лишь самого низкого порядка (минимальный линидж; а если точнее, не минимальный линидж в целом, а лишь его локализованное ядро); о родовых группах более высоких порядков, составляющих неотъемлемую часть родовой организации, этого сказать уже нельзя, даже по отношению к данной эпохе⁴³.

4. Еще один, самый убедительный на первый взгляд довод: патронимия состоит из семей, а род, как известно, из семей состоять не может⁴⁴. Но здесь все дело в том, что существование локализованного рода (не только в доклассовом, но и в классовом обществе) предполагает и существование группы семей⁴⁵, главы которых ведут свое происхождение от общего предка, т. е. определенную форму общины. Патронимия в генеалогическом аспекте оказывается ни чем иным, как родом (нижнего или промежуточного порядка), в локально-хозяйственном — родовой общиной; и оснований говорить о патронимии как о какой-то особой, отличной и от рода, и от общины форме традиционной социальной организации, на наш взгляд, нет.

Так как понятие «родовая община», по указанным выше причинам ассоциируется у нас исключительно с первобытностью⁴⁶, родовые общины в обществах, отличных от первобытных, предпочитают называть семейно-родственными группами⁴⁷, резидентными группами⁴⁸, патронимиями⁴⁹, кланами⁵⁰. Сами по себе эти термины никаких возражений вызвать, конечно, не могут, ибо отличие позднеродовой общины от раннеродовой несомненно⁵¹, что дает основание обозначить их разными терминами. Главное — не забывать, что речь в этих случаях идет именно о поздней общинно-родовой организации, а не о какой-то особой форме социальной организации докапиталистических обществ. «...Семейно-родственная группа (или, условно, „патронимия“) — это... форма и родовой, и общинной организации, она возникает и развивается в рамках рода, и основой „патронимической организации“, которой неоправданно придано такое самостоятельное значение, является все-таки род, хотя бы и в его поздней форме»⁵².

5. Особое значение М. О. Косвен придавал следующему отличию рода от патронимии: род является «принципиальным выражением общинного начала...

Напротив, патронимия... соединяет начала коллективистическое и частнособственническое»⁵³. Нетрудно заметить, что здесь сформулировано не различие двух принципиально разных форм социальной организации, а отличие первобытного рода от позднего, существовавшего уже в классовом обществе. То же самое отличает крестьянскую общину от первобытнокоммунистической, что, однако, не дает достаточных оснований считать их настолько разными формами социальной организации, что можно было отказаться от общего термина для их обозначения («община»). Конечно, родовая организация, например, в Китае нового времени, прекрасно приспособленная к условиям классового общества, существенно отличается от первобытнокоммунистического рода папуасов Новой Гвинеи. Но различие это никак не существеннее различия между, скажем, средневековой индийской и первобытной австралийской общинами.

С родовой организацией у нас произошло приблизительно то же самое, что в свое время наблюдалось в отношении общинной организации. Община ведь тоже когда-то рассматривалась как исключительно первобытный институт, и отсюда делался вывод о том, что в классовом обществе могут существовать лишь пережитки, остатки общинной организации⁵⁴. В настоящее время получает все большее признание точка зрения на общину как на «основную структурную единицу всех докапиталистических формаций»⁵⁵. При этом «крестьянская община... ни в коем случае не может рассматриваться как сохранившийся в недрах классового общества пережиток первобытнообщинной формации»⁵⁶. На наш взгляд, исследования последних лет показывают, что почти то же самое можно сказать и о роде, с той существенной разницей, что род представляет собой лишь возможную структурную единицу почти всех докапиталистических формаций. Так же как и община, родовая организация, как правило, не погибает с разложением первобытного общества, а переживает его, подвергаясь вместе с тем существенной трансформации, приспособляясь к условиям классового общества. Конечно, по мере становления государства значение родовой организации обычно заметно падает, но тем не менее она зачастую продолжает оставаться достаточно важным социальным институтом.

Авторы, отождествляющие родовой строй с первобытнообщинным, ссылаются, как правило, на Ф. Энгельса. Однако ссылки эти не представляются обоснованными, ибо у Энгельса родовой строй противопоставлен не классовому обществу, а государству. «Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы. Он заменен *государством*»⁵⁷. Классическим Ф. Энгельс считал такой вариант политогенеза, когда «государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоположностей, развивающихся внутри самого родового общества»⁵⁸. Следовательно, раскол общества на классы совершается зачастую еще в рамках родового строя, и позднеродовой строй может выступать в качестве политической надстройки уже непервобытного, раннеклассового общества. «Так, органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»⁵⁹. Другое дело, что адекватной политической надстройкой развитого классового общества является именно государст-
во⁶⁰.

На определенном этапе развития предклассовых и раннеклассовых обществ трансформация родоплеменной организации может выступать в течение какого-то (и иногда очень долгого) промежутка времени «периферийной» альтернативой становлению государственной организации. То есть решение новых задач, встающих перед обществом и его отдельными слоями (таких, как обеспечение надобщинной интеграции, совершенствование гарантий жизни и собст-

венности, военной организации общества и даже в какой-то степени подавление сопротивления угнетенных слоев и классов), может на этом этапе решаться как через становление раннего государства, так и путем соответствующей трансформации родоплеменной организации⁶¹; совершенствование родоплеменной организации имеет при этом свой «потолок» (хотя, на наш взгляд, и довольно высокий).

Данный момент помогает, по нашему мнению, дать адекватное объяснение группе фактов, служащих для некоторых сторонников «новой концепции патронимии» решающим аргументом в ее пользу.

6. Так, А. И. Першиц придает большое значение фактам появления позднеродовой (патронимической) организации у общностей, давно ее утративших, — например, у русских поселенцев на Севере, Украине и в Сибири⁶². (К этому, кстати, можно добавить не менее показательный пример буров, у которых также регенерировала родовая организация). По мнению А. И. Першица, эти факты свидетельствуют об отсутствии генетической преемственности между патронимией и родом, и, следовательно, являются аргументами в пользу рассмотрения их в качестве разных форм социальной организации. На наш взгляд, действительно поздняя родовая организация далеко не всегда имеет прямую генетическую связь с раннеродовой: относительно многих поздних родовых групп нет никаких оснований утверждать, что они произошли из раннеродовых образований. Но то же самое можно сказать и относительно общинной организации. «...Община классового общества — совершенно особый институт, не унаследованный непосредственно от первобытности...»⁶³. Сущностное единство общинной организации на всех этапах ее развития объясняется не тем, что поздняя крестьянская община происходит из ранней первобытнокоммунистической, а общностью для большинства докапиталистических социальных организмов некоторых фундаментальных условий и характеристик общественного воспроизводства, прежде всего натуральностью и определенной случайностью результатов производства, обусловленных решающей ролью природных производительных сил по сравнению с исторически созданными. Именно это служило причиной повсеместного возникновения и существования на протяжении практически всей докапиталистической эпохи социальных механизмов компенсации естественной случайности — общинной организации. И если (например, при колонизации) общинная организация среди некоторых групп населения временно исчезала, то через некоторое время в соответствующих условиях она снова неминуемо регенерировала⁶⁴.

Но точно так же сущностное сходство всех родовых форм объясняется не тем, что поздняя родовая организация происходит из раннеродовой, а существованием целого ряда фундаментальных характеристик, общих для большинства докапиталистических социальных организмов, что порождает необходимость появления и сохранения там развитых систем социального родства, одной из наиболее разработанных и распространенных разновидностей которых и является родовая организация.

Как мы уже отмечали, родовая организация, как правило, заметно ослабевала и даже иногда исчезала по мере становления и укрепления государственной организации. Но точно так же родовая организация укреплялась в случае ослабления государственной. Вообще в классовом обществе родовая организация продолжает, как правило, существовать в достаточно развитом виде в тех местностях и социальных нишах, где слаба или по каким-то причинам отсутствует организация государственная⁶⁵. Поэтому, если определенные группы населения, утратившие родовую организацию, оказываются в сфере ослабленного действия государственной организации, в их среде регенерирует организация родовая (естественно, в ее поздней форме), что и объясняет появление позднеродовых форм среди русских переселенцев на Севере, Украине, в Сибири или буров в Южной Африке.

¹ В нашей литературе иногда высказывается утверждение о том, что в 1931 г. в работе «Распад родового строя у удмуртов» // Уч. зап. НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР. Вып. 2. На удмуртские темы. М., 1931. С. 5—35 М. О. Косвен описал до того неизвестную форму социальной организации, названную им «патронимией». См.: *Крюков М. В.* О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации // Сов. этнография. (далее — СЭ). 1967. № 6. С. 85—86; *Рапов О. М.* Была ли вервь «Русской Правды» патронимией? // СЭ. 1969. № 3. С. 107; *Периц А. И.* Проблемы типологизации общины в дореволюционной русской и советской этнографии // Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. Т. 107. М., 1978. С. 151. *Кубель Л. Е.* Возникновение частной собственности, классов и государств // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988. С. 179. Утверждение это неверно уже потому, что в названной работе М. О. Косвен еще не рассматривал «патронимию» как особую форму социальной организации, употребляя этот термин исключительно в его традиционном значении, как «наименование по отцу», как «особый термин для обозначения членов большой семьи» (с. 17, 32). Те общности, которые он в дальнейшем стал обозначать как «патронимии», он рассматривал скорее как промежуточные звенья общинно-родовых структур, чем как особую форму социальной организации (с. 13). Ссылки же на данную работу М. О. Косвена, по-видимому, объясняются тем, что на нее подобным же образом ссылались и сам М. О. Косвен: *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 93.

² *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. С. 98.

³ *Робакидзе А. И.* Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа (в связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи) // СЭ. 1968. № 5. С. 93—104; его же. Патронимия у народов Кавказа. М., 1973; *Давыдов А. Д.* Афганская деревня. М., 1969; его же. Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1979; *Периц А. И.* Динамика традиций и возможности их источниковедческого истолкования // Народы Азии и Африки (далее — НАА). 1981. № 5. С. 90—91; его же. Патронимия // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 133—134. (Термин «новая концепция патронимии» предложен А. И. Перицем — см. *Периц А. И.* Динамика традиций... С. 90).

⁴ *Давыдов А. Д.* Сельская община... С. 127.

⁵ Хотя, отметим, все-таки этого общего у них никак не меньше, чем, скажем, у средневековой североиндийской общины и локальной группы австралийцев (прим. авторов статьи).

⁶ *Кисляков Н. А.* О сущности понятия «патронимия» // Страны и народы Востока. Вып. 18. М., 1976. С. 271.

⁷ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. С. 120.

⁸ Это, по-видимому, тем более целесообразно, что в большинстве своем, на наш взгляд, «отличия рода от патронимии» представляют собой не что иное, как отличия ранней родовой организации от поздней; и последовательное рассмотрение этих различий позволит лучше увидеть те линии, по которым происходит трансформация родовой организации при переходе от доклассового общества к классовому.

⁹ *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. С. 120.

¹⁰ Можно сказать, что в настоящее время этот термин получил права гражданства в нашей науке. См.: *Кудрявцев М. К.* Община и каста в Хиндустане. М., 1971. С. 170—171; *Маретина С. А.* Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980. С. 113—117; *Периц А. И.* Динамика традиций... С. 90—91; Введение // Свод этнографических понятий и терминов. С. 18—19. 80—81.

¹¹ *Дрээр Л.* Линидж. // Свод этнографических понятий и терминов. С. 80. Отметим, что некоторые западные исследователи видят в этом отличие линиджа от клана. См.: *Fortes M.* Time and Social Structure // Social Structure. Oxford, 1949. P. 60; *Haviland W. A.* Cultural Anthropology. N. Y., 1975. P. 424; *Radcliffe-Brown A. R.* Introduction // African Systems of Kinship and Marriage. L., 1950. P. 39—40; *Tapper R.* Introduction // The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan / Tapper R. (ed.). L., 1983. P. 10.

¹² «Род — экзогамная группа родственников эпохи родового строя, верящих в общее свое происхождение по одной (отцовской или материнской) линии, имеющих свое название и связанные рядом прав, обязанностей и традиций». (См. *Долгих Б. О.* Образование современных народностей Севера СССР // СЭ. 1967. № 3. С. 5; его же. Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири. М., 1964. С. 1—2); «Экзогамный коллектив, представляющий собой совокупность кровных родственников, ведущих происхождение от общего предка и носящих общее родовое (тотемное) имя». (См. *Крюков М. В.* Указ. раб. С. 84); «Род — коллектив кровных родственников, ведущих свое происхождение по одной линии (материнской или отцовской) от общего предка, носящих общее родовое имя; в роде обычно соблюдалась экзогамия» (См. *Файнберг Л. А.* Род // Сов. историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1963. Стлб. 103) и др.

¹³ *Харузин Н. Н.* Этнография. Вып. 2. Семья и род. СПб., 1903. С. 161; *Ковалевский М. М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. СПб., 1905. С. 166—167, и др.

¹⁴ *Ольдерогге Д. А.* Типы домашней общины и матрилинейный род у народов Экваториальной Африки // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. С. 21—22; *Маретин Ю. В.* Община соседско-большесемейного типа у минангкабау (Западная Суматра) // Там же. С. 76; *Маретина С. А.* Указ. раб. С. 100, 103—104, 107—108; *Шнирельман В. А.* Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов, высших охотников, рыболовов и собирателей // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 359.

¹² Маретин Ю. В. Указ. раб. С. 124.

¹⁶ Давыдов А. Д. Сельская община... С. 123; А. Д. Давыдов дает здесь ссылку на Ф. Энгельса (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 88). На наш взгляд, ее нельзя признать обоснованной. Приведенные А. Д. Давыдовым цитаты взяты им из характеристики, данной Энгельсом архаическому роду ирокезов, и, «разумеется, на той ступени развития, на которой мы застаем ирокезов, запрещение брака внутри рода нерушимо соблюдается» (Там же. С. 88). Среди же «оснований афинского рода» Ф. Энгельс называет и следующее: «Взаимное право и обязанность в известных случаях вступать в брак внутри рода, особенно когда дело касалось девишек-сирот или наследниц» (Там же. С. 101). И это неудивительно, ведь род греков «уже отнюдь не архаический род ирокезов» (Там же. С. 100).

¹⁷ Давыдов А. Д. Сельская община... С. 123.

¹⁸ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961. С. 25.

¹⁹ Калоев Б. А. Осетины. М., 1971. С. 193.

¹⁹ Харузин А. Н. Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнологический очерк. Вып. 1 // Изв. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Имп. Московском Ун-те. Т. 63. (Тр. Антропологического отдела. Т. 10). М., 1889. С. 44.

²⁰ Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб., 1834. С. 199.

²¹ Швецова М. Алтайские калмыки // Зап. Западносибирского отдела Имп. Русского географического о-ва. Кн. 23. Омск, 1898. С. 24.

²² Небольсин Л. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах // Вестн. Имп. Русского географического о-ва на 1851 г. Ч. 2. СПб., 1851. Отд. 5. С. 9.

²³ Косвен М. О. Распад родового строя... С. 14—15.

²⁴ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М., 1890. С. 6, 72, 90, 106; Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. С. 25. Поэтому неудивительно, что другой видный сторонник «новой концепции патронимии» — А. И. Робакидзе — не рассматривает экзогамность как критерий отличия рода от патронимии, ведь он работает именно на кавказском материале. Существование экзогамных «патронимий» отмечает и А. И. Першиц (Першиц А. И. Патронимия... С. 133).

²⁵ Ионова Ю. В. О социально-экономических отношениях в Корее XIX в. // Социальная история народов Азии. М., 1975.

²⁶ Писарев А. А. Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае в 20—30-е годы XX в. М., 1986. С. 26.

²⁷ Мухлинов А. И. Вьетнамская сельская община // Социальная организация народов Азии и Африки. С. 215.

²⁸ Кудрявцев М. К. Указ. раб. С. 171—172.

²⁹ Хотя потеря экзогамии, особенно родовыми группами высших порядков, могла иметь место и очень рано (папуасы-форе, ленду в Африке). См. Шнирельман В. А. Указ. раб. С. 359.

³⁰ Негрл Л. В. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V—VII вв. М., 1981.

³¹ Там же. С. 82; см. также Першиц А. И. Из истории патриархальных форм брака (нахва — ортокузенный брак у арабов) // Краткие сообщения Ин-та этнографии (далее — КСИЭ). 1955. № 24. С. 55.

³² Так что, безусловно, имеет смысл употреблять специальные обозначения для родов экзогамных и утративших экзогамию.

³³ И уж никак не сильнее, чем родовая, например, община отличается от соседской.

³⁴ Давыдов А. Д. Афганская деревня... С. 10.

³⁵ Робакидзе А. И. Особенности патронимической организации... С. 100.

³⁶ Файнберг Л. А. Возникновение и развитие родового строя // Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., С. 75: *его же*. Раннепервобытная община охотников, собирателей, рыболовов // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. С. 211.

³⁷ Кабо В. Р. Предисловие // Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. М., 1981. С. 6—7; *его же*. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С. 9—10.

³⁸ Семенов Ю. И. О некоторых теоретических проблемах истории первобытности (по поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (хлановой) организации») // СЭ. 1968. № 4. С. 76.

³⁹ *Его же*. Проблема начального этапа родового общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 222.

⁴⁰ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 185.

⁴¹ Тумаркин Д. Д. К вопросу о сущности рода // СЭ. 1970. № 5. С. 95.

⁴² Если рассматривать ее, конечно, как эпоху максимального распространения родовой организации и относить к неолиту, а не отождествлять с эпохой дислокального брака.

⁴³ Шнирельман В. А. Указ. раб. С. 360—362.

⁴⁴ Крюков М. В. Указ. раб. С. 85—86; Давыдов А. Д. Сельская община... С. 122; Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М., 1983. С. 12.

⁴⁵ Естественно, с тех пор, как возникает семья. Впрочем, существование семьи как до некоторой степени автономной (но не основной) хозяйственной ячейки достаточно уверенно фиксируется археологами уже в верхнем палеолите. См.: Григорьев Г. П. Начало верхнего палеолита и происхождение homo sapiens. Л., 1968. С. 154—155; Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей. С. 12; Бибииков С. Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // Сов. археология. 1969. № 4. С. 9—13. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1975. С. 116.

⁴⁶ Между прочим Ю. И. Семенов, на наш взгляд, дал достаточно аргументированную критику отождествления родовой общины с первобытнокоммунистической (Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976. С. 8—10; *его же*. О стадийной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 88—89). Мы только не склонны вслед за Ю. И. Семеновым отказаться от самых понятий «родовая» и «соседская» община. На наш взгляд, подразделение общин на «родовые» и «соседские» очень полезно в качестве их дополнительной формальной классификации. При этом, конечно, необходимо иметь в виду, что первобытнокоммунистическая по существу община может и не быть родовой, а община, родовая по форме, совсем не обязательно является первобытнокоммунистической.

⁴⁷ Абрамзон С. М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии // КСИЭ. Вып. 28. М., 1958. С. 28—34.

⁴⁸ Маретина С. А. Указ. раб. С. 96—138.

⁴⁹ Давыдов А. Д. Сельская община...; Робакидзе А. И. Патронимия у народов Кавказа

⁵⁰ Алаев Л. Б. Указ. раб.; Писарев А. А. Указ. раб.

⁵¹ Отметим между прочим, что поздняя родовая община существует, как правило, не как максимальная община, представляющая собой самостоятельный социальный организм, а скорее как субобщина, входящая в качестве элемента в сельскую общину, хотя и из этого правила имеются некоторые исключения (Писарев А. А. Проблемы типологии китайской общины (первая половина XX в.) // Вопросы истории Китая. М., 1981. С. 79; Тяпкина Н. И. О клановой организации в китайской деревне // Социальная и социально-экономическая история Китая. М., 1979. С. 182—184; Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община. С. 9—10). Вместе с тем многородовые общины, включающие в себя несколько родовых общин, появляются в качестве достаточно распространенной формы уже в неолите, т. е. вместе со становлением развитой родовой организации (Шнирельман В. А. Указ. раб. С. 373—376). Конечно, особенно сильно поздняя родовая организация отличается от ранней с точки зрения внутреннего функционирования (Периц А. И. Динамика традиций... С. 91). Впрочем, поздняя сельская община с этой точки зрения не менее сильно отличается от первобытнокоммунистической.

⁵² Абрамзон С. М. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ // СЭ. 1970. № 6. С. 72.

⁵³ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. С. 120. По существу в том же видит главное отличие патронимии от рода и А. И. Периц (Периц А. И. Динамика традиций... С. 91).

⁵⁴ См.: Алаев Л. Б. Указ. раб. С. 7.

⁵⁵ Ольдерогге Д. А., Маретина С. А. Предисловие // Социальная организация народов Азии и Африки. С. 3.

⁵⁶ Семенов Ю. И. О стадийной типологии общины. С. 85; см. также: *его же*. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. С. 37—86; Алаев Л. Б. Проблемы сельской общины в классовых обществах // Вопр. истории. 1977. № 2; *его же*. Сельская община в Северной Индии. С. 6—11.

⁵⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 169.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 164—165.

⁶⁰ Там же. С. 165—174.

⁶¹ С другой стороны, трансформация родовой организации (в особенности в «книжеский клан») может быть важным моментом политогенеза. См. Kirchhoff P. The Principles of Clanship in Human Society // Davidson Journal of Anthropology. V. 1. 1955. P. 1—11; См. эту работу также в: Readings in Anthropology. V. 2. Readings in Cultural Anthropology. N. Y., 1959. P. 259—270; Крюков М. В. Социальная дифференциация в древнем Китае // Разложение родového строя и формирование классового общества. М., 1968. С. 205—215; Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983. С. 31—32; *его же*. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 80—82.

⁶² Периц А. И. Патронимия... С. 134.

⁶³ Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. С. 11.

⁶⁴ Как это произошло, например, среди русских переселенцев в Сибири, см. Кауфман А. А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907. С. 25—31.

⁶⁵ Отметим, что, по нашему мнению, то же самое имеет в виду А. И. Периц, утверждая, что патронимическая (т. е., на наш взгляд, позднеродовая) организация особое значение в классовых обществах имеет «в районах с недостаточной государственной защитой жизни и собственности» (Периц А. И. Динамика традиций... С. 90; *его же*. Остатки первобытнообщинного строя в классовых обществах // История первобытного общества. Эпоха классового образования. С. 510). Подчеркнем, что, по нашему мнению, речь здесь должна идти не только о районах, но и о социальных нишах, «отдаленных» от государственной организации. Наиболее показательным примером североиндийской общины, где родовая организация доминировавших в ней каст выполняла наряду с прочим и такую специфическую функцию, как удержание в подчинении низших эксплуатируемых слоев общины (хотя, может быть, точнее было бы сказать, что родовая организация доминировавших каст представляла собой важнейший элемент данного механизма подавления). Главной же функцией североиндийской государственной организации, в поздние средневековые выражавшей интересы одного из эксплуататорских классов («городской аристократии»), было, по-видимому, подавление сопротивления другого эксплуататорского класса («деревенской аристократии», принадлежавшей

к кастам, доминировавшим в сельских общинах) и обеспечение изъятия у деревенской аристократии части прибавочного продукта, предварительно выжатого последней у низших трудовых слоев общины. (Кудрявцев М. К. Указ. раб.; Алаев Л. Б. О характере общественного строя средневековой Индии // Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973. С. 110—129; *его же*. Сельская община в Северной Индии. С. 134—219; *его же*. Народные движения XVII—XVIII вв. в Индии в освещении советских индологов // Общественные движения и их идеология в докапиталистических обществах Азии. Тезисы научной конференции. М., 1984. С. 3—4).

Г. Е. Арешян

К ОБОСНОВАНИЮ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ В ДРЕВНОСТИ

(этнокультурные связи Юго-Восточной
и Центральной Европы
с Армянским нагорьем и Южным Кавказом)

Исследование взаимодействия культур дописьменной древности ограничено возможностями разработки археологических источников и лингвистических реконструкций. При этом археологический анализ различных способов взаимодействия, таких, как аккультурация, заимствование, миграция, торговый обмен и др., как правило, не основывается на единых теоретических и методологических принципах. Не составляет исключения и неоднократно проводившееся в этом аспекте сопоставление различных археологических памятников Кавказа и Армянского нагорья с находками из бассейна Дуная и Балканского полуострова.

Вскоре после первых раскопок кобанских могильников Кавказа и могильных полей раннего железного века в Армении и Восточной Грузии в последней четверти XIX в. видные археологи того времени Э. Шантр, М. Гернес, Г. Вильке, О. Монтелиус, Ж. де Морган и др. отметили определенное сходство некоторых кавказских находок и европейских древностей. В дальнейшем исследователи, рассматривавшие в свете данной проблемы материалы позднего бронзового и раннего железного веков, отмечали все новые аналогии между кобанской культурой и памятниками Подунавья и Болгарии (Ат. Милчев, Д. Газдапустаи, В. И. Козенкова). Я. Харматта, А. А. Иессен и Е. И. Крупнов изучали связи гальштатской и кобанской культур в свете киммерийской проблемы.

Почти одновременно с установлением аналогичности артефактов Кавказа и гальштатской культуры Центральной Европы К. Ф. Леманн-Гаупт выделил значительную группу памятников урартской металлопластики, обнаруженных на территории Греции и Италии, интерпретации которых впоследствии был посвящен ряд работ Б. Б. Пиотровского.

Памятник среднего (по номенклатуре переднеазиатской археологии) бронзового века в аспекте культурных связей Армянского нагорья, Кавказа и Европы стали рассматриваться значительно позднее. За исключением работ Ж. Дешелетта и А. Захарова, написанных в 1910—1920-х годах, основная часть критских и микенских параллелей памятникам Армении и Грузии среднего бронзового века была отмечена Б. А. Куфтиным и Б. Б. Пиотровским, а позднее О. М. Джапаридзе и автором настоящей статьи.

Вопрос о связях культур Армянского нагорья и Южного Кавказа с Юго-Восточной Европой в раннем бронзовом веке, а также на рубеже раннего и среднего бронзового веков рассматривался на более ограниченном материале и нашел отражение в исследованиях Ж. Дейе и А. И. Джавахишвили.

Отдельные аналогии в археологических материалах Кавказа и Армянского нагорья, с одной стороны, и Юго-Восточной, а также Центральной Европы — с другой, отмечались и в ряде других публикаций. Все эти работы, в том числе и исследования автора настоящей статьи, имеют одну общую черту: аналогичность археологических памятников рассматриваемых регионов в каждом случае может быть одновременно объяснена действием всех возможных, предполагаемых или воображаемых исторических причин — конвергентным и синтадиальным развитием культур в схожих условиях среды, влияниями, миграциями, торговым обменом, войнами с захватом добычи, диффузиями, сегментацией культуры, единством традиций, общностью культурно-исторического региона, этническим родством и, наконец, случайными совпадениями. Объяснять каждый конкретный факт столь обширным спектром качественно различных факторов — значит ничего не объяснить. Историческая интерпретация становится невозможной, если не удается установить главный фактор (или хотя бы разделить главные и второстепенные факторы) формирования или развития конкретного явления.

Невозможность верификации предложенных до сих пор исторических объяснений фактов, отражающих древние связи Кавказа и Армянского нагорья с Южной и Центральной Европой, вызвана среди прочих двумя существенными причинами: 1) отсутствием в указанных работах теоретического обоснования закономерностей отражения культурных взаимодействий археологическими источниками; 2) узостью хронологических рамок исследования, что приводило в каждом отдельном случае к рассмотрению аналогий лишь одной эпохи (ранний бронзовый либо средний бронзовый век; кобанско-галыштатские либо урарто-средиземноморские параллели и т. д.). Между тем совершенно очевидна необходимость преодоления такой ограниченности как в плане применения и развития определенных теоретических положений, так и в отношении максимально возможного расширения исторической перспективы.

Анализируя сущность типологической аналогии в археологии, следует особо подчеркнуть качественное различие между аналогичностью элементов (признаков) ¹ артефактов и аналогичностью типов. Одно из существенных различий между элементом и типом артефактов заключается в том, что элемент артефакта отражает специфический реальный показатель, который не мог существовать в культуре отдельно от функционировавшего предмета или явления, тогда как тип, представляющий собой синтетический конструкт, некую усредненную модель, отражает и обобщает группу именно дискретных, самостоятельно существовавших, функционировавших предметов или явлений культуры. Археологические типы могут конструироваться также и в порядке обобщения классов тех или иных функционально, либо символически значимых частей артефактов.

Столь же большое значение имеет и выявление на основе определенных критериев степени аналогичности, варьирующей как в археологических элементах, так и в типах, от почти полного тождества до отдаленного подобия. Аналогичность элементов археологических артефактов разных регионов может являться не только следствием культурного взаимодействия, но чаще — результатом действия изофункциональных факторов, проявляющихся в сходных природных и социокультурных средах. Напротив, тип артефактов, всегда выступающий в качестве конструируемого обобщения устойчиво повторяющегося набора элементов, имеет в основе специфическую историю формирования класса объектов. В отличие от конвергентных элементов вероятность спонтанного возникновения аналогичных типов (т. е. повторяющихся комплексов элементов) в разных географических областях на несколько порядков меньше. Чем сложнее обнаруживаемый в разных регионах тип, т. е. чем большее число взаимосвязанных элементов в нем отражается (обобщается), тем вероятнее его распространение из одного центра. Количество же повторяющихся элементов, выявляемых в границе одного типа, зависит от степени совершенства, глу-

быни и точности исследовательских методик. На практике может предполагаться моноцентричность происхождения любого более или менее сложного археологического типа, а раскрытие ареальных параметров данного типа поставлено в зависимость от глубины исследования.

Предпосылкой культурных воздействий в континуальной синхронии является пространственное движение явлений культуры, которое осуществляется двумя основными способами: явление культуры либо перемещается вместе со своим носителем, либо передается от одного носителя к другому. В древности первый способ был обусловлен миграциями в широком понимании данного явления (мирные и насильственные эмиграции и иммиграции, вторжения, коллективные и индивидуальные переселения, перемещения целых этносов или их отдельных групп и т. д.). Типологии миграций посвящена обширная литература. Появились и успешные опыты типологизации миграций на археологическом материале².

Второй вид перемещения явлений культуры охватывает все способы их передачи от одного индивидуального или коллективного носителя к другому и может быть назван интерпортантной трансмиссией. Последняя включает торговый обмен, обмен производственными и бытовыми традициями и в целом все формы прямых и обратных культурных связей между индивидами или группами людей, сопровождающихся пространственной передачей явлений культуры.

Существеннейшей частью интерпортантной трансмиссии выступает обмен явлениями культуры в широком смысле термина, который может рассматриваться как относительно эквивалентный и неэквивалентный. Наиболее сложная система эквивалентного обмена находит выражение в процессе интеграции культур. Простейшим же выражением обменных отношений этого рода зачастую выступает торговый обмен. К разновидности неэквивалентного обмена относится значительная часть культурных заимствований; другая их часть скорее соответствует внеобменным формам интерпортантной трансмиссии. Диффузия культуры является по существу выражением реальных интерпортантных контактов между носителями различных культурных явлений. Со времен Эллиота Смита сложилась традиция противопоставления миграционизма и диффузионизма, между тем как в излагаемом понимании вопроса миграционным явлениям следует противопоставлять явления интерпортантной трансмиссии, а вернее, рассматривать их в единстве как два способа движения явлений культуры в пространстве.

Археологическое суждение о культурных и этнических взаимодействиях ограничено характером археологических источников. В этом аспекте задачей исследования является выделение двух групп археологических типов: одних — отражающих движение явлений культуры, вызванное миграцией их носителей, и других — отражающих передачу культуры посредством интерпортантной трансмиссии, представленной в большинстве случаев обменом культурными явлениями. Очевидно, что такое разграничение возможно лишь при условии применения исторических (этнографических) моделей миграционных и обменных связей.

В начале миграционного процесса мигранты переносят основной массив собственных традиций, который может соответствовать всей культуре этноса, если последний мигрирует целиком. При многоэтапной миграции конца миграционного движения достигает лишь ограниченное число явлений культуры, перемешавшихся вместе с их первоначальными носителями. Вместе с тем свидетельством миграции могут оказаться явления, отсутствовавшие на территории прародины и заимствованные (опять-таки интерпортантным путем) мигрантами на пути их перемещения в иных социокультурных средах. Эти исторические обстоятельства находят выражение в исходной и конечной неидентичности состава археологических типов³, рассматриваемых при реконструкции предполагаемых миграционных процессов. Указанное обстоятельство опровер-

гаст умозрительно сконструированный «критерий локальности» (термин Дж. Дица) археологических культур, сопоставляемых с целью выявления миграционных процессов. Для реконструкции миграций велись поиски «этнизирующих признаков». В качестве этнизирующих признаков предполагались то конструкция погребальных сооружений, то орнаментация керамики и т. п. Бездоказательность поиска универсальных этнизирующих признаков археологической культуры была отмечена рядом исследователей⁴.

Попытку усовершенствовать метод этнизирующих признаков предпринял Г. Чайлд, называвший этнизирующие признаки «диагностическими типами» археологической культуры. Им были предложены такие условия выделения диагностических типов, как относительная независимость «диагностического» явления от уровня и характера хозяйственно-технологического развития общества, его сочетание с другими слабо детерминированными признаками, рассмотрение диагностического типа в хронологических и территориальных границах определенной археологической культуры, т. е. с учетом всех других категорий артефактов, выделение археологической культуры на основании нескольких сопряженных диагностических типов и т. д. Г. Чайлд по существу обосновывал методику выделения археологических культур, однако при этом механистически отождествлял археологическую культуру и этнос⁵.

В действительности установление этнических признаков археологической культуры должно основываться на внеархеологических критериях. К этому следует добавить, что виды (группы) этнических признаков археологической культуры (так же как и культуры этнографической) изменяются в зависимости от исторических типов культуры: изменение типа культуры может привести и к смене видов этнических признаков. В качестве важнейшего этнического признака культуры нужно также отметить статистическую характеристику способов соединения явлений культуры в культуре конкретного этноса, их количественные соотношения.

В отличие от миграционного перемещения в процессе интерпортантной трансмиссии культуры передается не весь массив культуры донора, а лишь та его часть, которая является для реципиента либо жизненно важной с утилитарной точки зрения, либо престижной. Передача интерпортантным путем престижных явлений культуры с их последующим превращением в процессе аккультурации в утилитарные хорошо прослежена в этнографии разных регионов земного шара, в частности на Кавказе⁶. Для эпохи древности в передаче посредством обмена (интерпортантная трансмиссия) преобладали сырье, пищевые продукты, украшения, предметы роскоши и в целом изделия высокой стоимости и их меновые эквиваленты, реже — производственные навыки. При большой разнице в хозяйственной специализации обменивавшихся обществ интенсивность обменных связей была высокой. Напротив, значительная часть явлений так называемой бытовой народной культуры (непрестижные детали костюма, жилище, утварь, в том числе определенные категории посуды и др.), по-видимому, передавалась путем обмена лишь в исключительных случаях или передавалась медленно между контактировавшими длительное время ареалами культур (речь идет о взаимодействии культур, в которых представлены функционально эквивалентные явления, выраженные различными формами).

Таким образом, выяснение связей между различными регионами на археологическом материале в основном сводится к двум последовательным процедурам: 1) отделение аналогичных элементов артефактов от аналогичных типов артефактов (для последних должна предполагаться моноцентричность происхождения) в сравниваемых регионах; 2) выделение на основе внеархеологических критериев в группе сравниваемых археологических типов предположительно моноцентрического происхождения двух подгрупп типов, одна из которых могла быть передана в процессе обменной (интерпортантной) трансмиссии явлений культуры, а другая перенесена вместе с миграцией носителей. Основанием для такого разграничения могут служить вышеуказанные сообра-

жения. Следует полностью осознавать изменчивость устанавливаемых оснований исследования в зависимости от конкретно-исторических условий существования объекта, тем более что этнос и соответственно миграционный процесс предстает перед археологом лишь в одном из своих основных аспектов — в аспекте культуры, к тому же культуры археологической, а не этнографической. Однако указанные предпосылки находят многочисленные подтверждения не только в этнографическом материале, но и в немалом количестве археологических комплексов, отражающих миграции, засвидетельствованные письменными источниками. Рассмотрение этих фактов показывает, к примеру, что появление гиксосов в Египте и занятие ими Дельты археологически фиксируется возникновением городищ подпрямоугольного плана с округленными углами и возведенными на валах стенами, погребальными сооружениями из кирпича, типологическим рядом специфической керамики Телль эль Яхудийя, специфической типологией кинжалов и коротких мечей. Иммиграция амореев в Палестину в конце III тысячелетия до н. э. археологически проявляется в таких признаках, как синхронные слои пожарищ в Иерихоне, Библи и др. и распространение новых погребальных обрядов. Иммиграция одного из «народов моря» — филистимлян в Палестину ознаменовалась пожарами на различных поселениях, которые перекрываются слоями с характернейшим типологическим комплексом керамики, являющейся бесспорным дериватом микенских прототипов⁷. Число аналогичных примеров может быть значительно увеличено.

При реконструкции миграционных процессов за выделением археологических типов, отражающих явления культуры, вероятность передачи которых посредством интерпортантной трансмиссии минимальна, должен следовать анализ, исходящий из критерия хронологического и территориального стыка сравниваемых археологических культур. Данный критерий предполагает, что материнская, или исходная культура, порождающая предполагаемую культуру мигрантов, должна иметь с ней стык во времени. Таким же образом порождающая культура должна иметь цепочку территориальной связи посредством промежуточных памятников либо взаимоналегающие ареалы с мигрантной культурой. При применении критерия хронологического и территориального стыка необходимо учитывать три существенные поправки: 1) на различную степень изученности отдельных регионов и археологических культур, вследствие чего пространственный и иногда временной стыки являются весьма относительными, а в ряде случаев могут и не прослеживаться; 2) на различную скорость и расстояние миграций, поскольку при значительной интенсивности передвижений мигранты могли не оставлять археологических следов на своем пути; 3) на характер археологических остатков в зависимости от хозяйственных и бытовых особенностей мигрирующей культуры (например, ряд иммиграций кочевников-семитов в Месопотамию не фиксируется наличными археологическими источниками).

Таким образом, сам тип миграции оказывает определяющее влияние на возможность его реконструкции при анализе археологических источников. Миграции различных типов оставляют свои специфические следы в археологических памятниках⁸. Например, миграция скифов во время их завоевательных походов в Переднюю Азию в VII в. до н. э. являлась по существу переселением преимущественно мужского населения (если доверять рассказу Геродота), которое стояло на более низком уровне развития культуры по сравнению с населением завоеванных областей. Соответственно данному типу миграции в погребениях Мингечаура, вероятно, отразивших это завоевательное переселение, засвидетельствовано изменение труположения и набора вооружения (т. е. мужских предметов), тогда как остальной комплект археологических типов свидетельствует о развитии традиций местной культуры, в которую были интегрированы завоеватели. Другую картину можно наблюдать при рассмотрении иммиграции урартов (биинцев) в Араратскую долину, которая достаточно хорошо документирована как письменными, так и археологическими свидетель-

ствами. Эта иммиграция имела место в результате завоевания Араратской долины (старана 'Аза, она же — Уаза, урартских источников) урартским (биайнским) царем Аргишти I в конце 780—770-х годов до н. э. и включения страны Уаза в состав урартской империи. Биайнцы с самого начала переселения выступали на территории страны Уаза в качестве господствующего этноса-класса, перенесли сюда не только социальные институты, но и весь комплекс материальной и духовной культуры. Перенесенная миграционным путем биайнская культура, будучи по отношению к культуре покоренного этноса более высокой, элитарной и, следовательно, престижной, ассимилировала не только культуру оставшейся на месте части уазайского населения, но и культуру насильно переселенных сюда Аргишти I с берегов Верхнего Евфрата хаттов и цупанийцев. При этом сами биайнцы (урарты), по-видимому, так и не составили большинства населения Араратской долины. Ассимилировав в основном культуры покоренных этносов, биайнская культура Араратской долины вместе с тем интегрировала в себе некоторые явления этих культур (культ бога Иварши и др.). Переселение биайнской этнической группы вследствие завоевания, отразилось в памятниках Араратской долины в виде кардинальной замены комплекса археологических типов.

При реконструкции миграционных процессов по данным археологических источников необходимо учитывать в типологии миграций и их социально-формационную обусловленность. Миграции доклассовых этнических групп должны отражаться в археологических источниках иначе, чем миграции этносов, стоявших на уровне раннеклассового общества либо достигавших этого уровня в результате самой миграции. Причина этих различий заложена в разнице способов взаимоотношений между этносами в доклассовом и раннеклассовом обществах. Земледельческая или скотоводческая община доклассового общества моноэтнична. Моноэтнично ее поселение или территория расселения, моноэтничен могильник. Весь комплекс внутриобщинного производства, распределения и потребления существует в рамках этой моноэтничности. Миграции доклассовой эпохи приводили к столкновению и сосуществованию различных этносов, которые были организованы (наряду с племенной, родовой и иной организацией) в моноэтничные общины. Межэтнические контакты проявлялись в виде связей между внутренне моноэтничными общинами. В условиях раннеклассового общества моноэтничность общины разрушается под воздействием миграции. Мигранты включаются в процесс распределения, потребления, а иногда и производственной деятельности данной общины, образуя в случае завоевания господствующий этнос-класс и не смешиваясь с покоренным этносом (типичный пример — спартиаты и илоты) либо непосредственно интегрируясь с покоренным этносом в новосозданном обществе и превращаясь в его господствующий класс (норманское завоевание Англии, происхождение многих древнейших армянских княжеских — нахарарских родов и т. д.). Завоевание одним доклассовым этносом другого доклассового этноса в условиях возникновения единого социально-экономического организма могло явиться достаточным фактором для формирования классового общества. Таким образом, выделяя при сравнительном археологическом исследовании поселений и могильников доклассовой эпохи этнизирующие признаки, можно предположить их принадлежность одному этносу. Тогда как поселения и могильники раннеклассовой эпохи могли быть оставлены совместно проживавшими группами различных этносов. В таком случае необходимо вводить дополнительную дифференциацию этнизирующих признаков, модели миграций соответствующих типов, представление об элитарной и народной культуре и т. п.

Анализ материальных следов миграций, отмеченных письменными источниками, явственно указывает, что миграция группы людей в бронзовом и раннем железном веке может быть постулирована в том случае, если выделяются две или три группы типов археологических артефактов, функциональная взаимозависимость между которыми представляется отсутствующей или слабой.

Таким образом, с целью аргументации выводов должна предполагаться и выявляться пространственно-временная трансмиссия двух и более независимых друг от друга типологических групп артефактов. Эти группы должны соответствовать критерию неинтерпортантности типа и с вышеуказанными поправками критерию хронологического и территориального стыка.

Мигрантная культура может быть открыта и без выявления порождающей материнской культуры, т. е. без применения критерия хронологического и территориального стыка. Однако направление и другие параметры таких миграций остаются неизвестными, а в основе открытия мигрантного характера той или иной типологической группы оказывается методически неразработанная, исключительно сложная реконструкция взаимодействия традиций и инноваций в локально-исторической культуре, отраженной археологическими источниками. И в данном случае критерий интерпортантности полностью сохраняет свое значение. При таком подходе миграция может постулироваться в том случае, если тот или иной неинтерпортантный археологический тип выходит за пределы инновационных возможностей, реконструируемых для конкретной археологической культуры.

Древние культуры существенно отличались друг от друга по показателям уровней традиционности и инновационности. Глубоко традиционные культуры порой переживали «взрывы» внутренних инноваций. В этом отношении показательна типологическая картина куро-араксской (шенгавитской) культуры раннего бронзового века Армянского нагорья и Кавказа. Типологический репертуар ее раннего этапа весьма ограничен. На рубеже IV и III тысячелетий до н. э. и в первой трети III тысячелетия до н. э. произошел «взрыв» внутренних инноваций, приведший к многократному увеличению набора типов и появления новых типологических групп и категорий. За периодом инновационного взрыва наступила эпоха традиционализации, во время которой исчезает ряд инновационных типов предшествующего периода и появляются типы, происхождение которых может быть связано с внешними влияниями. Взрывы внутренних инноваций способствовали дроблению культур на локальные варианты⁹.

Реконструкция взаимодействия традиции и внутрикультурной инновации, т. е. выявление потенциальной возможности возникновения инновационных форм, может строиться в ином варианте, на базе анализа взаимоотношений археологических типов с образующими их элементами артефактов. Можно предположить, что рекомбинация присутствующих в конкретной археологической культуре в данный промежуток времени археологических элементов в новый тип соответствует внутренним инновационным возможностям локально-исторической культуры. Таким же образом появление отдельного нового археологического элемента артефакта, включенного в тип, образованный другими традиционными элементами, можно при определенных условиях считать результатом местной инновации. Однако присутствие нового типа, образованного несколькими новыми элементами, скорее может рассматриваться в качестве свидетельства миграционной трансмиссии культуры (при условии соблюдения критерия неинтерпортантности типа), т. е. как результат появления группы иммигрантов.

Так, при раскопках поселения Мохраблур близ Эчмиадзина в Араратской долине, являющегося памятником шенгавитской (куро-араксской) культуры, в III и IV строительных горизонтах (около 2800—2500 гг. до н. э.) обнаружена группа типов керамики, не известной в предшествующих горизонтах, ее анализ выявляет ряд новых взаимосвязанных и неизвестных прежде элементов. Эта керамика сопровождается появлением плоских, иконографически специфических женских символических статуэток и наглядным переходом от преобладания круглопланового домостроения к преобладанию прямоугольной планировки. В этом случае имеются два основания предполагать миграционную трансмиссию указанных неинтерпортантных типов, хотя прародина данной миграции,

т. е. материнская культура, пока что только разыскивается. Вполне вероятным представляется многоступенчатый характер иммиграции этого культурного комплекса.

Преобладающая прямоугольная планировка домов могла быть привнесена с близлежащих поселений того же локального варианта шенгавитской культуры или из ареала другого локального варианта той же культуры. Керамические типы могли переместиться из соседнего локального варианта или из соседней археологической культуры, тогда как своеобразная глиняная пластика могла быть обязана своим происхождением даже другим культурно-историческим общностям (палеокультурным областям). Однако факт одновременного появления этих малозависимых друг от друга типологических групп в одном горизонте поселения, возникшего единовременно в результате деятельности одной общины, вероятно, исключает интерпортантный характер перемещения данных типов и позволяет предположить иммиграцию носителей культуры Мохраблур III с территории распространения иного (возможно, соседнего) локального варианта куро-араксской (шенгавитской) культуры. Таким образом, в этом случае реконструируемый миграционный процесс не сформировал той картины дискретности, которая соответствует смене одной археологической культуры другой. Он обусловил лишь переход от одного культурно-хронологического этапа к другому в рамках одной археологической культуры.

Данный способ выявления мигрантной культуры, основанный на реконструкции взаимоотношений традиции и инновации в конкретной культуре, является вспомогательным. Однако не определяя направления миграций, он может быть полезен для постулирования таковых в неолите, энеолите и бронзовом веке, поскольку большинство материнских культур этих эпох пока что остается недостаточно изученным.

Рассмотренные выше предпосылки явились отправной точкой для исследования на материалах археологии культурных и этнических взаимодействий в древности, в данном случае взаимодействий между Армянским нагорьем и Кавказом, с одной стороны, и Юго-Восточной и Центральной Европой — с другой. Здесь излагаются некоторые итоги проведенного исследования.

В эпоху переднеазиатского неолита, халколита и начала раннего бронзового века (т. е. приблизительно до второй четверти III тысячелетия до н. э.) общность культур Армянского нагорья, Южного Кавказа и Балканского полуострова пока что устанавливается лишь на уровне отдельных археологических элементов артефактов. Эти элементы выявляются в керамическом комплексе, тогда как литический материал недостаточно изучен для сравнений в рассматриваемом аспекте. Аналогичность элементов установлена при сопоставлении керамики, известной под названием «Dalma Impressed Ware» или «Dalma Surface Manipulated Ware» с «барботинным» керамическим комплексом периода Пресскло. Выявляются и сходные элементы строительной техники (цоколи ортостатной кладки) слоя М поселения Геой-тепе близ оз. Урмия и памятников периода Сескло в Греция¹⁰. В данных сравнениях очевиден значительный хронологический разрыв между аналогичными элементами археологических типов рассматриваемых регионов. Выявляются и некоторые другие аналогичные элементы в керамике: черное лощение наружной поверхности сосудов, имеющих черепок розового цвета, пятнистый обжиг посуды и т. д. Часть этих элементов засвидетельствована на территории Малой Азии, которая могла быть необходимым связующим регионом. Однако современное состояние источниковедческой базы не позволяет прийти к определенному выводу относительно конвергентного возникновения указанных аналогичных элементов или их трансмиссии миграционным либо обменным путем.

Иная картина наблюдается во второй и третьей четвертях III тысячелетия до н. э. В то время в развитие местных культур Армянского нагорья и Кавказа внезапно вклинивается ряд сложившихся археологических типов, характерных не только для Балкан, но и для Центральной и даже Западной Европы.

При этом данные типы артефактов не могут рассматриваться ни как престижные, ни как утилитарно необходимые элементы культуры. Это означает, что следует предположить их перемещение неинтерпортантным путем, т. е. считать принесенными вместе с мигрировавшей группой населения. Наиболее характерные типы этой группы представлены каркасно-глинобитными домами простого прямоугольного или магаронного плана. Их стены были образованы жердями, оплетенными прутьями и покрытыми глинобитом. Подобные дома характеризуют древнейшую домостроительную традицию Юго-Восточной Европы на протяжении нескольких тысячелетий, начиная с докерамического неолита Фессалии. Во второй четверти III тысячелетия до н. э. традиция каркасно-глинобитного домостроения внезапно вторгается в чуждую ей среду Армянского нагорья и Южного Кавказа. Движение этих типов через Малую Азию документируют раскопки Дундартепе в Понте¹¹. Приблизительно синхронно данной трансмиссии типов выявляется общность группы элементов керамики финальной фазы Винчи и куро-араксской (шенгавитской) культуры. В ту же эпоху наблюдается появление на Армянском нагорье и Южном Кавказе характерного для Юго-Восточной Европы и Западной Малой Азии типа металлических предметов (плоские, очень вытянутые тесла)¹².

Передвижению типов миграционным путем, по-видимому, сопутствовала трансмиссия артефактов из Малой Азии на Армянское нагорье путем торгового обмена. Свидетельством тому могут служить единичные предметы из оловянистой и мышьяковисто-оловянистой бронзы, относящиеся к поздним этапам развития шенгавитской культуры¹³. Строители каркасно-глинобитных домов принесли с собой на Армянское нагорье и Южный Кавказ также и определенные реконструируемые формы социальной организации и идеологии. О последних свидетельствует распространение культа мужского божества, главным атрибутом которого являлось серповидное орудие (или, быть может, оружие), носимое на плече. На это указывает хронологическое соотношение скульптуры «бога с серпом» культуры Тиса из Сегвар-Тюзкевеша (Венгрия), золотой модели того же серповидного символа власти из Варненского могильника (Болгария) и магической глиняной статуэтки из Арича (Армения)¹⁴. Территориальный стык между серповидными символами Юго-Восточной Европы и Армянского нагорья отчасти обеспечивают более поздние хеттские рельефы Языликая (Анатолия), изображающие шествие с подобным оружием. Рассмотренное миграционное перемещение культурных явлений во второй — третьей четверти III тысячелетия до н. э. сопровождалось синтезом местной и пришлой культуры на территории Армянского нагорья и Южного Кавказа.

Интерпортантная трансмиссия явлений культуры в форме торгового обмена или передачи производственных навыков, но развивавшаяся в другом направлении, отчетливо прослеживается в том влиянии, которое оказывала кавказская металлургия на металлообработку Восточной Европы в III тысячелетии до н. э. Металл Армянского нагорья и Кавказа завоевывает в эту эпоху обширные пространства между Волгой и Днестром¹⁵.

Таким образом, можно предположить, что в середине и второй половине III тысячелетия до н. э. взаимодействие культур Армянского нагорья, Южного Кавказа и Балкано-Дунайского региона имело преимущественно характер миграционной трансмиссии явлений культуры, которая происходила при движении мигрантов с запада на восток через Малую Азию. Не исключена миграционная трансмиссия и в обратном направлении — с Северного Кавказа через юг Восточной Европы в Подунавье.

В первой половине II тысячелетия до н. э. взаимодействие культур Армянского нагорья, Южного Кавказа и Юго-Восточной Европы характеризуется такими археологическими типами, которые преимущественно отражают усиление обменных связей. В этом отношении показателен типологический состав археологических культур триалетского круга, которые были распространены на территории Восточной Грузии и большей части Армянского нагорья. Однако и в этой

культуре представлены некоторые типы артефактов (например, сосуды, украшенные коническими соседивными выступами, окруженными вдавленными концентрическими окружностями), которые могли попасть из Южной Европы или Западной Малой Азии на Южный Кавказ лишь вместе с мигрировавшими носителями¹⁶. Кроме этого, быстрая смена различных археологических культур среднего бронзового века на Армянском нагорье и Южном Кавказе указывает на существенные миграционные процессы.

В процессе культурного и этнического взаимодействия Европы с Армянским нагорьем и Кавказом миграционная трансмиссия элементов культуры переходила в интерпортантную, а интерпортантная — в миграционную. Обе они сосуществовали и дополняли друг друга, хотя в отдельные периоды преобладающей была то одна, то другая форма передачи.

Обрисованная панорама этнических и культурных взаимодействий со всей очевидностью выявляет упрощенческую суть господствующих в исторической науке представлений о древних миграциях. Анализ отмеченных выше фактов показывает, что в древности миграции населения непрерывно происходили на территории Европы и Западной Азии, в том числе на Армянском нагорье и Кавказе. Однако большинство этих миграций не прерывало развития культуры и не вело к полной смене населения. В большинстве случаев, по-видимому, имел место культурный синтез и слияние этнических групп. Лишь немногие миграции вызвали кардинальную смену аборигенного населения пришлым этносом и разрыв в основном комплексе культурных традиций.

Примечания

¹ Понятие «признак», определяемое как любое свойство предмета или явления, которое выделено и записано каким-либо способом (Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М., 1975. С. 19), получило право гражданства и широкое распространение в археологической литературе. В ряде публикаций мы также использовали данный термин именно в этом смысле. Однако археологическое толкование «признака» значительно отличается от общеупотребительного, в том числе и научного, толкования смысла этого слова. В общеупотребительном смысле под «признаком» понимается некое свойство, позволяющее выделить определенный предмет, объект среди других предметов или явлений, т. е. «признак» включает в себя понятие специфичности. Необходимость раскрытия специфики объектов в археологических классификациях привела к появлению таких нестрогих понятий, как «диагностическая категория» или «диагностический признак» (полисемантизм заключается именно в прилагательном «диагностический»). В свое время вместо понятия «признак археологического артефакта» нами было предложено понятие «элемент археологического артефакта» (Аресян Г. Е. К выделению раннеземледельческих культур Армянского нагорья и Южного Кавказа // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972. С. 57—58), которое рассматривалось как полный синоним вышеупомянутого археологического определения «признака». При этом за понятием «признак» закрепляется смысл специфичности. Практика археологического источниковедения настоятельно требует дифференцированного использования этих двух понятий. Таким образом, «элемент археологического артефакта» — это любое свойство археологического артефакта, выявленное и зафиксированное каким-либо способом, которое является наименьшей, неделимой операциональной единицей археологической классификации, тогда как «археологический признак» есть специфическое свойство или комплекс таких свойств, выделяющий археологический объект или их группу из совокупности рассматриваемых объектов. Именно в этом смысле мы употребляем понятия «элемент артефакта» и «археологический признак» в настоящей статье.

² Клейн Л. С. Археологические признаки миграций (Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук). М., 1973. С. 13; Мерперт Н. Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // Сов. археология. 1978. № 3. С. 9—28; Титов В. С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового света. М., 1982. С. 89—145.

³ Клейн Л. С. Указ. раб. С. 7—8.

⁴ См., например: Кнабе Г. С. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе // Сов. археология. 1959. № 3. С. 248—249.

⁵ Childe V. G. Piecing Together the Past. L., 1956. P. 111—113.

⁶ См., например: Дмитриев В. А. О проникновении в быт кавказских народов «высокого стола» (к вопросу о действии механизма заимствований) // Сов. этнография. 1979. № 6. С. 97—99.

⁷ Титов В. С. Указ. раб. С. 89—145.

⁸ См., например: Дьяконов И. М. Типы этнических передвижений в ранней древности (с конца IV по начало I тыс. до н. э.) // Древний Восток. Ереван, 1983. Вып. 4. С. 8, 9—11.

⁹ Аресян Г. Е. Культурный традиционализм на примере куро-араксской культуры // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981. С. 51.

- ¹⁰ Young T. C. J., Levin L. D. Excavations of the Godin Project: Second Progress Report // Royal Ontario Museum. Occasional Paper, Art and Archaeology. 1974. № 26. P. 2—4, 10, 11, 64—67; Нариманов И. Г. Раскопки энеолитического поселения Иланлы-тепе // Археологические открытия 1968 г. М., 1969. С. 396—397; Тутов В. С. Неолит Греции. М., 1969. С. 112—114, 116.
- ¹¹ Georgiev I. G. Kulturgruppen der Jungstein- und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien) // L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Praha, 1961. P. 73—86; Duru R. Keban Project Degirmentepe Excavations 1973 // Middle East Technical Univ., Keban Project Publications. Ser. III. № 2. Ankara, 1979. P. 69—70, 73—74; Hauptmann H. Die Grabungen auf dem Norsun-Tepe, 1973. Bericht über die 6. Kampagne // Turk Arkeoloji Dergisi. XXIII/1. 1976. S. 69. Fig. 29—31; Джавахишвили А. И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси, 1973. С. 113—149, 336.
- ¹² Deshayes J. Les origines de la métallurgie danubienne // Acta Archaeologica. Academia Scientiarum Hungaricae. T. XII. Fasc. 1—4. P. 72, 74; Мартиросян А. А., Мнацаканян А. О. Приереванский клад древней бронзы // Кр. сообщ. Ин-та археологии. М., 1973. Вып. 134. С. 122—123; Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триаleti. Тбилиси, 1941. Т. I. С. 13—15.
- ¹³ Геворкян А. Ц. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван, 1980. С. 48—71.
- ¹⁴ Csálg J. Das Krummschwert des Idols von Szegvar-Tüzköves // Acta Archaeologica. Academia Scientiarum Hungaricae. T. XII. Fasc. 1—4. S. 57—68; Тутов В. С. Поздний неолит // Археология Венгрии. Каменный век. М., 1980. С. 356; Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака. Ереван, 1975. Рис. 37.
- ¹⁵ Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1966. № 132. С. 86—87; Геворкян А. Ц. Указ. раб. С. 51.
- ¹⁶ Арешян Г. Е. Малоазийские формы в керамике Армении среднего бронзового века // Сов. археология. 1973. № 4; Джапаридзе О. М., Киквидзе И. А., Авалишвили Г. Б., Церетели А. Т. Результаты работ Месхет-Джавахетской археологической экспедиции. Тбилиси, 1981. Табл. IV (на груз. яз.); Dumitrescu V. Arta preistorica in Romania. Bucuresti, 1974; Kovacs T. Die Bronzezeit in Ungarn. Budapest, 1977. S. 105—106. Fig. 41, 53; Mellaart J. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966. Fig. 52.

В. П. Орфинский

ВЕКОВОЙ СПОР. ТИПЫ ПЛАНИРОВКИ КАК ЭТНИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК

(на примере поселений Русского Севера) *

Вопрос, послуживший поводом для настоящей статьи, возник столетие назад, когда русские краеведы-этнографы впервые обратили внимание на «беспорядочный облик» поселений финноязычных народов Европейского Севера, отличный от более регулярного облика северорусских деревень. Именно тогда на основании непосредственных зрительных впечатлений и сложилось мнение, что «беспорядочность» — финская особенность планировки, являющаяся «этническим признаком»¹. Более того, исследователи в первой половине XX столетия (например, М. В. Едемский, К. К. Романов, Р. М. Габе) даже выделяли «финский» и «русский» типы планировки, связывая возникновение последнего с первоначальной новгородской колонизацией Севера. Правда, во второй половине XX в. возможность такой связи опроверг вначале М. В. Витов², а затем В. В. Пименов, утверждавший, что конкретно-исторический подход к изучению формы поселений не дает возможности рассматривать «беспорядочную» планировку как общий для финноязычных народов Европейского Севера признак, свидетельствующий об их культурном родстве, потому, что многодворные поселения появились только в конце XVI — начале XVII в.³.

Такая точка зрения отнюдь не беспорочна, ибо основана на несколько упрощенной трактовке понятия «традиции» как «передачи по наследству» готовых сложившихся форм, а не закреплении в народном сознании определенных прин-

* Печатается в порядке обсуждения.

ципов формообразования. Здесь уместно напомнить высказывание Ю. В. Бромлея, что «во всех дефинициях „традиции“ неизменно подчеркивается, что имеется в виду передача обычаев, преданий, норм поведения, взглядов, п р е д с т а в л е н и й (разрядка моя.— В. О.), вкусов, идей, убеждений и т. п. „распределенных“ компонентов общественного сознания»⁴. Что же касается представлений о рациональной для конкретных физико-географических и ландшафтных условий организации жизненной среды, удовлетворяющей помимо утилитарных эстетические запросы (и, следовательно, отражающей особенности художественного мышления народа), то такие представления безусловно формировались уже при застройке первичных деревень-усадб (однодворных деревень), а затем, как все выдержавшее проверку временем, закреплялись традицией и влияли на объемно-пространственную организацию более сложных объемно-планировочных структур. В свою очередь специфика таких представлений у различных этнических групп населения Севера вполне могла видоизменять процесс эволюции поселений при сохранении его общей социально-экономической обусловленности.

На позицию В. В. Пименова в данном вопросе оказали влияние планировочные концепции М. В. Витова, ознаменовавшие качественно новый этап в изучении планировки и застройки селений Русского Севера, связанный с объективизацией исследования с помощью количественных характеристик и расширением его хронологических границ путем привлечения исторических документов. Все это позволило опровергнуть ряд прежних заблуждений, но, к сожалению, одновременно были отвергнуты некоторые правомерные гипотезы и проигнорированы вполне достоверные наблюдения. Причина тому — недоучет исследователем многофункциональности архитектуры, призванной удовлетворять как материальные, так и духовные потребности людей.

Надо сказать, что необходимость целостного подхода к изучению планировки и застройки селений как органического единства материального и духовного предопределена синкретичностью всей традиционной народной (крестьянской) культуры, в которой потребительские качества вещей, как правило, оценивались с учетом их художественных достоинств. Что же касается планировочных концепций М. В. Витова, то они во многом носили односторонний характер. Подтверждение тому — его трактовка такого важного этнографического понятия, как «форма поселений», характеризующая лишь ориентацию и взаиморасположение домов на плоскости без учета трехмерности объемов, их пространственных связей и соответственно психофизиологического воздействия на людей объемно-пространственной среды в целом. Именно поэтому в 1970-х годах автор данной статьи предложил заменить термин «форма селений» более емким понятием «объемно-планировочная структура», учитывающим внутреннюю организацию планировки и застройки поселений под совокупным воздействием утилитарно-функциональных и архитектурно-художественных факторов. Первые проявлялись в производственно-бытовых процессах, протекавших под влиянием переменных социально-экономических факторов в отношении постоянных природных условиях; вторые — в художественном осмыслении пространства на основе эстетических критериев, отражавших опосредованно (через творческую индивидуальность народных мастеров) воздействие тех же факторов и условий, преломленное через призму исторического опыта (традиция).

В результате четвертьвекового изучения деревянного зодчества Карелии и сопредельных областей Русского Севера автором статьи был сделан вывод, что стремление к большей свободе (меньшей регулярности) планировки и застройки поселений действительно характеризует основную направленность архитектурно-строительной деятельности карел⁵. Подтверждением устойчивости этой тенденции может служить интересное наблюдение Р. Ф. Таровой (Никольской) в д. Соностров, возникшей в 1912 г., когда шесть карельских

семей переселились из Северо-Западной Карелии на Беломорское побережье. Несмотря на заранее заданную планировочную схему и четкие красные линии застройки, деревня из-за нагромождения хозяйственных построек и явной аритмии в расположении домов резко отличается от соседних русских поморских сел «беспорядочностью» своего облика⁶. Аналогичную ситуацию выявил преподаватель Петрозаводского университета П. П. Медведев в деревнях Мурманской обл.: Колвица (основана в конце XIX в. карелами — выходцами из Костеньги и Ухты), Травяная Губа со смешанным русско-карельским населением (перенесена в 1930 г. из зоны затопления на р. Княжая), а также Ниль-озеро Лоухского р-на Карельской АССР (образована карелами во второй половине XIX в. — между 1847 и 1903 гг.)⁷.

Выявление связи между тенденцией к свободной планировке и другими особенностями деревянного зодчества карел, казалось бы, позволяет квалифицировать эту тенденцию как этноопределяющую. Однако в конце 1970-х годов З. И. Етоева вновь попыталась опровергнуть связь приемов планировки и застройки поселений с национальными художественными представлениями народа. Придя к выводу, что «присущих какому-либо одному этносу определенных форм поселений на Севере не имеется», она считает его достаточным для подтверждения полной обусловленности планировки и застройки поселений внешними факторами⁸.

Приведенные З. И. Етоевой аргументы — примеры свободной формы поселений из неконтактных с Карелией глухих уголков Севера — можно было бы дополнить примерами из других регионов и стран, но все они применительно к рассматриваемому вопросу ровно ничего не доказывают, ибо идентичные или близкие формы, порожденные общими закономерностями общественного развития или культурной конвергенции, могут присутствовать в разных национальных культурах, ни в коей мере не умаляя их самобытности, которая нередко проявляется в особом предпочтении одних интернациональных форм другим.

Впрочем, любые логические умозаключения — это лишь новые охапки хвороста в костер затянувшегося спора. Очевидно, для приближения к истине необходимо предельно объективизировать методику исследования и вовлечь в его орбиту не только сложившиеся формы сами по себе, но прежде всего процесс формообразования, точнее — наиболее характерные для него тенденции. Сделать это оказалось возможным с помощью количественных характеристик степени регулярности соседствующих русских, а также карельских, вепсских и коми поселений-ровесников. Поскольку они находятся в близких природно-климатических условиях и на соизмеримых уровнях социально-экономического развития, то, следовательно, имеющиеся существенные различия в их объемно-планировочной структуре непосредственно или опосредованно порождены этническими особенностями.

Регулярность планировки и застройки поселений характеризуется не только очевидной с первого взгляда геометрической правильностью начертания искусственных структурообразующих элементов (дорог, площадей), но и взаиморасположением построек с такими элементами (как искусственными, так и естественными — берегами водоемов, террасами рельефа), а также с архитектурными или природными доминантами (храмами, «священными» или кладбищенскими рощами), ориентирующими на себя застройку. При этом нарушения регулярности включают: перпендикулярность домов по отношению к структурообразующим элементам или их отклонения от радиусов центральных композиций («угловой разброс»), отклонение от средневзвешенной величины расстояний между домами и структурообразующими элементами («линейный разброс») и, наконец, нарушение ритмики в расположении домов — отклонения от среднего значения интервалов между ними вдоль структурообразующих элементов («аритмия»).

Правда, территориальное соседство разноэтнических поселений не исключало возможности существования нюансных различий в их природной ситуации

(в микроклимате, микрорельефе, размерах и конфигурации водоемов и т. д.), а соизмеримость социально-экономической базы в рамках уездов и волостей не гарантировала полного единства в регламентации землеустройства и землепользования, не говоря уже о многочисленных случайных факторах, влияющих на планировку и застройку каждой конкретной деревни. Но для того чтобы свести к минимуму воздействие указанных различий и особенностей на результат анализа, для исследования были выбраны территории с чересполосным русским и финноязычным населением (включая районы, где такое расселение бытовало в недалеком прошлом), а также на стыках этнических ареалов в различных районах Европейского Севера⁹. Все это в соответствии с «законом больших чисел» благодаря применению методов математической статистики (подробнее см. Приложение 1, выполненное П. П. Медведевым) закономерно повысило степень достоверности полученных результатов.

Выполненные на ЭВМ подсчеты (см. Приложение 1) показали, что аритмия, угловой и линейный разброс в поселениях карел, вепсов и отчасти коми значительно выше аналогичных показателей в соседствующих русских деревнях; следовательно, степень регулярности их значительно ниже. Так, например, сравнительный анализ наиболее хорошо сохранившихся 10 русских и 10 вепских и карельских поселений Подпорожского и Бокситогорского р-нов Ленинградской обл. показал, что у последних угловой разброс больше в 1,5 раза (22,3 против 15,2), линейный — в 1,2 (9,35 против 7,89), аритмия — в 1,3 раза (12,84 против 9,96). Аналогичная картина наблюдается и на востоке региона. Так, в бассейне Вашки в поселениях удорских коми угловой разброс выше, чем в русских, в 1,76 раза (14,3 против 8,12), а линейный — в 2,17 раза (15,5 против 7,13) (аритмия не учитывалась из-за относительно большого количества утрат). Показательно, что поселения со смешанным русско-финноязычным населением чаще всего занимают промежуточное положение. Например, в Беломорье, по данным П. П. Медведева, в русских поселениях угловой разброс по отношению к берегам водоемов равен 13,57, в смешанных — 31,83, в карельских — 44,38; линейный разброс — соответственно 6,11; 11,18; 17,68; аритмия — 9,51; 14,78; 25,4.

Если учесть, что регулярность поселений (мера отличия их структуры от стихийно сформировавшейся ландшафтной подосновы) отражает взаимоотношения искусственной (архитектурной) и естественной (природной) среды, то станет очевидным, что низкая степень регулярности поселений характеризует их «вписанность» в природу.

Разумеется, эта «вписанность» порождена не только объемно-пространственными представлениями аборигенного населения региона, но и воздействием причин сугубо материального характера. В частности, постепенное усиление регулярных начал на заключительном этапе эволюции традиционных поселений (вторая половина XIX — начало XX в.) стимулировалось помимо административной регламентации (в условиях Русского Севера, как правило, малоэффективной) развитием гужевого транспорта и колесных дорог, а также рационализацией землепользования, включающего упорядочение формы усадебных участков и «правильности» расположения на них построек в целях лучшего использования земельных наделов. А поскольку размеры последних в связи с ростом народонаселения при ограниченных ресурсах сельскохозяйственных угодий на Севере неуклонно уменьшались в обратной зависимости от укрупнения поселений, многодворные деревни закономерно имели более регулярную структуру, нежели малодворные. Но были и исключения. Так, например, в Олонецкой губернии средняя дворность менее регулярных карельских деревень значительно превосходила соответствующий показатель для русских поселений¹⁰, что объяснялось, в частности, развитием у карел рыболовного промысла¹¹, обеспечивающего возможность укрупнения поселений в условиях прогрессирующего дефицита земли. Следовательно, сохранение ведущей роли рыбы в пищевом балансе крестьян¹² и относительно меньшая регулярность

объемно-планировочной структуры более крупных карельских поселений являются примерами адаптации народных традиций к изменившимся условиям.

Сказанное, на мой взгляд, отнюдь не опровергается очевидной зависимостью анализируемых явлений от внеэтнических факторов. Как справедливо отметил К. В. Чистов, «нет таких этнических признаков, которые были бы порождены чисто этническими причинами или имели бы только этнический характер»¹³.

Еще показательнее в этом отношении архитектурно-художественные аспекты проблемы. Наиболее благоприятная для их рассмотрения ситуация исторически сложилась в восточной части Ленинградской обл., где на относительно небольшой территории в непосредственной близости соседствуют русские, вепсские и карельские деревни. Здесь были определены количественные характеристики специфики взаимосвязей поселений с окружающей природой и друг с другом. В ходе натурального обследования выяснилось, что в большинстве русских поселений и их групп (кустов) визуальная целостность достигается путем выявления композиционных акцентов-ориентиров, иерархически организующих архитектурно-ландшафтные ансамбли с выявлением главных и тяготеющих к ним второстепенных звеньев (поселений и их частей). При этом структура последних в большинстве случаев носит как бы транзитный (проходной) характер, предопределяющий направленность движения наблюдателя к центру ансамбля.

Наоборот, для карельских и вепсских поселений Ленинградской обл. характерен принцип визуальной локализации — трактовка поселений или их отдельных частей в виде локальных микроструктур, организованных с помощью местных акцентов — зрительных фокусов (обычно жилых домов), замыкающих перспективу деревенской улицы или ее отдельных участков. Таким образом, создается ощущение обособленности и «тупикового» характера: в поселениях — их частей, а в гнездах — поселений целиком.

Для выявления специфики зрительного восприятия анализируемых структур с учетом количественных оценок сложности силуэта составлены графики восприятия, учитывающие объективные психофизиологические данные и отражающие воздействие архитектурно-ландшафтной среды на зрителей (см. Приложение 2, выполненное В. Ф. Гуляевым). Графики подтвердили, что основным композиционным отличием русских поселений Ленинградской обл. является подчеркнутая их связь в рамках искусственной среды (отсюда и принцип визуальной целостности), а вепсских — визуальная изоляция (локализация) и явное преобладание связей с природным окружением.

В процессе обследований были сделаны и некоторые другие любопытные наблюдения. Так, на объемно-планировочную структуру поселений коми, восточной группы вепсов и карел северо-восточной части Калининской обл. культовые постройки оказали менее заметное композиционное воздействие, чем на структуру поселений их русских соседей. Как показало историко-архитектурное обследование Карелии 1950-1980-х годов, характерный для аборигенного населения края религиозный синкретизм (своеобразное сочетание христианства с элементами язычества) предопределил стремление композиционно соподчинять культовые постройки природным формам (преимущественно «священные» деревьям и рошам)¹⁴.

И еще одна важная закономерность, ранее отмечавшаяся многими исследователями, — преимущественно южная ориентация карельского и вепсского жилища, что, естественно, отразилось на объемно-планировочной структуре поселений.

Таким образом, на Русском Севере планировка и застройка вепсских, карельских и коми, а также русских деревень различаются преобладанием ряда тенденций. Эти различия становятся особенно заметными в зонах этнических контактов благодаря возможности прямого сопоставления планировки и застройки поселений, принадлежащих разным этносам. Однозначные особенности, зафиксированные у карел, вепсов и частично у удорских коми, подтверждают, что специфика объемно-планировочной структуры поселений

этих народов связана с глубинными культурными процессами, протекавшими в их среде, хотя и возникла, разумеется, в результате не «этнического саморазвития» родственных культур, а сложных социально-экономических и этнокультурных процессов.

Как известно, вопрос о соотношении этноса и культуры дебатировался давно, и среди этнографов на этот счет существуют различные точки зрения. Одна из них основана на тезисе о слабой связи этноса и культуры, особенно культуры материальной, в силу детерминированности последней физико-географическими условиями (порождавшими локальные культурные различия в доиндустриальный период) и уровнем производительных сил (особенно после того, как по мере развития капитализма усилилось нивелирующее воздействие на культуру фабрично-заводского производства)¹⁵. Другая точка зрения, признавая относительность связи между этносом и культурой, тем не менее учитывает возможность индивидуализации бытующих в ней культурных явлений, т. е. выбора определенных вариантов, которым придается «этнический колорит»¹⁶. Последняя позиция мне представляется более убедительной. Даже сторонники детерминации культуры «внеэтническими факторами» имеют при этом в виду преимущественно материальную культуру. Архитектура же, как уже отмечалось, многофункциональна. В этой связи важно отметить, что «вписанность» селений в природу и тенденция к свободной планировке и застройке порождены, по-видимому, общей причиной — «природоподражательностью», под которой имеется в виду стремление человека в своей практической деятельности не выходить из круга действительных, интуитивно угаданных или мнимых природных закономерностей, соотнося с ними свои утилитарные и духовные представления, включая представление о физическом и психологическом комфорте среды обитания. Разумеется, природоподражательность присуща не только карелам и вепсам, но у них она особенно ярко выражена, являясь их общей этнической особенностью, понимаемой, по словам Д. С. Лихачева, как «некоторый акцент, а отнюдь не качество, отсутствующее у других народов»¹⁷. Возникновению этого акцента, видимо, способствовало то обстоятельство, что карелы, вепсы и коми как этносы сформировались в условиях Севера, а, по утверждению Ю. В. Бромлея, влияние географической среды сказывается наиболее сильно как раз в период формирования этноса и его адаптации к своей природной «нише». При этом от длительного существования традиция становится особенно устойчивой, приобретая «силу инерции»¹⁸.

С учетом культурных акцентов легко объяснить и отмеченный выше «проходной» характер северорусских селений. По-видимому, он связан, с одной стороны, с характерным для русских стремлением к простору непрегражденного пространства (архитектурные доминанты как бы преодолевают изолирующее влияние расположенных между селениями ландшафтных форм) и, с другой стороны, с желанием подчеркнуть связи внутри искусственной среды обитания. Последние отражают космологическо-религиозные представления традиционной русской земледельческой общности, как бы являющейся моделью мира (отсюда и иерархичность объемов и пространств)¹⁹, и потребность в «чувстве локтя», возникшую, видимо, еще в период колонизации Севера, когда русские переселенцы оказались в чужой для них природной среде.

Любопытно, что на основании изучения древнерусской литературы Д. С. Лихачев, объясняя специфику русского национального характера, связал ее с ландшафтом страны: «Широкое пространство всегда владело сердцем русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством»²⁰. К сходному выводу пришли в XIX в. отечественные историки и теоретики архитектуры, считавшие, что для русского зодчества характерно стремление к высотности, порожденное, по словам В. В. Суслова, ландшафтом Руси и свойственное «народам, живущим в огромных равнинах»²¹.

Наоборот, стремление к «планировочной локализации» у карел и вепсов логично связать с традиционализмом их художественного мышления — ассоциативной преемственностью между объемно-планировочной структурой крестьянских усадеб и производных от них селений в целом.

Что же касается преимущественно южной ориентации карельских и вепсских домов, то она скорее всего порождена воздействием обеих причин (природоподражательности и традиционализма) — стремлением улучшить инсоляцию (солнечное освещение) жилища и данью древней традиции, возникшей еще при первобытно-общинном строе. Последняя отразилась в некроulte раннего средневековья в виде «финского» приема устройства погребений с гробовищами, ориентированными в меридиональном направлении в отличие от широтной ориентации славянских захоронений²². Различие в ориентации гробовищ, по-видимому, отразило различную оценку животворящей способности восходящего и наиболее жаркого полуденного солнца славянами — выходцами с юга и коренными северянами — финноязычными народами Европейского Севера²³.

Известный советский архитектор и ученый А. К. Буров утверждал: «Архитектура — среда, в которой человечество существует, которая противостоит природе и связывает человека с природой, среда, которую человечество создает, чтобы жить, и оставляет потомкам в наследство, как улитка раковину — иногда жемчужную»²⁴.

Народное зодчество Севера — целая россыпь «жемчужных раковин», отразивших все многообразие и богатство крестьянской культуры, включая ее этническую самобытность. А раз так, то основа основ этого зодчества — объемно-планировочная структура селений — не может являться исключением. Думается, все изложенное выше — подтверждение тому.

Примечания

¹ Соборнов А. К истории культуры Олонецкой Карелы // Олонецкий сборник. Вып. I. Петрозаводск, 1873—1876. С. 132. Харузин Н. Н. Очерки истории развития жилища у финнов. Этнографическое обозрение. М., 1895. С. 35—36, 86; Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С. 56—59 и др.

² Витов М. В. Формы поселений Европейского Севера и время их возникновения // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. Вып. XXIX. М., 1958. С. 34—35.

³ Пименов В. В. К истории сложения типов поселений в Карелии // Сов. Этнография (далее — ЭЭ). 1964. № 2. С. 11—12.

⁴ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 131.

⁵ Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972. С. 9—12; его же. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция, национальные особенности: Дис. ... докт. архитектуры. М., 1975. С. 56—58, 64—65.

⁶ Гароева Р. Ф. Отчет о работе этнографической экспедиции в Кемском и Лоухском районах КАССР // Архив Карельского филиала АН СССР. Ф. 1. Г. 1955. Оп. 14. Д. 18—2. С. 22—23.

⁷ Медведев П. П. Деревянное гражданское зодчество Беломорского Поморья (опыт системного анализа с применением ЭВМ): Дис. ... канд. архитектуры. Петрозаводск, 1985. С. 29.

⁸ Етоева З. И. Поселения и жилища вепсов конца XIX — начала XX в. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 127—128.

⁹ Обследования, обобщенные в настоящей статье, проводились экспедициями Петрозаводского гос. ун-та (ПГУ) в Карелии, в р-дах с карельским, вепсским и русским населением (1979—1980 гг., под руководством автора статьи); в Беломорье, в р-дах с русским и карельским населением (1980—1984 гг., под руководством П. П. Медведева); в Восточном Обонежье с русским и вепсским населением (1981, 1983—1984 гг.; под руководством Т. И. Вахрамеевой); в Ленинградской обл. с русским, вепсским и карельским населением (1982 г., под руководством автора статьи); в бассейнах Вашки, соседней Пинеги, Мезени и Печоры с коми и русским населением (1984 1987 гг., под руководством автора).

¹⁰ Например, в 1892—1905 гг. в земельныхских поселениях «карельских волостей» Петрозаводского и Повенецкого уездов со смешанным карельско-русским населением средние размеры поселений у карел составляли 15,57 дворов против 12,52 у русских в Петрозаводском уезде и 13,80 против 8,48 в Повенецком (подсчеты выполнены по книгам: Список населенных мест Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1894; Список населенных мест Олонецкой губернии за 1905 г. Петрозаводск, 1907).

- ¹¹ Процент рыболовецких хозяйств в рыболовецких поселениях — наиболее объективный показатель значимости рыболовства в общем объеме крестьянского хозяйства. Даже в начале XX в. в волостях Олонецкой губернии с карельским населением он в среднем составлял 64,99% и колебался в пределах от 59,99 в Олонецком до 68,11% в Петрозаводском уезде; в то время как тот же показатель в русских волостях составлял в среднем 41,06% и колебался от 36,48 в Петрозаводском до 56,20% в Пудожском уезде (подсчеты выполнены по книге: Естественные и экономические условия рыболовного промысла в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1915. Табл. XII).
- ¹² *Тароева Р. Ф.* Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк. М.; Л., 1965. С. 121—123.
- ¹³ *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986. С. 19.
- ¹⁴ *Орфинский В. П.* Карельское деревянное зодчество и его связь с архитектурой Русского Севера // Архитектурное наследство. № 23. М., 1975. С. 68—69; *его же.* Особенности деревянного культового зодчества Карелии // Там же. № 31. М., 1983. С. 26.
- ¹⁵ *Козлов В. И.* Этнос и культура (к проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры) // СЭ. 1979. № 3. С. 77.
- ¹⁶ *Арутюнов С. А.* К проблеме этничности и интернациональности культуры // СЭ. 1980. № 3. С. 61.
- ¹⁷ *Лихачев Д. С.* Заметки о русском // Новый мир. 1980. № 3. С. 12—20.
- ¹⁸ *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 246, 250.
- ¹⁹ *Мильчик М.* Волость — историко-ландшафтный памятник // Декоративное искусство СССР. 1983. № 11. С. 38.
- ²⁰ *Лихачев Д. С.* Указ. раб. С. 12—20.
- ²¹ Цитируется по кн.: *Славина Т. А.* Исследователи русского зодчества: русская историко-архитектурная наука XVIII — начала XX века. Л., 1983. С. 119.
- ²² *Кочуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1979. С. 66—67; *Лехтосало-Хиландер Пирко-Луиза.* Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов. Финно-угры и славяне // Доклады Первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15—17 ноября 1976 г. Л., 1979. С. 81—82.
- ²³ *Орфинский В. П.* Деревянное зодчество Карелии. Генезис; эволюция, национальные особенности. С. 84—85; *его же.* Загадки «домиков мертвых» // Памятники культуры и мировоззрение: атеистические очерки. Петрозаводск. 1985. С. 129—143.
- ²⁴ *Буров А. К.* Об архитектуре. М., 1960. С. 145.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ПРОГРАММА «РЕГУЛЯРНОСТЬ» ДЛЯ МИКРО-ЭВМ «ЭЛЕКТРОНИКА-60»

С использованием современных методов моделирования, теории графов, математической статистики и теории вероятности автор данного приложения разработал общую теорию расчетов степени регулярности объемно-планировочных структур поселений в целом, а также степени регулярности и сорегулярности их частей и элементов как по внешней форме, так и по внутреннему строению. Частным случаем общей теории является задача определения степени регулярности жилой застройки традиционных сельских поселений в горизонтальной плоскости относительно контуров структурообразующих элементов и акцентов.

Методика определения соответствующих характеристик для данной частной задачи была разработана студенткой Петрозаводского университета Т. М. Хрол под руководством проф. В. П. Орфинского¹ и развита автором данного приложения на основе методов математической статистики.

Как известно, для эффективного использования последних необходимо соблюдение двух основных требований: наличия кратности наблюдения над явлением и способности его к моделированию². При определении степени регулярности единичной объемно-планировочной структуры эти требования соблюдаются за счет включения в анализ поселений с числом жилых домов более трех, а также за счет адекватного воспроизводства основных геометрических характеристик реальной структуры, полученных путем створно-азимутально-шагомерной съемки, на ее графической модели (схеме генплана).

Исходя из законов геометрии³ и архитектуры⁴, а также учитывая, что в математической статистике для характеристики степени рассеивания случайной величины применяется ее среднее квадратическое отклонение от ожидаемого результата⁵, в качестве основных характеристик степени регулярности жилой застройки в горизонтальной плоскости по отношению к ближайшему контуру структурообразующего элемента или архитектурно-природного акцента были приняты: «угловой разброс» (S_y) — среднее квадратическое отклонение углов (α_i) между перпендикулярами

ПОКАЗАТЕЛИ СТЕПЕНИ РЕГУЛЯРНОСТИ	РЕГУЛИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ				ГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
	СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ		СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЕ АКЦЕНТЫ		
	ЛИНЕЙНО-ПРОТЯЖЕННЫЕ			ТОЧЕЧНЫЕ	
	ИСКУССТВЕННЫЕ	ЕСТЕСТВЕННЫЕ		ИСКУССТВЕННЫЕ	
	ДОРОГИ, УЛИЦЫ, ПЛОЩАДИ	БЕРЕГА ВОДОЕМОВ, ТЕРРАСЫ РЕЛЬЕФА	СВЯТЫЕ И КЛАДБИЩЕНСКИЕ РОЩИ	ОТДЕЛЬНО СТОЯЩИЕ ДЕРЕВЬЯ И ИХ КОМПАКТНЫЕ ГРУППЫ	
УГЛОВОЙ РАЗБЕГОС (α)					
ЛИНЕЙНЫЙ РАЗБЕГОС (l)					
АРИТМИЯ (a)					

Рис. 1. Определение показателей степени регулярности жилой застройки поселений в горизонтальной плоскости относительно контуров структурообразующих элементов и акцентов

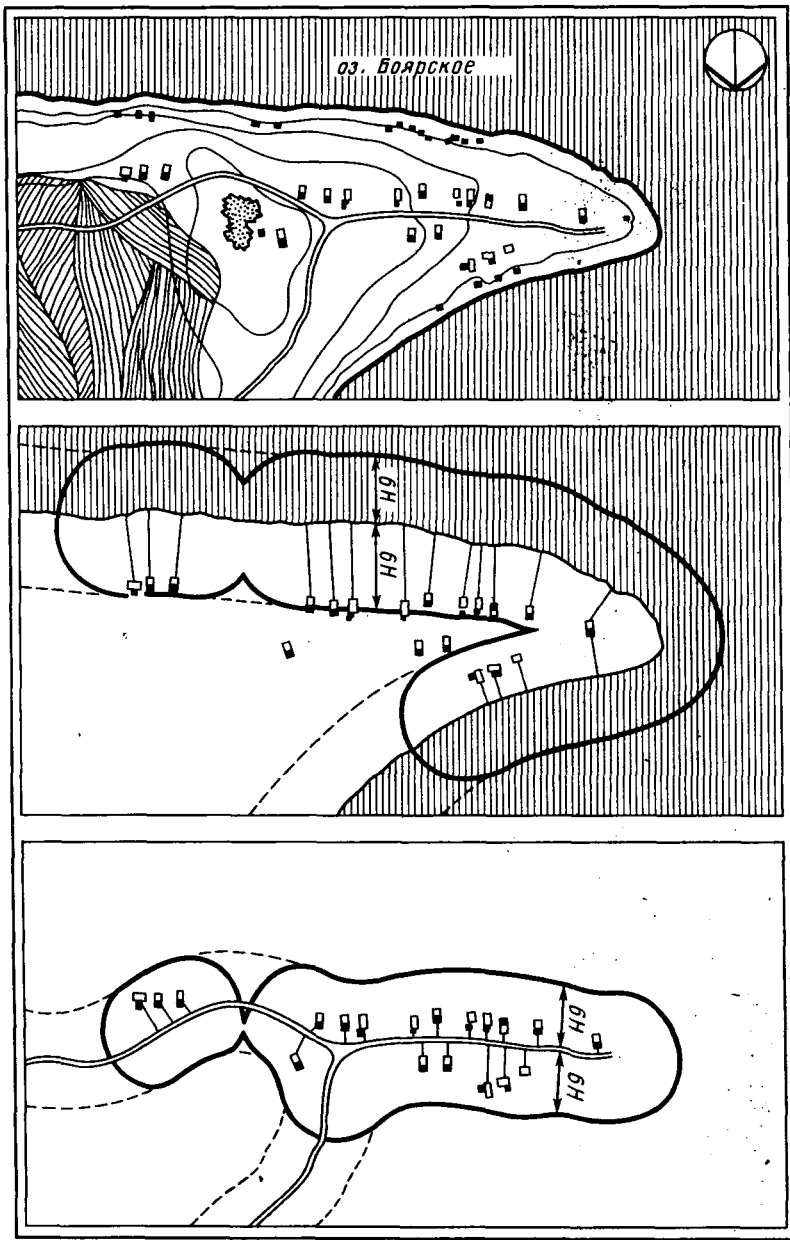

Рис. 2. Д. Боярская, Лоухский р-н Карельской АССР (с чисто карельским населением). Схема генплана

к лицевым фасадам жилых домов и к ближайшему контуру структурообразующего элемента (или акцента); «линейный разброс» (S_n) — среднее квадратическое отклонение кратчайших расстояний (l_i) от жилых домов до ближайшего контура структурообразующего элемента (или акцента); «аритмия» (S_a) — среднее квадратическое отклонение интервалов между жилыми домами (l_{ai}) вдоль ближайшего контура структурообразующего элемента (при наличии точечного акцента — вдоль окружности с радиусом, равным среднему расстоянию от жилых домов до центра акцента; а при наличии линейно-протяженного акцента — вдоль линии, по форме повторяющей ближайший контур акцента и отнесенной от последнего на расстояние, равное среднему расстоянию между

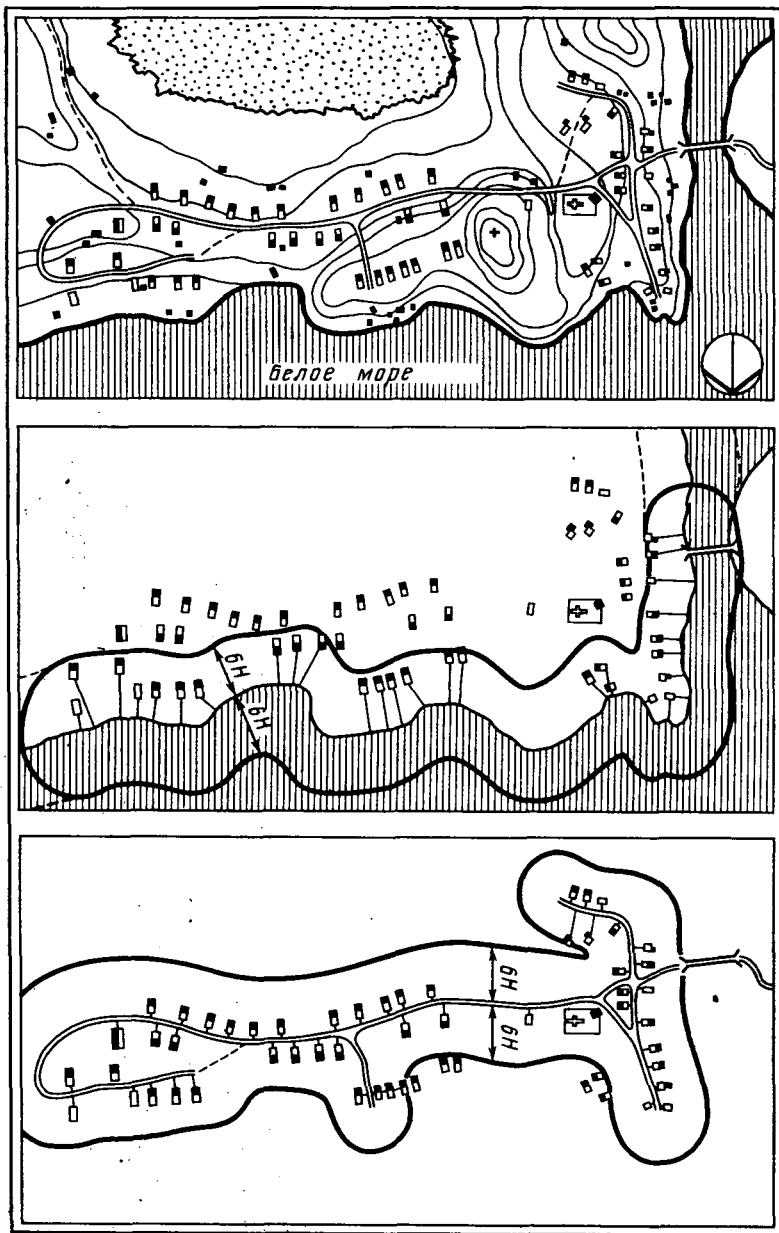

Рис. 3. С. Ковда, территория Кандалакшского горсовета Мурманской обл. (с чисто русским населением). Схема генплана

жилими домами и ближайшим к ним контуром акцента). В качестве структурообразующих элементов рассматривались дороги, улицы, площади, берега водоемов, склоны оврагов, а в качестве архитектурно-природных доминант — «священные» и кладбищенские рощи, культовые сооружения.

Для определения численных значений принятых характеристик были использованы типовые формулы математической статистики ⁶, приобретающие в данном конкретном случае следующий вид:

$$S_y = \sqrt{1/N \sum_{i=1}^N (\alpha_i)^2};$$

$$S_n = \sqrt{1/N \sum_{i=1}^N \left(l_{ai} - \sum_{i=1}^N l_i / N \right)^2};$$

$$S_n = \sqrt{1/n \sum_{i=1}^n \left(l_{ai} - \sum_{i=1}^n l_{ai} / n \right)^2},$$

где N — количество жилых домов, участвующих в анализе; α_i — угол между перпендикуляром к лицевому фасаду i -дома и перпендикуляром к ближайшему контуру структурообразующего элемента (или акцента); l_i — кратчайшее расстояние между i -м домом и ближайшим контуром структурообразующего элемента (или акцента); n — число интервалов между жилыми домами; l_{ai} — размер интервала между i и $(i+1)$ домами⁸ (рис. 1).

Учитывая все вышеизложенное, можно констатировать, что вновь разработанная методика дает в распоряжение исследователей объективные и однозначные определенные критерии оценки сорегулярности жилой застройки и структурообразующих элементов (или акцентов), находящихся в основной массе объемно-планировочных структур традиционных сельских поселений⁹.

С использованием приведенной методики появляется возможность объективно установить факт влияния этнических традиций на процесс формирования объемно-планировочных структур сельских поселений на примере отношения представителей различных этнических групп к регулирующим факторам, в роли которых обычно выступают структурообразующие элементы и акценты. Для этого необходимо уточнить исходные условия рассмотренной выше частной задачи. В сравнительный анализ должны быть включены традиционные сельские поселения различной этнической принадлежности, расположенные на одной территории и обладающие близкими уровнями социально-экономического развития, а также находящиеся в сходных природно-климатических и ландшафтных условиях. В идеале должны изучаться практически все существующие на исследуемой территории поселения, однако для достоверности конечных результатов достаточно их минимального числа, определяемого методом районной квотной выборки¹⁰.

При строгом соблюдении указанных требований описанная методика и лежащие в ее основе методы статистического анализа позволяют, абстрагируясь от множества случайных факторов¹¹, ограничиться рассмотрением предполагаемого влияния этнических традиций на степень сорегулярности в горизонтальной плоскости жилой застройки и структурообразующих элементов и акцентов. Последним «нивелирующим фильтром» является подсчет средних значений показателей регулярности по различным этническим группам поселений.

В целях сокращения непроизводительных затрат труда при проведении расчетов по указанной методике автором данного приложения была разработана типовая программа «Регулярность» на базе микро-ЭВМ «Электроника-60» с видеотерминальным устройством.

Как методика, так и типовая программа были апробированы на натурном материале по русским и карельским поселениям Беломорья¹² (рис. 2, 3). Полученные результаты убедительно свидетельствуют в пользу гипотезы о влиянии этнических традиций на процесс формирования объемно-планировочных структур поселений.

П. П. Медведев

Примечания

¹ Хрол Т. М. Определение количественных характеристик регулярности планировки и застройки сельских поселений (по материалам экспедиции ПГУ 1982 г. по восточной части Ленинградской области) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей: межвузовский сборник. Петрозаводск, 1985. С. 18—22.

² Пугачев В. С. Теория вероятностей и математическая статистика. М., 1979. С. 14—15.

³ Положение геометрической фигуры на плоскости относительно прямой или точки, принятых за начало отсчета, определяется двумя параметрами — кратчайшим расстоянием и углом поворота.

⁴ Регулярность композиции, составленной из нескольких геометрических фигур, зависит от взаимного расположения последних.

⁵ Маркович Э. С. Курс высшей математики с элементами теории вероятностей и математической статистики. М., 1972. С. 402.

⁶ Смирнов Н. В., Дубин-Барковский И. Б. Курс теории вероятностей и математической статистики для технических приложений. М., 1969. С. 38. Формулы № 3.1.33 и № 3.1.45.

⁷ Сюда включаются лишь дома, попадающие в зону оптимального зрительного восприятия, геометрические характеристики которой установлены экспериментальным путем в современной психофизиологии. Глубина такой зоны принимается равной $6H$, где H — средняя высота жилых домов исследуемого поселения от уровня земли до конька крыши (рис. 2, 3). См.: Курбатов Ю. И. Архитектурные формы и ландшафт. Л., 1981. С. 12.

⁸ При определении S_y в типовой формуле $\sum_{i=1}^N \alpha_i/N$ принимается равным нулю, поскольку угловой разброс высчитывается относительно перпендикуляра, восстановленного от лицевого фасада жилого дома к ближайшему контуру структурообразующего элемента или акцента.

⁹ Во избежание возможных недоразумений необходимо пояснить, что определение степени собственной регулярности каждого из элементов объемно-планировочной структуры есть другая, частная задача общей теории расчета.

¹⁰ Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984. С. 225.

¹¹ В силу вступает закон теории «больших чисел», нивелирующий частные исключения из общего правила.

¹² Медведев П. П. Деревянное гражданское зодчество Беломорского Поморья (опыт системного анализа с применением ЭВМ): Дис. ... канд. архитектуры. Петрозаводск, 1985. С. 79—86, 116—120. Рис. 10. Табл. 6, 8, 9.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ВОСПРИЯТИЯ ОБЪЕМНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ТРАДИЦИОННЫХ СЕЛЕНИЙ

Одним из важнейших свойств архитектурного пространства является его силуэт, который несет основную информацию об объекте¹. В условиях Севера, при плохих погодных условиях и недостатке солнечной освещенности, роль силуэта в архитектуре еще больше возрастает. Исследователи отмечают, что народные мастера умело использовали принцип силуэтности: чем важнее сооружение, тем более интересный, запоминающийся силуэт оно имело. Используя этот

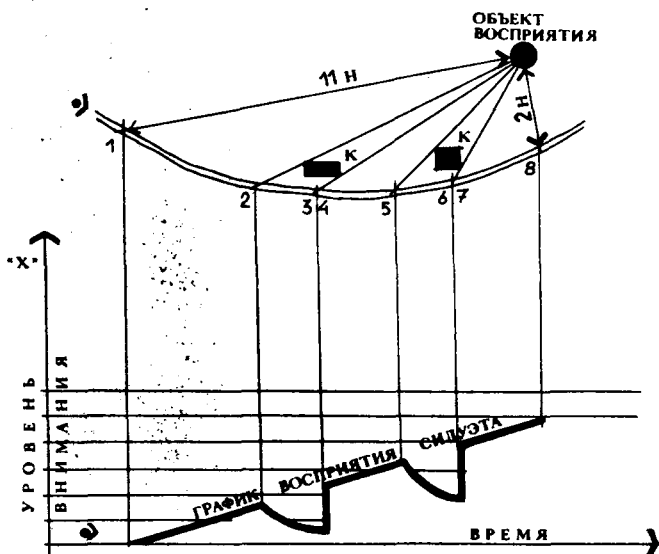

Рис. 1. Построение графика восприятия силуэта

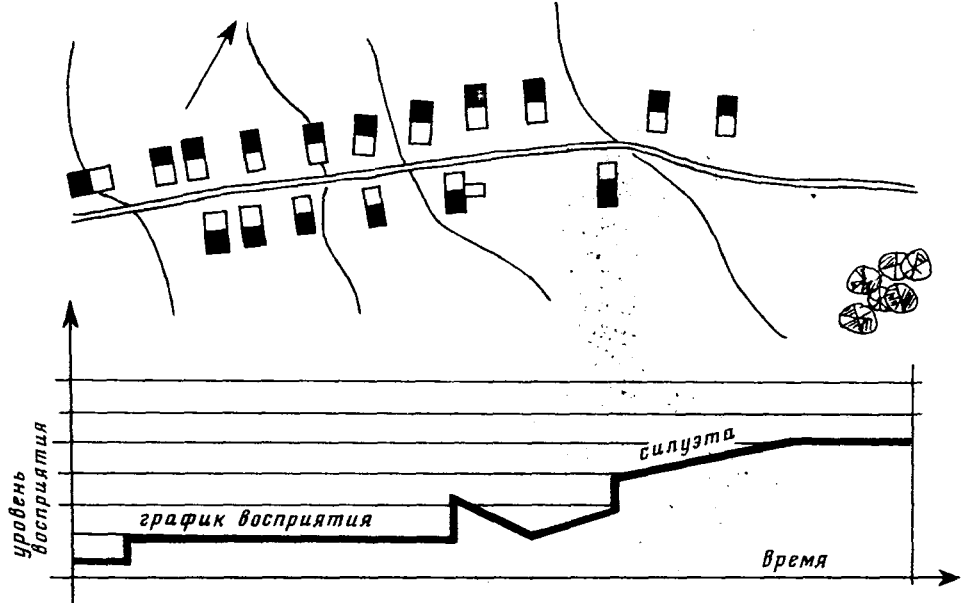

Рис. 2. План и график восприятия силуэта д. Нойково Ленинградской обл. (русская)

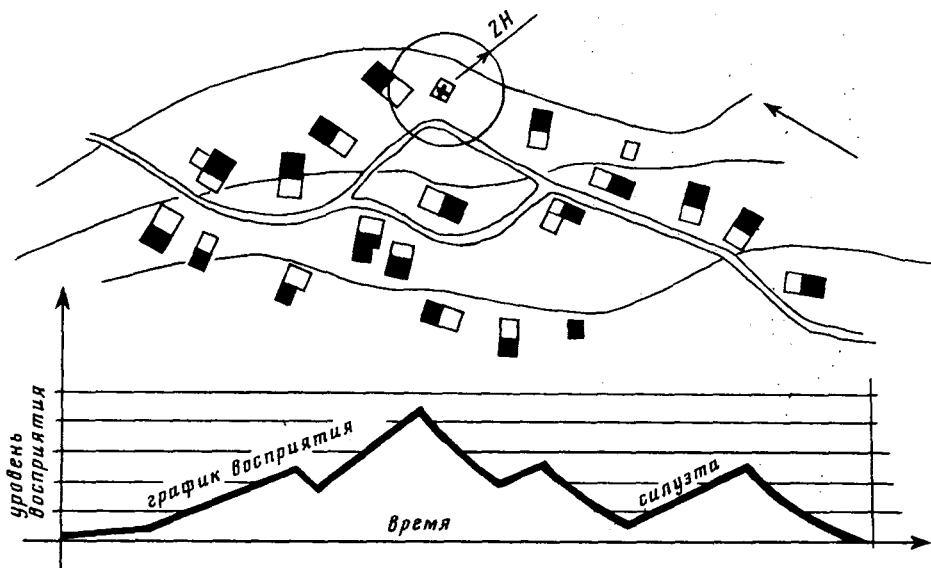

Рис. 3. План и график восприятия силуэта д. Толсть Ленинградской обл. (вепсская)

принцип, нам удалось создать «график восприятия силуэта» для анализа традиционных поселений. При этом используется известная в психологии количественная характеристика сложности силуэта $K_{с\epsilon} L^2/F$, где L — периметр фигуры, F — площадь фигуры. В архитектуре коэффициент сложности силуэта ($K_{с\epsilon}$) впервые использовал ленинградский ученый А. И. Прохоренко². Очевидно, чем сложнее силуэт, тем больше внимания потребуется для его восприятия. В теории архитектуры известны и пространственные границы восприятия силуэта здания: угол зрения 5° (или расстояние $11H$, где H — высота объекта) обеспечит минимальную четкую видимость силуэта, а угол в 30° (или расстояние $2H$) характеризует ближний предел восприятия силуэта в целом³. Но тогда и уровень

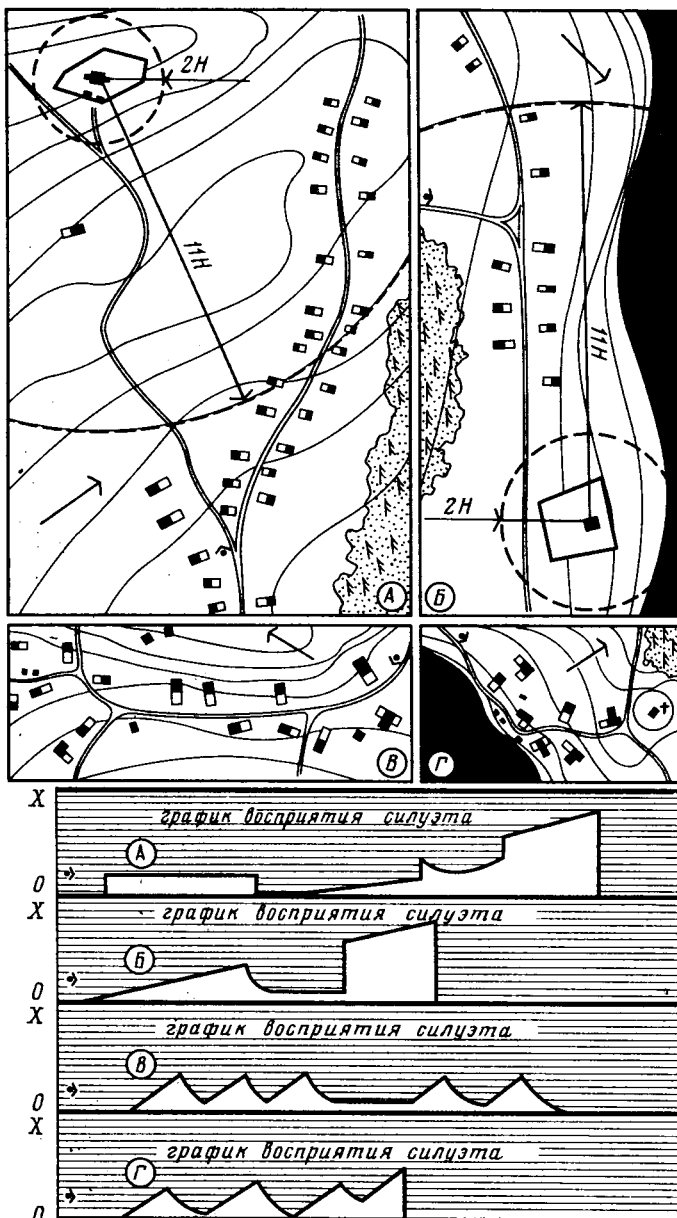

Рис. 4. Сопоставительная таблица планов и графиков восприятия силуэта деревень Гимрека и Согинцы (русские), Мягозеро и Красный Бор (вепские), Ленинградская обл. А — Гимрека, Б — Согинцы, В — Мягозеро, Г — Красный Бор

внимания в соответствии с этими границами будет изменяться от $\min$ до $\max$ при движении человека к объекту наблюдения.

Математические расчеты показали следующую зависимость уровня внимания x от расстояния a до объекта с высотой H и сложностью силуэта $K_{с\sigma}$:

$$x = 0,009 \cdot K_{с\sigma} \cdot (11 - a/H). \quad (1)$$

Отметим, что эта формула, выявляя квадратичную зависимость уровня внимания x от степени сложности силуэта $K_{с\sigma}$, подтверждает ведущую роль последнего в процессе восприятия.

В тех случаях, когда при движении наблюдателя объект исчезает из поля зрения или скрывается за какой-либо кулисой, уровень внимания будет определяться «функцией забывания»⁴.

$$x(T) = x_T e^{-k(t-T)}, \quad (2)$$

где t — время, в течение которого объект не виден; T — момент исчезновения объекта из поля зрения; x_T — уровень внимания в этот момент, $e=2,718$, k — постоянный для каждого человека коэффициент, условно принимаемый за 1·1/с.

В итоге уровень внимания будет определяться сложной функцией:

$$x = \begin{cases} 0,009K_{cc}^2(11 - a/H), & \text{в период видимости объекта} \\ x_T e^{-k(t-T)}, & \text{в период невидимости объекта} \end{cases} \quad (3)$$

График восприятия силуэта строится для отдельных точек на трассе движения наблюдателей, на границах видимости и невидимости объектов, на поворотах дороги, других характерных ее участках⁵. На рис. 1 приведен пример построения графика восприятия для отдельного сооружения при наличии кулис КК на пути движения зрителей. Участки 1—2, 4—5, 7—8 вычислены для периода видимости, а участки 2—3, 5—6 — когда объект скрыт кулисами от зрителей. На рис. 2—4 представлены графики восприятия силуэтов для некоторых поселений Ленинградской области с русским и финноязычным населением (рис. 2—4).

В. Ф. Гуляев

Примечания

¹ Архейм Р. Искусство и визуальное восприятие / Пер. с англ. М., 1974.

² Прохоренко А. И. К оценке архитектурно-художественных качеств сельского жилища для Крайнего Севера // История и теория архитектуры и градостроительства. Л., 1980.

³ Spreiregen P. D. Urban Design. N. Y., 1965.

⁴ Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М., 1982.

⁵ Подробнее о построении и использовании описанной методики см.: Гуляев В. Ф. Композиционные особенности сельских поселений восточной части Ленинградской области // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск, 1985. С. 23—35; его же. Из опыта обследования объемно-пространственной среды традиционных сельских селений // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск, 1986. С. 6—16; Guljaev W. Zeit und Raum // Architektur der DDR. 1985. N 3. S. 157—159.

К. В. Ч и с т о в

**М. К. АЗАДОВСКИЙ И ПРОБЛЕМА
ИСПОЛНИТЕЛЯ В РУССКОЙ
ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ XIX—XX вв.**

В декабре 1988 г. исполнилось 100 лет со дня рождения одного из крупнейших европейских фольклористов XX в. — Марка Константиновича Азадовского.

М. К. Азадовский принадлежал к поколению русских филологов, начинавших свой научный путь в предреволюционное десятилетие и особенно широко развернувших свою деятельность в советское время. Он заслуженно считается одним из создателей советской школы фольклористики. Его авторитет и влияние не ослабели и в наши дни. Работы Азадовского продолжают переиздаваться, а неопубликованные — издаваться заново; они вызывают живой интерес научной общественности¹. В память ученого проводятся научные сессии. Без двухтомной «Истории русской фольклористики» (которая, кстати, тоже вышла уже после смерти М. К. Азадовского) не может обойтись ни один фольклорист, этнограф и историк русской общественной мысли. Исследования фольклоризма русской литературы, сказковедческие работы, публикации и исследования причитаний, принадлежащие перу ученого, стали классическими. Весьма значительный след в нашей науке оставила научно-организационная, библиографическая и преподавательская деятельность М. К. Азадовского в учебных заведениях Иркутска, Читы и Ленинграда. В письме к Н. Е. Кабанову в 1948 г., написанном после чтения его книги о В. К. Арсеньеве, М. К. Азадовский писал: «Стр. 16: на этой и следующей странице Вы упоминаете и мое имя. Мне это очень приятно, но должен отметить, что эти упоминания несколько неточны. У читателя может сложиться впечатление, что Вы упоминаете о разных людях, так как в одном месте Вы именуете меня историком литературы, а на следующей странице этнографом-лингвистом. Должен сказать, что я никак не могу претендовать на звание лингвиста. И если уж обо мне упоминать, то следует говорить как об историке литературы, фольклористе, может быть отчасти, этнографе»². М. К. Азадовский, действительно, специальных лингвистических работ не публиковал, если не считать некролога академику Ф. Ф. Фортунатову и участия в программе по собиранию материала для словаря старожильского населения Сибири. Однако он был филологом с прекрасной диалектологической подготовкой. Об этом свидетельствуют его многочисленные фольклорные записи, которые до сих пор воспринимаются как образцы сочетания фольклористических и диалектологических методов фиксации текста. Недаром в числе своих учителей он неизменно называл А. А. Шахматова. Еще важнее то, что М. К. Азадовский был филологом в широком смысле этого слова — в его системе воззрений и исследовательской методике проблемы фольклора, литературы и языка были соединены в единое неразрывное целое. В этом легко убедиться, перечитывая двухтомную «Историю русской фольклористики», предисловия к изданным М. К. Азадовским сборникам сказок или небольшую, но весьма значительную книгу о сказочнице Н. О. Винокуровой, о которой мы будем говорить ниже.

Особенно велика была роль М. К. Азадовского в развитии советской фольклористики в 30-е и первые годы после Великой Отечественной войны. Именно в это время его слава, авторитет и известность приобретают не только всесоюзный характер, но и распространяются далеко за пределы нашей страны. Особенно велико было воздействие его идей в славянских странах, где ученые всегда хорошо владели русским языком. В странах Западной Европы он был известен преимущественно как автор книги «Eine sibirische Märchenerzählerin» («Об одной сибирской сказочнице»), опубликованной в международной серии «Folklore Fellows Communications» (FFC) в 1926 г., автор обзоров советской фольклористики, издававшихся ВОКС (Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей) в 1933—1937 гг., и участник международной библиографии по этнографии и фольклористике.

Научное наследие М. К. Азадовского еще предстоит изучить в полном объеме. Для журнальной статьи это, разумеется, непосильная задача. Поэтому, отсылая читателя к опубликованным уже содержательным общим обзорам научной деятельности М. К. Азадовского, принадлежащим В. М. Жирмунскому, Л. В. Азадовской и Н. Н. Яновскому, Б. Н. Путилову и др.³, обратимся к одному, но чрезвычайно важному и для понимания занимавшей его проблематики, и для более четкого уяснения его роли в развитии советской и европейской фольклористики кругу вопросов, обозначенных в заглавии этой статьи.

Для того чтобы осознать роль и место сформулированной М. К. Азадовским концепции фольклорного исполнительства, необходимо не просто ее логическое истолкование и даже не только сопоставление ее с другими направлениями нашей и европейской фольклористики 10—40-х годов XX в., но более широкомасштабное осмысление ее в контексте исторического развития русской фольклористики второй половины XIX и начала XX в. Разумеется, эта задача может быть выполнена в настоящей статье только в ограниченных масштабах, в первоначальном наброске.

Для М. К. Азадовского никогда не возникало вопроса, который столь искусственно возбуждался в нашей фольклористике в последние десятилетия: какой же наукой является фольклористика — филологической или этнографической? В годы учебы на филологическом факультете Петербургского университета он участвовал в деятельности кружка студентов, которым руководил Л. Я. Штернберг. Кружок этот был сибиреведческим, однако отнюдь не краеведческим в узком значении этого слова. Это была своеобразная форма этнографической подготовки, учебы у одного из значительнейших этнографов, много сделавшего не только для собирания этнографических материалов, но и для развития теории этнографии как широкой историко-сравнительной науки.

Фольклористика понималась М. К. Азадовским как наука об одной из разновидностей человеческой деятельности, связанной с языком. Его интересовали не только «продукты» этой деятельности, т. е. фольклорные тексты, но их функционирование в народной среде. Таким образом, традиционная народная культура, быт народа, которые и являются одной из наиболее важных этнографических проблем, были для него не просто внешними условиями возникновения фольклорных текстов. Фольклор для него — органическая составная народная культуры. Поэтому необходимо изучать не только генезис и историю фольклора, но и живое функционирование его как в целом в системе народной культуры, так и в отдельных ее компонентах, слоях, сферах, элементах. Отсюда интерес к исполнителям фольклора, осуществляющим воспроизведение традиции, бытование фольклора. Традиция представляла уже в ранних работах М. К. Азадовского не в ее абстрактных формах и структурах, а в живом человеческом проявлении. Это была «очеловеченная» этнография, демократическая фольклористика по своей глубинной сути, изучавшая словесную сферу народного быта — народное словесное художественное творчество. Именно поэтому еще в предреволюционные годы М. К. Азадовский в своем понимании фольклора и методов его изучения сблизился с младшим поколением учеников В. Ф. Миллера, образовавшим

левый демократический фланг исторической школы (прежде всего с братьями Б. М. и Ю. М. Соколовыми).

Разрабатывая проблему исполнителя фольклора, М. К. Азадовский опирался на опыт своих предшественников. Более того, он неоднократно писал о том, что «русская школа» была преимущественно ориентирована на эту проблему. В наши дни это остается справедливым только до известной степени. Представление о «русской школе» заметно расширилось в понимании и наших, и зарубежных ученых. Оно включает в себя и генетические, и историко-сравнительные, и типологические, и, конечно, структурные исследования. Представление М. К. Азадовского о «русской школе» может показаться просто устаревшим. Вместе с тем нельзя забывать о том, что оно было связано с одним из действительно важных направлений русской фольклористики и в свое время сослужило свою службу. В нем содержалось важнейшее зерно того «очеловеченного» демократического направления, которое, преодолевая наследие «исторической школы», в 1910—1930-х годах возрождало традиции, уходящие своими корнями в 1860—1870-е годы. Очень важно еще и то, что теоретическая разработка проблемы исполнителя началась в России значительно раньше, чем в других странах Европы, и идеи, которые были при этом сформулированы, почти сто лет назад уже стали оказывать заметное влияние на собирательскую и издательскую практику в самой России.

Столь ранний интерес к проблемам исполнителя в русской фольклористике нельзя считать случайным. Характернейшей чертой русской общественной мысли первой половины XIX в. была живая заинтересованность в крестьянском вопросе, интенсивное участие в борьбе за отмену крепостного права. Фольклор все больше осознавался не только как национальное культурное наследие, но и как живое отражение мировоззрения, быта и творчества современного крестьянина. Отсюда демократизм большинства русских фольклористов того времени, интерес к народу, к человеку из народа. Исполнители фольклора в связи с этим довольно рано были поняты не как механические хранители архаической фольклорной традиции, но как даровитые личности, соучастники процесса фольклорного творчества.

Характерно, что изучение исполнителей началось не со сказочников, а с певцов русских былин и украинских дум. При этом надо иметь в виду, что текст эпических песен представлялся исследователям того времени более устойчивым, стабильным (по крайней мере, значительно более устойчивым, чем текст сказки). Позднее выяснилось, что это не так.

Одновременно с последним выпуском знаменитого сборника сказок А. Н. Афанасьева, в котором сказки представляли в обезличенных записях, в 1864 г. вышел III том сборника «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». В нем была опубликована «Заметка собирателя», сыгравшая, как известно, значительную роль в истории русской фольклористики. «Заметка» должна была документировать неожиданное открытие живой эпической традиции в Олонецкой губернии в нескольких сотнях верст от Петербурга и в то же время удовлетворить интерес читателей к певцам русского эпоса. «Заметка», как отмечал М. К. Азадовский, перекликалась с рецензией Н. А. Добролюбова на сборник Афанасьева. Добролюбов упрекал издателя в том, что он не позаботился собрать необходимые сведения о современной жизни сказок в крестьянской среде, не превратил их в источник и инструмент познания крестьянства. Примерно в это же время сходные идеи высказывал и университетский учитель Н. А. Добролюбова — И. И. Срезневский.

Рыбников рассказывает о своих встречах с исполнителями былин, рисует их манеру, сообщает биографические сведения, важные для понимания их мастерства. Напомним, что в том же 1864 г. в Киеве на заседании Юго-Западного отдела Русского географического общества основоположник украинской классической музыки и фольклорист Н. В. Лысенко прочитал специальный доклад об одном из крупнейших певцов украинских дум — Остапе Вересе. Вслед за

этим Вересай побывал в Киеве и выступал там с исполнением дум. Все это свидетельствует о том, что проблема исполнителя как актуальная и в научном, и в общественном отношении назрела в умах фольклористов того времени.

После Рыбникова в Олонецкой губернии побывал известный славист А. Ф. Гильфердинг. За два месяца он записал около 300 былин. Его сборник «Онежские былины» (1873) не только утвердил в русской науке современные текстологические принципы, но и положил начало теоретического осмысления проблемы исполнителя. Тексты были расположены по певцам, от которых они записаны; перед текстами каждого из них давались краткие сведения биографического и фольклористического характера. Были напечатаны также портреты наиболее значительных исполнителей. Трехтомный сборник открывался обширной статьей А. Ф. Гильфердинга «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды». В ней он сообщил, что предпринял свою поездку для того, чтобы услышать живых исполнителей эпоса; он подробно описывал природные условия и особенности севернорусского крестьянского быта, приводил свои наблюдения, собранные в процессе общения с 70 исполнителями. Он писал: «При знакомстве с певцами и певицами былин я старался обращать внимание на личные обстоятельства каждого, чтобы уяснить себе влияние личности сказителя на характер самих рапсодий»⁴.

Замечательным новшеством, обогнавшим на много лет развитие тогдашней фольклористики, было открытие Гильфердингом формульного характера языка фольклора. Известно, что эта идея приобрела популярность в мировой фольклористике только после работ М. Парри и А. Лорда⁵. Между тем уже Гильфердинг связал механизм запоминания и воспроизведения былин с формулами, фиксирующими семантические узлы текста, и с так называемыми «переходными местами» — сегментами большей подвижности. Каждый певец, по его наблюдению, формирует свой набор традиционных «общих мест» и в большей или меньшей мере импровизирует «переходные места». Гильфердинг создал первую научную типологию исполнителей, группируя их по степени подвижности (импровизационности) текстов. Типология исполнителей разрабатывалась многими фольклористами в 1910—1920-х годах и в последние годы. Но особенно значительный след в русской науке оставила типология сказочников и исполнителей причитаний М. К. Азадовского и былин — А. М. Астаховой.

Гильфердинг был также инициатором первых приездов певцов былин в Петербург и Москву. В 1871—1872 гг. в двух российских столицах побывали крупнейшие певцы былин — Т. Г. Рябинин, В. П. Шеголенок и И. А. Касьянов. Это были даровитые крестьяне, исполнители и сотворцы, хранители наследства и сознательные его передатчики. В последующие десятилетия русская фольклористика, постоянно открывая новых исполнителей былин и сказок, не теряла из виду крупнейших мастеров, тексты которых публиковались в 60—70-е годы, а также их учеников и продолжателей в конце XIX и XX в.

В конце 70-х годов прошлого века одним из лучших собирателей русского фольклора Д. Н. Садовниковым была осуществлена запись обширного репертуара А. К. Новопольцева — 72 сказки. Таким образом, идеи Гильфердинга были применены в сфере сказки задолго до Н. Е. Ончукова, который обычно при этом называется. К сожалению, Садовников не успел при жизни завершить подготовку «Сказок и преданий Самарского края» к печати. Видимо, не случайно Русское географическое общество поручило издание сборника Л. Н. Майкову. Он был не только одним из крупнейших русских филологов того времени, но и автором содержательной рецензии на сборник текстов И. А. Федосовой. И что особенно важно, эта рецензия была по существу одним из первых (после Е. В. Барсова) исследований исполнительского искусства этой выдающейся русской сказительницы — одного из наиболее ярких явлений русского фольклора XIX в.

Дело в том, что во второй половине 1860-х годов, т. е. одновременно с записями Рыбникова в той же Олонецкой губернии, был открыт еще один весьма

характерный жанр русского фольклора. В 1867 г. Е. В. Барсов записал от И. А. Федосовой похоронные, свадебные и рекрутские причитания, опубликованные в 1872—1885 гг. в трехтомном сборнике «Причитанья Северного края». Сборник был снабжен биографией Федосовой, рассказанной ею самой и записанной Барсовым. Импровизации Федосовой сразу же привлекли к себе внимание литераторов и ученых. В 1895—1899 гг. Федосова жила в Петербурге и неоднократно выступала с исполнением причитаний, песен и былин в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде и Казани.

Таким образом, проблема исполнителей разрабатывалась русскими фольклористами в 60—70-х годах XIX в. широким фронтом, и М. К. Азадовский был, несомненно, прав, считая изучение исполнителей наиболее примечательной (в европейских масштабах) чертой русской фольклористики этого времени. Уже тогда в историю русской культуры вошли имена крупнейших исполнителей — Рябиных, Щеголенка, Новопольцева, Федосовой. Их репертуар был зафиксирован максимально полно. Было положено начало изучения их исполнительской манеры и важнейших особенностей исполнительского мастерства. Была не только предложена первая типология исполнительства, но и создана терминологическая система, которая легла в основу дальнейших исследований в этой сфере («личный почин», «общие места», «переходные места» и т. д.). В самом общем виде была разработана теория, позволяющая увязывать в единое целое представления о коллективном характере фольклорной традиции и роли в ней выдающихся исполнителей.

Следует специально подчеркнуть, что требование точности записи, признание ценности эмпирического варианта, т. е. основные идеи современной фольклористической текстологии, вырабатывались в русской науке именно на почве общей теории фольклорного исполнительства. Таковы были итоги первого этапа развития проблемы исполнителя в русской фольклористике.

Второй ее этап падает на первые два десятилетия XX в. В эти годы окончательно формируется тип сборника сказок с преимущественным вниманием к исполнителям и шире — к функционированию сказки в крестьянской среде. Первым в этом ряду был сборник Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (1908). Во вступительной статье к нему сообщаются общие сведения о быте крестьян того района, в котором записывались сказки, и дается общая характеристика сказочной традиции и ее носителей. Затем следуют краткие сведения об исполнителях и тексты, записанные от них.

В 1921 г. при Русском географическом обществе возникает «Сказочная комиссия», которую возглавил академик С. Ф. Ольденбург⁶. М. К. Азадовский во II томе «Истории русской фольклористики» называет его «неутомимым пропагандистом русской школы». Под эгидой С. Ф. Ольденбурга и комиссии начинается работа над целой серией публикаций, сыгравших значительную роль в истории русской фольклористики. Среди них были и первые публикации М. К. Азадовского. Я имею в виду два сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Пермской губернии» (1914) и «Великорусские сказки Вятской губернии» (1915) и примыкающий к ним сборник сказок русского населения Сибири М. К. Азадовского «Сказки Верхнелевского края» (составлен в 1915 г., но к 1917 г. не успел выйти и был опубликован только по окончании гражданской войны, в 1925 г.). Предисловием к этому сборнику явился первый вариант статьи М. К. Азадовского о сказочнице Н. О. Винокуровой, выросший впоследствии в известную книгу «Сибирская сказочница Н. О. Винокурова», изданную в 1926 г. по инициативе В. Андерсона и Ю. Крона в серии FFC, издававшейся в Финляндии⁷. В ее первой главе автор подчеркивал, что опирается на материалы, накопленные русскими исследователями. Он писал: «За время от 1908 г. (выход в свет сборника Ончукова) и по сегодняшний день опубликовано свыше 1000 сказочных текстов и собран материал для характеристики 135 сказителей (100 сказителей и 35 сказительниц); кроме того, имеется серия описаний, посвященных бытовой обстановке, в которой рассказываются сказки»⁸. Следует под-

черкнуто, что исследование М. К. Азадовского было первоначально задумано и выполнено не как самостоятельное, а как предисловие к «Сказкам Верхнеленского края»⁹. Вместе с тем оно органически связано с более поздней крупнейшей работой ученого — двухтомным сборником «Русская сказка. Избранные мастера» (Л., 1932). Уже в первом варианте статьи о Н. О. Винокуровой наметилось стремление построить характеристику особенностей ее текстов, сравнивая их с данными, добытыми при исследовании исполнительской деятельности других сказочников. Эта же тенденция отличает и книгу о Винокуровой в серии ГФС. Идея сравнительного изучения исполнителей становится центральной в названном двухтомнике. В нем представлены 15 сказочников (39 текстов), т. е. в среднем два-три текста на исполнителя. Уже из этих цифр видно, что у составителя не было стремления представить «чемпионов», поразить читателя количеством сказок, записанных от одного исполнителя. Текстам предшествует обширная статья, подводящая итоги сравнительного изучения сказочников и трагующая проблему исполнителя на фоне истории русского и европейского сказоведения. Остается пожалеть, что эта статья (с. 9—90) в сочетании с очерками об отдельных исполнителях (которая предварила тексты, записанные от них¹⁰), не была в свое время переведена ни на один из западноевропейских языков. Книга о Винокуровой перестала бы в таком случае восприниматься западноевропейскими фольклористами как единственная работа М. К. Азадовского об исполнителях фольклора. Сложилось бы общее впечатление о действительном вкладе М. К. Азадовского и «русской школы» в разработку этой проблемы.

Сравнительное изучение исполнителей дало возможность не только яснее обозначить социальные и бытовые факторы, повлиявшие на состав репертуара и манеру сказочников, но и уловить различия индивидуальной психологии, темперамента, личного опыта. Вместе с тем М. К. Азадовский стремился не ограничиваться отдельными, пусть и меткими наблюдениями, как это подчас бывало в работах его предшественников, а выявить и осмыслить целостную художественную систему, лежащую в основе сказительской деятельности каждого сказочника. Он хотел тем самым преодолеть упрощенно-биографическое истолкование сказки¹¹. Именно в этом мы видим его основную заслугу и основной итог второго периода разработки проблемы исполнителя в русской фольклористике. Одновременно (и это до сих пор не отмечалось) именно эта идея свидетельствует о том, что монография «Сибирская сказочница Н. О. Винокурова» и выросший из нее двухтомник «Русская сказка» должны быть осмыслены в контексте изучения поэтической формы и первых работ по структурной лингвистике, развернувшихся в 1920-е годы.

Закономерность идеи системного изучения деятельности сказителей в том виде, в каком сформулировал ее М. К. Азадовский в предисловии к сборнику «Русская сказка. Избранные мастера», подтверждается параллельным развитием сходной методики, сложившейся в процессе изучения исполнителей русских былин. Итоги исследования в этой области, правда в более беглой и общей форме, были подведены в небольшой книге Б. М. Соколова «Сказители», опубликованной в 1924 г., и в соответствующих главах учебника «Русский фольклор» того же автора (Вып. 2. Сказки. М., 1930; Вып. 1. Былины. Изд. 2-е. М., 1931).

Третий этап разработки проблемы исполнителя в русской фольклористике приходится на вторую половину 30-х годов и послевоенные десятилетия. Влияние М. К. Азадовского на нашу фольклористику в эти годы было особенно велико. Это время ознаменовалось публикацией значительной серии изданий исследований о крупных сказочниках-мастерах. Их несколько десятков. Назову только наиболее важные: это двухтомный сборник сказок беломорского сказочника, М. М. Коргуева, изданный в 1939 г. А. Н. Нечаевым; сборники сказок, записанных от А. К. Барышниковой (Куприянихи), изданные в 1937 г. А. М. Новиковой и И. А. Оссовецким и в 1939 г. В. А. Тонковым; Ф. П. Господарева (1941— Н. В. Новиковым); И. Ф. Ковалева (1941 — Э. В. Померанцевой и С. И. Минц); Е. И. Сорокикова (1940 — М. К. Азадовским и И. М. Колесницкой);

М. А. Сказкина (1952 — Н. Д. Комовской) и др. Сборники эти охватывали различные районы России (Карелия, Поволжье, Центральные районы, Сибирь) и вводили в оборот записи от сказочников, владевших феноменально обширным репертуаром — каждый до 100 и более сказок. Из перечисленных сборников крупнейшие — М. М. Коргуева, Ф. П. Господарева, Е. И. Сорокикова — подготовлены или самим М. К. Азадовским, или его ближайшими сотрудниками и учениками. В этой серии изданий особенно выделяется сборник М. М. Коргуева. Его сказки заняли более 1000 страниц.

Все эти сборники снабжались развернутыми комментариями и обстоятельными статьями составителей и, как правило, предисловиями М. К. Азадовского, в которых анализировались особенности исполнительской деятельности сказочников¹². Статьи эти образовали как бы коллективную монографию о сказительском мастерстве крупнейших русских сказочников XX в., выполненную по единому замыслу. Это особенно важно, так как с течением времени оставалось все меньше шансов обнаружить мастеров, равноценных перечисленным выше.

Таким образом, М. К. Азадовский на этом этапе выступал не только как теоретик и автор исследований, но и как прекрасный организатор и редактор сборников и разработок, посвященных отдельным сказителям.

В эти же годы появилось несколько сборников, в которых публиковались записи от крупнейших исполнителей былин (П. И. Рябикина-Андреева, Ф. А. Конашкова, М. С. Крюковой и — несколько раньше — М. Д. Кривополеновой и др.). Они также сопровождались исследованиями об исполнителях. Инициаторами первых двух из них были М. К. Азадовский и его ближайшая сотрудница и последовательница А. М. Астахова. В предвоенные годы готовились, но не были изданы сборники сказок Ф. И. Свинойна (В. А. Дмитриченко), других сказочников Беломорья (И. М. Колесникова), песен Ф. И. Быковой (Г. Н. Парилова), былин И. Т. Фофанова (К. В. Чистов) — они тоже были стимулированы М. К. Азадовским.

Одновременно было опубликовано большое число региональных как сказочных и песенных, так и многожанровых сборников. Тексты в них также нередко группировались по исполнителям, несмотря на то что их составители прежде всего преследовали цель охарактеризовать ту или иную локальную традицию в целом.

В предвоенные годы М. К. Азадовский интенсивно работал над двухтомником «История русской фольклористики». В нем показана широкая панорама развития концепций собирательской и издательской деятельности русских фольклористов в связи с историей общественной мысли XVIII — начала XX в. Разумеется, при этом М. К. Азадовский с неизменной внимательностью выявляет и анализирует факты, связанные с историей разработки проблемы исполнительства. Двухтомник, несмотря на то что он был написан более трех десятилетий назад, до сих пор остается наиболее содержательным и надежным сводом сведений по истории «русской школы».

В послевоенные годы появилось также несколько монографий, посвященных отдельным исполнителям — знатокам различных жанров (о М. Р. Голубковой, о И. А. Федосовой, о Е. И. Сорокикове-Магае и др.)¹³. Они базировались на детальном изучении истории локальной группы крестьянства, с которой связан исполнитель, его социального окружения и, разумеется, традиции, на которой он сформировался. При этом использовались самые различные источники — литературного, архивного, полевого характера и т. д. Не случайно связь личного творчества исполнителя оказалась наиболее тесной и выразительной в жанре причитаний — импровизационном по своему характеру. В сказке и былине она была достаточно сложно опосредована традицией жанра. В сфере сказки подобные исследования были обобщены Э. В. Померанцевой в книге «Судьбы русской сказки» (М., 1965), в которой деятельность крупнейших исполнителей рассматривалась в органической связи с общей историей русской сказочной традиции XVIII—XX вв. В известном смысле эта книга явилась развитием той

линии исследований, начало которой было положено сравнительными характеристиками типов исполнителей в монографии М. К. Азадовского о Н. О. Винокуровой, в обширном предисловии к сборнику «Русская сказка. Избранные мастера».

В 1960—70-е годы наблюдалось некоторое охлаждение русских фольклористов к проблеме исполнителя. Выдвинулись другие проблемы (генезис сказки, ее структурное изучение, типологический состав сказочного репертуара и др.). И только в последние годы интерес к этой проблеме снова возрождается. В этой связи должны быть упомянуты глава «Бытование сказки» В. Я. Проппа (в книге «Русская сказка», издана посмертно в 1984 г.), а также продолжающиеся исследования проблемы — книги Е. И. Шастиной «Сказки, сказочники, современники» (Иркутск, 1981), К. В. Чистова «Русские сказители Карелии» (Петрозаводск, 1980) и «И. А. Федосова. Избранное» (Петрозаводск, 1981) и др.

Уже говорилось о том, что ранний интерес русской фольклористики к проблеме исполнителя способствовал накоплению текстов и наблюдений, относящихся к трем-четырем поколениям сказочников и певцов былин. Это обеспечило возможность дальнейшего развития сравнительно-типологических наблюдений не только горизонтального (сопоставление исполнителей-современников), но и вертикального (диахронные сопоставления) характера, начало которым было положено работами М. К. Азадовского. Помимо прочего, идея эта реализовалась в организации серии экспедиций «По следам Рыбникова и Гильфердинга», «По следам Ончукова», «По следам братьев Соколовых», «По следам Азадовского» и т. п., подобно тому как сам М. К. Азадовский в свое время осуществил свои сибирские экспедиции «По следам С. В. Максимова и А. П. Шапова». Эти экспедиции должны были изучить состояние традиции через два-три и даже через шесть-семь десятилетий после первых записей. При этом старались разыскать прямых продолжателей тех исполнителей, которые были известны по записям XIX — начала XX в. Это давало возможность не только собрать сопоставимые материалы для суждения о судьбе традиции в современности, но и изучить движение текста при передаче его на протяжении двух — четырех поколений. В этом мы тоже видим одно из направлений, начало которому положил М. К. Азадовский. Детальное изучение этих проблем было предпринято А. М. Астаховой («Русский былинный эпос на Севере». Петрозаводск, 1948), В. И. Чичеровым («Школа сказителей Заонежья». М., 1982), Ю. А. Новиковым («Эпическая традиция Пудожского края»: автореферат канд. дис. Минск, 1976). Все эти исследования были осуществлены на материале русского эпоса. Однако их результаты несомненно приобрели более общее теоретическое значение. Они продолжали развивать и детализировать концепцию М. К. Азадовского.

В последние годы изучение проблемы исполнителя получило некоторые новые краски и акценты. Важную роль в этом процессе сыграло развитие текстологии, теории вариативности и теории традиции. Так, было введено понятие «фольклорное знание» или в приложении к былине — «эпическое знание», т. е. накапливающийся в памяти исполнителя запас сюжетов, мотивов, формульных сегментов текста, отдельных реалий и т. д. Было установлено, что в большинстве случаев варьирование словесной ткани былины или сказки происходит за счет обратимых синонимических замен, а не за счет новаций, принадлежащих отдельным исполнителям. Это не означает отрицания новаций или, шире, отрицания исторической изменчивости текста. Новации также поступают со временем в создаваемый и хранимый коллективом (контактной социальной группой) фонд «фольклорного знания». В этом свете пересматриваются некоторые тезисы Лорда и вносится нечто новое в теоретическую концепцию М. К. Азадовского¹⁴.

Плодотворным представляется также дифференцированное сопоставление взаимозависимых текстов (повторные записи, тексты учителя и ученика и пр.) по уровням — на основе разработанной типологической шкалы, предложенной

Н. Г. Черняевой. Метод этот, несомненно, *mutatis mutandis* применим и к анализу сказки. Методика Н. Г. Черняевой позволила ей по-новому поставить проблему типологии исполнительства и предпринять своеобразный опыт количественного анализа приемов запоминания и воспроизведения текстов¹⁵.

Итак, русская фольклористика прошла значительный путь и накопила своеобразный опыт исследования проблемы исполнителя. Исследования М. К. Азадовского сыграли в истории разработки этой проблемы выдающуюся и, бесспорно, центральную роль. Он обобщил сделанное до него, показал его теоретическое значение и в значительной мере предопределил последующие исследования. Современное возвращение к этой проблеме уже принесло новые знания в целом ряде разделов (текстология, динамика текстов во времени и связь этого процесса с общими историческими процессами развития крестьянства, механизмы трансмиссии текстов, правила их запоминаний и воспроизведения). Однако пока эти вопросы больше разработаны в применении к эпическим песням и причитаниям, чем к другим жанрам. Сказочная традиция в этом аспекте, как это ни парадоксально, в последние годы разрабатывалась меньше. Кроме того, остается задача переосмысления достижений всех трех этапов развития проблемы исполнителя в русской фольклористике в свете современных достижений лингвистики текста, психолингвистики, социальной психологии, социальной экологии, изучения устной речи и т. п. Отдельные опыты, которые уже предпринимались, говорят о том, что за этим порогом возможны новые достижения и формирование новых методов.

Фольклористика, как, вероятно, и многие другие науки, развивалась не поступательно и линейно, а как бы по спирали. Некоторые проблемы периодически возвращались в поле зрения фольклористов. Как мы видели, к числу подобных относится и проблема, обозначенная в названии статьи. Это снова актуализировало теоретические исследования М. К. Азадовского.

Не все причины современной актуальности проблемы исполнителя до конца ясны. И все же можно с уверенностью назвать по крайней мере две из них: 1) стремление избежать дегуманизации фольклористики (об опасности культивировать «logos» без «folk» говорил еще в 1976 г. на конгрессе Международного общества исследователей повествовательного фольклора в Хельсинки известный американский фольклорист А. Дандис¹⁶); 2) осознание того, что структуру фольклорных текстов нельзя объяснить из нее самой. Тексты (особенно обрядовые или сакральные) представляют собой компоненты более обширных структур — мировоззренческих, бытовых, обрядовых, речевых, поведенческих и т. д. Или, короче, любой фольклорный текст непредставим без контекста.

Этот процесс — то непрерывность интереса к проблеме исполнителя, то отход от нее, так же как и, разумеется, одновременная разработка проблем традиции или структуры текстов, их типологии и т. п., в сущности, отражает диалектику соотношения традиции и ее функционирования, «личного почина» и традиции, традиции и новаций. Это две стороны единого фольклорного процесса. Исследователи сосредоточиваются то на одной стороне, то на другой. Именно так и возникают разные школы и направления, как бы они ни спорили между собой, подчас даже отрицая достижения друг друга. То же самое происходит, например, и с разработкой проблем интернациональности фольклора (его характернейших черт, сюжетов, мотивов и т. д.) и его национального своеобразия. Здесь две стороны единого явления также не противоречат друг другу.

В заключение еще раз: в своих работах, которые выполнены в духе «русской школы», М. К. Азадовский, как и братья Б. М. и Ю. М. Соколовы и их ученики, спорил с «обесчеловечиванием» фольклора, считал особенно важным изучить роль исполнителей и их деятельности. Однако они никогда не отрицали роли традиции и существенных отличий между литературой и фольклором, как это им подчас приписывали в последние десятилетия¹⁷. Склонным к этому фольклористам можно было бы посоветовать без предубеждения перечитать обширное предисловие М. К. Азадовского к двухтомнику «Русская сказка. Избранные ма-

стера», которую мы много раз упоминали. Да и в монографии «Сибирская сказочница Н. О. Винокурова» имеется в виду и общерусская, и локальная традиция. Желание приписать отрицание столь очевидного факта, как традиционный характер фольклора, можно объяснить только стремлением оглушить «противника», прежде чем начать спорить с ним, как это было в некие годы, либо неумением спокойно прочесть написанное ученым, принадлежащим к другому направлению, стремлением утверждать во что бы то ни стало правоту, необходимость и единственность своей точки зрения.

В содержательной обзорной статье «Рассказывание. Рассказчик» (т. е. исполнение фольклорной прозы и исполнитель) в издающейся в Западной Германии «энциклопедии сказки» известная современная исследовательница Л. Дег напоминает о ранних опытах наблюдений над исполнителями в европейской фольклористике в середине прошлого века и приходит к выводу, что они были исключениями и не базировались на теоретически осознанной исследовательской системе (И. Кэмпбелл, Е. Хартланд)¹⁸. В специальном параграфе другой своей статьи в этой же энциклопедии «Биология рассказывания (Теории и методы. Русская школа)» Л. Дег напоминает о том, что «русская школа» фольклористики еще в прошлом веке регулярно и вполне осознанно занималась проблемой исполнителя. Современную «биологию устного повествования», пишет она далее, иногда возводят к социологическим идеям Э. Дюркгейма или функционализму Б. Малиновского и А. Рэдклиф-Брауна, однако в действительности «европейские исследования народной прозы безусловно испытали значительно более сильное влияние небольшой книжки М. Азадовского, в которой была охарактеризована личность сибирячки Н. О. Винокуровой»¹⁹. Здесь имеется в виду книга М. К. Азадовского и Н. О. Винокуровой, о которой мы неоднократно говорили.

Как мы видели, Л. Дег, которая в отличие от многих европейских и американских фольклористов осведомлена в истории русской фольклористики, права, так же как она права и столь решительно обобщая роль «небольшой книжки» в истории мировой фольклористики XX в. К сожалению, как мы уже говорили, не владеющим русским языком фольклористам остались почти неизвестными другие работы М. К. Азадовского, в которых разрабатывалась проблема исполнителя. Это, разумеется, не касается славянских стран, где имя М. К. Азадовского постоянно называется и книги и статьи его постоянно цитируются (см., например, работы таких известнейших фольклористов, как И. Поливка, И. Горак, В. Гашипарикова, Ю. Кжижановский, П. Динеков, Т. Живков, С. Стойкова и др.²⁰). О работах М. К. Азадовского упоминают подчас даже те фольклористы, которые знают о них понаслышке, как Л. Рерих, М. Люти, Ю. Пенттикяйнен и др. Это тоже, как ни парадоксально, свидетельствует о мировом значении работ ученого, столетие которого недавно отметили советские фольклористы.

Примечания

¹ Марк Константинович Азадовский. Указатель литературы / Сост. Томина В. П. Отв. ред. Куклина Е. А. Новосибирск, 1982. 134 с. Дополнения см. в рецензии Мельц М. Я. (Сов. этнография. 1985. № 3. С. 155—157). После выхода в свет библиографии опубликован сборник: Азадовский М. К. Сибирские страницы. Статьи, рецензии, письма. Иркутск, 1988. 336 с.

² Азадовский М. Статьи и письма. Незданное и забытое. Новосибирск, 1978. С. 156.

³ Жирмунский В. М. М. К. Азадовский. Биографический очерк // Азадовский М. К. История русской фольклористики. Т. 1. М., 1958. С. 3—18; Путилов Б. Н. Предисловие // Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. М.: Л., 1960. С. 3—13; Мельц М. Я. М. К. Азадовский как фольклорист-библиограф // Проблемы современного народного творчества. Русский фольклор. Т. IX. Л., 1964. С. 307—321; Чистов К. В. М. К. Азадовский — ученый и педагог. К 10-летию со дня смерти // Сибирский фольклор. Вып. 1. Томск, 1965. С. 3—14; Петряев Е. Д. М. К. Азадовский и Сибирь // Литературное наследство Сибири. Т. 1. 1969. С. 176—181; Азадовская Л. В. Из научного наследия М. К. Азадовского. Замыслы и начинания // Азадовский М. Статьи и письма. Незданное и забытое. С. 189—237; Яновский Н. Сибирские темы в творчестве М. К. Азадовского // Там же. С. 3—14; его же. Марк Константинович Азадовский // Азадовский М. К. Сибирские страницы. Статьи, ре-

цензии, письма. С. 3—25. Список отзывов, рецензий на работы М. К. Азадовского, некрологов и т. п. см. в библиографическом указателе В. П. Томиной, с. 87—98.

⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. I. Изд. 4-е. Л., 1949. С. 41.

⁵ Lord A. B. The Singer of Tales. Cambridge, 1960; Parry M. L'épithète traditionnelle dans Homère. P., 1927; *idem*. Studies in the Epic Technique and Oral Verse-Making. V. I—II. Cambridge, 1930—1932.

⁶ См., например, Oldenbourg S. de. Le conte dit populaire: problèmes et méthodes // Revue des études slaves. Т. IX. F. 3, 4. P., 1929. P. 221—236; Ольденбург С. Собрание сказок в последнее время // Журн. Министерства нар. просвещения. 1916. Август. С. 296—322. Следует также упомянуть статью А. А. Макаренко о сказочнике Чиме (Кокорине) // Живая старина. Вып. II—IV. Пг., 1914.

⁷ Azadovsky M. Eine sibirische Märchenerzählerin // Folklore Fellows Communications. № 68. Helsinki, 1926.

⁸ Цит. по русскому изданию: Азадовский М. К. Сибирская сказочница Н. О. Винокурова // Азадовский М. Статьи и письма. Неизданное и забытое. С. 69.

⁹ Как отмечал сам М. К. Азадовский в «Истории русской фольклористики» (т. 2. М., 1963, с. 245), первый опыт публикации целостного репертуара сказочника в России был предпринят еще в 1895 г. В. В. Лесевичем (см. «Сказки и предания деда Чмыхало» // Сборник в пользу недостаточных студентов университета св. Владимира. СПб., 1895. С. 211—234).

¹⁰ В сборнике 1938 г. «Литература и фольклор» М. К. Азадовский объединил текст вступительной статьи к двухтомнику и некоторые пассажи из очерков об отдельных сказителях и примечаний к их текстам.

¹¹ Ср. наблюдения Н. В. Васильева, согласно которым у певца былины — портного — нашлась строка «Голова отлетела, как пуговица» (Из наблюдений над отражением личности сказителя в былине) // Изв. Отд. русского яз. и словесности АН. СПб., 1907. Кн. 2. С. 170—196.

¹² Большинство других сборников, выходивших в это время, связано с именами Ю. М. Соколова и Э. В. Померанцевой.

¹³ Михайлов А. А. М. Р. Голубкова. Очерк жизни и творчества // Север. 1953. № 14. С. 178—204; *его же*. От устной поэзии к литературе. Творчество М. Р. Голубковой и Н. П. Леонтьева. Архангельск, 1954; Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 1955; *его же*. Ирина Андреевна Федосова. Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988; Матвеева Р. П. Творчество сибирского сказителя Е. И. Сорокикова-Магая. Новосибирск, 1976. Работу над первой монографией о И. А. Федосовой автор настоящей статьи начал под руководством и по инициативе М. К. Азадовского в годы аспирантуры. Р. П. Матвеева продолжила работу над наследием Е. И. Сорокикова-Магая, опираясь на исследование и записи М. К. Азадовского.

¹⁴ Путилов Б. Н. Искусство былинного певца (Из текстологических наблюдений над былинами) // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 220—259; Гацак В. М. Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса. М., 1971. С. 7—46; *его же*. Основы устной эпической поэтики славян (антитеза «формульной» теории) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 184—196; Кирдан Б. П. Варьирование кобзарем М. Кравченко думы «Бедная вдова и три сына» // Текстологическое изучение эпоса. С. 47—63; Чистов К. В. Поэтика славянского фольклорного текста. Коммуникативный аспект // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Загреб — Любляна, сентябрь 1978. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 299—327; *его же*. Вариативность и поэтика фольклорного текста // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. С. 143—169; Новиков Ю. А. Эпическая традиция Пудожского края: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Минск, 1976; *его же*. Былины Андрея Сорокина (К вопросу о творческой манере сказителя) // Сов. этнография. 1972. № 2. С. 88—97.

¹⁵ Черняева Н. Г. О былинных сказителях Карелии // Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 8—30; *ее же*. Проблемы типологии искусства севернорусского былинного сказителя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1977.

¹⁶ Dundes A. Structuralism and Folklore // Studia Fennica. Review of Finnish Linguistics and Ethnology. Т. 20. Helsinki, 1976 (Folk Narrative Research. Some Papers Presented at the VI Congress of the International Society for Folk Narrative Research). P. 75—93.

¹⁷ См., например, Аникин В. П. Коллективность как сущность творческого процесса в фольклоре // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. V. М.; Л., 1960. С. 7—24. Ср. Новиков Н. В. О проблеме традиционного и индивидуального в советской фольклористике преимущественно в сказковедении (ответ В. П. Аникину) // Там же. Т. VI. М.; Л., 1961. С. 63—80.

¹⁸ Enzyklopadie des Märchen. B.; N. Y., 1983. B. 4. Hf. 2/3. S. 315—342.

¹⁹ Biologie des Erzähluts. Theorie und Methoden die russische Schuhle // Enzyklopädie des Märchens. B. 2. Hf. 1—2. S. 393.

²⁰ В частности, недавно в Польше была опубликована целая серия статей Т. Смолинской о проблеме исполнительства в фольклоре: Smolińska T. Rozwój zainteresowań postacią narratora na przykładzie europejskich monografii // Literatura ludowa. 1984. № 3. S. 63—73; *idem*. Z. problemów sztuki gawędzarskiej // Ibid. 1983. № 1. S. 37—46; *idem*. Postać narratora w folklorystyce słowiańskiej // Ibid. 1984. № 1, 2. S. 37—50, 43—52. В них она постоянно упоминает о работах М. К. Азадовского.

В. А. Дмитриев, Н. М. Калашникова
О ПРИНЦИПАХ КОМПЛЕКТОВАНИЯ
ФОНДОВ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Комплектование собраний музеев — важнейшая сторона их деятельности, так как путем формирования фондов не только закладывается основа деятельности музея, но и выделяется та часть культуры, которая изучается, сохраняется и отображается. Пример Государственного музея этнографии народов СССР свидетельствует о теснейшей связи этапов развития музея с историей его комплектования¹.

Проблема комплектования ГМЭ связана с фундаментальными исследованиями этнографической науки, вопросами ее объекта, предмета и основных методов. В обширной литературе, посвященной их разработке, по основным вопросам этнографии существуют различные точки зрения², нет единства в определении понятия современности в этнографии³. Немаловажным фактором является недостаточность связей теоретических исследований и практических задач музеев. Комплектовались этнографические музеи по специальным программам, разработанным в тот или иной период. Опыт собирательской деятельности обобщен в ряде публикаций ГМЭ народов СССР за 1950—1970-е годы⁴. Разработка основ комплектования представляет собой сложный многоступенчатый процесс, требующий учета всех существующих на настоящий момент достижений этнографической и музееведческой наук, синтеза решения теоретических и практических вопросов. Ведущее направление собирательской деятельности должно определяться уровнем развития этнографической науки (в том числе спецификой современных этнических процессов) и задачами этнографического музея, в свою очередь, определяемыми принципами национальной политики нашего государства.

Решение этих задач требует планомерной, комплексной работы коллективов музеев различного профиля. Необходимо разрабатывать классификацию музейного собрания, улучшать работу над научной документацией, повысить качество собирательских программ, комплектования фотоматериалов, уделять больше внимания роли закупочной и фондовой комиссий.

Задачей комплектования фондов этнографического музея является сбор предметов, наделенных в первую очередь этнокультурной спецификой, в то время как вещи историко-бытового назначения, также собираемые музеем, носят вспомогательный характер и призваны служить экспозиционным фоном. Именно данный подход объективно обусловлен задачами ГМЭ, комплектуемого и экспонирующего предметы материальной и духовной культуры народов СССР⁵.

Ведущий момент при комплектовании — способность этнографических экспонатов давать информацию о специфических чертах культуры этноса, о культурной динамике, характеризовать состояние этнической ситуации в регионе.

Прежде чем говорить о выработке основ комплектования фондов этнографического музея, необходимо точно определить понятие «экспонат этнографического музея» или «этнографический экспонат». В настоящее время, в основном, существуют два близких понятия: «этнографический предмет» и «музейный предмет», однако семантика каждого из понятий не вполне отвечает задачам комплектования этнографического музея, не говоря уже о полисемантической термина «предмет». Эта проблема отчасти могла быть решена при объединении признаков указанных понятий. Но подобный подход несколько механистичен и не способствует ясности трактовки явлений и понятий. Поэтому требуется найти такой термин, который мог быть применен к группе явлений культуры, представляющий интерес для этнографического музея, означающий сбор и обработку, а также включение его в собрание музея и экспозицию. Термин *этнографический экспонат* есть условное сокращение термина «потенциальный экспонат этнографического музея».

Значение термина «этнографический предмет» некоторыми исследователями определяется следующим образом: «Этнографическим предметом является тот материальный предмет, который содержит информацию об этнических проявлениях традиционно-бытовой культуры, а этнографической информацией считаются данные о культурных чертах, характерных для какого-либо этноса»⁶. При этом, несмотря на разработанность проблемы в целом, остается неясным, как не следует толковать сам термин и что понимается под этническими признаками этноса. Для обозначения последних выдвигались относительная устойчивость социального организма⁷, набор структурно-объединительных признаков, характерных психологических черт и т. д. Исследователь сталкивается с почти непреодолимыми трудностями, когда из ряда культурных черт этноса следует выявить специфические этнические черты. Таким образом, как убедительно показал К. В. Чистов, «этническими особенностями культуры могут считаться те, которыми этносы при данной конкретной ситуации объективно внутренне объединяются или отличаются от других этносов или которые субъективно осознаются как отличающиеся»⁸. Исходя из вышесказанного, следует предположить, что «этническая культура» не представляет собой системы, а объективной реальностью характеризуется только понятие «культура этноса» — как своеобразного сочетания общих и специфических элементов, присущих культуре данного народа.

Опыт создания экспозиции по традиционной этнографии в ГМЭ народов СССР показывает, что наглядно специфические черты культуры этноса выявляются лишь тогда, когда в основу композиции экспонатов заложено понимание культуры этноса как частного, конкретного явления. Таким образом, и экспозиции по традиционной этнографии неизбежно включают материалы по гражданской истории, экономике, формированию рабочего класса и т. д., представляющие собой черты общечеловеческой культуры, по-своему переживаемые данным этносом.

Недостатком существующего определения понятия «этнографический предмет» является, на наш взгляд, и акцент на его материальную сущность. Не вызывает сомнения, что основу экспозиций и фондов музея составляют вещественные объекты, характеризующие материальную и духовную культуру. Известной долей материальности обладают и фотоматериалы — полноценный этнографический источник. Суть материалистического подхода не в том, чтобы пользоваться в практике материальными предметами, а чтобы отражать реальность средствами своей научной дисциплины.

Сомнение вызывает и ограничение понятия «этнографический предмет» только сферой традиционно-бытовой культуры, что при последовательном подходе может быть доведено до отказа от изучения инноваций, порождены ли они внутренним развитием этноса, заимствованиями из культур других народов или преобразованиями культур этноса под влиянием социальных и экономических изменений общества. В итоге это ведет к ограничению познавательной сферы

этнографии вопросами сохранения архаической традиции, ограничению исследования этносов определенным периодом, т. е. только тем, когда предмет является традиционным⁹.

Сведение понятия «этнографический предмет» к традиционным по формам, материалу, способу изготовления, орнаменту и бытованию предметам требует либо пересмотра понятий, либо использования других терминов. Этого требуют не только задачи освещения современности в фондах и экспозициях музея, но и сама сущность этнографического музея, призванного дать объективное системное представление об этносе и его культуре, о проблемах взаимоотношений и взаимовлияний народов.

Еще менее удачно обстоит дело с термином «музейный предмет», выделенные признаки которого носят позитивистский характер, не отражают сущностных характеристик и, главное, совершенно не позволяют выявить специфику, отражаемую конкретным музеем¹⁰. При решении задач комплектования представляется неудачным и узкое использование термина «предмет», также предполагающее его двоякую трактовку: как совокупности особых, изучаемых музеем реальности и как чисто материального явления — вещи. Нам представляется, что этнографические предметы, включенные в состав музейного собрания, становятся экспонатами независимо от того, хранятся ли они в фондах или экспонируются. Использование данного термина («этнографический экспонат») подчеркивает неадекватность вещей, функционирующих в музее и в «живой» среде, и позволяет выделить специфику этнографического музея.

Итак, необходимо скорректировать определение термина «этнографический экспонат» как понятия, выделяющего специфические области предметов, характеризующих культуру этноса в сочетании ее общих с другими этносами, специфически конкретных и оригинальных форм, скомплектованных для извлечения информации музейными средствами.

Следует отметить, что к оригинальным формам мы относим явления и предметы традиционно-бытовой культуры, соответствующие традиционному хозяйственно-культурному типу и характеризующие неповторимые черты этноса, например, украшения и орнамент, «народную» одежду, атрибутику архаических верований и обрядов. Специфически конкретные формы присутствуют при выражении в культуре этноса надэтнических явлений, связанных с проявлением хозяйственно-культурного типа, природно-географической зоны, этнокультурной области, проникновением элементов общечеловеческой и городской культуры, воздействием современных этнических процессов. Общим направлением исторического процесса является постепенная замена оригинальных форм специфически конкретными. Поэтому последние в большей степени присутствуют в экспонатах, свидетельствующих о развитии этнокультурных традиций, а также в предметах, порожденных современными этническими процессами и имеющими национальную окраску. Этнографический музей при сборе фактического и иллюстративного материала должен исходить из посылок комплектования своих фондов предметами (вещевые экспонаты), фотографиями, текстами (нарративные и аудиовизуальные источники), отражающими те или иные явления в культуре этноса, в региональной или общегосударственной этнической ситуации. Эти явления могут иметь хронологический аспект. При комплектовании следует обратить внимание не только на бытование предмета в узком понимании¹¹, а в первую очередь на ситуацию в культуре этноса и ее выражение в вещи либо в другом источнике при условии выявления этой информации. Поэтому бытование является лишь частным случаем существования феномена, достойного отражения средствами этнографического музея.

Этнографический музей благодаря своей особой роли обладает возможностью сосредоточиться на аспектах сохранения этнических традиций в наши дни и их роли в обществах разного в прошлом социально-экономического строя и уклада, специфических для данного этноса или группы этносов проявлений процессов и явлений. Музей вправе акцентировать внимание на экспони-

ровании тех приемов, которыми пользуется культура этноса для этнического самовыражения в условиях сокращения сферы традиционных этнодифференцирующих элементов или комплексов явлений. При раскрытии последнего направления особо следует обратить внимание на роль города и профессиональных видов творчества.

Специфической темой для этнографического музея является отношение общества к наследию традиционно-бытовой культуры и его использования в различных проявлениях (например, использование традиционных эстетических представлений, положительных народных знаний). Каждая из подобных тем этого направления имеет не только оригинальную этническую основу, но и является отражением метаэтнических явлений, что придает им, с одной стороны, большую «живучесть», а с другой — требует учета стадийного фактора.

Этнографический экспонат по своей сути представляет продукт индивидуального творчества через наследование коллективного, что, однако, не означает отрицательного отношения к тиражированным изделиям, поскольку этнографический экспонат является конкретным выразителем типичных массовых явлений, индивидуальным воплощением идеального типа, единого в представлениях этноса или его частей. Этот предмет неповторим как результат индивидуального ручного труда и должен выражать коллективность творчества. В то же время понятие типичности, массовости явления обязано иметь исторический аспект, т. е. должны комплектоваться и редкие вещи в том случае, если они отражают явления, широко распространенные в прошлом, и те, которые станут типичными в будущем. Массовость должна учитываться и в территориальном аспекте — единичные предметы на периферии распространения явления также комплектуются музеем, если нет возможности собрать их в очаге распространения.

Исходя из вышесказанного, мы придаем важное значение при комплектовании репрезентативности, представительности явления через конкретный экспонат. С этой точки зрения пределом комплектования одной категории вещей является их способность дать надежную информацию о явлении. Музейный экспонат нужен в таком количестве, чтобы его можно было использовать и на экспозиции, и на временной выставке с гарантированной заменой подобным. При этом группа типологически сходных вещей может служить источником для изучения одной из сторон культуры.

Существовавшая в течение определенного времени установка на формирование фонда этнографического музея в двух направлениях: 1) сбор предметов по традиционной этнографии; 2) комплектование экспонатов по этнографии современности¹² — требует в настоящее время уточнения, так как не учитывает внедрения традиционной этнографии в современность, не дает возможности выработки критериев понятия современности в этнографической науке. Поскольку объектом музейного комплектования является реальная действительность, то она должна быть отражена во всем многообразии культурной динамики, основной чертой которой является постоянное сочетание традиции и инноваций¹³. Современное толкование понятия культурной традиции исходит в первую очередь из взаимодействия старого и нового, что собственно и составляет суть ее развития. По мнению Э. С. Маркаряна, «учет локальных предметов, выражающих индивидуально-неповторимое своеобразие истории, становится в наши дни одним из важнейших условий научно обоснованного управления социальными процессами»¹⁴. Исходя из вышесказанного, следует сделать вывод о необходимости уточнения объекта исследования этнографического музееведения, выделения предмета исследования и определения его структурного расположения. Проблему комплектования фондов этнографического музея предлагается рассматривать как постоянное формирование весомой части источниковой базы для этнографической науки и основы экспозиционно-пропагандистской работы самого музея.

В каждом экспонате следует видеть источник информации двух видов:
а) информацию о себе самом в контексте своего непосредственного функциони-

рования (экспонат как этнографический текст) ¹⁵; б) информацию о культуре этноса, к которой он принадлежит. На практике это разделение смазывается из-за полифункциональности предмета культуры, однако должно учитываться при разработке основ комплектования и оценки значимости экспоната для определения его места в собрании музея. Понимая этнографический экспонат как источник этнографических знаний, мы закономерно приходим к пониманию структуры явлений, которые в нем отражаются. При комплектовании фондов музея на современном этапе следует говорить о генеральных процессах, определяющих облик культуры этноса (этносов) в хронологический отрезок, когда происходит наша собирательская деятельность. Изложенное выше понимание культурной динамики позволяет выделить следующие типы явлений, наблюдаемые в культуре этноса.

I. Явления традиционно-бытовой культуры, сохраняющиеся в наши дни.

II. Явления сохранения и развития самобытных этнокультурных традиций.

III. Национально-окрашенные явления в культуре этноса, порожденные имманентными процессами современности.

Прежде чем перейти к характеристике каждого из выделенных моментов, следует сделать несколько общих замечаний по поводу отбора экспонатов для комплектования фондов этнографического музея. Во-первых, они должны быть репрезентативными (отражать специфические стороны культуры этноса, свидетельствовать о культурной динамике, характеризовать состояние этнической ситуации в регионе) и в то же время по возможности максимально выполнять этнодифференцирующие функции, обладать свойствами этнической метки. Во-вторых, этнографические экспонаты должны иметь свойства этнографического «текста» (т. е. должны быть описаны не только в контексте отношения к другим предметам и явлениям культуры, но и нести свою собственную информацию бытового характера). В случае если при изъятии предмета из «живой» культуры (среды) он перестает быть «текстом», то комплектование подобных вещей может быть оправдано только в качестве фонового материала для экспозиционного использования. В-третьих, потенциальный этнографический экспонат должен обладать потребительской стоимостью в рамках своего этноса, удовлетворяя потребности, порожденные либо хозяйственно-культурным типом, либо задачами этнического самовыражения. В связи с этим существующее в этнографии понятие «бытование» представляется нам недостаточным, так как означает только наличие предмета в быту, но не показывает, какие потребности этноса в интересующем плане он удовлетворяет.

Рассматривая этнографический экспонат как источник, характеризующий процессы культурной динамики, следует подробнее остановиться на группах предметов, отражающих выделенные нами три параметра объектной зоны. Не претендуя на полноту охвата явлений в целом и учитывая неоднозначность соотношения экспоната и отображаемого им явления, постараемся пояснить некоторые положения.

I. Явления традиционно-бытовой культуры, сохраняющейся в наши дни.

Предметы, соответствующие традиционному хозяйственно-культурному типу, производство которых изначально носило домашний характер, относятся к памятникам традиционно-бытовой культуры и комплектуются этнографическим музеем (например, промысловая охота в Сибири, скотоводство на Северном Кавказе, виноградарство в Молдавии, рыболовство в Приамурье). Следует, однако, заметить, что сам факт сохранения хозяйственно-культурного типа не является гарантией для существования связанного с ним комплекса предметов. Вместе с тем наличие подобной группы предметов традиционно-бытовой культуры может свидетельствовать о сохранении остаточных явлений, которые в прошлом были характерны для данного хозяйственно-культурного типа, например, в личном хозяйстве (наличие традиционного инвентаря в частном использовании, связанного с приусадебным огородом, с сенокосением, с содержанием скота и домашней птицы и пр.). Кроме того, иерархия в группе

выделенных предметов предполагает первенство одних признаков (например, функция и конструкция) и допускает большую вариативность других (в качестве примеров можно привести применение нетрадиционных материалов в сельском строительстве при сохранении характерной планировки, замену домотканины фабричным полотном для изготовления традиционной по покрою одежды, использование традиционных форм утвари, выполненных из нехарактерных материалов). Сюда же следует отнести предметы быта, используемые как по назначению, так и просто хранимые в доме, производство которых в настоящее время в массе не существует (например, маслобойки, корыта, низкие столики, архаичные типы одежды и т. д.). Если по каким-либо причинам производство этих предметов становится вновь массовым (например, в период войны изготовление домотканины для хевсурских костюмов, традиционных видов обуви в Белоруссии и т. д.), то они при наличии перспективы употребления могут быть отнесены к группе явлений сохранения и развития этнических традиций. Особый интерес представляют ритуальные предметы, утратившие культовое значение, но существующие в реальной действительности (полотенца, куклы и др.). Использование их эпизодично и в дальнейшем лишено перспективы.

Учитывая, что предметы традиционно-бытовой культуры являются основным источником для построения экспозиций монографического типа и служат воссозданию модели, реконструирующей народную культуру как систему оригинальных черт этноса, считаем комплектование предметами этого типа традиционно обязательными и неограниченными в силу их пережиточного характера. В этот же раздел относим весь круг памятников, который был связан с комплексом архаичных обычаев и обрядов (например, предметы, связанные с культом плодородия; всевозможные обереги; символы благопожелания). Сюда же попадают и предметы, связанные с архаическими воззрениями, а также атрибуты религиозного культа.

II. Явления сохранения и развития самобытных этнокультурных традиций.

Данная группа включает явления традиционной культуры, обладающие особой устойчивостью, которые в новых условиях индустриального быта продолжают жить и развиваться, претерпевая определенные изменения.

Генезис указанных групп (I, II) совершенно различен, что вынуждает нас рассматривать эти внешние близкие формы самостоятельно.

К группе явлений, сохраняющих и развивающих самобытные этнокультурные традиции, могут быть отнесены отдельные элементы традиционных комплексов, народные художественные промыслы, функционирующая семейная и календарная обрядность. Нами сознательно не употребляется термин «народное искусство» по отношению к данной группе явлений, так как наличие эстетических функций, свойственных группе в целом, не всегда присутствует в конкретных предметах. Кроме того, эстетические функции предметов народной культуры не могут быть отделены от идейно-ценностных, составляя одну группу идейно-эстетических функций явлений народной культуры. Как известно, последние обеспечивают жизнь этнической традиции в культуре, будучи тесно связанными с этническим самосознанием¹⁶. Следуя данному подходу, мы рассматриваем термин «народное искусство» как понятие, характеризующее одну из сторон культуры этноса, для изучения которой необходимо специальное исследование. В нашей работе выделение объединенных этим понятием групп явлений культуры нецелесообразно, так как не способствует раскрытию сущности процессов отражения этнокультурной динамики и не соответствует предложенной классификации. Нетрудно заметить при этом, что предметы, относящиеся к сфере народного искусства, могут быть соотнесены с каждым из трех выделенных типов явлений.

Итак, переходя к рассмотрению группы явлений, сохраняющих и развивающих самобытные этнокультурные традиции, следует назвать элементы традиционных комплексов, которые сохраняются в планировании усадьбы, декоре жи-

лища, убранстве интерьеров (наличие ковров, войлоков, циновок, вышивок, специфических форм мебели и пр.). Традиционно эти предметы изготавливались как домашним, так и ремесленным способом. Некоторые элементы традиционных комплексов остаются на протяжении длительного времени стабильными деталями в сельском и городском костюме разных народов Советского Союза (головные уборы, части плечевой и поясной одежды, разнообразные дополнения костюма, украшения, обувь). Следует отметить закономерное сохранение национальных форм одежды, отвечающих географическим условиям и формам хозяйственно-культурных типов (промысловая одежда). Эти предметы обладают рядом черт, характерных для первой группы явлений. Отличает их адаптация к современным условиям отдельных элементов, прежде существовавших в традиционных комплексах. Интересно, что они при этом сохраняют художественные качества и осознаются как национальные. Например, детали одежды могут меняться в зависимости от национального окружения. Так, головной платок кубачинки, обязательный для ношения в своем селении, где он составляет предмет гордости и свидетельствует о достатке, за пределами республики не употребляется. Ведущим критерием этой группы (в отличие от первой) являются обязательная перспектива развития и массовость производства.

Особой областью, хранящей и развивающей народные традиции, являются народные художественные промыслы, интерес к которым у этнографических музеев особый, профессиональный. Поскольку нас в первую очередь интересует связь народной художественной культуры с этнографической средой¹⁷, то в орбиту интересов попадают все предметы, которые ею порождены. Кроме того, при комплектовании фондов следует учитывать критерий комплексности и стараться приобрести не только изделия, но и весь инструментарий, связанный с их производством. Пример с народными художественными промыслами свидетельствует о сохранении и развитии самобытных этнокультурных традиций, в которых коллективное проявляется через индивидуальное. В случае с изделиями народных мастеров, работающих самостоятельно, мы сталкиваемся наряду с описанным явлением и с традиционной трансформацией, обусловленной выделением мастера из коллективного производства. Этнографичность работ такого мастера обеспечивается не непосредственным влиянием общего бытового уклада этих мастеров, а следованием культурной традиции этноса. Поэтому критерием этнографичности изделий подобного рода является не только наследование приемов и образов промысла, но и признание традиционности, народности представителями своего этноса.

Аналогичную картину развивающихся и трансформирующихся элементов традиционной культуры можно наблюдать в современной обрядности, в ее атрибутике. Так, в семейных и календарных обрядах преобладающими становятся элементы, лишенные религиозного содержания, сохраняющие этнические черты, в которых заключен положительный народный опыт.

К комплектованию экспонатов этого раздела следует подходить избирательно, учитывая, как в том или ином рассматриваемом явлении сохраняются и развиваются самобытные этнокультурные традиции. Поэтому при изучении одних явлений целесообразно фиксировать их полностью (комплексно), на разных стадиях производства, с учетом многообразия форм и типов, а в других случаях достаточно исследовать единичные примеры.

III. Национально-окрашенные явления в культуре этноса, порожденные имманентными процессами современности.

К национально-окрашенным (этнически маркированным) явлениям современности предлагаем относить те явления в культуре этноса, которые не имеют корней в традиционно-бытовой культуре, но на настоящем этапе служат определенным выразителем национального своеобразия этноса. К ним могут быть отнесены, например, такие явления, которые, будучи распространены повсеместно как общие, в культуре данного этноса имеют воплощение, трактуемое как

национальное. Национально-окрашенные явления в известной степени можно рассматривать как элементы индустриальной городской культуры этноса.

Отражение национально-окрашенных явлений можно наблюдать в сфере предметов производства (так называемая художественная промышленность), а также при создании института советской обрядности.

Указанная группа отличается значительной неоднородностью в сравнении с двумя рассмотренными прежде всего в связи с тем, что явления, которые мы к ней относим, возникли в течение исторически короткого времени и формирование их зачастую не закончено. Можно выделить следующие группы явлений, каждое из которых имеет самостоятельное происхождение: порожденные современными этническими процессами; сохраняющие внешнюю, традиционную форму, но возникшие без прямой связи с традицией; порожденные целенаправленным внедрением национально-окрашенных элементов в специально созданные структуры¹⁸.

К современным этническим процессам, порождающим национально-окрашенные элементы, следует относить явления внутриэтнической консолидации, взаимовлияния культур и роста национального самосознания¹⁹. Кроме того, нельзя не учитывать отражение урбанизационных процессов в культуре городского и сельского населения, а также несомненное возрастание роли города в формировании культурных стереотипов. В качестве примера можно привести типовое строительство в сельской местности с учетом национальных и региональных принципов организации пространства (структура населенного пункта и жилой усадьбы, планировка и облик жилища и пр.). В современном типовом строительстве нас будут интересовать два направления: а) сохранение традиционной застройки в исторически сложившихся центрах; б) использование традиционных материалов, цветовой гаммы и характерного декора при возведении новых жилых районов города. Особо следует отметить оформление в национальном стиле зданий гражданского назначения (дома культуры, театры и кинотеатры, библиотеки и пр.).

Иллюстрация процессов объединяющего характера — появление усредненного типа отдельных элементов у одного или нескольких народов региона (шапки-сванки у некоторых народов Закавказья, тубетейки у всех народов Средней Азии и др.), а также создание комплексов бдежды для самостоятельных коллективов, сохраняющих национальный колорит, но утративших конкретную этнографическую привязку, такие костюмы используются не только в концертах, но и в современных обрядах семейного цикла (например, в свадебных торжествах). Одной из форм проявления национального самосознания может быть обращение к национальному эпосу и мотивам исторического прошлого.

Явления, сохраняющие внешнюю традиционную форму, обозначены в литературе как квазиподобные, т. е. внешне сходные с традиционными, но возникшие без прямой связи с традицией²⁰. Содержательная сторона их, разработанная на фольклорном материале, имеет некоторое подтверждение и в области этнографии. К. В. Чистовым приводятся примеры: устные рассказы с сюжетом «Муж на свадьбе своей жены», синкретизм в творчестве современных поэтов-певцов, приселение молодых семей к семье родителей жены и пр.²¹ Сложность и определенная эклектичность относимых к этой группе явлений отразилась в различных точках зрения исследователей на так называемые вторичные формы²². К квазиэтническим формам могут быть отнесены любые псевдонациональные явления (например, чрезмерная расточительность при отправлении некоторых современных ритуалов семейного и календарного цикла; злоупотребление престижными формами в материальной и духовной культуре; необоснованное использование предметов традиционно-бытовой культуры в угоду моде и т. п.), а также явления в современном народном творчестве, известные под названием «кич». Указанные явления входят в сферу профессиональных интересов этнографии, подлежат фиксации (нарративные источники), однако предметы, их отражающие, комплектуются музеем в исключительных случаях.

В ряду национально-окрашенных явлений современности особое место занимают такие их формы, которые порождены осознанно-активным воздействием общества на ход развития национального фактора. Подобные постэтнические явления, очевидно, постепенно приходят на смену традиционным культурным формам и связаны с качественно новыми характеристиками индустриального общества, но как действенный фактор находятся в еще неразвитых формах. Наиболее явственно подобные явления в настоящий момент наблюдаются в системе современных обрядов и праздников, в частности, в праздниках национальной культуры. Значительно старше «праздники песни» в Прибалтике. Лишь в последние годы переживают становление праздники городов и культурных центров, как, например, уже достаточно известный праздник «Тбилисба», структура которого включила в себя целую систему народных праздников избранной территории (в данном случае и города, и всей республики). Представляют интерес, если их удастся выделить, национально-окрашенные варианты праздников общественно-политического содержания.

Использование элементов традиционного костюма, сохраняющегося в быту, мы относим к явлениям развития этнической традиции, зато образцы одежды, созданные профессиональными художниками-модельерами по народным мотивам, следует рассматривать как национальноокрашенные явления современности. Обращая внимание на изучение этой группы явлений современной культуры, необходимо учитывать, насколько удачно эстетические элементы традиционной одежды переданы художником-профессионалом, привлекают ли они внимание потребителей. Принципиально важно установить при этом, возникло ли явление в результате развития культурной традиции этноса в широком смысле или же это факт взаимовлияния культур.

Использование традиционных способов оформления изделий легкой промышленности не является порождением сегодняшнего дня, о чем свидетельствует, например, история российской мануфактуры. Вместе с тем генезис этого явления остается малоисследованным как в плане практического применения, так и в осмыслении его развития в целом. Для нас более актуальным является вопрос о значимости использования фондовых коллекций музея для расширения современного ассортимента легкой промышленности, нежели то, в каком отношении должны находиться готовые образцы к музейному собранию. Вместе с тем нельзя не констатировать, что использование орнаментальных мотивов, цветовой гаммы, некоторых традиционных форм в промышленности носит явно фрагментарный, зачастую случайный характер и не может восприниматься однозначно.

Неустоявшийся характер этнически маркированных явлений, неадекватность их традиционным, свойственный им высокий темп культурных изменений заставляют нас очень осторожно подходить к комплектованию подобных предметов, принадлежащих массовому тиражированному производству. Поэтому для них должен быть применен принцип единичного отбора, представленный образцами серий. Наряду с серийными образцами могут приобретаться образцы-эталоны, представляющие интерес как творческие разработки художника-профессионала (или целой группы), соответствующие традиционно-эстетическим канонам.

При изучении национально-окрашенных явлений с целью комплектования фондов положительный результат следует ожидать в случае сочетания традиционных форм сбора экспонатов с учетом отношения населения к предметам изучаемой группы.

Соответствие экспонатов трем предложенным группам явлений можно считать этими критериями, по которым должен происходить их отбор в коллекции музея.

Выполняя задачу сбережения культурного наследия многонационального населения СССР, отражающего разнообразие этнических культур, этнографический музей должен дифференцированно подходить к отбору экспонатов по

различным группам явления. Здесь сочетаются принципы массового (явления традиционно-бытовой культуры и сохранения этнических традиций) и выборочного (национально-окрашенные явления современности и явления сохранения этнических традиций) отбора экспонатов для комплектования фондов.

Следует отметить, что принцип выборочного подхода к отбору экспонатов требует внимания к экспонатам и явлениям, отражаемым ими. Речь, очевидно, должна идти о соответствии свода целевых собирательских программ, связанных с изучением круга явлений современности, каждая из которых является результатом особого исследования.

Придерживаясь того мнения, что только тот вещевой экспонат, который содержит этническую (культурно-бытовую) информацию, пригоден для комплектования, мы полагаем, что изучение контекста его функционирования также должно рассматриваться как задача, без осуществления которой современное комплектование музея невозможно. Такой подход диктуется рядом причин.

Во-первых, требуется выявление контекста использования предмета, учитывая его прагматические, семантические, идейно-эстетические функции и связи, а также интеркультурные связи.

Во-вторых, требуется выявление этнической нагрузки предмета или ситуации, в которой он существует (если функции предмета не ограничиваются культурно-бытовой сферой в узком смысле термина).

В-третьих, необходимо определить, к какой группе явлений современности относится предмет, степень его репрезентативности.

Сбор фактического материала на современном этапе тем более необходим, что при тенденции снижения значения вещевого предмета как этнографического текста источником информации зачастую выступает в большей степени ситуация его использования. Подчеркиваем, что этнографическую информацию может нести и использование предмета, тиражированного промышленным способом.

Поэтому на современном этапе особую важность приобретают описательные (архивные) и фотоиллюстративные материалы. Эти материалы также отражают выделенные выше три группы явлений, но роль их несколько отличается от роли вещевых предметов. Иллюстративные и фотоиллюстративные материалы дают возможность фиксировать те предметы, которые по каким-то причинам невозможно доставить в фонды, но главная их особенность — возможность фиксировать системные отношения либо между людьми, либо между предметами, либо между людьми и предметами, т. е. документировать ритуалы и бытовые комплексы, в системе которых функционируют интересующие нас предметы. Как и для вещевых экспонатов, для фотографии главным критерием отбора является отражение этнокультурной специфики. Отклонение от этого принципа лишает фотоиллюстративный материал характера этнографического и исторического источника, превращая его в фоновый материал.

В заключение, учитывая, что «задачей музейного этнографического коллекционирования является создание свода источников для разработки этнографической и общен исторической проблематики», а «моделью установления связей между экспонатами является реальная жизнь»²³, мы считаем необходимым отметить различие между комплектованием фондов как источника информации для изучения этноса и комплектованием экспозиционного материала для представления культуры этноса в экспозиционной, просветительской и пропагандистской деятельности этнографического музея. Задачи комплектования в этих случаях не совпадают: Так, для этнографического экспонирования необходимо наличие фонового материала, не являющегося профильным в комплектовании фондов (материалы по археологии, гражданской истории, экономике, географии и т. д.). С другой стороны, в экспозиции должны попадать материалы, несущие преимущественно положительный пропагандистский заряд, но не должны использоваться экспонаты, могущие вызвать чувства этнической предубежденности. Необходимо учитывать, что восприятие этнографического материала

происходит преимущественно на том уровне, на котором существует этническое сознание, т. е. на уровне обыденного сознания. Однако для всестороннего изучения культуры этноса, положительных и отрицательных моментов его развития такие экспонаты включаются в фондовое собрание этнографического музея.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что сохранение живой взаимосвязи фондовых собраний и процессов культурной динамики общества позволяет коллекционным собраниям музея отражать различные аспекты современной жизни.

Примечания

¹ Существуют различные точки зрения на периодизацию истории Государственного музея этнографии народов СССР. См.: *Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н.* Государственный музей этнографии за пятьдесят лет Советской власти // *Очерки истории музейного дела в СССР*. Вып. VII. М., 1971. С. 9—120; *Шангина И. И.* Принципы комплектования коллекций по этнографии русского народа в ГМЭ народов СССР // *Тезисы докладов научно-практической многосторонней конференции «Музей и этнографические проблемы современности»* (II секция). Л., 1984. С. 5—6. Представляется целесообразным выделение трех периодов в сложении принципов комплектования ГМЭ: до середины 1930-х годов; середина 1930-х годов — конец 1960-х годов; 1970—1980-е годы. Для первого этапа характерно комплектование предметов функционировавшей традиционно-бытовой культуры, для второго — акцент на приобретение фонда экспонатов, отражающих социалистические преобразования в хозяйстве и быту народов СССР. Своеобразием последнего этапа является стремление к выявлению этнографических признаков в предметах традиционной этнографии и этнографии современности.

² *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973; *его же.* Современные проблемы этнографии. М., 1981; *его же.* Очерки этноса. М., 1983; *его же.* Этнографическое изучение современных национальных процессов в СССР // *Советская этнография* (далее — СЭ). 1985. № 2. С. 4—14; *Токарев С. А.* К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. 1970. № 4. *его же.* О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран // СЭ. 1967. № 5. С. 133—142; *Чистов К. В.* Теоретико-информационный аспект этнографического изучения современной духовной культуры // *Советская культура*. М., 1983. С. 418—428; *его же.* Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986; *его же.* Традиционные и «вторичные» формы культуры // *Расы и народы*. М., 1985. № 5. § 1. С. 32—41; *Станюкович Т. В., Чистов К. В.* Этнография и актуальные проблемы развития этнографических музеев // СЭ. 1981. № 1. С. 24—32; *Арутюнов С. А.* Этнографическая наука и изучение культурной динамики // *Исследования по общей этнографии*. М., 1979. С. 24—69; *его же.* Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // *Этнографические исследования развития культуры*. М., 1985. С. 31—49; *Пименов В. В.* Системный подход к этносу // *Расы и народы*. Вып. 16. М., 1986. С. 12—30; *его же.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977; *Чеснов Я. В.* О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // *Проблемы типологии и этнографии*. М., 1979. С. 189—203; *Байбулин А. К.* Некоторые вопросы изучения обобщенных форм культуры // Сб. МАЭ. Т. XXXVIII. (памятники культуры народов Европы и европейской части СССР) Л., 1982. С. 5—15; *его же.* Этнические стереотипы поведения // *Общественные науки*. 1986. № 2. С. 125—136.

³ *Бромлей Ю. В.* К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // СЭ. 1977. № 1. С. 3—18; *его же.* О некоторых актуальных задачах этнографического изучения современности // СЭ. 1983. № 6. С. 10—23; *Хаджиниколов В.* Этнографическое изучение современности в Болгарии // СЭ. 1976. № 5. С. 19; *Юхнева Н. В.* Что такое этнография современности? // *Этнографические аспекты изучения современности*. Л., 1980. С. 7—15; *Кобычев В. П.* Новое и традиционное в современном жилище народов Северного Кавказа. М., 1978. С. 164—165.

⁴ Комплектование, научное описание и экспозиционно-выставочная пропаганда этнографических материалов современного периода / Сост. Бабаянц Г. Н., Горб Д. А., Студенецкая Е. Н., Хазова Н. М., Яглинская С. С. 1979; Примерная программа сбора материалов по современному периоду для историко-краеведческих и этнографических музеев / Сост. Грусман В. М., Новикова Г. Н., Яглинская Э. С. Л., 1986.

⁵ *Баранова И. И.* Актуальные задачи деятельности ГМЭ народов СССР на современном этапе // *Отражение этнических процессов в памятниках бытовой культуры*. Л., 1984. С. 3—9; *ее же.* Роль этнографического музея в пропаганде влияния этнической традиции на современную культуру // *Тезисы «Роль и место этнографических музеев в системе идеологического воспитания трудящихся в свете решений июньского (1983) Пленума ЦК КПСС»*. Таллин, 1984; *Баранова И. И., Дмитриев В. А.* Задачи этнографического музея в свете материалов июньского (1983) Пленума ЦК КПСС // *Тезисы докладов научно-практической многосторонней конференции* (I секция). С. 1—3.

⁶ *Коновалов А. В., Тимофеева Е. Я.* К определению понятия этнографический предмет // *Тезисы докладов научно-практической многосторонней конференции*. II Секция. С. 1.

⁷ *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. С. 39—46.

⁸ *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор. С. 19.

⁹ *Коновалов А. В., Тимофеева Е. Я.* Указ. раб. С. 2.

- ¹⁰ Дукельский В. Музейный предмет // Советский музей. 1986. № 1(87). С. 36—37.
- ¹¹ Пименов В. В. Указ. раб. С. 17.
- ¹² Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Указ. раб. С. 100—101: Комплектование, научное описание и экспозиционно-выставочная пропаганда этнографических материалов современного периода. Л., 1979.
- ¹³ Арутюнов С. А. Этнографическая наука и изучение культурной динамики С. 2—60.
- ¹⁴ Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. № 2. С. 91.
- ¹⁵ Байбурин А. К. Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры. С. 7—10.
- ¹⁶ Чеснов Я. В. Указ. раб. С. 192.
- ¹⁷ Народные мастера. Традиции, школы / Под. ред. Некрасовой М. А. Вып. 1. М., 1985. С. 5.
- ¹⁸ Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотической системы. М., 1974.
- ¹⁹ Перечисленные группы явлений составляют определенную часть современных этнических процессов. См. Современные этнические процессы в СССР. Изд. 2-е. М., 1975. С. 18, 19, 22—24, 319.
- ²⁰ Чистов К. В. Традиционные и вторичные формы культуры // Расы и народы. М., 1975. № 5. С. 32—41.
- ²¹ Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. С. 48—50.
- ²² Богуславская И. Я. Специфика исследований изобразительного фольклора // Методы изучения фольклора. Л., 1983.
- ²³ Арсеньев В. Р. Основания и принципы сбора этнографических музейных коллекций // Тезисы докладов научно-практической..., С. 4.

В. Я. Бабенко

ПИЩА УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКИРИИ

Первые украинские переселенцы появились в Приуралье в начале XVI в., однако число их было невелико и жили они в основном в Уфе¹. Массовое переселение украинцев в край началось с 1730-х годов и совпало с активизацией восточной политики царизма². Строительство крепостей оренбургской оборонительной линии и несение караульной службы требовало большого количества людей, и правительство издает ряд указов, предписывавших привлекать для этих целей украинцев. Однако из-за непродуманности и неорганизованности переселения эта затея провалилась³.

Усиление феодально-крепостнического гнета на Украине с конца XVIII в. и необходимость выполнения государственных повинностей в Приуралье, где в эту эпоху гнет был слабее, способствовали возобновлению переселения украинцев в регион. Так, с 1795 по 1858 г. число украинцев в нем возросло примерно в 10 раз и составило 20,5 тыс. человек⁴.

После буржуазных реформ второй половины XIX в. процесс переселения усилился. Главными причинами этого явились отмена крепостного права и переход экономики на капиталистический путь развития. В центральных губерниях России, на Украине, в Белоруссии и Прибалтике углубляется процесс обезземеливания крестьян. Относительно быстро земельный голод сказался в центральных и северных губерниях Украины — Полтавской, Черниговской, Киевской, Подольской и Харьковской, откуда шел основной поток переселенцев в Башкирию⁵. Особенно широкий размах крестьянское переселение приняло в годы проведения столыпинской аграрной реформы. За 15 лет (с 1897 по 1912 г.) украинское население Башкирии (в пределах Уфимской губернии) увеличилось с 4996 до 56 923 человек, т. е. более чем в 11 раз⁶.

Продолжающийся процесс переселения украинцев в Башкирию после революции принимает качественно новый характер и связан с экономическим развитием восточных районов страны. Если до революции переселенцами были в основном крестьяне, то в советскую эпоху наряду с крестьянами ими стали рабочие и интеллигенция, удельный вес которых все более возрастает.

В результате естественного прироста и продолжавшихся миграций в 1926 г. в республике насчитывалось 76 710 украинцев, в 1939 г. — 92 289 человек — это самый высокий показатель для украинцев в Башкирии за все годы.

В послевоенный период численность украинцев в регионе стала уменьшаться (в 1959 г. — 83 594, в 1970 г. — 76 005 человек, в 1979 г. — 75 541 человек) и за 40 лет снизилась на 16 718 человек (18,11%)⁷. Уменьшение численности украинцев вызвано снижением рождаемости в военные и послевоенные годы, а также оттоком их на Украину, переселением в развивающиеся районы страны, относительно быстрым процессом их ассимиляции русским населением.

Как уже неоднократно отмечалось в советской этнографической литературе, мигранты, оказываясь в иноэтнической среде, стремятся восстановить привычную этническую обстановку. Известно также, что переселенцы оседали в тех

населенных пунктах, жители которых по своим языково-культурным характеристикам были им близки⁸.

В 1926 г. украинские переселенцы в Башкирии проживали в 529 населенных пунктах (включая хутора, мельницы и т. п.). В 438 из них жили только украинцы, т. е. поселения эти в этническом отношении были однородными, в 68 — украинцы жили вместе с русскими, в 11 — с белорусами (кроме этого, одно поселение было белорусско-русско-украинским), в четырех — с мордвой, в трех — с чувашами, в двух — с немцами, в двух — с латышами, в одном — с поляками и в одном — с татарами⁹. В настоящее время все поселения, где живут украинцы, полиэтничны.

В силу характера расселения, а также ряда других обстоятельств (общность исторических судеб, однородность хозяйственно-культурного типа, близость языка и т. п.) сближение украинцев с русскими и белорусами происходило более интенсивно, нежели с тюркскими и финно-угорскими народами региона, что нашло отражение и в их системе питания.

Сырье, полуфабрикаты и снедь

Одним из наиболее важных и стойких элементов материальной культуры, характеризующих этнос, является пища. Советские этнографы неоднократно обращали внимание на зависимость ее от социальных условий и образа жизни, направленности хозяйственной деятельности и культурно-бытовых традиций этноса¹⁰.

Устойчивость пищевых традиций объясняется «выработанными на протяжении веков специфическими вкусовыми ощущениями и привычками»¹¹, относительно стабильным характером хозяйственной деятельности. Вместе с тем традиция «представляет большой интерес в плане изучения многообразных этнических процессов... Характер питания народов, состав потребляемых продуктов и блюд, способы и порядок приготовления и приема пищи, предпочтения и запреты в ней, особенности пищевого рациона (годового и дневного) — все это дает прекрасный материал для изучения процессов консолидации и интеграции, для выявления путей распространения общесоветских черт в области культуры и быта»¹², так как в ней находят отражение те этноэволюционные и этнотрансформационные процессы, которые протекают в среде данной общности.

В связи с этим следует отметить, что задачей статьи является исследование этнокультурных процессов (на примере пищи) у сравнительно малочисленной этнической группы — украинцев Башкирской АССР, которая пребывает в известной территориальной и хозяйственно-культурной оторванности от основного этноса. Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX в. до наших дней.

Как известно, украинцы представляют этнос с глубокими земледельческими традициями. Быстрое развитие капиталистических отношений и внутреннего рынка на Украине в конце XIX — начале XX в. еще более ускорило развитие земледелия. Однако оно вызывало также и расслоение крестьянства, что не могло не отразиться на питании крестьян. Вместе с тем характер производства и потребления продуктов оставался полунатуральным, что способствовало сохранению основных традиционных черт в питании. Эти же тенденции были характерны и для украинских переселенцев в Башкирии. Основу их питания, как и на Украине, составляла пища растительного происхождения: мука, крупа, овощи и т. п.

Классифицируя пищу в ряду других элементов народной материальной культуры, С. А. Арутюнов предложил выделить несколько этапов в обработке пищевых продуктов: сырье, полуфабрикат, снедь и блюдо¹³.

Следуя этой классификации, рассмотрим специфические виды сырья, полуфабрикатов и снеди, которые бытовали у украинских переселенцев (XIX — начало XX в.) и сохраняются доньше.

Из зерновых культур, распространенных на территории Башкирии на рубеже XIX — XX вв., украинцы выращивали пшеницу, ячмень, рожь (*жито*), гречиху, просо, овес, из бобовых — горох. Кукуруза на зерно почти не выращивалась.

Зерно перерабатывали на муку и крупу. Обработка зерна — обдирка и размол — производилась на мельницах и крупорушках, реже, в домашних условиях — на ручных и ножных ступах и жерновах. Обычно пользовались этими орудиями весной, когда кончались запасы зерна. Отсюда и сохранившаяся поговорка: «Ступа й жорна — біда чорна». Муку обычно хранили в ларях, крупу — в кадках, мешках, соломенных сосудах — «солом'яниках».

Из овощей наиболее распространенными были картофель (*картопля*), капуста, свекла (*буряк*), морковь (*морква*), лук (*цибуля*); чеснок (*часник*), огурцы (*огірки*), брюква (*бруква*), репа (*пина*). Картофель, свеклу, репу, морковь, капусту, тыкву хранили свежими, капусту также квасили измельченной или головками, огурцы солили в бочках. В 1960—1970-е годы получил широкое распространение способ консервации овощей в стеклянных банках.

Традиционные для Украины бахчевые культуры — арбузы (*кавун*) и дыни употребляли в свежем виде, арбузы еще и солили.

Садоводством украинские переселенцы Башкирии (в отличие от жителей Украины) не занимались в связи с более суровыми климатическими условиями. Однако широко разводили ягодные кустарники, заготавливали на зиму сушеные ягоды: мускатную клубнику, черную смородину, малину, черемуху. С 1950-х годов в связи с развитием садоводства начали заготавливать на зиму варенье из яблок, слив, вишни, а с 1970-х годов — делать компоты, консервированные в стеклянных банках. Эти способы заготовки ягод практически вытеснили из рациона украинцев сухофрукты.

Из дикорастущих растений собирали и собирают калину, сохраняя ее свежей в пучках, в лесных и лесостепных районах — грибы белые, грузди, подосиновики, подберезовики, опята, в степных районах — шампиньоны, луговые опята. Весной и ранним летом, когда особенно ощущается нехватка витаминов, широко употребляли и употребляют дикий щавель (*кисляк, квасок, щавель*), молодую крапиву, дикарку (*свирбига, свирбище*), дикий лук, корни сараны (*масльонка*) и т. п. Во время сокодвижения заготавливали березовый сок, осенью — лесные орехи. Собирательство дикорастущих трав до 30-х годов XX в. служило важным источником получения продуктов питания и пополнения запасов витаминов в организме человека. В настоящее время собирательство сохранилось, но его роль резко упала.

Широкое распространение в питании, особенно в посты, имело растительное масло (*олія*). Его изготавливали на специальных маслобойнях. Часто они работали при мельницах. Отходы от производства растительного масла — *макуха, жмых* шли также в пищу. Наиболее распространенным было конопляное, подсолнечное, рыжиковое масло, менее — маковое. В настоящее время растительное масло — подсолнечное и хлопковое покупают в магазинах.

Продукты животного происхождения в питании украинских переселенцев играли меньшую роль. Это связано как с системой хозяйствования, так и с социально-экономическими условиями, в которые украинцы попали, переселяясь на новые места жительства. Денежные средства нужны были в первую очередь для хозяйственного обзаведения, поэтому мясо и продукты животноводства как более дорогие шли на продажу. Безусловно, на питании отражалось и социальное расслоение крестьян. Если на столе середняка, а тем более бедняка, мясо было не всегда даже в праздничные дни мясоеда, особенно в первые годы после переселения, то у состоятельного крестьянина мясо было постоянным, даже в так называемое межсезонье — конец весны — начало лета. В настоящее время значение мясомолочных продуктов возросло, их употребление меньше зависит от времени года.

Массовый забой скота на мясо начинался поздней осенью или ранней зимой, после того как проходила опасность возврата длительных оттепелей. Кроме того, зажиточные крестьяне забой скота приурочивали к большим религиозным праздникам: рождеству, пасхе и некоторым другим, а также к началу трудоемких полевых работ: пахоте и севу, уборке урожая.

Украинцы в Башкирии, как и на родине, отдавали предпочтение свиному салу и мясу, затем баранине¹⁴. Птица и говядина употреблялись реже. В голодные годы в пищу шло мясо сусликов. В наши дни наряду с традиционными видами мяса под влиянием окружающего населения в рацион входит и конина, а свинина уступила первенство говядине. К тому же повышение калорийности питания снижает потребность в высококалорийных животных жирах, которыми богата свинина.

Скот хозяева забивали сами, однако иногда приглашали опытных мастеров (*ризак, колій*). Обработку туш производили также по традиции: с овец и телят (волово, коров) снимали шкуру, свиней *смалили*, т. е. опаливали на них щетину.

Тушу использовали в пищу полностью. Свиные кишки и желудок после тщательной очистки шли на колбасы, сычуг (*ковбух, кендюх, саркісон, салтісон*), *кров”янки*. Кишки и желудок овец и крупного рогатого скота для колбас и сычуга не использовали. После тщательной очистки их тушили в печи со специями и картофелем или пшеном. В пищу употребляли также liver, из головы и ног готовили студень (*холодець, холодное*). Сало солили и хранили в специальных ящиках, кадушках (*броднях*), деревянных сундуках или в полотняных мешочках (*торбах*). В с. Бабенке Иглинского р-на, по-видимому, под влиянием соседей — белорусов сало хранили в специальных корзинах с крышкой. Нутряной жир (*здір, здор*) солили, сворачивали в плотный рулон и хранили так же, как и сало. Из кишечного жира вытапливали, добавляя лавровый лист и лук, *смалець*. Хранили его в керамической посуде. Овечий жир также перетапливали, заготавливая брусками, и хранили на холоде.

Мясо (свинина) частично шло на изготовление жареных колбас, которые для более длительного хранения заливали смальцем. Часть мяса употребляли в свежем виде, остальное заготавливали впрок: в теплое время года солили, хранили в ведрах в колодцах, зимой же замораживали, обливая предварительно водой.

В некоторых районах Башкирии было распространено также копчение мяса и сала. Мясо, чаще всего свиной окорок, помещали в трубу (*комин*) русской печи либо в баню, которую топили по-черному. В д. Константино-Александровке Стерлитамакского р-на украинцы строили во дворах специальные печи-копильни. Такие печи были только у зажиточных хозяев.

Известно, что на Украине копчение было распространено в конце XIX — начале XX в. только в Прикарпатье, некоторых районах Восточной Галиции и Подолии. Причем коптили в трубах печей, не сооружая специальных коптилен. Украинцы — переселенцы из разных этнографических районов Украины и южно-русских уездов сравнительно легко освоили этот способ заготовки мяса в отличие от Украины, где только к 1970—1980-м годам начало распространяться копчение, да и то лишь в ее правобережной части¹⁵. По-видимому, здесь можно усматривать местное влияние немцев и прибалтийских поселенцев, для которых этот способ консервирования мяса был традиционным издавна.

Потребность в животных жирах и белках удовлетворялась в повседневном питании в основном за счет молока (преимущественно коровьего) и молочных продуктов. Зимой, к концу лактационного периода, молоко хранили замороженным. Со свежего молока или простокваши снимали сливки, делая сметану, из которой затем сбивали масло в специальных маслобойках. Подобные маслобойки бытовали у башкир и других народов республики¹⁶. И сметана, и масло шли на продажу. Они до революции на крестьянском столе бывали крайне редко. В пищу употребляли пахту (*сколотина, маслянка*). Более зажиточные крестьяне готовили запасы масла. Известны три способа приготовления

масла для хранения: свежее, подсолненное топленое и несоленое топленое. Чаше всего применяли третий способ хранения, характерный и для башкир¹⁷. Из кислого молока получали творог. В пост творог сохраняли в бочках, заливая подсолненной сывороткой (*сироватка*). Сыворотку также употребляли в пищу. Вскоре после отела коров варили *молозиво*. Им обычно угощали соседей. По традиции следовало возвратить посуду из-под молозива с куском хлеба, посыпанным солью, который скармливали корове.

Овечье молоко в пищу не употребляли, брынзу не готовили.

Коз в хозяйствах держали мало, в основном они появились в трудные послевоенные годы (конец 1940-х — начало 1950-х годов).

Основные районы расселения украинцев были лишены крупных рек и водоемов, вследствие чего рыбная ловля не имела широкого распространения. Рыба в питании переселенцев существенной роли не играла. Для постов заготавливали соленую рыбу в бочках (привозную). Уже с 1950-х годов с поступлением в продажу большого ассортимента морской рыбы и рыбных консервов рацион питания значительно расширился.

Охота, как и рыбная ловля, была мало распространена в крестьянской среде и имела подсобный характер. Изредка охотились на птиц: диких гусей, уток, тетеревов и куропаток, из зверей — на зайцев.

Пчеловодство как промысел также носило второстепенный характер. Мед употребляли крайне редко, зачастую только в лечебных целях или для приготовления ритуальной еды.

Блюда

В соответствии с предложением С. А. Арутюнова, считающего целесообразным положить в основу типологической классификации системы питания данные о происхождении и соотношении растительного и животного компонентов¹⁸, а также учитывая уровень производящего хозяйства с земледельческим направлением, характерный для украинских переселенцев второй половины XIX — начала XX в., рассмотрим повседневные блюда в зависимости от основных составных компонентов по степени значимости их в питании. Украинский этнограф Л. Ф. Артюх исследует пищу по схеме: 1) блюда из растительных компонентов, 2) блюда из продуктов животного происхождения. В свою очередь первые подразделяются на блюда из зерновых и овощные блюда, вторые же — на мясные, молочные и рыбные. Напитки выделяются в особую группу¹⁹.

У украинских переселенцев основными источниками питания являлись зерновые продукты, затем овощи и бобовые. Наиболее распространенным повседневным блюдом была каша, которую готовили из различных круп: пшениной, гречневой, пшеничной, ячменной, овсяной и из гороха. Каши густые варили обычно на воде, жидкие — на молоке или молочных продуктах. Крутые каши запекали жареным салом с луком, смальцем, реже, сливочным маслом или топленым молоком. С 1950-х годов овсяные и перловые каши постепенно выходят из рациона и в настоящее время почти не готовятся. Зато широко используются для приготовления каш рис, манка, саго. В 1950—1960-х годах в меню появляется рисовый плов со свиным мясом. В семьях интеллигенции к кашам готовят различные соусы, подливы, что не характерно для традиционной кухни. Часто каши подаются на второе не как основное блюдо, а как гарнир к котлетам, гуляшу и т. д. В прошлом довольно часто готовили пшениный кулеш (*куліш*), который в настоящее время почти не употребляют.

Широко был распространен древний обычай варить овсяный кисель. Кроме того, кисели варили молочные и фруктово-ягодные, как и на Украине²⁰.

В украинских селах к 1930-м годам овсяный кисель был вытеснен киселем из крахмала, а молочный — ягодным. Подобный процесс произошел в большинстве районов Украины, только несколько раньше (в конце XIX — первые годы XX в.)²¹.

Из мучных продуктов также готовили кашеобразные блюда — лемишку (*лемішка*) и затирку (*затірка, затеруха, салма*). Лемишку готовили из гречневой, затирку из пшеничной муки, заправляя постным маслом, шкварками; употребляли в горячем виде. В настоящее время лемишка вышла из употребления, и о ней мало кто помнит. Затирка бытует и сегодня. Под влиянием местного тюркоязычного населения ее стали чаще называть *салма*.

Широко были распространены мучные вареные блюда: галушки, лапша, вареники, клецки. Галушки готовили из пшеничного пресного крутого теста с яйцом, варили в воде, молоке, редко — в мясном бульоне. Лапшу сушили, заготавливая впрок. Клецки делали из более жидкого пресного теста, которое брали ложкой и опускали в кипящую воду, молоко, бульон с картофелем²².

Одним из наиболее распространенных в наши дни блюд, как и на Украине, являются вареники, раньше их в основном употребляли в воскресные и праздничные дни, сегодня они вошли в повседневный рацион. Тесто готовят из пшеничной (раньше чаще ржаной) муки, начинкой служат творог, вареный картофель, жареная капуста, ягоды, грибы. Под влиянием местного русского населения с 1940—1950-х годов в качестве начинки стали использовать сырой рубленый картофель с салом.

Влияние местных традиций сказалось в распространении у украинцев пельменей, которые в XIX — начале XX в. на Украине не бытовали. Для начинки использовали свиное или говяжье мясо, рубленое или пропущенное через мясорубку. Зимой пельмени заготавливали впрок, замораживая. Украинцы наряду с термином «пельмени» употребляют термин *вареники з м'ясом*. Из оставшегося от вареников или пельменей теста варили *варениці* — раскатанные кружочки теста, которые иногда называли *потапці*. Ели их с постным маслом, жареным луком, шкварками.

Следует отметить бытование еще одного жидкого вареного блюда — *кваш* (кулаг), которое, на наш взгляд, занимает промежуточное место между пищей и напитками²³. Для квашу ржаную, гречневую или пшеничную муку с добавлением ячменного солода запаривали кипятком, разводили до консистенции очень жидкого теста и на ночь ставили в теплое место для прокисания. Наутро квашу варили. Характерный для нее кисло-сладкий вкус подчеркивали калиной или другими запаренными сушеными ягодами. Чаще всего она подавалась в обед как третье блюдо²⁴. В настоящее время квашу не готовят. Это связано как с изменениями вкусовых привычек, так и с исчезновением одного из основных ингредиентов — ячменного солода.

Главное место в питании украинских переселенцев занимал хлеб. Все блюда, даже ягоды, обычно употребляли с хлебом. Ограничение в хлебе означало нужду.

Хлеб выпекали, как и на Украине, из ржаной и пшеничной муки, в случаях ее недостатка муку часто смешивали, добавляя ячменную, гороховую, гречневую. В голодные годы к муке примешивали овес, чечевицу, лебеду, сушеные липовые листья, вареный картофель, толченую кору; из листьев конского шавеля с добавкой муки пекли лепешки и т. п. Только зажиточные крестьяне имели возможность есть хлеб из чистой муки. В будничные дни на столе был ржаной, в праздники — белый пшеничный хлеб, бедняки часто даже на пасху не имели возможности испечь куличи из пшеничной муки.

Украинские переселенцы в Башкирии, как и на Украине, выпекали круглый подовый хлеб из дрожжевого теста. Дрожжи для *учинки* хлеба использовались хмельные. Ныне, с расширением сети государственных и кооперативных пекарен, хлеб в домашних условиях выпекают значительно реже, в основном на праздники. В селах Хайбуллинского р-на в связи с этим в домах даже зачастую убирают варистые печи.

Хлеб в быту украинских переселенцев кроме утилитарной выполнял также и символическую функцию. К хлебу относились как к святыне. На столе, покрытом рушником или скатертью, всегда должен был лежать хлеб как сим-

вол благосостояния и гостеприимства семьи. Крестьяне никогда не выбрасывали не только куски, но и крошки хлеба, считалось это великим грехом. Бережное отношение к хлебу воспитывалось с детства. Хлебом-солью встречали гостей и благословляли молодых, с хлебом шли сватать, его несли на новоселье. Не только хлеб, но и предметы, с которыми связана его выпечка, вызывали уважительное отношение. При переезде в новый дом первыми вещами, которые вносились в избу, были икона, хлеб-соль и квашня (*діжа*). На *діжу* сажали молодую при встрече от венца или при расплетении косы в свадебном обряде. Если до следующей выпечки хлеба не хватало, то из кислого хлебного теста к завтраку пекли лепешки — *перепечки*. *Перепечки* выпекали большие, во всю сковороду, и маленькие: по три круглые лепешки на сковородке (*балабушки*), а также овальной формы величиной с ладонь. Ели с чесноком, постным маслом. Когда не хватало хлеба, из пресного и дрожжевого теста выпекали также ржаные или пшеничные лепешки — *коржи*, *налисники*. Экономя пшеничную или ржаную муку, бедняки, как и на Украине, из кислого теста, замешанного на гречневой муке, выпекали *гречаники*²⁵. На вкус они были горьковатыми, скоро черствели и крошились. О гречневом хлебе поется в песне:

«Гоп, мої гречаники,
Гоп, мої милі,

Гоп, мої гречаники,
Як ви надійли...»

В воскресные или праздничные дни готовили «*орішки*», которые были распространены как праздничное блюдо на Левобережной Украине, на юге Украины и в южно-русских губерниях²⁶.

Нередко на столе переселенцев бывали пироги: в будни — из ржаного, в праздники — из пшеничного дрожжевого теста. Начинкой служили (в зависимости от сезона) щавель, капуста, яйца с зеленым луком или морковью, сырая или вареная морковь, свекла, вареный картофель, фасоль, горох, мак, творог, грибы, рыба; ягоды: малина, калина, клубника, черемуха, смородина. Пироги с мясом и рыбой пекли крайне редко. Под влиянием русских украинцы стали с 1940-х годов готовить *курник* из пресного теста с начинкой из картошки и рубленой курятины, а также *ватрушки* — круглые открытые пирожки с творогом. Влияние башкир и татар проявилось в том, что уже в 1930—1940-е годы украинцы стали готовить *беляши* — круглые пироги с начинкой из сырого мяса, жаренные в жире на сковороде, *уч-почмак* — треугольные и *вак-беляши* — круглые печеные пироги с мясом и картофелем.

Повсеместно украинским переселенцам были известны блины (*млинці*), оладьи (*оладки*) и картофельники (*картопляники*, *деруни*). Блины и оладьи выпекали из пшеничной или гречневой муки, иногда из их смеси. Особенно ценилась для блинов гречневая мука. Блины на масленицу ели со сметаной, маслом, молоком, салом с луком; в посты — без всего. Блины начиняли творогом, смешанным с яйцами, в последнее время также начиняют мясным фаршем и заливают топленым сливочным маслом. При недостатке муки выпекали деруны. Их готовили из тертого картофеля с добавлением небольшого количества муки, ели горячими. Если блины и оладьи были в основном праздничным, то *картопляники* — будничным блюдом. В настоящее время блины и оладьи готовят и в будние дни на завтрак, а *картопляники* выходят из употребления. К праздничному столу из сдобного дрожжевого теста пекли *плюшки*, *ватрушки*, булочки. Как праздничное блюдо к чаю под влиянием русских стали готовить из сдобного пресного теста хворост (*хворост*, *ведміжє вушко*), а под влиянием башкиро-татарского населения *чак-чак* (*çәк-çәк*) или *баурсак*. Принцип приготовления был одинаков, только тесто для хвороста тонко раскатывали, нарезами ромбами, разрезали посередине и выворачивали концы через отверстие, а для чак-чака или баурсака нарезами тонкими полосками, которые затем крошили в виде палочек длиной 1,5—2 см. И в первом и во втором случае тесто варили в расплавленном сливочном масле.

Как уже отмечалось, украинцы — этнос с высокой земледельческой культу-

юй, особое развитие у них получило огородничество, чем и обусловлено широкое распространение овощных блюд. Наиболее известным ежедневным блюдом является украинский борщ. Часто украинцы этим термином обозначают не только борщ в подлинном смысле слова (со свеклой), но и заимствованные с русских щи. Кроме квашеной или свежей свеклы в борщ клали картофель, капусту, морковь, часто фасоль, иногда пшено. Летом и осенью борщ варили из свежей капусты, зимой и весной — из квашеной. Примерно в 1930—1940-х годах, когда стали возделывать помидоры, в борщ стали добавлять и свежие зеленые и красные помидоры. Зажиточные крестьянские семьи борщ варили с мясом, заправляли салом, забеливали сметаной. В бедных семьях его заправляли салом с луком, а в постные дни — луком, пережаренным с растительным маслом. Под влиянием переселенцев-украинцев борщ стали готовить русские, башкиры, татары, мордва, чуваш и другие народы региона.

Весной и летом готовили так называемые *зелений* и *холодный* борщи. Зеленый борщ (под влиянием русских украинцы стали называть его свекольник, щи) готовили из картофеля и молодой зелени: шавеля, свекольных листьев или крапивы, добавляли зеленый лук, укроп. Заправляли зеленый борщ поджаренным или толченым (*затовкуван*) салом, если не было сала, то измельченным яйцом и сметаной. *Холодный борщ* готовили на простокваше (*кисляк*), в которую крошили вареную картошку, яйцо, огурец, лук, укроп, солили, но не кипятили, а ели холодным. В отличие от Украины переселенцы в Башкирии для приготовления как зеленого, так и холодного борща квас не использовали. Если вместо простокваши брали квас, а также добавляли мелко покрошенное мясо, сметану, то это блюдо называлось уже *окрошкой*. Оно получило распространение у украинцев под влиянием русских. В настоящее время вместо мяса в окрошку иногда добавляют вареную колбасу, горчицу, перчат ее. В украинских семьях борщ остается одним из самых популярных овощных блюд.

Кроме борща у украинцев был широко известен *капустняк*, который готовили так же, как и борщ, только без свеклы и с добавлением пшена, этим капустняк отличался от русских щей. Весной и летом чаще, зимой реже варили различные картофельные супы: с добавлением гороха, фасоли, пшена, других круп. В постные дни такие супы готовили с рыбой или заправляли жаренным на растительном масле луком. В 1940-х годов супы стали варить с рыбными консервами. Широкое распространение получил *рассольник* — суп с солеными измельченными огурцами, морковью, с добавлением пшена или ячневой крупы. Кроме того, осенью и зимой варили грибные супы.

Из овощей наиболее популярным был и остается картофель, который играл важную роль в рационе питания украинских переселенцев, являясь основным дополнением к хлебу; иногда он заменял его. Часто готовили также вареную или печеную тыкву, иногда свеклу. Тыквой заправляли пшенную кашу, тыкву и свеклу ели и в пареном виде, употребляли как начинку для пирогов.

Огурцы и помидоры в соленом и свежем виде шли для приготовления различных вареных блюд и для салатов. Огурцы при этом мелко крошили, заправляли луком и растительным маслом, свежие — также и сметаной. Иногда огурцы ели со свежим медом. Капусту тушили отдельно, а также с картофелем, мясом; ели в свежем и квашеном виде, заправляя луком с растительным маслом; из нее делали начинку для пирогов и вареников. В настоящее время широко распространены различные салаты из помидоров, огурцов и других овощей, а также *винегрет*, *салат зимний*, или *оливье*, *сельдь под шубой* и т. п.

Известно и приготовление меда из арбузов (*мед з кавунів*), а также из тыквы; их крошат и варят до густой консистенции, затем сливают в керамическую или деревянную посуду.

Как уже указывалось, блюда из продуктов животного происхождения в конце XIX — начале XX в. были редкими на столе украинских переселенцев и являлись праздничными. Мясо и сало, сметана и сливочное масло использовались в основном для заправки.

В праздники мясо тушили с картофелем или капустой; иногда картофель и капусту смешивали. В чугун складывали нарезанные овощи, мелко нарубленное мясо, добавляли различные специи: лук, перец, лавровый лист. Из мясных блюд были известны колбасы, *кендюх* или *ковбух* (*сальтисон*), *голубці*. Голубцы готовили из мелко рубленного мяса, смешанного с вареной крупой, заворачивали их в капустные листья, а затем тушили, добавляя перец, лавровый лист, лук. Из говяжьих и свиных голов и ног варили студень (*холодець*), заправляя его специями.

С 1950-х годов распространяется приготовление котлет, шницелей, фрикаделек, гуляша и некоторых других блюд. В данном случае трудно говорить о заимствованиях, появление этих блюд характеризует интернационализацию кухни украинских переселенцев.

Из приправ к мясным блюдам подавали тертый хрен, уксус, горчицу, перец. С 1960-х годов стали готовить домашний томатный соус с хреном (*хреновина*), в который добавляются чеснок, соль и перец.

Яйца в основном добавляли в лапшу, тесто, использовали в качестве начинки для пирогов, как обрядовые блюда — в религиозные праздники пасхального цикла. Кроме того, их иногда ели сырыми, вареными, жареными на сале или масле, готовили омлет, пекли в золе. Употреблялись яйца в основном куриные, утиные — редко и только в тесто, гусиные не ели вообще.

Из речной рыбы варили уху, жарили. Молоко употребляли свежим, кипяченым, топленым (как дополнение к кашам), сквашенным. Из свежего молока и хлеба готовили тюрю: блюдо без термической обработки. Из топленого в печи молока, заправленного сметаной, готовили ряженку.

В последние годы возросло потребление молочных продуктов, особенно в детском питании: сливок, сметаны, творога, масла. В районах, где производится кумыс из кобыльего молока, под влиянием башкир и татар, украинцы стали пить кумыс, а также готовить *айран* — сквашенное молоко, разбавленное водой.

Напитки

Среди напитков, известных украинским переселенцам, в конце XIX — начале XX в. наиболее распространенным были хлебный и свекольный (буряковый) квас и перебродивший березовый сок.

Новые условия проживания, отсутствие садов и как следствие этого недостаток фруктов привели к тому, что из употребления довольно быстро вышел *узвар* — компот из сухофруктов, оставшись преимущественно как ритуальное блюдо на поминальном столе. Обрядовым поминальным блюдом осталась и медовая сута.

Под влиянием русских уже в начале XX в. широко распространился чай. Для заварки использовали травы — мяту, зверобой, душицу (*материнка*), шалфей, листья, ветки и ягоды смородины, вишни, малины, цвет и листья дикорастущей клубники, цвет липы, цвет и ягоды шиповника. Настоящий чай заваривали только зажиточные крестьяне, да и то для экономии смешивая с травами. Эти смеси считались особенно целебными. В с. Константино-Александровка Стерлитамакского р-на готовили *припс* — напиток из поджаренных докрасна и размолотых ячменных зерен (заменитель кофе), которые затем заваривали кипятком и пили с молоком. В распространении припса среди украинцев проявилось влияние немецкого населения на них еще на Украине. Подобный напиток из ржаных и пшеничных зерен готовили и в других селах.

Из алкогольных напитков бытовали брага (*кислушка*), медовуха, самогон и покупная водка. Пьянство в крестьянской среде практически не было распространено.

При переселении в иноэтничную среду украинцы принесли на новую территорию свои этнокультурные традиции. В пищевом рационе украинцев в начале XX в. сохранились практически все блюда, употреблявшиеся до переселения. Прежде всего это заметно в традициях пищевых предпочтений и способах обработки продуктов и приготовления пищи. Переселившись в новую этническую среду, украинцы довольно быстро усвоили многие местные способы консервации продуктов (замораживание, копчение), сохранив и развив традиционные способы (соление, квашение, сушение, позднее — горячую обработку продуктов с закупоркой в стеклянной таре). Отсутствие фруктов компенсировалось разведением домашних и собиранием дикорастущих ягод и трав.

Пищевой рацион украинцев значительно расширяется за счет заимствования блюд контактирующих народов (беляши, пельмени, кумыс, айран, ши и т. п.). Одновременно их пищевая культура оказывает влияние на расширение рациона питания башкир, татар, русских, белорусов и других народов, населяющих Башкирию. Популярными у этих народов становятся украинский борщ, вареники, кров'яники и проч.

При сохранении в целом структуры традиционных пищевых запретов можно отметить ряд отступлений от традиционных установок (употребление конины, хмуса и т. п.), которые произошли под влиянием местных традиций. Отмечая общие черты в пище украинских переселенцев, русских и белорусов, не всегда удается объяснить их заимствованиями, так как общность традиций в материальной культуре этих народностей восходит к глубокой древности.

Что касается модели питания, то ее структура в конце XIX — начале XX в. оставалась традиционной для украинцев (преимущественное употребление ржаных, пшеничных и гречневых продуктов при широком употреблении овощей, в частности картофеля). В настоящее время модель питания у украинских переселенцев, как и на Украине²⁷, имеет заметную тенденцию к изменению соотношения хлебопродукты — мясомолочные продукты в пользу последних.

В настоящее время почти полностью исчезли некоторые блюда и напитки (*куліш, лемішка, кваша, припс*), что связано в какой-то мере с унификацией зернового направления хозяйства, увеличением посевных площадей под пшеницей и соответственно уменьшением площадей под просом, гречихой, ячменем, овсом и т. п.; с повышением калорийности питания, широким употреблением в пищу сахара и т. д.

С интенсивным развитием средств массовой коммуникации, усилением миграции населения, увеличением числа межнациональных браков, расширением сети предприятий общественного питания особенно возрастает возможность обмена информацией в сфере пищи, что способствует расширению ассортимента блюд, обогащению пищевого рациона народов. В этноконтактных зонах происходит особенно активный процесс взаимозаимствований в питании контактирующих народов.

Примечания

¹ Ефремов В. А. Из истории Уфимского края: Уфимский край в первой половине XVIII в. // Вестн. Оренбург. учебного округа. 1913. № 7—8. С. 238; Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии. Уфа. 1928. № 6—7. С. 75; Новиков В. А. Очерк колонизации Башкирского края // Историческая библиотека. 1878. № 12. С. 11.

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа. 1956.

³ Перетяткович Г. И. Малороссияне в Оренбургском крае при начале его заселения: По рукописным документам архива Министерства юстиции // Труды VI археологического съезда в Одессе (1884 г.) Т. 2. Одесса, 1888. С. 373—397.

⁴ Брук С. И., Кабузан В. М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII — начале XX в. // Сов. этнография (далее — СЭ). 1981. № 5. С. 20—21.

⁵ Никитин М. Указ. раб. С. 83; Петров В. Как заселялась Башкирия // Красная Башкирия.

1926. 6 января; *Солдодий Г.* Из истории столыпинской хуторской и переселенческой политики в Башкирии // Там же. 1941. 2 марта.

⁶ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи. 1897. Материалы. Т. XLV. СПб., Уфимская губерния. Т. 1. СПб., 1904. С. 96; Подсчитано по: Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912—1913. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. С. 254—255, 562—563, 890—891, 1060—1061, 1433, 1823.

⁷ Подсчитано по: *Барсов Н. Н.* Национальный состав населения БАССР // Хозяйство Башкирии. Уфа. 1928. № 8—9. С. 114—127; Башкирская АССР за 60 лет Советской власти. Статистический сборник. Уфа, 1977. С. 14; Вестник статистики. 1980. № 7. С. 45; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 328; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. Национальный состав населения СССР: союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М., 1973. С. 131.

⁸ *Чижикова Л. Н.* Русско-украинские этнокультурные связи в южных районах Украины // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М., 1979. С. 15, 16, 19 и др.; Современные этнические процессы в СССР. М., 1979. С. 167; *Липинская В. А.* Некоторые черты современной материальной культуры русского населения Алтайского края // СЭ. 1968. № 2. С. 97 и др.

⁹ Подсчитано по: Список населенных пунктов Башкирской Республики. Уфа: Башкирская энциклопедия, 1926. 192 с.

¹⁰ *Станюкович Т. В.* при участии *Шмелевой М. Н.* Пища // Современные этнические процессы в СССР. С. 239; *Арутюнов С. А.* Введение // Этнография питания народов стран зарубежной Азии. М., 1981. С. 3—4; *Артюх Л. Ф.* Українська народна кулінарія. Історико-етнографічне дослідження. Київ. 1977. С. 74—84; *Шитова С. Н., Гаделгареева Р. Г.* Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX — начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в. М., 1979. С. 78 и др.

¹¹ *Шитова С. Н., Гаделгареева Р. Г.* Указ. раб., С. 78.

¹² *Станюкович Т. В.* при участии Шмелевой М. Н. Пища. С. 239.

¹³ Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983. С. 189—190.

¹⁴ *Артюх Л. Ф.* Українська народна кулінарія... С. 26; *ее же.* Народне харчування українців та росіян північно-східних районів України. Київ, 1982. С. 34.

¹⁵ *Артюх Л. Ф.* Традиції та їх збереження в сучасному харчуванні // Народна творчість та етнографія (далее — НТЕ). 1984. № 1. С. 25.

¹⁶ *Шитова С. Н.* Башкирская деревянная утварь (опыт классификации и типологической характеристики) // Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в. С. 186.

¹⁷ *Гаделгареева Р. Г.* Традиционные способы консервирования молочных и мясных продуктов у башкир. М., 1978. С. 57.

¹⁸ Культура жизнеобеспечения и этнос. С. 195—196.

¹⁹ *Артюх Л. Ф.* Українська народна кулінарія... С. 29—30.

²⁰ *Болтарович З. Э., Кирчів Р. Ф.* Експедиційне вивчення Полісся // НТЕ. 1983. № 5. С. 66.

²¹ *Артюх Л. Ф.* Українська народна кулінарія... С. 37, 130.

²² Подобный способ приготовления блюд типа клецек у башкир описан С. П. Шитовой и Р. Г. Гаделгареевой. См. *Шитова С. П., Гаделгареева Р. Г.* С. 103—104.

²³ *Сумцов Н. Ф.* Культурные переживания. Киев, 1880. С. 115.

²⁴ Полевые записи 1981 г. в с. Байдаковка Альшеевского района БАССР и 1981 г. в с. Новоконстантиновка того же района.

²⁵ *Маркевич Н.* Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860. С. 152.

²⁶ *Данківська Р.* Народні обрядові печива «горішки» // Записки етнографічного товариства. Вип. 1. Київ, 1925. С. 31.

²⁷ *Артюх Л. Ф.* Традиції та їх збереження у сучасному харчуванні. С. 25.

ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГРЕКОВ АДЖАРИИ (античные истоки образов св. Илии и св. Георгия)*

Греки, выходцы из Малой Азии, проживают в разных районах Кавказа. Одна группа переселенцев живет в Аджарии — в селениях Дагва, Квирик, Ачкава и Ахалшени, другая составляет небольшой процент населения Батуми и Кобулет. Это потомки понтийских греков, переселившихся из Турции в конце XIX — начале XX в. Их историческая территория занимала узкую полосу вдоль южного побережья Черного моря приблизительно от Синопа до нижнего течения р. Чорох в Аджарии. Известно, что эти земли были освоены древнегреческими колонистами в VIII—VI вв. до н. э.¹, которые основали дочерние колонии ионийского Милета (Синопа, Котиоры, Триполи, Керасунд, Трапезунд и др.), кроме Гераклеи Понтийской, основанной дорийцами. Во второй половине XIX в. вследствие усиления экономического и религиозного гнета со стороны турецкого правительства началось активное переселение анатолийских греков с их исторических земель. Согласно условиям Лозаннского мирного договора 1922 г., греческое население мигрировало из Турции. Большинство поселилось на Кавказе, многие — в Греции, где ими были основаны селения в окрестностях Салоник и в Северной Македонии.

Специальная этнографическая литература по грекам Кавказа невелика². Но все-таки наименее исследована богатая духовная культура кавказских греков, в том числе традиционные верования и представления. Одна из задач настоящей работы — восполнить в какой-то мере данный пробел. Однако изучение этой проблемы представляет несомненный интерес и в другом аспекте — в выявлении древних истоков традиционных верований, сохраняющихся в современном быту греческих мигрантов. В качестве объекта исследования взята одна локальная группа — греков Аджарии, переселившихся сюда в 1870-х годах.

Полевые материалы, послужившие основным источником для написания статьи, собирались автором в течение нескольких лет (в 1978—1987 гг.) в с. Дагва Кобулетского р-на Аджарской АССР (основное место базирования экспедиции), городах Батуми и Кобулет; сравнительный материал собирался по грекам Абхазии (Сухуми), а также в Тбилиси³. Отмечу, что такие данные собирались довольно трудно по разным причинам. Как правило, информаторы неохотно говорят о религии. Кроме того, традиционные верования постепенно исчезают и утрачивают доминирующее значение в сознании современных греков. Исследователи, изучавшие быт понтийских греков Кавказа (Э. В. Эрикссон, А. И. Робакидзе, П. Г. Акритас и др.), отмечали большую религиозность первых переселенцев из Понта, объясняя это значительной замкнутостью их общин во время проживания в Анатолии⁴.

Религиозные праздники у понтийцев, кроме основного, «парадного» названия (например, *Аэр* — св. Георгий, *о Илиас* *о Профитос* — Илия-пророк, *Панагия* — Богоматерь и др.) во всех случаях именовались *панаир*, *панаирис* (дорическая форма η παναῖρις др.-греч. η πανήγυρις всенародное празднество, панагирей). Панаиры уходят корнями в глубокую древность, они широко бытовали в античной Греции и в малоазийских колониях. «Одним из объединяющих греческие общины начал, — писал П. Г. Акритас, — способствовавшим общению жителей района, были народные празднества: айоры, панаиры, дэри или зиара-

* Автор статьи благодарит семьи Саввы Чахуриды, Филиппа Хлориды, Ламбриана Стефаниды, Ахилла Стефаниды, Евстафия Картеропуло, Эморфили Кипселиды, Артемисии Хиониды, Николая Карепуло, Евстафия Апостолиды и др., оказавших большую помощь при сборе материала.

ты, которые обычно совпадали с особо чтимыми храмовыми днями и приходились преимущественно на лето, в прежние времена на таких празднествах происходили и ярмарки»⁵. Кроме того, на панаирах устраивали состязания быков. Быка-победителя (его, как считали старики, избирал бог) оставляли для участия в состязании на следующий год, а побежденное животное приносили в жертву и съедали во время совместной трапезы⁶. Панаир заканчивался к вечеру всенародным гуляньем и поэтическим состязанием певцов. Танцующие образовывали на площади селения огромный круг, внутри которого располагались музыканты. Певцами могли быть как сами музыканты, так и танцующие. Перебрасываясь сочиненными на ходу куплетами, соперники могли похвалить и высмеять кого-нибудь.

Подобные состязания украшали не только панаир. Они возникали стихийно во время обручения или свадьбы, проводов в армию, приема гостей и т. п. Во время экспедиции 1984 г. я присутствовала на таком поэтическом состязании двух дагвинских рапсодов — Филиппа Хлориди, 1922 г. рожд., и Ахилла Стефаниди, 1922 г. рожд. Певцы сидели на стульях посреди комнаты, Филипп аккомпанировал на лире (кемендже), и, так как руки его были заняты, он взглядом и кивком головы давал понять, кому предназначена его *трагедия* (песенка, куплет частушки). Ахилл каждый свой куплет начинал характерным жестом: вытянутой рукой он указывал на того, кому адресована его трагедия. Гости Филиппа представляли импровизированный хор в античном понимании этого слова, они танцевали, пели и даже вступали в состязание с рапсодами. Происходившее соревнование напомнило мне описание плясовой песни в «Илиаде» Гомера (XVIII, 569—572):

В круге их отрок прекрасный по звонкорокочущей лире
Сладко бряцал, припевая прекрасно под льняные струны.
Голосом нежным, они ж вокруг его пляшучи стройно
С пеньем и с криком, и с топотом ног хороводом несутся.

Плясовые песни, пиршественный обряд круговой песни и песенные хороводы, известные уже в древности, широко бытуют у понтийских греков. Жест приглашения к песенному соревнованию можно сопоставить с древнегреческим обычаем передачи священного лаврового посоха от аэда, закончившего петь, следующему певцу⁸. Поэтические состязания певцов — один из древнейших видов *агона* (др.-греч. *ὁ ἀγών*: состязание, соревнование, спор), они играли большую роль в общественной жизни греков.

В христианских празднествах понтийских греков легко угадывается их языческое происхождение, а в образах святых — черты их предшественников — древнегреческих божеств, хотя собственно древних теонимов (наименований божеств) в языке современных греков-понтийцев сохранилось очень мало: Харон, Харос, Харондикон (др.-греч. *χάρων*), Илиос (др.-греч. *Ἠλίοξ*) и др.

Наиболее популярными святыми у понтийцев были Пантелеймон, Димитрий, Илия, Георгий⁹. К ним, а также к Богоматери чаще всего обращались с просьбой о помощи при несчастных случаях, болезнях, каких-нибудь крупных неприятностях. Святой Илия-пророк, храмовый праздник которого отмечался 20 июля (по старому стилю), у понтийцев имеет несколько наименований: *Айос Илиас*, *о Илиас о Профитос*, *Аз-Лия*, *Аи-Лия*. Ребенка, родившегося 2 августа, нарекали именем святого: мальчика — Илией, девочку — Ильяниной, Льяниной. В Ильин день в Дагве существовал обычай встречать восход солнца. С вечера на самой высокой горе селения (Дагва расположена в горной местности), именуемой *Со хавуз кян* (у верхнего бассейна), собиралась большая группа мужчин. Всю ночь они проводили у костра: пели, танцевали, пировали, а утром после восхода солнца спускались в селение. В этот день запрещалось выполнять какие-либо работы, кроме просушивания на солнце постельного белья и одежды из меха и шерсти — обычай *илъзоме* («сушить на солнце»). Считалось, что после такой просушки в вещах не заведется моль. Днем односельчане посещали друг друга, причем вместо обычного приветствия употреб-

ялась формула *на воита* (буквально — «пусть он помогает»). Имя святого при этом не принято было произносить.

Понтийцы сближают имя святого «ο Ἠλίας (о Илиас) с названием солнца ἥλιος (о Илиос) и понимают его как «солнце наше», «свет наш»¹⁰. Они считают, что святой обладает великой созидательной силой, он — воплощение солнца, и от него зависит произрастание деревьев, цветов, созревание урожая. Илии-солнца больные до сих пор просят исцеления (с этой же целью 2 августа выносят на улицу постель) и, по словам информаторов, от него зависит жизнь и здоровье людей и животных, а также благополучие домашнего очага¹¹.

Дагвинский рапсод Филипп Петрович Хлориди — поэт, композитор и певец — сочинил песню, в которой он использовал известные ему понтийские пословицы о солнце:

Солнце — бедняку рубашка, всю планету согревает,
Солнце дает любовь, которая нас соединяет.
Проходят время и года, и месяцы проходят,
Планету всю освещают солнечные лучи.
Солнце жизнь дает планете, Солнце красоту дает,
Солнце дает любовь, Солнце дает вкус (еде)¹².

Дмитрий Иосифиди, 1902 г. рожд., утверждал, что Илиа-солнце сотворил весь мир. Богу-создателю при этом информатор отводил пассивную роль: бог приказал, а Илиа все сотворил¹³. Немного иначе трактует сотворение мира Евстафий Картеропуло, 1912 г. рожд.: «Все верят в своих святых. Илиа — это наше солнце. У него есть мать, которая приказала ему, чтобы он создал солнце. Солнце — это бог. Он ходит по божьей дороге по небу. На ночь он уходит под землю и идет на тот свет. Если солнце уходит в ясную погоду, он уходит в рай — „парадисос“, в мутную погоду — в ад — „кóласин“. Солнце под землей в Аиде не светит. Он садится без света и так же без света проходит под землей. Илиа создал солнце и осветил своими лучами весь мир, и он же создал условия скрываться и появляться солнцу. У нас есть о нем песня:

Солнце идет в рай к хорошим христианам,
Солнце идет в Аид, где варятся в смоле в котлах¹⁴.

«Кто умирает, идет в Аид и больше не возвращается. В Аиде есть люди, деревья, дома. Там есть жизнь и солнце тоже есть»¹⁵. Солнце в Аиде светит сквозь дождь. *Илиос тон апотамёнон* («солнце мертвых»), *ламбрóвρησι* («светодождь»), *ти майсас то врешí* («ведьмин дождь») — так у понтийцев называется «слепой дождик», дождь, во время которого слабо светит солнце¹⁶. На интересную связь закрытых глаз-слепоты-невидимости святого (ср. «солнце мертвых» в Аиде) с непогодой указывает сообщение Ольги Апостолиди, 1928 г. рожд.: «Когда 2 августа св. Илиа закроет свои глаза, бывает такой дождь, град! Иногда он год не сморит. Этот год будет плохой для людей, для урожая»¹⁷.

Появляющаяся после дождя радуга — тоже творение св. Илии. Понтийцы считают, что дух святого входит в человека, побывавшего под радугой 2 августа. Существовала примета, что, пройдя под радугой (в любой другой день), человек может изменить свой пол. Поэтому родители, у которых рождались только девочки, посылали одну из дочерей, чтобы она пробежала под радугой: «Люди были до того темные, что посылали своих детей, я сам видел их, бегущих. Но никто не превращался в представителя другого пола»¹⁸. Затмение солнца понтийские греки объясняют тем, что бог-солнце обиделся и скрылся за тучу. Нужно проститься и кланяться до тех пор, пока затмение не закончится¹⁹. Св. Илиа, таким образом, «ведает» погодой: он может наслать шторм на море, бурю, засу-

Святым на панаирах и умершим греки-понтийцы совершали жертвоприношения — *то гурпáн*. В наши дни гурпан совершают в основном люди старшего поколения. Величина и вид жертвенного животного зависели от значительно-

сти повода, по которому совершали обряд (например, несчастье в семье, при-
снившийся беспокоящий чем-то умерший родственник и т. п.). Животное ли-
бо дарили бедной семье, либо закалывали на пороге церкви, а куски жертвен-
ного мяса (сырого или вареного) раздавали у церкви или съедали во время сов-
местной трапезы в горах, куда приглашали только мужчин, или у могилы, где
собирались и мужчины, и женщины. Это мясо нельзя было вносить в дом по-
страдавшего или давшего обет: ни он сам, ни его родственники, по древнему
обычаю, его даже не пробовали. Шкуру крупного животного дарили родствен-
нику или куму пострадавшего, она хранилась у него в доме. В честь св. Или
вследствие его многофункциональности гурпан совершали чаще всего. 2 августа
1978 г. я присутствовала на жертвоприношении по обету, которое через год
после несчастного случая совершила семья Дмитрия Иосифиди, 1902 г. рожд.
Глава семьи считал св. Илию спасителем своего сына. Характерно, что к святому
молящийся обращался, воздев руки и повернувшись к солнцу лицом. В роли
милосердного святого, возвращающего жизнь, Илия выступает и в такой бы-
личке: «Св. Илиас сотворил так, что оживил мертвого. Один христианин пошел
в церковь св. Илии, на руках понес своего сына, почти мертвого, — он не дышал.
Обрызгали его водой св. Илиаса, и он ожил»²¹.

В семейной обрядности понтийских греков (как известно, она наиболее кон-
сервативна) сохранилось много примет, связанных с солнцем. Например, в по-
хоронном обряде существуют запреты, согласно которым мертвого нельзя оп-
лакивать под открытым небом — это считается грехом. Его оплакивают непре-
менно в помещении и только женщины. В ночное время возле умершего принято
шутить, рассказывать сказки, анекдоты, даже смеяться. Плачи раздаются уже
после того, как уходят «стерегущие» и на смену им приходят отдохнувшие за
ночь близкие родственники покойного. Умерший должен быть похоронен до
захода солнца. Гроб устанавливают в просторной могиле — головой на запад.

В свадебном обряде существует кульминационный момент *то нифе́парман* —
переход невесты из родительского дома в дом будущего мужа. Согласно обыча-
ям понтийцев, невеста должна быть там также до захода солнца.

Понтийцы верили в то, что все вокруг имеет своего создателя, патрона
покровителя. Пожилые женщины утверждали, что у всего живого вокруг есть
мать. Мужчины к подобным сообщениям относились скептически, но многие из
них вспоминали, как в детстве на рассвете после новогодней ночи их посылали
с дарами к роднику, из которого семья обычно брала воду. У нимфы источник
просили чистой воды, здоровья, красоты, поэтому нужно было прибегать к
источнику первым со своими скромными подношениями: сухими фруктами, оре-
хами, сладостями. Хозяйка воды называлась *Нерома́на* — «мать воды», *Киди-
пегадистра* — «госпожа ручья», *Нера́йда* — «нереида». На высокогорных
пастбищах (*то парха́р*) властвовала *Пархарома́на*. Даже у Хароса, хозяина
Нижнего мира, есть мать. Ее имя, правда, не удалось зафиксировать. «Нам в
детстве говорили, что у солнца есть мать. Днем она его выпускает гулять, а ве-
чером он идет к своей матери», — сообщил Филипп Хлориди²². Мать солнца у
понтийцев называется *и мана ту Ай-Илия* («мать св. Илии») и *ти йлонос и ма́на*
(«солнцева мать»), живет она на западе или на небе: «Когда солнце садится,
говорят: „Он пошел к своей матери“. Солнцева мать живет на небе. У нее там
дворец. Как звезды стоят на небе, так стоит и ее дворец»²³.

Совершенно неожиданная связь с Илией-солнцем выявилась у записанных
нами песни «Лемона»:

Как-то шел я потихоньку
И увидел лес с лужайкой.
Я увидел лес с лужайкой,
Сверху вниз ручьи струились.
Между ручьями теми
Древо-яблоня стояла.
Древо-яблоня стояла —
От плодов согнули ветви.
Потянулся, чтоб один взять,
Разозлилась Лемона.

Что же злишься ты, Лемона,—
Я ведь не сломал ни ветки.
Если я сломал хоть ветку,—
Чтоб рука моя сломалась.
Если хоть листок увянет —
Пусть увянет мое сердце.
Солнце иссушило листья,
Ветерок сломал все ветки²⁴.

Дагвинцы рассматривают ее как лирическую, любовную песню, а слово «Лемона» толкуют как имя девушки. Песня настолько популярна у понтийских греков, что по праву считается всепонтийской. Греческие исследователи отмечают архаичность песни-танца «Лемона». Собирателем понтийского фольклора в Греции С. Евстафьядис, сопоставив множество вариантов песни, пришел к выводу, что Лемона — это мать солнца²⁵. Многие песни в его сборнике интересны тем, что сохранили фрагменты мифов древней Греции; например, в песне «Солнце мое (Гимн Матери)» народная фантазия рисует солнце огненным, космическим божеством, а его мать, в противоположность ему, — прохладной, земной богиней:

Солнце мое, проходишь ты небом со светом за плечами,
весь день неутомимый ты, радость миру приносишь,
но в простор моря когда ты погружаешься, будто закатываешься,
мир очень огорчается, умирает день.
Солнце мое, куда ты уходишь, пропадаешь и скрываешься ночью?
Куда ты уходишь и где даешь себе покой, опускаешься и спишь?
Не в глубину ли морскую, не за гору ли?
И кто прохладной водой обгорелого тебя гасит?
Солнце улыбнулся, задумался и говорит:
— Ни в глубину, ни за гору — никуда я не исчезаю,
я никогда не прячусь, никогда не сбиваюсь с пути.
Я иду пешком весь день по трудной небесной дороге,
весь мир обхожу кругом, жизнь (всему) миру даю,
а когда очень устаю, ухожу на закат.
И Запад — очень далекий — она настоящая моя Мать,
владычица, правительница, она же моя ночная подруга (супруга),
ковры мне стелет, чтоб я прошел, — неприступные пархеры,
по которым слева направо струится прохладная чистая вода,
и с радостью Мать в объятия меня принимает
со сладким поцелуем, благоуханным,
я капризничаю по-детски и ложусь, и засыпаю²⁶.

В песне мать Солнца находится на западе и имя ее — Запад — и *Диси*. Эта богиня покровительствует природе, она хозяйка горных пастбищ, источников. В ее образе нетрудно узнать древнейшую доолимпийскую богиню Фейю (Тейю), титаниду, мать Гелиоса, Селены и Эос. Как созидательница природы Фейя сходна с Богиней-матерью, Великой богиней, Кибелой, Ма²⁷. Позже ее функции были перенесены на Богоматерь. Попутно отмечу, что в ранних христианских гимнах, например «Свете ясный», и в украинских церковных колядках сын Богородицы — солнце.

«Семейные отношения» античных богов нередко были конфликтными, и отголоски этого сохранились до наших дней в понтийских песнях, записанных в Греции, например в песне «Солнце пришел к своей матери»:

Приходит Солнце к матери, как уголь, почерневший.
Он отодвинул молоко и сухари не тронул.
Молчит, угрюм и мрачен он, нет на лице улыбки.
— Случилось что, сыночек мой, и отчего ты черный?
Со звездами ль поссорился, а может быть, с Луною,
А может быть, Заря тебе перечить в чем-то стала?
— Не есорился со звездами, не ссорился с Луной,
И с утреннею Зорькою я ни о чем не спорил.
Увы мне, что увидели глаза мои сегодня!²⁸

Таким возгласом заканчиваются оба почти идентичных варианта песни. Понтийцы считают, что закат бывает красным тогда, когда смерть разлучает мать с дочерью²⁹. В широко бытовавшей в Понте свадебной песне солнце, видя разлуку матери с дочерью, становится черным:

Сегодня небо черное, сегодня черный день,
сегодня разлучается мать с дочерью своей.³⁰

Таким же фриносом (заплачкой) начинается и плач о падении Константинополя в 1453 г. Но я предполагаю, что этот мотив имеет мифологические истоки. Возможно, в нем отразился миф о похищении Персефоны Аидом: именно Гелиос был свидетелем похищения и сообщил об этом Деметре³¹.

Рассмотренный материал показывает, что в образе св. Илии, каким его представляют понтийцы, слились черты Гипериона, Гелиоса, Аполлона и Зевса. На связь Илии-солнца с Гиперионом указывают эпитеты первого: солнце «ходит», «бродит над миром», «бессонный», «весь день бодрый», «весь день неутомимый», «идет пешком по трудной небесной дороге» и др. Гиперион — Ὑπερίων — сияющий бог, букв. «идущий наверху», т. е. по небу³². Песни понтийских греков также сохранили эпитеты бога, связанного с небесным огнем, — «с огнем за плечами» («огнем одетый», «опаленный», «изжаждавшийся»). Гиперион — супруг своей сестры, титаниды Фейи (Тейи); а в двух вариантах песни «Солнце мое (Гимн Матери)» у матери солнца есть любопытные эпитеты — *νιχтосиндрофемένца* («ночная подруга») и *и νιχтᾱ τέρι* — («моя ночная подруга», букв. «супруга, пара, товарищ»).

На связь Илии-солнца с Гелиосом указывает то, что солнце находится, так сказать, на короткой ноге с зарей, месяцем и звездами. На св. Илию были перенесены основные функции Гелиоса — он всевидящий, всеслышащий и всезнающий, своей стихийной силой дарующий жизнь всему живому на земле³³, указывающий невесте дорогу в дом будущего мужа, а умершему — путь на тот свет.

В эпоху поздней античности с Гелиосом отождествляется Аполлон, некоторые черты которого были впоследствии перенесены на св. Илию; он — демон смерти, убийства и в то же время заступник, целитель людей³⁴. Таким же — приносящим смерть и способным отвести ее — предстает св. Илия в обряде гурпан³⁵. Возможно также, что жертвенный баран заменил избираемую в прошлом божеством жертву — человека. Как и Аполлон, Илия может очищать от скверны, болезни.

В культе св. Илии сохранились такие черты культа Зевса, как связь с возвышенностями, горами (где Илии обычно строили храмы), с различными явлениями природы: громом, дождем, молниями, бурей, а также способность к превращениям, оборотничеству. «Наслоение» функций св. Илии на функции Гелиоса, Аполлона и Зевса отмечается и в метрополии³⁶.

Итак, образ св. Илии в представлениях понтийцев очень сложен, он вобрал в себя многие черты солярного культа древней Греции. Среди сонма христианских святых он занимает важнейшее место. Это объясняется тем, что солнце еще ранее «было включено в пантеон в качестве главного божества..., чаще всего в качестве божества солнца и грозы»³⁷. Немаловажную роль здесь сыграло упоминавшееся созвучие имен, что также отмечается в современной Греции³⁸.

Еще более сложным и интересным оказался в представлении понтийцев образ св. Георгия. Полное имя святого *айос Георгиос* имеет разговорные формы *айос Йоргос*, *ай-Йор* и *Аэр*. Эпиклес (прозвище, эпитет) Георгия — Аэр очень популярен у понтийских греков. Храмовый праздник святого понтийцы отмечали дважды в году: 23 апреля и 3 ноября (по старому стилю). Ребенку, родившемуся в эти дни, давали имя: мальчику — Георгий (в быту Йорика, Йоргу), а девочке — Георгія. Св. Георгий — один из наиболее популярных святых во всем православном мире³⁹. Из четырех греческих селений Аджарии в двух — Ачкве (разг. Ашхован) и Квирике (разг. Курика) имеются ныне не действующие церкви Аэр — св. Георгия. В комполисе Санда Трапезундского вилайета на территории Турции (откуда родом большинство греков-первопоселенцев Кобулетского р-на) в семи небольших селениях насчитывалось пять церквей и 18 параклисов (небольших культовых сооружений в виде церквушки), из них одна церковь и пять параклисов были посвящены св. Георгию⁴⁰.

Во многих домах греков мне встречались небольшие переносные иконостасы в виде домика или храма. Их нельзя ставить в супружеской спальне, можно только в комнате, где спит пожилой человек, гость или дети. Почти во всех иконостасах имелаась икона с изображением подвига св. Георгия (змееборчест-

во). В одном доме я видела лежащую у иконы св. Георгия рентгенограмму легких ребенка, мать которого считала, что от этого он быстрее выздоровеет.

Св. Георгий — популярный персонаж понтийских сказок, легенд, быличек, семейных преданий. Самый распространенный в селениях сюжет легенды — «Св. Георгий и Дракон». В сказке «Св. Георгий, поп и мулла» бедняк и св. Георгий встретили на дороге в непогоду попа и муллу, которые торопились укрыться в церкви и мечети. Не узнав святого, они неучтиво разговаривали с ним, и тот превратил их в ослов и отдал смиренному бедняку. Бедняк постепенно разбогател, а ослы дали потомство. Через некоторое время св. Георгий расколдовал попа и муллу, а ослята, родившиеся от них, остались у бедняка⁴¹.

В теофании святого подчеркивается его способность мгновенно появляться там, где нуждаются в его помощи. В сказке «Ашик-Керип» всадник на белой лошади помогает герою быстро добраться из Эрзерума в Тбилиси, чтобы успеть расстроить свадьбу своей невесты с соперником⁴², а также исцеляет от слепоты мать Ашик-Керипа⁴³. В сказке всадник не назван по имени, но на то, что это был именно св. Георгий, указывают его основной атрибут — белый конь, а также сотворенные чудеса. Герой сказки «Аэрс» — царский сын, явившийся на белом коне к хижине пастуха и исцеливший его больную дочь, был принят за святого. Поэтому когда он позже посватался к девушке, то получил отказ, так как ее исцелил сам Аэрс и отныне она принадлежит святому. Лишь после настоячивых просьб царя пастух согласился выдать дочь замуж за царевича. В брачную ночь царевич узнал шрам на теле жены и признался, что именно он исцелил ее⁴⁴.

Пожилые понтийцы считают, что св. Георгий покровительствует пастухам, приумножает приплод скота, оберегает от волков. В наше время греки Аджарии не занимаются скотоводством, но вера в то, что святой заботится о приплоде коров, еще изредка встречается.

Георгий был покровителем рожениц, патроном повитух. Повивальная бабка — и *мами*, придя к роженице, после необходимых приговоров обращалась с молитвой к Панагии (Богоматери), а затем, крестя живот роженицы, звала «своего основного помощника» — св. Георгия: «Аэрс мой, я почитаю тебя — торопись!»⁴⁵.

Св. Георгий — покровитель путников. И в наши дни, отправляя кого-нибудь в дорогу, провожающие обязательно пожелают ему: «Пусть твой Аэрс мчится впереди твоей машины (поезда, самолета) на своем белом коне» и «Твой Аэрс пусть тебя оберегает в пути». Раньше так благословляли уходящего на заработки мужчину (отходничество было порой единственным формой дохода семей греков, проживавших в Турции)⁴⁶.

Понятие «путник» в наших материалах получает широкое значение. Путником понтийцы называют даже еще не родившегося ребенка. Если по каким-то причинам муж вынужден сказать кому-либо, что его жена ждет ребенка⁴⁷, то он скажет: «Мне нельзя этого делать, мой ребенок еще в пути»⁴⁸. Путником греки представляли и умершего. «Он оставил нам свое здоровье и ушел», — скажет понтиец об умершем. За душой умирающего приходит хозяин нижнего мира Харон (Харос). Но если болезнь затягивается и умирающий очень мучается, родственники (только женщины) обращаются к св. Георгию: «Или исцели, или забери»⁴⁹. Я записала несколько таких меморатов (быличек). Вот один из них: дочь одной женщины весь год болела туберкулезом. Лекарств не было — события происходили в довоенное время. Мать рассказчицы посоветовала женщине, помолившись св. Георгием перед сном, попросить его: «Или исцели, или забери». Женщина долго не решалась, но, видя страдания ребенка, помолилась святому. Той же ночью во сне она увидела, что прямо в дом въехал всадник на белом коне; это был пожилой мужчина в темных одеждах, бородастый, с лысиной на макушке. Женщина пригласила его спешиться, но тот отвечал: «Нет, мне некогда. Я пришел за тем, что ты обещала мне». Утром ребенку стало совсем плохо, а днем он скончался. Женщина считала, что ребенку не суждено было жить, и святой Георгий пожалел обеих и забрал девочку⁵⁰. В подобных меморатах

св. Георгий выступает в характерном облике: это пожилой мужчина в темных одеждах, в чарушах (самодельной обуви из сыромятной кожи), бородатый, с лысиной. Народная поэзия, напротив, представляет святого молодым, красивым юношей. Но в любом случае святой выступает как всадник (на белом, а в сакральных сновидениях иногда и на черном коне).

Как посредник между тремя мирами (небожители — люди — умершие) св. Георгий мог явиться в обычном сновидении, но чаще всего — в сакральном, когда верующие шли ночевать в церковь накануне храмового праздника, чтобы получить от святого помощь. Во сне святой выступал волеизъявителем бога, Богоматери, святых или умерших; от их имени он давал совет, как поступить в том или ином случае. Информаторы постоянно подчеркивали, что идти на ночь в церковь надо с сильной верой, иначе ничего не получится.

Если ребенок долго не начинал ходить, считалось, что его ноги связаны незримыми путами. Способность развязывать их приписывали св. Георгию. Малыша несли на храмовый праздник в церковь Аэра, где он проводил всю ночь. Во сне ребенок видел, что ему на ноги наехал белый конь с пожилым всадником в черных одеждах⁵¹. После этого ребенок начал ходить. Таких быличек много было записано немало. Обычай ночевать в церкви на праздник святого для исцеления сходит с обрядом ритуального сна больных при храмах Асклепия⁵².

Как покровитель дара речи святой выступает в обряде отмыкания рта: «Если ребенок долго не разговаривал, над ним совершали обряд *анйгоме то морон то стóманете* (открывать ребенку его рот) — обряд отмыкания, открывания рта. Родители, а чаще всего бабушки несли малыша в селение, где была церковь Аэра, отмыкали ключом замок дверей церкви, затем тем же ключом имитировали открывание рта ребенка и при этом произносили: „Эй, Аэр мой, как мы открываем твою дверь твоим ключом, (так) пусть откроется рот ребенка и он заговорит“. Затем запирали церковь и шли домой. Считалось, что после этой процедуры святой поможет ребенку заговорить»⁵³.

Но иногда встречаются и прямые спекуляции: «А был такой случай. В церковь св. Георгия пошла одна бедная женщина и ночевала там. Она уснула, ей что-то приснилось, и она проснулась, а в руке у нее был крест. От испуга она закричала, потеряла сознание, все бросились к ней, стали ей оказывать помощь. Когда она снова очнулась, то не могла разжать руку. Кулак открыли силой, а в нем был золотой крест. Ей приснился св. Георгий, он ей сказал: „Ты бедная, сирота (!), покажи людям этот крест, и они тебе дадут деньги за это. Этим ты будешь жить“. Ей и сейчас за показ этого креста дают деньги»⁵⁴.

Бытующее у понтийцев имя святого — Аэр можно объяснить сближением редуцированного произношения *айос Йѣргос* с существительным *то аэри* («воздух»). Тесную связь св. Георгия с ветром, вихрем подтверждают понтийские названия месяцев, на которые приходятся праздники святого: *Аэргйтас* — так называются ноябрь и апрель. Считалось, что в эти месяцы ветер дует сильнее обычного и воздух особенно вредоносен для людей, а в апреле даже смертоносен, что отразилось в поговорке: «Апрель мой, губитель мой»⁵⁵. Связь святого с ветром, его эпитет Аэр сближают Георгия с Гарпиями: Аэллой (Вихрем) и Аэллопой (Вихревидной), которые, подобно ветру, внезапно налетают и так же внезапно исчезают, похищают детей и человеческие души⁵⁶. В именах Гарпий можно выделить корень Аэлл-, который имеет то же значение, что и Аэр.

Ноябрь и апрель у понтийцев раньше делили год на два сезона: летний и зимний, что было характерно и для горцев-скотоводов Балканского полуострова⁵⁷. После 23 апреля понтийские пастухи выгоняли скот на высокогорные пастбища — пархáры; туда порой забирали и семью. К 3 ноября, с наступлением холодов, семьи пастухов спускались в селения и готовились к зиме. Во время осеннего празднования дня св. Георгия в домах понтийских греков развешивали и расстилали ковры, дорожки, покрывала, а 23 апреля их убирали до ноября, и обычай этот отразился в поговорке: «Ноябрь покрывает, апрель раскрывает»⁵⁸.

Деление года на два сезона, покровительство пастухам, забота о приплоде животных, почитание святого весной сближают св. Георгия с Гермесом. Георгий, как и Гермес-Трисмегист («трижды величайший»), — посредник и проводник между миром жизни и смерти. Он одинаково вхож в мир богов, людей и умерших. Как уже подчеркивалось, внешний вид Георгия понтийцы представляли двояко: юным змееборцем, защитником, целителем, светлым, весенним божеством или, напротив, мрачным, пожилым мужчиной в темных одеждах, что также отчасти совпадает с представлением древних о Гермесе. Ведь в архаическом искусстве он изображался зрелым мужем с длинной бородой и лишь позднее, в классический период (с V в. до н. э.), — безбородым и юным. Можно предположить, что копые и белый конь, мгновенно переносящий святого, удачно заменили магический жезл и крылатые сандалии Гермеса. Георгий, как и Гермес, — покровитель дара речи, он может незримо открыть любые узы, послать неожиданный дар. Даже покровительство плутовству, присущее Гермесу⁵⁹, перешло к святому.

* * *

Рудименты языческих верований выявляются прежде всего в народном поэтическом творчестве понтийских греков. Фольклорные тексты запечатали наиболее архаичные черты античных божеств, которые позже были перенесены на христианских святых. В понтийских песнях, записанных в наше время, оживают мифы древней Греции, причем в их поэтапном развитии. Это хорошо видно в трактовке образа св. Илии. В песнях сохранились отголоски мифов о солнце — Гиперионе, затем солнце — Гелиосе; эти тексты донесли многие древние эпитеты солнечного бога, его атрибуты и характерные черты. Последующие напластования на этот образ функций Зевса и Аполлона нашли отражение только в некоторых обычаях и календарных приметах понтийцев.

Перенесенные на св. Георгия функции Гермеса сохранились в понтийских сказках, преданиях, частично в быличках и поговорках, а черты, присущие Гарпиям, выявляются в преданиях, календарных приметах и поговорках.

Покровительство святого человеку, названному его именем, обусловлено влиянием христианства. В древней Греции наречение именем бога считалось святотатством. При клятвах, божбе и т. п. к божеству обращались чаще всего используя его эпитеты, что отражено в произведениях Гомера и других авторов. У понтийских греков этот древний обычай также частично сохранился, например в употреблении эпитета св. Георгия — Аэр; в пожелании «пусть он помогает» имеется в виду только св. Илия. Думается, что древний запрет на произнесение имени божества (демона) был одной из причин утраты имен духов-покровителей природы. Для их наименований понтийцы используют описательные термины (Неромана, Пархаромана, Лемона) или собирательные (майса).

Быт и фольклор понтийских греков, в том числе переселившихся в Аджарию, как видим, был насыщен древними верованиями и воззрениями. Но приведенные материалы показывают не только степень сохранности этого пласта традиционной культуры аджарских греков. Важен и другой момент: тесная связь народных верований данной локальной группы с античной культурой, истоки которой мы попытались проследить на некоторых примерах.

Примечания

¹ Южное побережье Черного моря, где веками проживали понтийцы в своих городах-деревнях — *комполис*, *хорополис* — в греческом фольклоре носит название Париадр — Παριάδρη (букв. «у воды, побережье»). Этот топоним упоминается уже Геродотом, Страбоном и другими античными авторами.

² См.: *Акритас П. Г.* Греки Кавказа // Народы Кавказа. Т. II. М., 1962; *Пашаева Л. Б.* Об этническом составе цалкских урумов // Историч. сб. Т. II. Тбилиси, 1971; *ее же.* Порядок раздела в семье урумов в прошлом // Кавказский этнографич. сб. Т. IV. Тбилиси, 1972; *Чиковани Т. А.* Фор-

мы взаимопомощи у цалкских урюмов // Там же; Волкова Н. Г. У греков Грузии // Полевые исследования Ин-та этнографии. 1974. М., 1975; Демурова Л. А. Из истории поселения греков в Аджарии (по этнографическим материалам села Ахалшени) // Быт и культура Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1983. Вып. X (на груз. яз.); *ее же*. Материалы о традиционной свадебной обрядности греков Аджарии // Там же. Вып. XI (на груз. яз.); Михайлов М. А. Культура и быт греков Грузии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1983.

³ Полевые материалы хранятся в личном архиве автора статьи.

⁴ Эриксон Э. В. Об условиях быта и санитарном состоянии цалкских поселений // Медицинский сб., издаваемый Кавказским медицинским обществом. Т. 61. Тифлис, 1898; Робакидзе А. И. К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы (по материалам Тriaлетской этнографической экспедиции) // Сов. этнография. 1948. № 3.

⁵ Акригас П. Г. Указ. раб. С. 432.

⁶ Зап. от Евстафия Картеропуло, 1912 г. рожд. // Полевая тетрадь (далее — ПТ). 1987. С. 20.

⁷ Зап. от Филиппа Хлориди, 1922 г. рожд. // ПТ. 1983. С. 18; Николая Ареопуло, 1983 г. рожд. // ПТ. 1984. С. 25; Георгия Александропуло, 1930 г. рожд. // ПТ. 1984. С. 152.

⁸ Толстой И. И. Азды. Античные творцы и носители древнего зноса // Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966. С. 188—189, 195, 212, 214.

⁹ Для рассматриваемых образов св. Илии и св. Георгия кроме полевых записей автора статьи привлекаются публикации фольклорных и этнографических материалов Центра понтийских исследований в Салониках.

¹⁰ Зап. от Алекси Кипселиди, 1949 г. рожд. // ПТ. 1978. С. 5.

¹¹ Солнце у понтийских греков мыслится как божество-мужчина. Мужской род этого существительного я сохраняю в переводах понтийских текстов на русский язык для более целостного восприятия образа.

¹² Перевод с языка понтийских греков Филиппа Хлориди // ПТ. 1985. С. 107.

¹³ ПТ. 1982. С. 2.

¹⁴ ПТ. 1987. С. 7.

¹⁵ Зап. от Артемисии Хиониди, 1915 г. рожд. // ПТ. 1987. С. 15.

¹⁶ Зап. от Эморфили Кипселиди, 1915 г. рожд. // ПТ. 1984. С. 97; Георгия Чахуриди, 1935 г. рожд. // ПТ. 1984. С. 105; Артемисии Хиониди. // ПТ. 1987. С. 15.

¹⁷ ПТ. 1987. С. 1.

¹⁸ Зап. от Евстафия Картеропуло // ПТ. 1987. С. 10.

¹⁹ Там же.

²⁰ Зап. от Диогена Кипселиди, 1916 г. рожд. // ПТ. 1982. С. 12; Марии Картеропуло, 1923 г. рожд. // ПТ. 1982. С. 14; Эльпиды Савиди, 1912 г. рожд. // ПТ. 1983. С. 15—16.

²¹ Зап. от Евстафия Картеропуло // ПТ. 1987. С. 7.

²² ПТ. 1985. С. 108.

²³ Зап. от Артемисии Хиониди // ПТ. 1987. С. 21.

²⁴ Перевод автора статьи. При переводе сохранены лексические соответствия и стихотворный размер оригинала. (Зап. в 1983 г. в селении Дагва от Филиппа Хлориди и Эвриклии Хлориди, 1924 г. рожд. // ПТ. 1983. С. 51).

²⁵ 'Εὐσταθίου Σ. Τό τραγούδι τῆς Λεμόνας // Ποιτική 'Εστία. Θεσσαλονίκη. Τεύχ. 12 ον. 1974. Σελ. 454—455; *idem*. Τά τραγούδια τοῦ Ποντιακοῦ λαοῦ, Θεσσαλονίκη, 1981. Σελ. 59.

²⁶ *Ibid*. Σελ. 394—395. Перевод с языка понтийских греков автора статьи.

²⁷ Мифы народов мира. В 2-х т. Т. I. М., 1980. С. 178—179.

²⁸ 'Εὐσταθίου Σ. Op. cit. Σελ. 72. Перевод с языка понтийских греков автора статьи.

²⁹ *Ibid*. Σελ. 74; записи автора статьи // ПТ. 1987. С. 95.

³⁰ Зап. от Филиппа Хлориди // ПТ. 1978. С. 16.

³¹ Мифы народов мира. Т. I. С. 271; Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987. С. 52.

³² Мифы народов мира. Т. I. С. 94.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 94, 95.

³⁵ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1983. С. 506, 509.

³⁶ Иванова Ю. В. Греки // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 274; *ее же*. Следы солярного культа // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 106, 108; Megas G. Greek Calendar Customs. Athens, 1958. P. 142—143; Blum R. E. The Dangerous Hour. The Lore of Crisis Mystery in Rural Greece. N. Y., 1970. P. 49, 309, 337.

³⁷ Иванова Ю. В. Следы солярного культа. С. 106.

³⁸ *Ее же*. Греки. С. 274; Megas G. Op. cit. P. 142.

³⁹ Иванова Ю. В. Греки. С. 213—214; Megas G. Op. cit. P. 113.

⁴⁰ 'Αθανασίου (Τε'ροστάθη) Σ. Ιστορία καὶ Λαογραφία τῆς Σαντᾶς. Θεσσαλονίκη. 1967. Т. 3. Σελ. 185—205.

⁴¹ Зап. от Филиппа Хлориди // ПТ. 1983. С. 195—200.

⁴² О способности св. Георгия за короткое время переносить человека на большое расстояние, выручая из беды, говорится и в легендах византийского происхождения. См., например, Селищев А. М. К изучению «службы» и «славы» // Селищев А. М. Приноси в българската диалектология и этнография. София, 1986. с. 321.

⁴³ Зап. от Ламбриана Стефаниди, 1890 г. рожд. // ПТ. 1984. С. 38—45.

⁴⁴ Зап. от Левки Стефаниди, 1911 г. рожд. // ПТ. 1983. С. 181—200.

- ⁴⁵ Зап. от Эморфили Кипселиди. // ПТ. 1984. С. 27.
- ⁴⁶ Зап. в Сухуми от Теофила Папавиди, 1911 г. рожд. // ПТ. 1984. С. 98.
- ⁴⁷ У греков-понтийцев существовали традиционные запреты на некоторые бытовые действия, которые мужчина не имел права совершать, пока его жена не родила: в частности проливать кровь, ходить на охоту, совершать жертвоприношения и даже присутствовать на них.
- ⁴⁸ Зап. от Константина Картеропуло, 1960 г. рожд. // ПТ. 1983. С. 152.
- ⁴⁹ Это заклинание сохранилось и в куплете песни Аэру: Мой Аэр, святой — Быстрый мой, восемнадцатилетний, приди посмотри и исцели мою возлюбленную. См. 'Ευσταθιάδης Σ. Τά τραγούδια του ποντιακού λαού. Σελ. 362. Перевод с языка понтийских греков автора статьи.
- ⁵⁰ Зап. от Марии Андриади, 1921 г. рожд. // ПТ. 1984. С. 89.
- ⁵¹ Иногда спящий видел во сне пробегающего мимо него черного кота, собаку, лошадь; рядом с ним падал камешек. Толковательница сакральных сновидений и *анихτάва* («открывающая») считала, что это знак от самого св. Георгия. Все былички записаны от людей старшего поколения, в основном от женщин.
- ⁵² Толстой И. И. Неудачное врачевание. Античная параллель к русской сказке // Толстой И. И. Статьи о фольклоре. С. 51—52.
- ⁵³ Зап. от Эвриклии Хлориди // ПТ. 1984. С. 62.
- ⁵⁴ Зап. от Савулы Савиди, 1934 г. рожд. // ПТ. 1982. С. 18.
- ⁵⁵ 'Ακούλου Ε. Λαογραφία Κοντινών. Σελ. 261—262, а также полевые материалы автора статьи.
- ⁵⁶ Мифы народов мира. Т. 1. С. 266; Велишский Ф. Я. Быт греков и римлян. Вып. XVI. Прага, 1878. С. 292.
- ⁵⁷ Иванова Ю. В. Следы солярного культа. С. 112.
- ⁵⁸ 'Ακούλου Ε. Op. cit. Σελ. 263.
- ⁵⁹ Мифы народов мира. Т. 1. С. 292—294.

В. Г. Чалян, Н. В. Мейшвили

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТАДА ПРИМАТОВ КАК МОДЕЛЬ АНАЛОГИЧНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ У РАННИХ ГОМИНИД

Исследования последних лет показали правомерность применения данных о поведении и организации современных низших обезьян для реконструкции ранних стадий антропогенеза. По мнению Л. В. Алексеевой, «приматоведение является необходимым и достаточно достоверным источником сведений для реконструкции социогенеза, заслуживающим самого серьезного внимания»¹. Павианы гамадрилы в этом отношении представляют большой интерес. Природная среда, в которой живут современные павианы, по-видимому, сходна с той, в которой происходил процесс гоминизации². По утверждению Н. А. Тих, «по своей структуре и сложности внутривидовых отношений сообщества низших обезьян, в первую очередь гамадрилов, ближе стоят к гипотетическим животным, чем современные сообщества человекообразных обезьян»³. Большой интерес для истории первобытного общества могут представлять данные о демографических показателях и социальной структуре свободноживущих обезьян, в частности павианов гамадрилов⁴. К сожалению, данные такого рода ограничиваются полевыми работами Куммера и Сигга, проведенными в Эфиопии⁵. Задачей нашего многолетнего исследования было изучение динамики структуры стада, а также механизмов образования гаремов (односамцовых единиц), их развития и угасания в условиях, максимально приближенных к естественным.

Объектом изучения в данном исследовании были павианы гамадрилы, свободноживущие на 20-м км от Сухуми. Эти животные были выпущены в урочище р. Западная Гумиста в августе 1974 г. За прошедшие 12 лет размеры и структура стада значительно изменились (см. табл. 1). Если при выпуске в стаде было только два половозрелых самца, то к началу 1986 г. их стало 47. Размеры стада выросли до 258 особей.

Таблица 1

Половозрастная структура стада

Возрастной класс	Год											
	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986
	« »	« »	« »	« »	« »	« »	« »	« »	« »	« »	« »	« »
Детеныши до 1 года	6 3	9 12	14 5	9 2	5 11	13 13	11 16	24 10	11 11	20 21	10 13	12 12
Ювен. 1—2 года	4 12	4 2	9 12	10 3	8 2	5 10	11 11	7 14	24 9	11 9	20 21	9 13
Ювен. 2—3 года	3 8	4 12	4 2	7 10	7 2	6 2	5 10	11 11	7 14	23 8	11 9	20 21
Ювен. 3—4 года	— —	3 7	4 12	3 2	5 9	6 2	6 2	5 10	11 11	7 14	21 8	11 9
Почти взрослые 2—5 л.	— —	— —	3 7	4 12	2 2	5 9	6 2	6 2	5 10	11 10	7 14	21 8
Почти взрослые самцы и взрослые самки 5—6 лет	1 3	— —	— —	2 7	3 11	2 2	4 9	6 2	6 2	5 10	11 10	7 14
Почти взрослые самцы и взрослые самки 6—7 лет	— 8	1 3	— —	— —	2 6	3 11	2 2	4 8	6 2	6 2	5 10	11 10
Взрослые 7—10 лет	1 15	1 17	2 16	1 7	1 2	2 6	5 17	7 19	9 21	12 12	12 12	16 13
Взрослые 10—15 лет	— 8	— 12	— 13	1 16	1 19	2 17	2 14	2 12	3 10	6 19	7 18	11 26
Взрослые 15—20 лет	— 1	— 1	— 1	— 3	— 3	— 6	— 9	— 9	1 13	1 15	2 10	2 7
Взрослые 20 лет	— —	— —	— —	— 1	— 1	— 1	— 1	— 1	— 3	— 1	— 3	— 5
Всего	15 58	22 66	36 68	37 63	34 68	44 79	52 93	72 98	83 106	102 123	106 128	120 138

Динамика соотношения числа половозрелых самцов и самок

Дата	«/»	Дата	«/»
На 1.01.1975 г.	1:17,5	На 1.01.1981 г.	1:4,2
1976 г.	1:16,5	1982 г.	1:2,8
1977 г.	1:18,5	1983 г.	1:2,4
1978 г.	1:11,4	1984 г.	1:2,3
1979 г.	1:6,3	1985 г.	1:1,9
1980 г.	1:5,8	1986 г.	1:1,8

Сравнение структуры стада заказника с дикими павианами гамадридами позволяет утверждать, что сложившееся в стаде соотношение числа самцов и самок не отличается от такового в популяции в Эфиопии. Процент почти взрослых и взрослых самок в стаде также совпадает с их количеством в дикой популяции. Общее число взрослых и почти взрослых животных двух сравниваемых групп отличается незначительно. Таким образом, структура популяции Гумистинского заказника приближается к структуре стада павианов гамадрилов в Эер-Гота⁶.

В табл. 2 показана динамика соотношения числа самцов старше 5 лет и самок старше 4 лет, т. е. динамика соотношения самцов и самок, достигших половой зрелости. Если в 1975 г. на одного самца в стаде приходилось 17,5 самок, то в 1986 г. это соотношение составляло 1:1,8. По данным Куммера, у свободноживущих павианов гамадрилов отношение числа взрослых и почти взрослых самок, приходящихся на взрослого самца-лидера односамцовой единицы, равно 1,86:1⁷. У гелад (*T. gelada*) соотношение взрослых самцов и самок составляет 1:2,85. В заказнике с 1975 по 1986 г. родилось в общей сложности 164 детеныша самца и 155 самок⁸. Таким образом, соотношение самцов и самок при рождении равнялось 1:0,95.

Как было установлено Куммером, у павианов гамадрилов существует три уровня организации: стада (*troops*), группы (*bands*) и односамцовые единицы (*one-male units*)⁹. В более поздних работах выделяется четыре уровня организации: к трем предложенным Куммером добавляются еще кланы, в которые объединяются несколько односамцовых единиц¹⁰. Согласно нашим многолетним наблюдениям, павианы гамадрилы первого стада заказника имеют три четко выраженных уровня организации. Изучаемое стадо делится на группировки, которые мы вслед за Куммером называем «*bands*» — группы. Каждая из этих группировок состоит из нескольких односамцовых единиц. В свою очередь каждую группировку можно разделить на более мелкие объединения, аналогичные упомянутым выше кланам. По нашим наблюдениям, важнейшими свойствами этих группировок (*bands*) являются их относительная автономность в передвижениях и ограниченность взаимодействий между членами разных группировок.

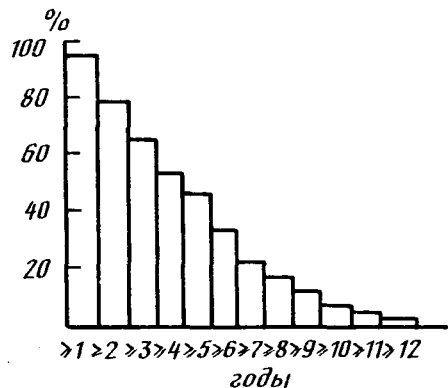
Начиная со времени выпуска, стадо гамадрилов заказника четко делилось на односамцовые единицы. Среднее количество самок в гаремах неуклонно уменьшается в течение 12 лет наблюдений (табл. 3). Для сравнения напомним, что у свободноживущих гелад среднее число самок в репродуктивной единице равно 3,7¹¹, а у павианов гамадрилов в Эер-Гота — 1,9¹². Как показали наблюдения в заказнике, средний возраст, в котором самцы заказника приобретают своих первых самок, составляет 7 лет 6 месяцев ($N = 21$). Средний минимальный возраст, в котором самцы уже имели сформированный гарем, равен 8 годам. На возраст, в котором самцы создают свою единицу, оказывает несомненное влияние социальная структура стада; если в 1978—1981 гг. самцы создавали свои гаремы начиная с 6-летнего возраста, то в 1984—1986 гг. образование единицы происходило только с 8 лет. В стаде изменилось количество самцов-

Социальная структура стада

Год	Число односамцовых единиц	Среднее число самок в единице	Минимальное число самок в единице	Максимальное число самок в единице
1975	2	16,5	16	17
1976	2	17,0	16	18
1977	2	17,0	14	20
1978	2	17,5	13	22
1979	4	9,8	4	18
1980	6	8,5	3	15
1981	7	7,6	2	12
1982	11	5,6	1	13
1983	12	5,3	1	11
1984	12	5,1	2	11
1985	14	4,9	1	8
1986	17	3,8	1	8
Конец 1986	23	3,1	1	8

«холостяков», т. е. самцов, еще не имеющих своего гарема. В конце 1986 г. в стаде имелось в общей сложности 25 (53,2%) самцов старше 6 лет, еще не имевших своего гарема; из них 18 (45,0%) самцов старше 7 лет, 9 (31,0%) — старше 8, 6 (25%) — старше 9 и 2 самца (10,5%) старше 10 лет.

Образование новых односамцовых единиц в заказнике происходило как за счет взрослых самок, состоявших ранее в гаремах старших самцов, так и за счет молодых самок, пребывавших в родительских единицах. Из 43 первых самок, вошедших в гаремы 21 молодого самца, 10 (23,2%) были взрослыми самками, перешедшими из единиц других самцов. Остальные 33 (76,7%) перешли в единицы молодых самцов из родительских единиц. Дальнейшее формирование гарема происходит у молодых самцов в течение 2—5 лет за счет самок из родительских единиц и из гаремов других самцов. В среднем у 10 самых старших самцов заказника формирование гарема завершилось за 3 года 3,5 мес. В последующем гаремы либо оставались стабильными, либо постепенно сокращались вследствие естественной гибели самок или их перехода в другие единицы. Процесс перехода самки в гарем молодого самца из родительской единицы или из гарема другого самца мог быть либо очень быстрым, либо очень длительным. Быстрые переходы самок, как правило, были спровоцированы каким-либо посторонним вмешательством. Так, во время ежегодного отлова и осмотра обезьян молодые самцы пользовались временным отсутствием взрослого самца и забирали себе его самок. В большинстве же случаев переходу самок в единицу молодого самца предшествовал более или менее длительный период. Продолжительность зафиксированного нами периода, в течение которого происходит переход самки из одной единицы в другую, различная (min — 0,5 года; N=6; max — 2 года 3,5 мес, N=3). В среднем зафиксированная продолжительность переходного периода у 35 самок, вошедших в гаремы молодых самцов, составила 1 год 3,5 мес. В переходный период обычно отмечаются взаимодействия самки не с одним, а с несколькими самцами разного возраста. Прежде чем окончательно перейти в гарем молодого самца, самки отделяются время от времени от старой единицы вместе с молодыми самцами. Такие регулярно отделяющиеся пары, состоящие из молодого самца и самки-подростка, еще не покинувшей родительскую единицу, определены Куммером как первичные единицы¹³. Начало стадии первичной единицы совпадает обычно у молодых самок с появлением первых циклов набухания половой кожи. Средний возраст начала образования первичной единицы у 42 самок составил 3,5 года. Стадия первичной единицы завершается у молодых самок образованием устойчивой связи с молодым самцом и окончательным переходом в его односамцовую единицу. Окончание этой стадии совпадает по времени с завершением полового созревания и первой беременностью молодых самок. Следует отметить, что молодые самки могут образо-

Минимальная продолжительность парных связей в заказнике

вызывать первичные единицы последовательно с несколькими самцами. В среднем число самцов, с которыми одна самка могла последовательно образовывать первичные единицы, составляет 2,5. Самка, состоящая в первичной единице, еще не покидает полностью родительской единицы, поэтому ее можно наблюдать вместе с самками старой единицы. В заказнике за период наблюдений было отмечено 68 случаев, когда самец отнимал детеныша у самки и носил его продолжительное время, иногда обращаясь с ним очень грубо. Такое поведение в отдельных случаях завершалось гибелью детеныша. В 12 случаях из указанных выше самка переходила в последствии в гарем самца — похитителя детеныша. В 11 случаях такое поведение самца наблюдали непосредственно перед переходом самки в новую единицу. Только в одном случае самка вошла в гарем самца, который отнимал у нее детенышей в течение трех предшествующих лет. Детеныш этой самки — самочка — тоже вошла позднее в его гарем. Большие случаев включения в гарем самок, которых молодые самцы ранее отнимали у матерей, не было. Таким образом, можно заключить, что отнимание детеныша у самок можно рассматривать как поведение молодого самца, направленное на укрепление связи между ним и матерью детеныша и дальнейшее присоединение самки матери к гарему этого самца.

Анализ родственных связей внутри односамцовых единиц показал, что из 88 парных связей между самцами и самками принадлежащих им единиц в 18 самец и самка имели общего отца. В одном случае самец — лидер гарема и его самка имели не только общего отца, но и мать. Еще в двух случаях самец-лидер и самка из его гарема имели общую мать, но разных отцов, т. е. условия свободного содержания не исключают близкородственного скрещивания. Молодые самцы, подрастающие в единице взрослого самца, могут образовывать свои единицы из самок — дочерей самца-лидера своей единицы, т. е. из своих сестер. В большинстве случаев самки, вошедшие в единицы молодых самцов, принадлежали к разным родительским единицам, т. е. были дочерьми разных отцов. У двух молодых самцов гаремы были составлены из самок, принадлежавших к единицам одной группы. Шесть гаремов были образованы из взрослых и молодых самок, принадлежавших к разным единицам двух разных групп. Следует отметить тенденцию образовывать родственные группировки внутри единиц. В 5 случаях к гаремам одних и тех же самцов принадлежали мать и дочь. В 16 случаях (18,2%) самки имели сестер в своих единицах. В гарем самца 14179, например, были включены четыре самки — дочери самца 10688 и самки 11923 и две самки — дочери самца 10688 и самки 12472. Гарем самца 14185 был составлен из трех сестринских пар и одной пары мать — дочь.

Из наблюдений в заказнике следует, что односамцовые единицы являются стабильными образованиями. На рисунке показана минимальная продолжи-

тельность парных связей между самцами и самками стада. Более 50% связей продолжалось не менее 4 лет, что согласуется с данными по павианам гамадрилов в Эфиопии Сигга¹⁴. Средняя продолжительность 119 парных связей между самцами и самками заказчика составила 5 лет 3 мес. В 26 случаях причиной разрыва связи была гибель самки. 32,8% всех парных связей завершилось переходом самки в гарем другого самца. В большинстве переходов самки покидали свои единицы и переходили в формирующиеся единицы молодых самцов. Отмечено было только 4 случая перехода самок в единицу другого взрослого самца.

К каким же выводам позволяют привести наблюдения за продолжительным развитием стада павианов гамадрилов?

Прежде всего вслед за Л. В. Алексеевой нам представляется, что стадо у павианов гамадрилов не является «не связанным в единое целое сборище гаремов»¹⁵. Такая точка зрения распространена в литературе и вытекает главным образом из наблюдений Г. Куммера, сделанных в Эфиопии¹⁶. Обезьяны, принадлежащие к различным гаремам в изучаемом нами стаде, связаны между собой сложной системой родственных и иерархических взаимоотношений. Стадо проявляет себя как единое целое во многих ситуациях, например при защите.

Изучаемое стадо является замкнутой группой, несмотря на близкое соседство другого стада павианов. Территория этого стада, выпущенного в заказник в 1979 г., располагается южнее и частично перекрывается территорией, освоенной обезьянами первого стада.

Соотношение способных к репродукции самок и самцов в изучаемом стаде павианов гамадрилов, равное 1,8:1, практически не отличается от такового у павианов Эфиопии. По определению В. В. Бунака, такое соотношение свидетельствует об умеренной полигамии¹⁷. Сравнение соотношения самок и самцов в стаде павианов гамадрилов с таковым у саванновых павианов не позволяет выявить принципиальных различий между ними. У последних этот показатель может варьировать от 1,3:1 до 3:1 в зависимости от условий среды обитания. Таким образом, несмотря на различия в организации, соотношение самок и самцов этих обезьян существенно не отличается.

У павианов заказчика в размножении участвуют практически все взрослые самцы стада. Возраст в момент образования гаремов, а также число самок в гареме связаны с индивидуальными особенностями самцов. Причины, определяющие индивидуальные отличия, еще не совсем ясны, однако немаловажную роль играют, по-видимому, размеры стада в целом и его структура, а также родственные связи молодого самца, его принадлежность к той или иной группировке и клану¹⁸. Гаремы, односамцовые единицы, в развитом стаде павианов гамадрилов, как правило, небольшие. Число самок в таких единицах редко превышает 4—5. Важнейшая характерная особенность павианов гамадрилов — стабильность связей между взрослыми самцами и самками. Исключая начальный переходный период, когда самки могут поддерживать отношения с несколькими самцами (совпадающий, кстати, по времени с периодом первых аннуляторных половых циклов), связи между взрослыми самцами и самками являются очень прочными и продолжительными. Этот вывод противоречит существующей точке зрения, согласно которой связи между самцом и самкой у гамадрилов носят временный и переменный характер¹⁹. Согласно нашим наблюдениям, такие связи в среднем длятся около 5 лет, а в некоторых случаях сохраняются в течение всего репродуктивного периода самки. Довольно часто односамцовые единицы павианов гамадрилов в заказнике представляют собой длительно существующие объединения одного взрослого самца с одной — тремя самками. Такое постоянное «партнерство» обеспечивает самкам и потомству постоянную защиту от неблагоприятных воздействий среды. В момент, когда опасность угрожает детенышу, его защиту на себя прежде всего берет отец. С другой стороны, постоянный контакт между самцом и его детенышами обеспечивает в будущем более терпимые отношения между ними. Связь между самцом и его взрослыми сыновьями, а также между самцами — его детенышами сохраняется довольно

долго и проявляется в виде взаимоподдержки в антагонистических взаимодействиях с другими самцами. Эта связь лежит в основе деления стада на более мелкие группировки «bands» и кланы.

Представляется интересной обнаруженная у гамадрилов заказчика тенденция к группированию самок, связанных родственными узами, в своих единицах. Эта тенденция является, по-видимому, проявлением матрилинейности, отмеченной ранее у других узконосых обезьян²⁰. Это позволяет предположить, что матрилинейность в той или иной степени свойственна большинству видов обезьян, в том числе видам с односамцовой структурой. Нам кажется, что нет оснований для исключения из этого числа прегоминид.

Изучение родственных связей между взрослыми павианами гамадрилами показывает также ограниченность половых связей между близкородственными животными. В частности, полностью отсутствуют связи между родителями и их половозрелым потомством.

Следует отметить, что взрослые самцы иногда устанавливают временную связь с молодой самкой — своей биологической дочерью, но в дальнейшем самки всегда покидают родительскую единицу, присоединяясь к гаремам самцов более молодого поколения. Связи между самцами и самками, имеющими общего отца или мать, практикуются, но составляют не более 25% всех связей в стаде. В большинстве таких случаев особи имеют одного общего родителя, чаще всего отца.

Эти данные согласуются с данными Л. А. Файнберга, который отмечает ограниченность половых связей между близкородственными особями у низших обезьян²¹. Эта ограниченность инбридинга имела важное значение для эволюционного развития, и связанные с этим биологические механизмы могли быть унаследованы древнейшими людьми.

Очень большой интерес представляет вопрос о создании гипотетических реконструкций социальной организации прегоминид на основании данных о структуре сообществ современных обезьян. Нам представляется, что лабильность сообществ современных обезьян, их зависимость от экологических условий позволяют предположить, что сообщества прегоминид также могли иметь различную структуру. Вместе с тем нам кажется, что организация современных павианов гамадрилов сочетает в себе ряд прогрессивных черт, адаптивных для вида и не подразумевающих жесткой специализации. Модель сообщества прегоминид, построенная на полученных фактических данных, представляется как группа (стадо), состоящая из полигамных ячеек и молодых особей. В пределах стада полигамные ячейки могут сочетаться с моногамными парами. Связи между самцами и самками постоянны, это обеспечивает связь не только между самкой и ее детенышами, но и терпимость отношений между связанными родством самцами. Кроме того, постоянное партнерство обеспечивает успешное размножение в условиях, когда отсутствуют внешние проявления гормонального состояния самок, связанные с половыми циклами, что, вероятно, могло произойти уже при переходе к прямохождению²². Стадо в основном существует как единое целое, это обеспечивает эффективную защиту от хищников и возможность совместных действий во время охоты. Эти функции осуществляются прежде всего взрослыми, уже имеющими свою семейную ячейку, и молодыми самцами. Точка зрения, согласно которой сообщества прегоминид могли иметь некоторые черты гаремной организации, была высказана ранее рядом исследователей²³. По мнению В. П. Алексеева, нет «ни теоретических, ни эмпирических оснований отказываться от гипотезы гаремных семей в качестве биологической основы для развития социальных отношений»²⁴. В основе механизмов избегания наиболее тесного инбридинга в гипотетическом стаде прегоминид лежит довольно раннее образование молодыми самками связей с самцами, не имеющими еще своего гарема. Такая связь в дальнейшем перерастает в постоянное партнерство с одним из самцов.

Показанные выше результаты многолетних исследований демографии и

структуры стада свободноживущих павианов гамадрилов позволяют в целом сделать вывод о перспективности применения приматов в качестве модели для реконструкции ранних этапов социогенеза.

В результате проведенного исследования установлено, что в образовании односамцовых единиц участвуют и молодые самки, перешедшие из единиц взрослых самцов. Возраст, в котором молодые самцы образуют свои единицы, и размеры единиц зависят от половозрастной структуры стада. Обнаружена тенденция к включению в односамцовые единицы самок, связанных родственными узами. Установлено, что односамцовые единицы являются стабильными образованиями. В условиях свободного содержания средняя продолжительность связи между самцом и самкой его гарема составляет 5 лет 3 мес.

Примечания

- ¹ Алексеева Л. В. Полицикличность размножения у приматов и антропогенез. М., 1977. С. 158.
- ² Файнберг Л. А. У истоков социогенеза. От стада обезьян к общине древних людей. М., 1980.
- ³ Тух Н. А. Предыстория общества. Л., 1970. С. 38—39.
- ⁴ Kummer H. Social Organization of Hamadryas Baboons. A Field Study. Basel; New York, 1968.
- ⁵ Sigg H., Stolba A., Abegglen J. J., Dasser V. Life History of Hamadryas Baboons: Physical Development, Infant Mortality, Reproductive Parametres and Family Relationships // Primates. 1982. Vol. 23. № 4. P. 473—487.
- ⁶ Kummer H. Op. cit. P. 27—28.
- ⁷ Ibid. P. 28.
- ⁸ Dunbar R., Dunbar P. Social Dynamics of Gelada Baboons. Basel; New York, 1975. P. 21.
- ⁹ Kummer H. Op. cit. P. 98—99.
- ¹⁰ Sigg et al. Op. cit. P. 482.
- ¹¹ Dunbar R., Dunbar P. Op. cit. P. 23.
- ¹² Kummer H. Op. cit. P. 28.
- ¹³ Ibid. P. 63.
- ¹⁴ Sigg et al. Op. cit. P. 484.
- ¹⁵ Алексеева Л. В. Указ. раб. С. 173.
- ¹⁶ Kummer H. Op. cit. P. 98—99.
- ¹⁷ Бунак В. В. Род Homo, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980. С. 154.
- ¹⁸ Файнберг Л. А. Указ. раб. С. 31.
- ¹⁹ Алексеева Л. В. Указ. раб. С. 141.
- ²⁰ Wrangham R. W. An Ecological Model of Female-Bonded Primate Groups // Behaviour. 1980. № 75. P. 262—300.
- ²¹ Файнберг Л. А. Указ. раб. С. 21, 28.
- ²² Бунак В. В. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966. С. 497—555.
- ²³ Арутюнов С. А. О форме стада предлюдей // Сов. этнография. 1974. № 5. С. 106—107.
- ²⁴ Алексеев В. П. О некоторых биологических факторах, важных для формирования социальной организации // Там же. С. 104—105.

Е. Н. Студенецкая

РАССЛЕДОВАНИЕ 120 ЛЕТ СПУСТЯ

В 1965 году в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК), в фонде канцелярии помощника начальника Кубанской области по управлению горцами (фонд 774, оп. 2, ед. хран. 375), мною было обнаружено очень интересное судебное дело более чем столетней давности. На мой взгляд, оно заслуживает специального рассмотрения как документ, содержащий много этнографических и исторических сведений. Полный заголовок дела — «Об иске жителя Зеленчукского округа Кази Касаева на часть имения, оставшегося от смерти матери его Докан Касаевой, бывшей в замужестве за жителем Эльбурского округа Батоко Карамурзиным». Начато 1867 г., кончено 1868 г. л. 1—23.

В деле, как увидим, есть документы более раннего происхождения. В нем имеются две описи имущества: 1. Докан Касаевой-Карамурзиной, литера А (л. 19, 21, 23). 2. Докан Карамурзиной-младшей, литера Б (л. 18, 20).

Обратим внимание на дату. Из нее следует, что описываемые в деле события происходили еще до крестьянской реформы 1861 г., а частично и до окончательного «замирения» Северо-Западного Кавказа (1864 г.), до установления русского государственного управления в этом районе.

Действующих лиц четверо: Докан Касаева, впоследствии Карамурзина, ее второй муж Батоко Карамурзин, ее сын от первого брака Казн Касаев (истец) и дочь от второго брака Докан Карамурзина. Все они кабардинцы княжеского сословия. Но жили они, как видно из документов, не в Кабарде, а за Кубанью. Из этого вытекает, что они были потомками так называемых «хаджиретов», или «беглых» кабардинцев, не желавших подчиниться русским властям и бежавших за Кубань в 20-х годах XIX в. Эти «беглые кабардинцы» поселились за Кубанью и в дальнейшем составили значительную часть населения современной Карачаево-Черкесии (черкесов). Однако в момент рассмотрения дела истец Кази Касаев жил уже на родине — в Малой Кабарде.

Кази Касаев и Батоко Карамурзин имели русские воинские звания, присваивавшиеся лицам знатных фамилий в качестве награды за верность и с целью создания опоры царизму в среде местных феодалов. Батоко Карамурзин был поручиком, Кази Касаев — прапорщиком. Таким образом, в документах дела косвенно отразились определенные исторические события и политика царской власти на Северном Кавказе. К сожалению, в документах нет никаких сведений о времени рождения или возрасте действующих лиц, но эпоха, в которую происходили события, выясняется по ряду деталей.

Главным «действующим лицом» является Докан Касаева, мать Кази. Первый ее муж — князь Касаев, по-видимому, умер. Прямых указаний на это в документах нет, но об этом можно догадаться по одной фразе, сопоставив ее с местным адатом. После смерти мужа Докан Касаева по любви вторично вышла замуж, оставив сына. По местному обычному праву вдове предоставлялись три возможности: 1) согласно обычаю левирата, выйти замуж за брата покойного мужа или

его ближайшего родственника, не зависимо от того, были они женаты или нет; 2) состоять вдовой и жить в семье мужа вместе с детьми; 3) если вдова выходила замуж вторично, она должна была оставить детей в семье покойного мужа.

Как видно из содержания документа, Докан выбрала последний вариант — оставила сына и переселилась с новым мужем в Эльбрусский округ.

Причина такого поступка становится ясной из выступления эфенди (муллы), приглашенного в суд свидетелем и знатоком по вопросу о сумме калыма за Докан. «Слыхал, что он (калым за Докан) был определен в 1500 руб. серебром, — говорит эфенди, — хотя слишком велика сумма калыма за такую женщину, как Касаева, которая была уже замужем, но я знаю, что Ботоко (второй ее муж. — Е. С.), женись на ней, не стал бы противоречить, если бы определили калым в 5000 руб. серебром, так как «оба они в то время очень любили друг друга»». Не правда ли, необычная цитата из архивного документа?

Во втором браке у Докан от горячо любимого мужа родилась дочь. По местным понятиям, в качестве первенца желателен сын, но и дочь была встречена с радостью. Ее называли именем матери, тоже Докан, что противоречило общепринятым местным нормам. По обычаю имя детям давалось не родителями, а кем-либо из родственников или посторонних лиц, пришедших в дом и вступавших в таком случае как бы в число родных семьи.

Наречение дочери именем матери можно объяснить только двумя причинами: или любовью родителей и пренебрежением к существующему обычаю, или исключительными качествами ее матери Докан-старшей — красотой, трудолюбием, добротой и т. п., следствием чего было то, что из уважения к матери посторонние люди нарекли новорожденную ее именем.

Маленькая Докан, как это полагалось детям знатного горца, по обычаю аталычества, воспитывалась не дома, а в семье крестьянки Хадокан, у которой ранее воспитывалась и ее мать. Мы узнаем об этом, как и о других фактах, из текста документа. Мать девочки перед смертью, распоряжаясь своим имуществом, сказала, чтобы Хадокан, воспитавшей ее дочь и ее саму, «выдать из ее имения цену одного крестьянина по кабардинскому адату, т. е. 200 рублей».

То что девочка воспитывалась в семье аталычки ее матери, было необычно и могло объясняться только любовью к ребенку его родителей. Девочку отдали женщине, чьи достоинства были уже доказаны воспитанием матери, а не просто кому-либо, обратившемуся к родителям с просьбой дать ребенка на воспитание. Желающих воспитать ребенка знатного и зажиточного человека всегда было достаточно. Это объяснялось тем, что родители ребенка становились покровителями семьи воспитателя-аталыка и часто щедро награждали его.

Как мы упоминали выше, в деле имеется подробная опись «имущества Докан Карамурзиной-младшей», которая значится под литерой Б. Приведем фразу из документа: для младшей Докан были сделаны «все необходимые наряды из серебра и золота для того, чтобы выдать ее замуж сообразно с родопроисхождением». Обратимся к материалам описи. Перед нами, следовательно, условно говоря, «типовое» приданое знатной девушки-кабардинки. Слово «приданое» не совсем точно. Приданого в русском смысле горянки не имели, и вопрос о приданом не возникает ни в одном документе. Но девушка, достигшая брачного возраста, что выражалось фразой «которая уже ходила на танцы», должна была иметь праздничный костюм. Кроме того, заранее заготавливалось большое число изделий, сделанных руками невесты, раздававшихся как подарки родным мужа.

Адыгские девушки знатного происхождения с детства обучались искусству золотого шитья. Отражение этого мы находим и в описи: в нее внесены «работы маленькой Докан разного рода — вышитые серебром и шелком украшения для головной шапочки». Видимо, обязательными в приданом девушки были «наперстки серебряные с чернью и ножницы».

Почти против каждого предмета описи обозначена его оценка. На первом месте в описи значится «шапочка из галуна с серебряной вызолоченной верхуш-

кой — 40 руб». Судя по описанию, это типичная кабардинская *дыщэпы/э* («золотая шапка») знатной и богатой кабардинки.

На втором месте числится предмет, также характерный для кабардинской феодальной среды, — «корсет из красного сафьяна с серебряными вызолоченными бляхами, которых 23 пары — 55 руб». Корсет носили девушки с 10—12 лет. Его снимали в первую брачную ночь и отдавали родственницам мужа. Нам известны всего три корсета, хранящиеся в Государственном музее этнографии народов СССР (Ленинград) и Государственном музее Грузии (Тбилиси). Самый нарядный из них сделан тоже из красного сафьяна (красный цвет считался дворянским цветом), но украшен только серебряным галуном. 23 пары серебряных блях (упоминаемых в описи), вероятно были расположены по обе стороны разреза и прикрывали крючки, за которые цеплялись шнуры завязок.

Под № 3—4 значатся «приборы для нагрудника на двух красных ремнях, серебряный позолоченный (20 руб.), и второй с серебряными цепками и побрякушками из нейзильбера (4 руб.)».

Под № 13 и 14 упоминаются деревянные «сандалы» (*пхъэвакъэ*). Одни «новые обтянутые черным хозом (шагренью. — Е. С.) и украшенные серебром с чернью (40 руб)», а вторые — «украшенные польским серебром» (10 руб.). Надевались «сандалы» при торжественных выходах, на праздник, на танцы. Эта обувь, обязательная для знатной девушки, имелась у Докан, так же как и нагрудники, в двух вариантах — более богатые и более скромные.

№ 5, 6, 7 обозначали рукавчики из черного бархата (20 руб), из черного атласа (4 руб), поношенные и «из красного шелка (8 руб) с серебряными застежками, пуговицами, побрякушками». Видимо, это рукавчики, надевавшиеся поверх длинных рукавов рубахи и видные из-под коротких рукавов платья.

Самой дорогой вещью (63 руб) был «пояс, вышитый серебром, с большими массивными серебряными вызолоченными пряжками, новый».

Попробуем представить облик младшей Докан, собравшейся на танцы. Опись дает полную возможность это сделать.

«Бешмет (распашное платье. — Е. С.) из красного атласа с серебряной отделкой, был надет на «рубашку» из розового тюля или «газовую с блестками», широкие рукава которой ниже локтей были схвачены черными или «красными шелковыми рукавчиками» с серебряными пуговицами и побрякушками. В вырезе груди были видны серебряные «приборы к нагруднику». Тяжелый пояс с серебряными пряжками не мог удержаться на тонкой, затянутой корсетом талии и спускался почти на бедра. Поверх высокой «шапочки из галуна с серебряной верхушкой» была накинута белая шаль («чадра») или какой-либо другой платок из перечисленных в описи. Ведь в свадебный костюм невесты входило девять платков (и платочков), повязывавшихся на талию, руки выше локтя, на пальцы рук, а также накидывавшихся на голову. Запасать эти разнообразные платки начинали с детства. В особо торжественных случаях на ноги, обтянутые сафьяновыми мягкими носочками и туфельками, надевались деревянные ходули, напоминавшие скамеечки (они были обтянуты шагренью и украшены серебряными с черной накладками), или же другие, более простые, украшенные «польским серебром». Было у Докан и пять серебряных перстней («один из них с цепкой и наперстком»), а также два серебряных браслета.

Сумма оценки вещей, перечисленных в описи: «триста девяносто шесть рублей, восемьдесят пять копеек», по тем временам была очень значительной, особенно в сопоставлении с ценами на скот.

Мы попытались представить себе облик маленькой Докан. Она умерла раньше своих родителей. Ни возраст умершей, ни причина смерти нам неизвестны. Думается, что она была уже подростком, судя по ее нарядам. Нам понятно горе матери, ненадолго пережившей дочь.

В документах указывается, что Докан-старшая болела и ездила лечиться в Пятигорск, для чего Батоко занимал 100 руб. у подполковника Калиновича. Имущество даже зажиточного кабардинца обычно заключалось в скоте, а на-

личных денег всегда было недостаточно, особенно если надо было выложить сразу значительную сумму. Видимо этим объясняется заем у Калиновича. Однако лечение не помогло. Докан вернулась и умерла у себя дома. Перед смертью она сделала ряд распоряжений по поводу своего имущества. Как верующая мусульманка, она завещала разделить все «по китабу», т. е. мусульманскому праву и сделать это после того, как доля имения будет роздана нищим и уплачены все ее долги. Докан выделила традиционную сумму (300 руб.), на совершение хаджа за умершего — путешествия в Мекку для поклонения гробу пророка. Не забыла Докан о своих долгах крестьянам (лошадь и др.), а также о выплате 200 руб. аталычке Ходокан.

По кабардинским адатам, замужняя женщина имела свое отдельное от мужа имущество. Оно составлялось из полученного наследства от родителей или умершего мужа, а также свадебных подарков. В состав имущества входили личные вещи, скот, крепостные и рабы.

В списке крестьян, принадлежавших Докан, насчитывается 31 душа: одна семья в 9 душ и две семьи по 8 душ в каждой. В этих семьях «правных крестьян» (т. е. крепостных) женатые сыновья вместе со своими детьми жили нераздельно с родителями, т. е. такие семьи были трехпоколенными. Кроме того, в списке названы две семьи по 3 души и, наконец, унаутка с пятью детьми. Согласно адату, унаutki (рабыни) не имели права на законную семью. Прижитые ею от кого-нибудь (иногда от ее владельца) дети были бесправными рабами и считались собственностью владельца. Последний давал им имена, часто носившие характер кличек. При разделе имения или продаже унаутов такие незаконные семьи, как правило, разбивались. Продажная цена унаутов была выше, чем крепостных. Крепостные, по адату, могли быть проданы только целыми семьями. Правда, в архивах можно видеть много дел, показывающих, что этот обычай нередко нарушался. При разделе имущества, чтобы не дробить семью, ее часто целиком присуждали одному из наследников, а остальные должны были получить с него возмещение деньгами или скотом.

По ходу раздела имения Докан Касаевой-Карамурзиной получилось, что разделу должны были подвергнуться две равные по числу членов крестьянские семьи, так как в обоих случаях один из членов семьи (отец или мать) принадлежали собственно Батоко, а второй — Докан. Решение суда было гуманно — чтобы не дробить семьи, считать их полностью одну за Батоко, другую — за Докан.

Приведенные выше материалы позволяют представить характер отношений в семье Батоко, видимо, дружной. Но мы имеем возможность понять и условия материального быта семьи по описи имущества Докан-старшей, сделанной в 1862 г.

Опись приданого Докан-младшей помогла нам составить не только общее впечатление об одежде кабардинской княжны, но и представить ее внешность. «увидеть» (вообразить), как она выглядела, когда «шла на танцы». Опись имущества Докан-старшей имеет иной характер. Она ярко показывает быт и жилище кабардинской семьи довольно высокого социального статуса и достатка.

Прежде всего интересно отметить, что в этой описи значится много вещей, относящихся к убранству жилища, утвари и др., которыми несомненно, пользовалась вся семья в целом. Обычно такие описи составлялись после смерти взрослых членов семьи для установления опеки над детьми. В данном же случае жив был глава семьи Батоко, а детей не было. Сама Докан-старшая в это время была еще жива. Но в 1862 г. (дата составления описи) ее сын Кази возбудил иск о разделе имения с матерью. Дело это, видимо, слушалось в народном суде Эльбрусского округа 13 декабря 1864 г.

Вернемся к содержанию описи. Первые десять номеров в описи — сундуки разного размера и самого разнообразного типа. Интересно упоминание сундука с двумя ящиками «с костяной под мозаику насечкой». Подобные сундуки выделялись в Крыму и оттуда попадали на Северный Кавказ. Такой сундук, украшенный костяной насечкой, был приобретен ГМЭ в 1971 г. на Северном Кавказе.

Упоминаются сундуки обитые железными полосами, обитые жестью «с блестящими» (великоустюжский «мороз по жести») небольшой сундучок (ларчик), обитый кожей, и др.

В сборнике «Кабардинский фольклор» (М.: Academia, 1936) на с. 533 в разделе «Загадки» значится: «Ящик прямоугольный — владение царков — сундук». В доме Докан мы и видим значительное количество сундуков, характерное для царков, т. е. знатных людей. Так и представляешь себе все эти сундуки, выстроенные в ряд на большой полке задней стены жилой комнаты. На этой же полке могли лежать в дневное время тюфяки, обитые «шелковой материей, полосатым боном, тиком», а также «пять подушек, набитых перьями и шерстью», пять одеял, покрытых шелковыми тканями, два войлока и три ковра. Впрочем, последние могли висеть на стене в комнате или в кунацкой.

На хозяйственных полках сверкали красной медью начищенные, как на выставку, предметы гордости хозяйки: два медных куба, два чайника, два кумгана — один большой для ношения воды, другой маленький (для омовения). Большой медный таз с плоским дном служил для мытья и стирки. Кроме того, значатся два таза и маленький кумган из латуни. Может быть, с этим желтым блестящим, как солнце, кумганом ходила за водой к реке вместе с матерью маленькая Докан. Такой большой набор медной посуды мог быть только в богатом доме и обычно входил в приданое хозяйки. Над огнем очага — камина висел «большой чугунный котел», а около очага лежали небольшие «щипцы для углей» и «лопатка для огня кузнечной работы». В описи она оценена в 1 руб. 50 коп. На стене висели два подноса и три деревянных ковша.

В составе утвари были и предметы «европейского» происхождения — две супницы, две стеклянные чайницы, стеклянные стаканы, фарфоровая чашка и тарелка. Еду подавали на круглом «азиатском» столике на трех ножках — *ани*. Подобные столики, использовавшиеся как блюдо, на которое клали еду, дожили до наших дней. На одной из стен висело небольшое зеркало.

Нож с костяной ручкой, служащий для прибавания утка при тканье галунов или тесьмы, ножницы и утюг с длинной ручкой (его нагревали в огне очага), которым разглаживают швы, говорят о хозяйке как рукодельнице. В маленькой коробочке с накладной серебряной крышкой могли храниться нитки, иголки и другие мелочи, связанные с рукоделием.

Содержатся в этой описи и ценные предметы из костюма хозяйки. На первом месте упоминается «пояс женский красного сукна, вышитый серебром с большими серебряными пряжками с насечкой и чернью (40 руб)». Этот пояс значительно скромнее поясов ее дочери. «Женский нагрудник из красного сафьяна с 23 парами вызолоченных блях (50 руб), 16 серебряных крючков для женских рукавчиков и 13 серебряных вызолоченных штучек для пояса». Среди украшений упоминаются три золотых кольца, «одно из которых усыпано гранатами, другое с алмазом, а третье с бирюзовыми камнями» (12 руб. за все три), а также перстень серебряный с большим стразом и, наконец, два «азиатских серебряных кольца». Кольца европейской работы скорее всего были куплены в Пятигорске, во время лечения. Из одежды упоминается только старая шуба, поношенная, на кушем меху и несколько бумажных головных платков.

Хотя сведений о жилище и усадьбе семьи Карамурзиных в данном деле нет, но материалы других архивов позволяют представить себе обычное жилище кабардинца, даже князя, в этот период как турлунную, т. е. плетеную и обмазанную глиной постройку, с земляным полом и крышей, крытой камышом или соломой. На обширном дворе помещения для скота, сена и др.

Муж Докан Батоко через несколько лет после смерти жены женился вторично на сестре князя Атажукина, представителе самой знатной фамилии Кабарды. Вскоре он «умер от раны», но при каких обстоятельствах он ее получил — неизвестно.

Вообще, если образ Докан-старшей — жены Батоко и ее отношения с мужем мы можем себе представить по документам дела довольно ясно, то сведения о Ба-

токо, вернее единичные факты его жизни, мы получаем только из текста, который формулировал претензии к нему истца — Кази Касаева, сына Докан от первого мужа. Кази относился к Батоко весьма отрицательно и все время старался обвинить его во всяких грехах. Тем не менее перед нами вырисовывается довольно типичный образ адыгского князя Батоко, знатного и богатого кабардинца, щедрого человека, лихого воина. Видимо, он был знатоком и любителем оружия. В деле упоминается дорогая шашка («восемьдесят рублей серебром»), которую подарила мужу любящая Докан. Кази возмущается, что после смерти Докан Батоко оставил шашку у себя.

Батоко был, как всякий богатый кабардинец, крупным владельцем скота, прежде всего лошадей. В тот период скот служил основной денежной единицей при оплате калыма, плате за кровь, выкупе и т. п. Кази Касаев в своих претензиях обвинил Батоко в том, что последний после смерти жены растратил много имущества, принадлежащего, по мнению истца, ему, Кази, как наследнику. Кроме того, Кази утверждал, что Батоко не заплатил полностью калым за Докан. Последнее утверждение подверглось в суде обсуждению с приглашенным эфенди и других свидетелей. Последние утверждали, что ни Батоко, ни Докан никогда не говорили о неуплате калыма. Перед смертью Батоко сказал о неуплате калыма (1400 руб) за вторую жену, сестру Атажукина, но ничего не говорил о долге за первую жену Докан.

Кази обвиняет Батоко, что после смерти жены он роздал в подарки много скота и денег и приводит цифры — 148 лошадей, 50 руб. в подарок своему брату, 30 руб. своему крестьянину. Раздача части имущества умершей предписывалась обычаем и была, как мы уже знаем, желанием самой Докан перед смертью.

Кази ставит в упрек Батоко еще ряд действий, предписанных адатом. По его словам, Батоко купил в жены крестьянину Хаджи Умару, принадлежавшему Докан, женщину у Бекмурзы Атажукина за 200 руб. Но оплата «калыма» за жену для своих крепостных возлагалась на их владельца. Калым этот поступал хозяину крепостной женщины. Таким образом, и здесь Батоко не отошел от народных обычаев.

В заявлении Кази есть и еще одно обвинение Батоко, также тесно связанное с адатом. Кази утверждает, что ему была «не уплачена кровь за крестьянина моего Бекира, преданного, как я подозреваю, (выделено нами.— Е. С.) на убийство Магомет-Амину, Карамурзиным». На чем обосновывается это «подозрение» и почему Магомет-Амин убил Бекира, непонятно. Но видно, что уплата за кровь убитого крепостного шла его владельцу, чего жадный Кази не желал упустить.

Из заявлений Кази следует упомянуть еще о некоторых фактах, имеющих исторический интерес. Кази Касаев сообщает о том, что в молодые годы он имел «общий кош» с Батоко, т. е. они совместно держали свой скот на пастбищах. Общий кош был своеобразной формой производственного объединения родственников или просто товарищей, облегчавшего содержание большого табуна лошадей или стада овец на отгонных пастбищах. Кази упоминает об этом в связи с тем, что Батоко отказался платить совместно с Кази штраф за то, что «мимо коша провели русских пленных». Штраф «за следы» русское начальство взимало в том случае, если следы похищенного скота были обнаружены около селения или коша, а начальству об этом не было доложено. Штраф взимали с жителей селения или коша, хотя бы они и не были причастны к похищению скота, «за недонесение». В данном случае штраф был связан не со скотом, а с «русскими пленными». Это указывает, во-первых, на то, что «молодые годы» Кази Касаева проходили задолго до полного «замирения», когда еще имели место военные действия, или хотя бы стычки горцев с русскими, а во-вторых, интересно в данном случае, что закон об угоне скота применен к русским пленным.

Таким образом, в этом деле мы встречаемся не только с адатом и шариадом, но и с русскими установлениями для горцев.

По словам Кази, «Батоко находился в плену у абадзехов» (одна из групп за-

падных адыгов) и «за выкуп себя из плена отдал 24 лошади и 100 коз». Кази считает, что этот выкуп также был уплачен «из моего (т. е. Кази) имения». Выкуп составлял значительную сумму, но претензии Кази и здесь остаются недоказанными. Обстоятельства того, как Батоко попал в плен к абадзехам, неизвестны.

В результате всех своих подсчетов Кази определяет долю имущества матери, якобы растраченного Батоко после ее смерти, в огромную сумму: «наличных денег 3450 руб., 150 руб., 300 руб (так в деле — Е. С.) и 148 лошадей». Насколько это близко к истине, мы проверить не можем.

Таковы данные дела, позволяющие нам судить о Батоко Карамурзине. С одной стороны, перед нами встает образ горячо любящего мужа и отца, храброго воина, с другой — Кази Касаев обвиняет его как растратчика имения матери, человека, уклоняющегося от уплаты долгов, и даже предателя. Необходимо, однако, напомнить, что эти сведения о Батоко исходят от истца Кази Касаева, его врага.

Из всех действующих лиц нашей грустной истории без характеристики остался сын Докан Касаевой-Карамурзиной от первого брака, прапорщик князь Кази Касаев. В деле упоминается, что он «живет весьма богато». Последнее не помешало ему ревностно следить за жизнью матери и ее мужа, которого в своих заявлениях он старался всячески очернить. При этом в его требованиях и исках всегда проявлялась жадность, материальная заинтересованность и ненависть к Батоко. Это видно из всех документов, проходящих в судах, куда Кази Касаев обращался трижды. Первый иск о разделе с матерью был заявлен в 1862 г., когда и была составлена опись имения Докан Касаевой-Карамурзиной. При этом разделе личные вещи Докан, а также тюфяки, подушки были полностью оставлены Докан. Дело это слушалось 12 декабря 1864 г. Видимо, вскоре Докан умерла, и в 1867 г. Кази Касаев подает в суд иск на раздел имущества умершей матери. К этому периоду относятся все его обвинения в адрес Батоко Карамурзина в растрате имущества, оставшегося у него после смерти жены. Кази обвиняет также Батоко в том, что тот не полностью заплатил за нее калым. Последний вопрос потребовал длительного обсуждения с приглашением свидетелей и эфенди, которые во многом расходились в своих показаниях, и определили недоплату в 900 руб.

Материалы судебного разбирательства всегда дают повод для суждения о правильности или неправильности ведения процесса, о самой системе построения судебных учреждений и т. п. Но это особая тема, и мы ее касаться не будем. Изложим только решение суда.

Имущество Докан Касаевой-Карамурзиной, за исключением ее личных вещей и имущества ее дочери, умершей раньше матери, должно было быть описано и поделено по шарияту на четыре части, из которых три части определялись сыну — Кази Касаеву и одна часть — Батоко Карамурзину. Из этой последней четверти удерживались признанные судом долги Батоко. После этого на долю Батоко осталось 162 руб.

Кази Касаев старался не упустить ни копейки из «следуемых ему» сумм. Когда умерла, еще при жизни родителей, младшая Докан, была составлена опись, которая значится в деле под литерой Б. $\frac{2}{3}$ ее имущества получил отец, $\frac{1}{3}$ — мать. Но после смерти матери и эта $\frac{1}{3}$ вошла в раздел на четыре части, из которых Батоко получил $\frac{1}{4}$, а Кази $\frac{3}{4}$. Таким образом, Кази становится и наследником своей сводной сестры, умершей подростком.

Так, перед нашими глазами прошла повесть о любви и бессердечности, о жестокости и скверности, события которой протекали в сложный и бурный период истории горцев Северо-Западного Кавказа.

Трое из наших действующих лиц — Докан-старшая, ее дочь Докан-младшая и муж Батоко Карамурзин — умерли. Четвертый, Кази Касаев, — истец по делу, впечатление от личности которого остается неблагоприятным. Однако мы должны быть благодарны ему, так как приводимые в его иске данные дали нам материал для наблюдений этнографического и исторического характера.

СОВЕЩАНИЕ СОБИРАТЕЛЕЙ ФОЛЬКЛОРА УКРАИНЫ

Одной из характерных особенностей фольклористической работы в Украинской ССР является то, что наряду с профессиональными собирателями в ней участвует огромный отряд любителей — учителей, врачей, музейных работников. Традиция массового вовлечения в поисковую работу собирателей-непрофессионалов берет свое начало в деятельности Этнографической комиссии Всеукраинской академии наук, развернувшей эту работу еще в 1920-е годы. Фольклорные богатства, собранные благодаря их самоотверженному и бескорыстному труду, составляют значительную часть рукописных материалов, хранящихся в фондах Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР (далее — ИИФЭ) — одного из богатейших архивных собраний произведений устного народного творчества на Украине. Активная работа собирателей в значительной мере обеспечила базу для создания серии «Украинское народное творчество» (вышло 22 тома в 24 книгах). Идея создания этой серии, принадлежащая выдающемуся украинскому поэту академику М. Ф. Рыльскому, в свое время оформилась, утвердилась и получила широкую поддержку на одном из совещаний собирателей.

После длительного перерыва (последнее республиканское совещание состоялось в 1957 г., затем проводились лишь региональные встречи собирателей) традиция созыва таких совещаний вновь возобновлена. 11—12 ноября 1987 г. около 100 собирателей из разных областей Украины, фольклористы Академии наук УССР и вузов, гости из научных учреждений других союзных республик, активисты республиканского Общества охраны памятников истории и культуры, представители различных общественных организаций, издательств, редакций радио и телевидения обсуждали проблемы собирательной работы в республике на совещании, организованном ИИФЭ, Украинским обществом охраны памятников истории и культуры, Украинским республиканским отделением Советского фонда культуры, Республиканским научно-методическим центром народного творчества и культурно-просветительной работы (далее — НМЦ). На совещании было заслушано 17 докладов и сообщений.

Открыл совещание директор ИИФЭ А. Г. Костюк. В условиях перестройки, отметил он, фольклористика призвана решать новые задачи. Происходят существенные изменения в составе собирателей, растет их подготовленность, усиливается интерес к овладению новыми методиками и их практическому применению.

Известный украинский поэт, председатель Украинского отделения Советского фонда культуры, секретарь правления Союза писателей СССР и Союза писателей Украины, член президиума правления Украинского общества охраны памятников истории и культуры Б. И. Олейник (Киев) в своем выступлении подчеркнул, что фольклор — это не просто творчество народа, он выражает и его философию, поэтому изучение фольклора необходимое условие познания народа. Вместе с тем, отметил он, фольклор является и могучим воспитательным фактором, позволяющим противопоставить широту и богатство народной культуры негативным влияниям западного массового искусства. Благородный труд собирателей позволяет сохранить и вернуть народу им же созданные сокровища, обратиться к духовным истокам народной культуры.

Эта же тема была продолжена в выступлении члена президиума правления Украинского общества охраны памятников истории и искусства Д. В. Степовика (Киев). Судьбы народной

культуры требуют пристального внимания, сказал он. В этом плане заслуживает развития опыт ведения комплексных фольклорно-этнографических экспедиций, широко практикуемых в братских социалистических странах. Научное значение их неоспоримо, а материалы могут быть использованы не только исследователями, но и средствами массовой информации, ведь фольклорные произведения — прекрасное средство воспитания чувств патриотизма и интернационализма.

В докладе М. М. П а з я к а (ИИФЭ) «70-летие Великого Октября и достижения и перспективы развития украинской советской фольклористики» отмечался большой вклад украинских фольклористов в разработку фундаментальных проблем науки, в исследование жанровой природы поэтической специфики лирических и обрядовых песен, народной прозы, детского фольклора народного театра, в изучение истории фольклористики; особо подчеркивалась теоретическая практическая значимость издаваемой фольклористами АН УССР серии «Украинское народное творчество».

Проблеме интернационального и национального в фольклоре был посвящен доклад В. А. Ю з е н к о (ИИФЭ), сообщившей, что отделом славянской фольклористики ИИФЭ было проведено более 30 экспедиций с целью собирания и изучения фольклора западных и южных славян, проживающих на территории УССР.

Р. Ф. К и р ч и в (Львовское отделение ИИФЭ) в докладе «Основные аспекты регионального изучения фольклора» остановился на ряде проблем, стоящих перед современными исследователями собирателями фольклора. Он, в частности, отметил чрезвычайную важность и плодотворность плуменного изучения региональных фольклорных традиций, специфики локализации и географии их или иных явлений, как одного из условий более глубокого постижения сущности и характера биенациональной традиции. Задачи эти, по его мнению, тем более насущны, что для настоящего ремени характерно интенсивное нивелирование и стирание фольклорных диалектов. Докладчик празил озабоченность тем, что отдельные явления ушли из живого бытования и вследствие едостаточно активного поиска в области пассивного репертуара безвозвратно потеряны для альклористов. Отмечая важность фиксации и исследования архаических элементов духовной ультуры, Р. Ф. Кирчив подчеркнул необходимость изучения современных творческих процессов, торые порой также выпадают из поля зрения исследователей вследствие давления традиционных редставлений о сущности фольклора и его специфике.

В сообщении М. К. Д м и т р и е н к о (ИИФЭ) «Украинские советские собиратели фольклора» или подведены итоги собирательской работы на Украине за годы Советской власти и высказан ряд редложений, направленных на ее дальнейшее улучшение.

Н. М. Г о р д е й ч у к (ИИФЭ) рассмотрел ряд актуальных вопросов, связанных с функционированием фольклорных форм в творчестве композиторов Украины. О роли фольклорных богатств, их непреходящей ценности для профессионального творчества говорили выступавшие на совещании ественный украинский прозаик и активный собиратель фольклора С. П у ш и к (Ивано-Франковск) и поэты А. Ю щ е н к о и П. Ю х и м о в и ч (оба — из Киева).

Большой отряд фольклористов работает в вузах республики. Ежегодное проведение фольклорной практики позволяет не только обучить методике собирательской работы сотни студентов, но и значительно пополнить знания о фольклорном репертуаре современности. Однако перед фольклористами вузов стоит много сложных проблем, требующих решения. Это и техническое оснащение экспедиций, и их научная подготовка. В ряде случаев решить данные вопросы можно лишь при условии координации усилий фольклористов, работающих в различных научных центрах. Эти проблемы на совещании ставились в сообщениях И. А. Д е н и с ю к а (Львов, ун-т) и Л. Ф. Д у н а е в с к о й (Киев, ун-т). Многочисленные материалы, собранные фольклористами республики, хранятся в рукописных фондах ИИФЭ. Проблемам хранения рукописных материалов и работе, направленной на расширение круга собирателей и пополнение фондов, был посвящен доклад В. К. Б о р и с е н к о (ИИФЭ).

В докладах и выступлениях ряда участников совещания речь шла об издании фольклорных альсий, о необходимости шире и полнее вводить собранные материалы в современный культурный биход через их публикацию; о чрезмерном увлечении переизданием текстов, в то время как южайшие архивные источники остаются недоступными широкому кругу читателей. В связи с этим ревычайно полезным было участие в работе совещания сотрудников ряда республиканских издательств. Директор издательства «Музична Україна» (на протяжении ряда лет активно пропагандирующего фольклор, выпустившего специальную серию, посвященную песням в записях еателей) Н. П. Л и н н и к (Киев) остановился на ряде проблем, которые волнуют и ученых,

и практиков. Он подчеркнул, что решение важных задач, связанных с пропагандой народного творчества и удовлетворением спроса на фольклорные издания, который очень велик в республике, невозможно без активизации собирательской работы и улучшения подготовки кадров, способных комплексно подходить к предмету. Н. П. Линник рассказал о программе издания региональных сборников, отражающих репертуар различных областей Украины.

Ряд докладов и сообщений был посвящен вопросам методики собирания фольклорных произведений различной видовой и жанровой принадлежности. А. А. Правдюк (ИИФЭ) рассмотрел методику записи песенных жанров фольклора, А. В. Курочкин (ИИФЭ) — методику сбора материалов по календарной обрядности. Докладчик разработал специальную программу для собирания сведений о ритуальных масках Г. В. Довженко (ИИФЭ) остановился на проблемах комплексного исследования детского фольклора, подчеркнув необходимость освоения современных подходов к его изучению, основанных на достижениях психологии, этнографии и ряда других наук. А. Ю. Брицына (ИИФЭ) рассказала о ряде специфических особенностей методики записывания народной прозы, обеспечивающих аутентичность фиксации текста.

Опытом фольклористической работы в Латвийской ССР поделилась Б. Межале (Рига, Институт языка и литературы). Она сообщила об экспедиционных исследованиях, проводимых в республике, о характере фольклористической работы в различных регионах, об особенностях хранения и систематизации накопленных материалов, а также о системе публикации текстов, принятой в издании «Латышские народные песни».

Ряд важных моментов, связанных с изучением современного фольклорного процесса, овладением новыми методиками записи, отвечающими нынешнему уровню развития науки, осветила Л. А. Астафьева (Москва, ИМЛИ), подчеркнув необходимость преодоления узкофилологического подхода не только в собирательской, но и в издательской практике.

На совещании выступили многие активные собиратели фольклора, работающие в различных регионах Украины. Среди них М. А. Руденко (с. Слобода Ярышевская Винницкой обл.) и И. И. Гурын (Миргород). Многочисленные записи, осуществленные ими за многие десятилетия, можно найти почти в каждом томе свода украинского фольклора. Делясь опытом с младшим поколением собирателей, они говорили о важности их работы, о возникающих проблемах. «Жизнь коротка, а песня должна быть вечной» — эти слова М. А. Руденко предельно выразительно характеризуют высокие цели собирательской работы.

В сообщении активного собирателя фольклора учителя средней школы Г. В. Демьяна (с. Веречанка, Черновицкой обл.) был затронут ряд важнейших вопросов. В нем, в частности, говорилось о плодотворности формирования творческих групп собирателей, о воспитании новых поколений людей, отдающих собирательству каждую свободную минуту. Г. В. Демьян остановился на вопросах комплексности, отметил важность создания сборников, отражающих фольклорный репертуар одного населенного пункта, и осуществления повторных записей, подчеркнул необходимость фиксации вариантного богатства фольклора. В его выступлении, как и в ряде других, был поднят вопрос о публикации современных записей фольклора.

Опытом собирательской работы на Ровенщине поделился С. И. Шевчук (Ровно, ОНМЦ). Он рассказал о результатах экспедиционной работы последних лет, в частности об исследовании уникального явления — обряда куста, которому посвящен специальный том, подготовленный собирателями области. Говоря о важности проблем, стоящих перед собирателями фольклора, С. И. Шевчук внес предложение о проведении фольклорных конференций по итогам полевых сезонов.

О задачах, стоящих перед собирателями, и опыте работы говорили активные собиратели А. Ф. Якивчук (Черновцы), П. К. Медведик (с. Великий Глыбочок Тернопольская обл.), преподаватель Богуславского педучилища А. И. Остащенко, В. П. Вовкодав (с. Каршиковское, Винницкая обл.) и др.

Совещание собирателей, людей заинтересованных, любящих фольклор, стало настоящим праздником. Атмосфера праздничности была поддержана многочисленными выступлениями фольклорных ансамблей, принявших участие в работе совещания. Перед собирателями выступили ансамбль «Троян» (с. Люхча Сарненского р-на Ровенской обл.) и «Русівчанка» (с. Русов Снятинского р-на Ивано-Франковской обл.), участницы ансамбля «Тимоня» (с. Садовое Нижегородского р-на Крымской обл.), известный украинский кобзарь П. С. Супрун (Киев), прекрасная исполнительница народных песен У. Кот (с. Люхча, Ровенщина), а также фольклорный коллектив Украинской

родного хора им. Г. Г. Вережки под руководством М. Пилипчак и совсем молодой коллектив — молодежный фольклорный ансамбль, организованный в ИИФЭ АН УССР.

По итогам работы совещания была принята резолюция, в которой обобщены высказанные в процессе работы предложения, направленные на совершенствование собирательской работы в республике.

А. Ю. Брицyna

СРЕДНЕАЗИАТСКО-КАВКАЗСКИЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 80-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е. Н. СТУДЕНЕЦКОЙ

С 12 по 14 апреля 1988 г. в Ленинградской части Института этнографии АН СССР проходили очередные Среднеазиатско-кавказские чтения, посвященные 80-летию Е. Н. Студенецкой — известного кавказоведа и общественной деятельницы, работавшей в Государственном музее этнографии народов СССР (ГМЭ) со дня его основания (до этого работала в отделе этнографии Русского музея).

Чтения были организованы сектором этнографии народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа Института этнографии АН СССР (ЛЧ ИЭ) совместно с отделами этнографии народов Средней Азии и этнографии народов Кавказа ГМЭ. Заседания проходили поочередно в этих двух учреждениях.

В чтениях участвовали также представители Эрмитажа, кафедры этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ, Музея истории религии и атеизма (МИРиА) и других учреждений Ленинграда. Прозвучали доклады и выступления специалистов из Москвы (Институт этнографии АН СССР), Ашхабада (Туркменский государственный университет), Алма-Аты (Центральный государственный архив и Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова), Сухуми (Абхазский государственный музей), Цхинвали (Юго-Осетинский НИИ).

Было прочитано 27 докладов, в прениях выступили 13 человек. Доклады посвящались современным межнациональным отношениям в СССР, некоторым проблемам исторической этнографии, обычаям и праздникам у народов Средней Азии и Кавказа, традиционной материальной и духовной культуре, а также музейному и архивному делу.

Открылись чтения вступительным словом директора ГМЭ народов СССР И. В. Дубова. Затем последовал доклад В. П. Ивановой и В. А. Дмитриева (ГМЭ), в котором была сжато характеризована исследовательская, экспедиционно-собираТЕЛЬСкая и музейно-экспозиционная работа Е. Н. Студенецкой — выдающегося этнографа-кавказоведа, в течение многих десятилетий возглавлявшей отделом Кавказа ГМЭ народов СССР.

В необычном по форме докладе «Расследование 120 лет спустя» Е. И. Студенецкая показала пример использования архивных документов в качестве этнографического источника. Она извлекла из судебного дела 1896 г. иск кабардинского князя на наследство, хранящегося в Государственном архиве Краснодарского края, ценные сведения о материальной и духовной культуре, обычаях и абатах середины XIX в. и создала психологические портреты упоминаемых в архивном деле лиц.

Другие зачитанные доклады были посвящены современным проблемам этнографии. В. П. Курылев (ЛЧ ИЭ) в докладе «Некоторые соображения о современных этнических процессах у народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа» отметил, что активизация национальных проблем у народов указанных регионов непосредственным образом связана с происходящей в нашей стране реформой, демократизацией общества и гласностью. Докладчик высказал соображение, что развивающееся в национальных республиках страны двуязычие не должно быть закреплено законодательно. Остановился В. П. Курылев также на соотношении национального и конфессионального в традиционно-бытовой культуре. Структурообразующим компонентам системы межнациональных отношений и одной из крайних форм этих отношений — межнациональному конфликту был посвящен доклад Э. Х. Панеш (ЛЧ ИЭ), которая попыталась выделить ряд первичных и вто-

ричных оппозиционных признаков, составляющих совокупность наиболее показательных психологических линий в межнациональном взаимодействии, указала на наиболее частые их сочетания, определяющие характер межнациональных контактов.

На материале межязыковых отношений узбеков и таджиков в условиях среднеазиатского го рода Р. Р. Рахимов (ЛЧ ИЭ) предпринял попытку проследить источники и тенденции развития билингвизма. Докладчик отметил, что в условиях Самарканда и Бухары необходимо рассматривать несколько этапов узбеко-таджикского двуязычия: до национально-государственного размежевания 1924—1925 гг., после осуществления этого размежевания и в современный период, когда требуется специальное исследование языковой ситуации в этих городах.

Необычным был доклад А. Б. Калышева (Алма-Ата, Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР), в котором на большом статистическом материале (1968—1980 гг.) по Северному Казахстану прослеживается с учетом этнического аспекта динамика разводов. Докладчик делает вывод о высоком проценте разводов в полиэтничных районах этого региона и ежегодном их росте у казахов и татар, отличавшихся в прошлом прочностью супружеских уз.

Несколько докладов были связаны с вопросами исторической этнографии и социальной истории народов Средней Азии и Кавказа. К. Ниязклычев (Туркменский государственный университет) рассказал об этнических процессах среди туркмен-човдуров, происходящих с XI в. по настоящее время как в среднеазиатском регионе, так и за его пределами. А. В. Гадлов (ЛГУ), проанализировав сообщение дербентской хроники XI в. «Тарих-ал-Баб», сделал интересные выводы о причинах выбора Русью христианства в качестве государственной религии. Ю. Ю. Карпов (ЛЧ ИЭ) в докладе рассмотрел исторические корни традиционного института хелосани, характерного для горцев Восточной Грузии, связав его с традиционными мужскими союзами грузин-хевсур. А. М. Бианки (ГМЭ) проанализировал роль отходников мастеров-ювелиров в системе этого традиционного для Кавказа ремесла.

В докладе А. М. Решетова (ЛЧ ИЭ) были рассмотрены предродовые, родовые и постродовые обряды у уйгур, обряды, связанные с первой стрижкой волос и обрезанием. Показана роль семьи в процессе социализации ребенка. Календарной обрядности был посвящен доклад Е. Я. Семенович (ГМЭ). Докладчица на основе полевых материалов дала описание праздника беробана в Месхети, уникальная театрализованная форма которого уходит корнями в древнюю земледельческую календарную обрядность и отражает исторические реалии борьбы грузинского народа с монголами.

В двух докладах рассматривались внутрисемейные традиционные отношения. А. Х. Хадикова (Юго-Осетинский НИИ) рассмотрела традиционный осетинский этикет, который, по ее мнению, характеризовался ориентированностью на большую семью, культом старших и господствующим положением мужчины в семье. Ф. Д. Люшкевич (ЛЧ ИЭ) отметила, что положение женщины у народов Средней Азии является частью большой и сложной проблемы истории семейно-брачных отношений. Системный подход и исторический анализ сложившихся традиций позволяет проследить преемственность их развития от доисламского периода до современности.

В. А. Дмитриев (ГМЭ) посвятил свой доклад способам измерения расстояний у народов Северного Кавказа. В рамках традиционной культуры, по его мнению, можно предполагать существование трех типов пространства: окружающей природной среды, культурно-природной среды и архитектурных сооружений, причем для каждого из них характерны свои способы измерения.

Г. Н. Симakov (ЛЧ ИЭ) рассмотрел функции клубочка в современной соколиной охоте народов Средней Азии и Казахстана, а также религиозно-магические представления, связанные с ним. Он предположил, что использование этого вида инвентаря наряду с практическими целями связано с иррациональными представлениями, а именно с необходимостью оградить охотника от вредоносного взгляда хищной птицы. Семантике формы струнно-смычкового инструмента (*кылкыбыз*) казахов, использовавшегося в шаманском ритуале и при исполнении репертуара героического эпоса, был посвящен доклад Н. Ж. Шахановой (ЛЧ ИЭ). Докладчик предложил трактовать форму *кылкыбыза* как подражание форме кумысной чаши (черпака) — одного из древнейших культовых символов кочевников.

Доклад В. В. Кривницкого (Ленинград, Эрмитаж) был посвящен антропоморфной мелкообъемной металлопластике Северного Кавказа эпохи поздней бронзы и раннего железа. Ю. Ю. Пиотровский (Эрмитаж) на основе анализа археологических изысканий на Кавказе пытается провести аналогии между архитектурой погребальных сооружений и жилыми строениями. А. М. Бианки (ГМЭ) на материалах археологических раскопок 1984 г. кургана в Северной

Адыгее реконструирует обряд погребения как двухэтапный: 1) сооружение сруба на поверхности и захоронение; 2) возведение после разрушения с течением времени надгробного сооружения насыпи с жертвенником и кольцом погребальных костров.

В докладе В. Р. Янборисова (ГМЭ) на материалах полевых исследований было высказано предположение о существовании в прошлом у туркмен культа коня, наиболее ярко зафиксированного в обряде погребения коня и магической практике. Сделана также попытка типологизации амулетов-оберегов, защищавших, по представлениям туркмен, лошадей от сглаза. В сообщении А. В. Коновалова (Ленинград МИРиА) рассматривались различные способы гадания, бытующие доныне у казахов Навоийского района УзССР. На их основе анализировалось общее и особенное магии и шаманства, соотношение традиционных представлений о природе и человеке, проявляющиеся в отношении к гадательным предметам.

Методика этнографического изучения и описания тканей — тема доклада Б. Г. Емельяненко (ГМЭ), сделанном на среднеазиатском материале.

Музейному делу были посвящены доклады Л. И. Смирновой (ЛЧ ИЭ), В. А. Вишневецкой (ЛЧ ИЭ) и Т. Ш. Гицбы (Сухуми, Абхазский государственный музей). Смирнова Л. И. сделала сообщение об одном из экспонатов МАЭ — грузинском музыкальном инструменте (*диплипито*). Он был получен с юбилейной Пушкинской выставки, состоявшейся в Москве в 1899 г. в связи со 100-летием со дня рождения А. С. Пушкина. В. А. Вишневецкая рассказала об условиях работы МАЭ в первые послеволюционные годы, об основных источниках пополнения фондов отдела Средней Азии и Казахстана музея, а также о первых экспедиционных работах в рамках Среднеазиатской этнологической экспедиции 1926—1929 гг. Доклад Т. Ш. Гицбы был посвящен истории создания, работе и формированию фондов Абхазского государственного музея.

М. Ж. Хасагаева (Алма-Ата, Центральный государственный архив) проанализировала некоторые проблемы палеографического исследования письменных источников дореволюционного периода, находящихся в Центральном государственном архиве Казахской ССР.

Прошедшая после прослушивания докладов дискуссия выявила существование ряда нерешенных проблем в сфере национальных отношений в Среднеазиатском и Кавказском регионах.

В заключительном слове В. П. Курылев отметил высокий теоретический уровень заслушанных докладов, их большое практическое значение для развития советской этнографической науки в деле совершенствования межнациональных отношений в нашей стране.

А. В. Курбанов, А. М. Бианки

ФЕСТИВАЛЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ФИЛЬМОВ

С 28 октября по 3 ноября 1987 г. в Пярну проходил Международный фестиваль этнографических фильмов¹. В его работе приняли участие сценаристы, режиссеры, операторы и консультанты этнографических, фольклорных, этномызыкальных и других фильмов, а также кинокритики и журналисты. Фестиваль был организован Комиссией по визуальной антропологии Союза кинематографистов Эстонии и Фольклорной комиссией Союза композиторов СССР².

Этнографические киносъемки велись еще в конце прошлого века. Как особый метод этнографической науки такие съемки получили распространение в послевоенное время. В 70-е годы XX в. уже выходят многочисленные статьи и книги по этнографическим киносъемкам. Тогда же в США начинает выходить журнал «Studies in the Anthropology of Visual Communication», сменившийся в 1981 г. журналом «Studies in Visual Communication». В ежегоднике «International Bibliography of Social Sciences. Anthropology» в 1972 г. (т. XVIII) появляется рубрика «Этнографические кино и фотография», замененная в 1980 г. разделом под более общим названием «Аудиовизуальные материалы и методы». В настоящее время в ряде стран есть специальные учреждения (кафедры, лаборатории, центры и т. д.), занимающиеся этнографическим кино. Существуют также международные организации, в том числе Европейская ассоциация визуальной антропологии и Всемирная ассоциация визуальной антропологии. Проводятся регулярные международные встречи разного уровня, на которых обсуждаются проблемы этнографического кино. До недавнего времени советские этнографы стояли в сто-

роне от этого движения. Лишь в 1987 г. они впервые приняли участие в работе IV Международного симпозиума по проблемам научного этнографического фильма (Будапешт).

И вот первый смотр подобного рода прошел в нашей стране. Советский Союз представил на фестиваль 46 фильмов, зарубежные страны — 17, среди которых были ленты, сделанные специалистами из Бельгии, Дании, Италии, Канады, США, Финляндии, Франции, ФРГ, Швеции, а также Венгрии и ГДР. Общее экранное время составило более 33 часов. Просмотренные материалы были очень разнородны как по содержанию, так и по техническому исполнению. Жюри фестиваля во главе с эстонским писателем и автором этнографических фильмов Лёнартом Мерри решило не вводить никаких предварительных ограничений на допуск лент к просмотру, и, таким образом, участникам фестиваля была дана возможность получить представление о состоянии этнографического кино в нашей стране и сравнить его с положением за рубежом. Сравнение это пока не в нашу пользу.

Главный приз фестиваля был присужден фильму «Зима в ледовом лагере» режиссера А. Баликчи (Канада). Фильм хорош тем, отмечают многие участники встречи, что удачно сочетает достоверность этнографического документа и образность киноповествования. В цветной ленте, безупречно снятой, отражено несколько сцен из быта одной эскимосской группы в зимних условиях: постройка семейных «иглу» из снежных блоков, охота на тюленя, постройка общинного «иглу», раздел добычи и др. Особенно впечатляют сцены охоты, в которых поражает как умение и терпение охотника (один из выступавших сравнил его с роденовским «Мыслителем»), так и проявление тех же качеств оператором. Фильм был снят у эскимосов нетсилек в 1968 г. Автор сообщил, что ленту используют в качестве пособия на уроках антропологии в 5000 школ США и Канады.

А. Баликчи представил и фильм, снятый у эскимосов нетсилек почти через 10 лет. Мы видим их живущими в домах, покупающими продукты в магазинах, пользующихся благами урбанизации (свет, водоснабжение и т. д.), и слышим за кадром их постоянный кашель.

Призом фестиваля отмечена группа фильмов Л. Ломакса (США): «Самая длинная тропка», «Танец в истории человечества», «Там, где родились блюзы». В первых двух лентах, где использованы материалы разных авторов, проводится мысль о связи форм танца с движениями, выполняемыми во время хозяйственных занятий.

Фильмы, представленные геттингенским Институтом научных фильмов, отличались детальностью съемок. Один из них — «Перезахоронение» (А. и Ф. Симон) — повествует о массовом перезахоронении, осуществленном жителями одного поселения батаков.

Призом награжден фильм о хозяйственных занятиях «Обод для колеса» Ж. Д. Лажу (Франция), в котором показан ремонт металлического обода тележного колеса. Лент, специально посвященных какому-то хозяйственному процессу, было на просмотре несколько. Помимо ленты Ж. Д. Лажу запомнились фильмы об изготовлении долбленок у эстонцев и вепсов (А. Петерсон, Тарту), «Ловля пчел» — о пчеловодах (Л. Лехела, ВНР) и др.

Из советских фильмов призами отмечены: «Зима речных людей» (Н. В. Лукина и А. Н. Михалев, Томск), посвященный одной группе хантов; «Времена сновидений» (Е. С. Новик, Москва; А. Сланинш, Рига), рассказывающий о шаманских обрядах; «Пшави» (М. Н. Хуцишвили, Тбилиси) — о семейных праздниках в этом районе Грузии; «Свадьба в Полесье» (З. Я. Мажейко, Минск) и некоторые другие.

Большинство советских фильмов были сделаны такими организациями, как «Центрнаучфильм», «Гостелерадио», республиканскими и областными студиями; менее были представлены любительские студии и научно-исследовательские институты. Институт этнографии АН СССР представил три фильма: «Танцы чукчей-оленьеводов», снятый в 1973 г. (сценарист М. Я. Жорницкая, оператор А. Дудов, режиссер А. В. Оськин, Москва); «Кубинская сигара» и «Пальма», снятые А. В. Оськиным в 1980 г. на Кубе в связи с проводимыми там Институтом этнографии исследованиями. В беседах со зрителями нам пришлось услышать, что академический институт мог бы иметь и более совершенную технику.

На фестивале была представлена группа фильмов из разных стран, посвященных обрядам и женья. Эти ленты давали возможность для сравнительного анализа некоторых обрядовых действий в разных географических и социальных условиях.

Работа Т. Зено «Мертвые» (Бельгия) в строго документальной манере показывает погребальные обычаи и церемонии в разных странах Европы, в Таиланде, Мексике, США, и др.

По ряду теоретических вопросов этнографического кино проводились дискуссии, в ходе которых выявились две основные точки зрения в понимании задач этнографического кино. Сторонники первой — этнографы, фольклористы и другие исследователи — рассматривают кино как средство по

знания, где оператор и режиссер подчиняются задачам, поставленным перед ними исследователем. Сторонники другой точки зрения — представители киноискусства — отстаивали свое право образного отражения народного быта, главным образом духовной культуры. При этом многие высказывали беспокойство о судьбах народной культуры, призывая к ее защите и даже изоляции от профессионального искусства.

Участники встречи в Пярну говорили о необходимости создания у нас в стране координирующего центра, который объединял бы разрозненные пока усилия отдельных энтузиастов в области этнографического кино. Важную роль здесь мог бы сыграть Институт этнографии АН СССР как ведущая организация в этнографических исследованиях. Однако для этого нужны прежде всего современные технические условия, которых пока нет. Даже давно отснятые материалы годами лежат в архиве Института несмонтированными. Оставляет желать лучшего и съемочная техника, заметно отстающая от нынешних стандартов.

В силу специфики кино как средства массовой визуальной коммуникации оно не может ограничиться лишь строго исследовательскими задачами. Этнографические киноматериалы не должны оседать в архивах, откуда их извлекают исследователи по мере надобности. Их необходимо использовать для воспитания у зрителей чувства уважения к культуре других народов и понимания чуждых культур.

Хозяева фестиваля, кинематографисты ЭССР, приложили максимум усилий для создания обстановки, удобной для работы. Участникам фестиваля была предложена интересная культурная программа: экскурсия по Пярну, посещения краеведческого музея, встречи с фольклорными группами, посещение жителей города. Перед началом фестиваля его участники были приняты в городской ратуше председателем горисполкома. Торжественное закрытие фестиваля состоялось в местном драматическом театре, там же демонстрировались и некоторые конкурсные фильмы.

М. Я. Жорницкая, Э. Г. Александренков

Примечания

¹Эта встреча на выпущенном по случаю ее проведения плакате называлась «Фестиваль визуальной антропологии»; на англоязычном плакате название звучало как «Кинофестиваль визуальной антропологии». В подготовительных материалах речь шла о «Таллинском семинаре по этнографическим фильмам» или «Таллинском семинаре по визуальной антропологии». В некоторых постфестивальных документах упоминался «Первый эстонский фестиваль визуальной антропологии» или «I Международный фестиваль-коллоквиум этнографического кино (аудиовизуальной антропологии) в Эстонии».

²Визуальная антропология — это не раздел антропологии (этнографии), а один из способов познания действительности этнографами с помощью кино-, фото-, а сейчас и видеозаписи.

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В 1987 г. Научно-исследовательский институт художественной промышленности РСФСР провел комплексные научные экспедиции в Башкирской АССР, Вологодской и Магаданской областях РСФСР. Задачи экспедиций — изучение народного декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов, их современного состояния; выявление народных мастеров, владеющих традиционными художественными ремеслами; разработка мероприятий по возрождению традиционных видов на-

родного декоративно-прикладного искусства и их развитию на предприятиях народных художественных промыслов.

Научные отчеты, фотоальбомы и зарисовки предметов народного искусства, собранных в процессе подготовки и проведения экспедиций, хранятся в Институте.

Экспедиция в Башкирию проводилась совместно со специалистами Башкирского художественного объединения «Агидель». Состав экспедиции: Г. Л. Дайн (руководитель),

А. Г. Янбухтина (искусствовед), Г. П. Бучкина, Л. С. Лебедева, Е. И. Богданова, С. В. Павлов, Н. И. Храмова (художники).

Работа велась в лесостепных и горно-лесных районах восточного региона республики. В течение месяца было обследовано 17 деревень и сел Ишимбайского, Бурзянского, Белорецкого, Учалинского районов; сделано более 200 зарисовок и фотографий, выявлено 50 мастеров, владеющих традиционными приемами мастерства в изготовлении различных предметов быта. Наиболее характерные образцы национального ткачества и аппликации, резной деревянной утвари, художественные изделия из металла приобретены экспедицией для методического фонда Министерства местной промышленности БАССР.

Восточные районы республики до настоящего времени не утратили локальные особенности традиционной культуры башкир. Прежде всего, это проявляется в организации пространства жилого интерьера. В сельских домах сохраняется привычное убранство: нары (чаще — средние и малые, реже — большие, занимающие переднюю половину избы), сундуки со сложенными горкой паласами, одеялами, подушками (до 30 и более вещей), круглые жерди с развешанными на них платками, платями, полотенцами, а также занавески, отделяющие кухню от жилого помещения и напоминающие тканые *шаршау*. На полу и нарах — паласы, половики, доскутные постилочные коврики, по всему периметру комнаты от потолка вдоль стен — полосы цветастого ситца. Все это создает своеобразный художественный ансамбль в интерьере современного жилища.

Экспедиция зафиксировала интересные образцы мебели: расписные сундуки, пристенные диваны, деревянный шкаф с выпилными узорами и инкрустацией медными вставками (д. Бретяк Бурзянский район), детские люльки, подвешенные на кожаных ремнях к конской кости, прикрепленной к потолку (как отголосок языческих представлений).

Из предметов традиционной деревянной посуды повсеместно продолжают бытовать большие цельнодолбленные блюда для просеивания муки (*селькаузеч*). В деревне Ибраево Ишимбайского района в доме Б. Шарафутдиновой сохранился полный комплект деревянной хозяйственной посуды, встречающийся теперь крайне редко. В Бурзянском районе найдены классические образцы резных кумысных кадок (*тэлэн*), выполненные местными мастерами.

Несмотря на отсутствие материала (кожи)

не утрачена традиция изготовления некоторых предметов убранства коня: сбруи, путы, упряжи (их плетут из лыка и искусственного волокна). Жители хранят также украшенные чеканным узором стремяна с пряжками старой работы и седла, в том числе женские, напоминающие силуэтом птицу.

В быту башкир сохраняется национальная одежда. Пожилые женщины и мужчины, женщины среднего, а иногда и молодого возраста носят платья с оборками, фартуки, тубетейки, ичиги, пластинчатые серебряные браслеты с чернью, платки, повязывая их под подбородком и закрывая плечи. В семьях хранятся фамильные вещи: бархатные камзолы с серебряными подвесками, коралловые нагрудники (*селтер*), украшенные многосоставными подвесками с сердоликовыми вставками.

В деревнях Ахмерово и Конакаево Ишимбайского района зафиксирован пуховязальный промысел. Все женщины заняты там изготовлением шалей, шарфов, кофт, варежек. В деревне Ахуново Учалинского района распространено паласное ковроткачество. Ручные тканые паласы местной работы имеются в каждом доме, обязательно входят в приданое невесты, а также делают на продажу, в основном по заказам. Ахуновские ткачихи ткут также узорные половики из трипичных отходов со ступенчатым ромбовидным орнаментом — наглядный пример художественного переложения на национальный язык заимствованной от русских техники ткачества.

Таким образом, экспедиция подтвердила сохранность у восточных башкир основных видов национального декоративно-прикладного искусства, их жизнеспособность в условиях современности. Собранные экспедицией материалы (вещи, зарисовки, фотографии) переданы в методический фонд объединения «Агидель».

Экспедиция в Вологодскую область проводилась специалистами Института совместно с художниками предприятий местных народных художественных промыслов. Состав экспедиции: Л. В. Федотова (руководитель), Ю. Б. Иванова (искусствовед), Т. В. Горбатова, Е. Н. Клоsep, О. Б. Муравьева, В. Н. Ельфина, А. Н. Рокчеева, А. И. Сквородников, В. А. Рудольф (художники). Экспедиция работала в Великоустюгском, Вологодском, Кирилловском, Сокольском, Тотемском, Харовском и Нюксенском районах, где было обследовано 37 деревень и населенных пунктов. Ею выявлено 130 народных мастеров, владеющих традиционными приемами изготовления художественных изделий.

Во многих вологодских деревнях и сейчас можно встретить браные скатерти и полотенца, отделанные плетеным или вязаным кружевом, домотканые половики; берестяные и лубяные теса; резные, раскрашенные, расписные прялки, «самопряхи» с разнообразными токарными деталями; всевозможные плетеные корзины из лубового прута, драмки, бересты; гончарную и металлическую посуду. Изделия мастеров прошлого хранятся не только как красивые, но и как нужные в быту вещи.

Традиции народного художественного ремесла сегодня развиваются в народных художественных промыслах и самостоятельном творчестве. Наибольшее распространение получили ткачество, вязание лоскутных половиков, кружевоплетение; плетение корзин и других предметов из разнообразных материалов, включая проволоку; архитектурная резьба по дереву.

В Нюксенском районе почти в каждом доме встречаются деревянные ткацкие станки, детали которых иногда украшены элементами резного геометрического орнамента (дер. Пожарище, Устье-Городищенское и др.). Местные жительницы и те, кто приезжает в родные места лишь на лето, используют ручные станки для ткания половиков, рисунки которых состоят из полос или клеток, включенных в полосы ромбов, либо стилизованных цветов с листьями и др. Браные и ремизные ткани (*клетчатина*) современные мастерицы не изготавливают, хотя многие владеют необходимой техникой.

Зафиксированы также интересные образцы мебели и небольших столярных изделий (дер. Пожарище, п. Городишна Нюксенского района, п. Кузино Великоустюгского района).

В некоторых селениях (с. Городишна, п. Дачи под Тотьмой) активное развитие получила архитектурная резьба по дереву (пропильная, объемно-рельефная), не связанная стилистически с традициями резьбы и оформления деревянных домов, еще сохранившимися на территории Вологодской области. Современная резьба отличается высоким техническим исполнением и часто напоминает кружево, вышивку. В ней отсутствуют характерная для Русского Севера строгость и архитектурная логика. По мнению участников экспедиции, современные народные мастера нуждаются в серьезной научно-методической помощи со стороны Домов культуры и других организаций, хотя многое уже сделано. В последние годы заметно поднялся престиж народного мастера — человека, владеющего приемами традиционного художественного ремесла.

Большую роль в этом сыграли проводимые во многих районах фольклорные праздники и выставки (г. Вологда, п. Кадников, п. Нюксеница и др.).

Члены экспедиции обратились в Управление местной промышленности с предложением совместно с Управлением культуры провести в Нюксенском районе смотр-конкурс народных мастеров с целью выявления возможности организации здесь надомного участка одного из предприятий художественных промыслов. Такие участки, призванные поддерживать творческую активность народных мастеров, организованные Управлением местной промышленности Вологодского облисполкома и объединением «Снежинка», есть почти во всех районах области.

На основе собранного материала составлены методические альбомы, в которые вошли более 80 зарисовок и 200 фотографий произведений народного искусства — резьбы и росписи по дереву, плетения, гончарства, кружевоплетения, вышивки, ткачества, художественной обработки металла и др.

Экспедиция в Магаданскую область в составе Н. М. Ведерниковой (руководитель), Г. Л. Дайн (искусствовед), Л. И. Чубаровой и С. Г. Чубарова (художники) провела полевое обследование национальных береговых поселков в Чукотском автономном округе — Новое Чаплино, Сиреники (Провиденский район), пос. Тавайваам (Анадырский район), пос. Уэлькаль (Иультинский район). Кроме того, изучалось народное декоративно-прикладное искусство континентальных (тундровых) чукчей в пос. Амгуэма и на оленеводческом пастбище совхоза «Полярный» Иультинского района.

Традиционные виды деятельности — охота на морского и пушного зверя, оленеводство определяют сохранение в национальной культуре традиционных видов народного прикладного искусства. Это, в первую очередь, относится к национальной одежде, которая в условиях тундры продолжает широко бытовать как традиционный комплекс, включающий плечевую одежду (*керкер*, *кухлянку*), национальные головные уборы и обувь. Сохраняются и традиционные виды декоративных отделок меховой одежды: опушка, меховая мозаика, вышивка бисером. Собраны материалы, характеризующие различные виды традиционной женской и мужской одежды, способы обработки шкур, изучен крой национальной меховой одежды, техники изготовления изделий из меха.

Экспедицией отмечено активное освоение чукчами и эскимосами городской культуры, что сопровождается ослаблением и стиранием черт традиционной культуры. Особенно заметно это в поселках, бытовой уклад которых близок к городскому. В них разрушается традиционный комплекс одежды как единого целого. Вместо керкеров и кухлянок в поселках носят фабричные шубы, пальто, куртки; вместо национальных головных уборов — шапки городского типа. Из национальных видов изделий наиболее устойчиво сохраняется традиционная обувь из шкур нерпы или оленьих камусов. Характерной особенностью изделий, бытующих в поселках, является их повышенная декоративность и разрушение традиционного орнаментального стиля. В декоре тапочек, унтов, в нагрудных украшениях преобладает вышивка бисером, где традиционные мотивы чукотско-эскимосского орнамента часто заменены цветочными узорами, изображениями оленей, моржей и пр.

Все более широко в народное искусство входят сугубо декоративные вещи — орнаментальные меховые ковры, бисерные украшения. Ряд традиционных изделий утрачивает бытовую функцию, превращаясь в сувениры (например, эскимосские мячи).

В настоящее время, помимо домашнего ремесла, утвердились общественные формы про-

изводства национальных изделий. Это совхозные мехопошивочные мастерские, в которых народные мастерицы шьют промысловую одежду, изготавливаемую традиционным способом из оленьих и нерпичьих шкур по традиционному крою. Другой тип производства — предприятия народных художественных промыслов, которые представлены на Чукотке Уэленской костёрезной мастерской «Северные сувениры» им. Вуквола. Художественная обработка моржовой кости, являющаяся одним из традиционных чукотско-эскимосских ремесел, ныне сохраняется и развивается лишь мастерами промысла. Помимо костерезных изделий в Уэленской мастерской изготавливаются изделия из кожи и меха, в художественном оформлении которых используются традиционная вышивка подшейным волосом оленя и меховая мозаика.

Экспедиция выявила свыше 70 мастериц, владеющих традиционными приемами изготовления изделий из меха и кожи, и внесла предложение об организации в поселках Новог. Чаплино, Сиреники, Уэлькаль производственных художественных мастерских.

Н. М. Ведерникова

Г. Л. Дайн, Л. В. Федотов

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ доктора исторических наук АНТСА ОСКАРОВИЧА ВИЙРЕСА (к 70-летию со дня рождения) *

Книги

- Eesti rahvapärane puutoõndus. Ajalooline ülevaade. Tallin, 1960. 336 c. (Эстонское народное деревообделочное ремесло. Исторический обзор; на эст. яз., рус. рез.). То же. Woodworking in Estonia / Translated from Estonian by Levitan J. Jerusalem, Israel Program for Scientific Translations. 1969. XV. 336 p.
- Разделы: «Zur Geschichte der Forschung» (S. 9—20); «Land und Bevölkerung» (S. 21—31); «Handwerk» (S. 105—120); «Verkehr und Transport» (S. 121—132); «Volkskunst» (S. 261—274); «Rückblick» (S. 301—307) // Abriss der estnischen Volkskunde (In Zusammenarbeit mit Fachgenossen herausgegeben von H. Moora und A. Viires). Tallinn, 1964. 308 S.
- Библиография эстонской советской этнографии 1945—1956. Таллин, 1967. 128 с. (составление в соавт. с Линнусом Ю.).
- Puud ja inimesed. Puude osast eesti rahvakultuuris. Tallinn, 1975. 160 с. (Деревья и люди. О месте деревьев в эстонской народной культуре; на эст. яз.).
- Taurahva veovahendid. Baltimaade rahvapäraste põllumajanduslike veokite ajalugu. Tallinn, 1980. 272 с. (Транспортные средства крестьянства. История народных сельскохозяйственных повозок Прибалтики; на эст. яз.).

Статьи

- Верховая езда — старинный способ передвижения // Ежегодник Эстонского народного музея. Новая серия. I (XV). Тарту, 1947. С. 36—80 (на эст. яз., рус. рез.).
- О деятельности Михкеля Вексе в области этнографии // Известия Академии наук Эстонской ССР. Серия общественных наук (далее — Изв. АН ЭССР). 1956. № 4. С. 297—307 (на эст. яз., рус. рез.).
- О терминологии эстонского бондарного ремесла // Emakeele Seltsi Aastaraamat II. 1956. Tallinn, 1956. С. 182—194. (на эст. яз., рус. рез.).
- К истории эстонских саней // Изв. АН ЭССР. 1958. № 1. С. 58—73 (на эст. яз., рус. рез.).
- Значение первых трудов по эстонской лексикографии для истории эстонской народной одежды // Emakeele Seltsi Aastaraamat. IV. 1958. Tallinn, 1959. С. 184—194. (на эст. яз., рус. рез.).
- «Reisen in mehrere russische Gouvernements» X. И. Ю. Шлегеля как этнографический источник // Ежегодник Этнографического музея (далее — ЕЭМ). XVI. Таллин, 1959. С. 249—274 (на эст. яз., рус. рез.).
- Санный транспорт у эстонцев // Вопросы этнической истории народов Прибалтики/Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. I. М., 1959. С. 438—476.
- Об исследовании крестьянских построек в Эстонии // ЕЭМ. XVIII. Тарту, 1960. С. 105—128 (на эст. яз., рус. рез.).
- Эстонская советская этнография (1940—1960) // Сов. этнография. 1960. № 3. С. 145—151.

* В список включены только основные этнографические работы. Не включены языковедческие и научно-популярные статьи, рецензии, небольшие по объему работы, газетные статьи и т. п.

- Материалы по развитию эстонского крестьянского жилища в конце XIX и начале XX веков // ЕЭМ. XVIII. Таллин, 1962. С. 99—123 (на эст. яз., рус. рез.).
- К истории развития эстонской жилой риги // Изв. АН ЭССР. 1962. № 2. С. 162—190 (на эст. яз., рус. рез.).
- Изготовление пивных кружек народными мастерами // ЕЭМ. XIX. Таллин, 1964. С. 143—166 (на эст. яз., рус. рез.).
- Традиционный сельскохозяйственный транспорт народов Прибалтики. (К вопросу об ист.-культ. взаимосвязях) / VII Международный конгресс антроп. и этногр. наук. М., 1964. 9 с.
- В кн.: Народы европейской части СССР. II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1964. В разделе «Эстонцы» подразделы: «Территория и численность населения» (с. 209—212); «Промышленность» (с. 222—227); «Домашняя промышленность и ремесла»; «Средства передвижения и транспорт» (с. 244—252); «Народное декоративное искусство» (с. 288—292); «Просвещение, литература и искусство» (с. 302—309).
- Об объекте и методике этнографического изучения рабочего и городского быта // Изв. АН ЭССР. 1964. № 3. С. 247—255 (на эст. яз., рус. рез.).
- Der Heubogen in Osteuropa // Deutsches Jahrbuch für Volkskunde. Bd. 10. Teil II. B., 1964. S. 280—291.
- Über die ethnographische Forschungsarbeit in Sowjetestland // Finnisch—ugrische Forschungen. XXXV. Helsinki, 1965. S. 334—349.
- Niveläes Itä—Karjalassa ja Pohjois—Venäjällä // Kalevalaseuran Vuosikirja. 47. Helsinki, 1967. S. 227—238. (Коленчатая борона в Карелии и северной России; на фин. яз.).
- Воловья упряжь в Прибалтике // ЕЭМ. XXIII. Таллин, 1968. С. 134—174 (на эст. яз., рус. рез.).
- Über die ethnographische Arbeit in der Estnischen SSR // Deutsches Jahrbuch für Volkskunde. Bd. 14. B., 1968. S. 333—338.
- Über die Rolle des Haus und Wandergewerbes im Leben der Bewohner der estnischen Ostseeinseln // Kolloquium Balticum Ethnographicum 1966/Veröffentlichungen des Institue für deutsche Volkskunde. Bd. 46. B., 1968. S. 193—208.
- Zur Geschichte des Landtransports bei den Ostseefinnen // Congressus Secundus Internationalis Fenno—ugristarum. Pars. II. Acta ethnologica. Helsinki, 1968. S. 383—391.
- Rinderanshirrung im Baltikum // Národostný Věstník Československý III—IV. Brno; Praha, 1969. S. 121—138.
- Харри Альбертович Моора и эстонская этнография // Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn, 1970. С. 28—31.
- Itämerensuomalaisten hevosvaljaiden historiasta // Kalevalaseuran Vuosikirja, 50. Helsinki, 1970. S. 282—309. (Из истории конной упряжи у прибалтийско-финских народов; на фин. яз.).
- Развитие этнографической мысли // Ленинский этап в эстонской исторической науке. Таллин, 1970. С. 231—251 (на эст. яз., рус. рез.).
- Первая попытка улучшить эстонское крестьянское жилище // ЕЭМ. XXV. Таллин, 1971. С. 55—86 (на эст. яз., рус. рез.).
- Über die Herkunft und Verbeitung des Krummholzes im Pferdegeschirr // Studia ethnographica et folkloristica in honorem Béla Gunda (Műveltség és Hagymány. XIII—XIV). Debrecen, 1971. S. 427—449.
- Zur Geschichte der nordeuropäischen Gliederegge // Ethnologia Europaea. V. IV. 1970. Arnheim, 1971. S. 163—168.
- Über die historisch—kulturelle Beziehungen im landwirtschaftlichen Transport der Völker des Ostbaltikums // Tr. VII Международного конгресса антроп. и этногр. наук. Т. 11, М., 1971. С. 456—465.
- Typen des Pferdeanspanns im Baltikum in ihren räumlichen und zeitlichen Verbreitung // Festschrift Mathias Zender. Studien zu Volkskultur, Sprache und Landesgeschichte. Bd. 1. Bonn, 1972. S. 149—163.
- Словноисторические этюды // Emakeele Seltsi Aastaraamat 18, 1972. Tallinn, 1972. С. 125—136 (на эст. яз., рус. рез.).
- Draught Oxen and Horses in the Baltic Countries // Land Transport in Europe (Folkeliys studier, 4). Copenhagen, 1973. P. 428—456.
- В кн.: История Эстонской ССР. Т. III (С марта 1917 года до начала 50-х годов). Таллин. 1974. Разделы: «Быт [в период реставрации капитализма]» (с. 439—456); «Быт населения Советской Эстонии» (с. 695—708).

- Вещицы на эстонской народной одежде // Труды по финноугроведению, 1 / Уч. зап. Тартуского университета. Вып. 344. Тарту, 1975. С. 335—370 (на эст. яз., рус. рез.).
- Futtertrage im Baltikum und in Nordwestrussland // *Ethnologia Europaea*. V. VIII, 2. Göttingen, 1975. S. 115—118.
- Важные волны и лошади в Прибалтике (XII—XIX вв.) // Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М., 1975. С. 11—33.
- The Methods of Studying the Material Culture of European Peoples // *Ethnologia Europaea*. V. IX, 1. Göttingen, 1976. P. 35—42.
- Два малозвестных варианта жилой риги // *Suitsutare*. Tallinn, 1976. С. 124—138 (на эст. яз., рус. рез.).
- Asian Influence in East Baltic Wheeled Vehicles // *Ethnologia Slavica* 7, 1975. Bratislava, 1977. P. 49—63.
- Proposition for the Typological Classification of European Farm Wagons // *Ethnologia Europaea*. V. X, 1. Göttingen, 1978. P. 76—87.
- Wit Baltic Area: Problems of Historico-Ethnographic Mapping // *General Problems of Ethnography. Papers by Soviet Researchers. II / X International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences* (Delhi, India, December 10—21, 1978). М., 1978. P. 93—103 (wit Terentyeva L. N., Shlygina N. V.).
- Выражение этнической специфики в сфере материальной культуры // Методические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978. С. 48—53.
- Вик.: Советская Эстония. Энциклопедический справочник. Таллин, 1979. Разделы: «Народная культура» (с. 227—228); «Изучение эстонской народной культуры» (с. 237—239).
- О. Хейкель и эстонская наука // *Keel ja Kirjandus*. 1980. № 6. С. 356—361 (на эст. яз.).
- Über einige alte Fischfangmethoden auf den Südostestnischen Seen // *Congressus Quintus Internationalis Finno-ugristarum*. Turku 20.—27.VIII.1980. Pars IV. Turku, 1980. S. 55—65.
- Ein Beispiel der Differentiation in der materiellen Kultur der Ostseefinnen: Entwicklung der Transportmittel // *Congressus Quartus Internationalis Fenno-ugristarum*. Pars IV. Budapest, 1981. S. 204—211.
- Parallelen in den traditionellen Transportmitteln zwischen dem Baltikum und den Karpaten— und Balkanländern // *Traditionelle Transportmethoden in Ostmitteleuropa*. Budapest, 1981. S. 33—36.
- Словенские сежи на реке Эмайыги / *Eesti Loodus*. 1982. № 2. С. 103—107 (на эст. яз., рус. рез.).
- Заколах на реках Эстонии // *Ibid*. № 3. С. 177—182 (на эст. яз., рус. рез.).
- Народная культура в сфере интересов Харри Моора // О научной деятельности Харри Моора. Таллин, 1982. С. 18—28.
- Semantic Interpretation of Estonian Folk Art // *Res referunt repertae* (Mémoires de la Société Finno-ougrienne, 183). Helsinki, 1983, P. 409—419.
- Жизнь красок у эстонцев // *Keel ja Kirjandus*. 1983. № 6. С. 290—302 (на эст. яз.).
- Neen kansan kulttuurijärjestelmän nykypäihteitä // *Kotiseutu* (Helsinki). 1984. № 1. С. 11—16 (Характерные современные черты культурной системы маленькой нации; на фин. яз.).
- Рождение музея // *Looming*. 1984. № 4. С. 508—519 (на эст. яз.).
- Принципы типологии европейских крестьянских телег (На основе материала Советской Прибалтики) // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 91—105.
- Поваренные книги и отражение в них истории культуры // *Keel ja Kirjandus*. 1985. № 3. С. 158—166 (на эст. яз.).
- Проблематичное таяние // *Läänemeresoomlastest neenetsiteni*. Tallinn, 1985. С. 131—140 (на эст. яз.).
- Die Wirkung von Industrialisierung und Urbanisation auf das kulturelle Geschehen im estnischen Dorf // *Der Wandel der Dörfer und Städte und die gegenseitige Beeinflussung in der Zeit nach dem ersten Weltkrieg* (Mémoires de la Société Finno-ougrienne, 187). Helsinki, 1985. S. 165—177.
- A Great Change in Estonian Folk Culture // *National Movements in the Baltic Countries during the 19th Century* (Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia, 2). Stockholm, 1985. P. 543—556.
- Общие для народов Прибалтики примитивные средства транспорта // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985. С. 259—269.
- Вик.: Историко-этнографический атлас Прибалтики. Земледелие. Вильнюс, 1985. Составитель карт:

- II — Историко-культурные области (в соавт. с Раповой А. С., Цимерманисом С. Я.); 7 — Рабочий скот (середина XIX в.); авторство совместно с Меркене Р.: Рабочий скот (с. 53—55).
 Discovering Estonian Folk Art at the Beginning of the 20th Century // Journal of Baltic Studies. 1986. N 2. P. 79—97.
 Возникновение фольклоризма в Эстонии // Keel ja Kirjandus. 1986. № 10. С. 595—602 (на эст. яз.).
 О некоторых вопросах древней религии эстонцев // Looming. 1986. № 12. С. 1666—1675.
 Die traditionelle Bauernkultur und die Stadt in Estland im 20. Jahrhundert // Dorf — und Stadtkultur (Mémoires de la Société Finno-ougrienne, 198.). Helsinki, 1987. S. 173—184.
 Die estnische Riegenwohnung im gegenseitigen Wirkungsfeld der Tradition und Innovation // Wandel der Volkskultur in Europa. Bd. 2 (Beiträge zur Volkskultur in Nordwestdeutschland, 60). Münster, 1988. S. 503—514.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ доктора исторических наук НИКОЛАЯ ВЛАДИМИРОВИЧА КОЧЕШКОВА (к 60-летию со дня рождения) *

- Народное искусство Монголии // Нева. 1964. № 7. С. 205—208, илл.
 Живопись народной Монголии // Творчество. 1964. № 12. С. 17—18, илл.
 Новые произведения монгольских живописцев // Современная Монголия. 1964. № 12. С. 12—15, илл.
 Монгольский народный орнамент // Там же. 1965. № 3. С. 20—21.
 Искусство, рожденное в юрте // Там же. 1966. № 10. С. 18—20, илл.
 Коллекция по этнографии и народному искусству монголов в собрании У. Ядамсүрэнэ (МНР) // Советская этнография (далее — СЭ). 1966. № 4. С. 140—150, илл.
 Монгольская орнаментика и ее характерные особенности // Докл. по этнографии Геогр. об-ва СССР. Л., 1966. Вып. 4. С. 95—108.
 Мастерство монгольских резчиков // Нева. 1966. № 10. С. 206—207, илл.
 От Улан-Батора до Худжирта: из дневника этнографа // Нева, 1966. № 2. С. 132—135, илл.
 Современное монгольское народное искусство и его художественные традиции. Автореф. дис... канд. искусствоведения. Л., 1966. 25 с.
 Новые материалы по этнографии и народному искусству монголов МНР // Докл. отделений и комиссий Геогр. об-ва СССР. Л., 1968. Вып. 5. С. 50—54.
 Художественная обработка металла у монголов // Материалы по истории и филологии Центральной Азии / Тр. Бурятского комплексного научно-исследовательского ин-та. Улан-Удэ, 1968. Вып. 3. С. 159—192, илл.
 Искусство резьбы по дереву в современной Монголии // СЭ. 1969. № 2. С. 103—111, илл.
 Искусство, рожденное в юрте // Дальний Восток. 1969. № 4. С. 123—129, илл.
 К проблеме национального своеобразия народного искусства кочевых народов (На примере монголов XVII—XX вв.) // Проблемы истории Дальнего Востока. Владивосток, 1969. С. 172—188.
 Графика народной Монголии // Нева. 1970. № 3. С. 204—207, илл.
 Искусство древнее и вечно молодое // Байкал. 1970. № 4. С. 108—116, илл.
 Монгольская национальная живопись стиля «монгол дзураг» и ее характерные особенности // Науч.-метод. зап. Дальневосточного пединститута искусств. Владивосток, 1970. Вып. 2. С. 116—124, илл.
 Встречи с искусством Монголии: Записки искусствоведа-этнографа. Владивосток, 1971. 110 с. + 54 л. илл.
 К вопросу о культурных связях монголов и народов Сибири по данным их орнаментики // История, социология и филология Дальнего Востока / Тр. Дальневосточного науч. центра АН СССР (далее — Тр. ДВНЦ). Серия историческая. Т. 8. Владивосток, 1971. С. 168—170.
 Скульптура народной Монголии // Нева. 1971. № 7. С. 119—121, илл.

* В список не вошли работы, опубликованные на иностранных языках и на языках народов СССР, рецензии и информационные заметки. Не названы также книги, вышедшие под редакцией Н. В. Кочешкова.

- Графическое искусство Монголии // Искусство. 1971. № 7. С. 49—56, илл.
- Рыбба и роспись по дереву у монголов // Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1974. С. 241—251, илл.
- Современная монгольская скульптура // Искусство. 1974. № 11. С. 56—61, илл.
- Мастера монгольской графики // Монголия. 1975. № 11. С. 15—17, илл.
- К проблеме культурных контактов монголоязычных народов с народами Амура (На примере декоративного искусства XIX в.) // Тез. докл. на сессии, посвященной итогам полевых этнограф. и антрополог. исследований в 1974—1975 годах. Душанбе, 1976. С. 288—289.
- Народные истоки профессионального искусства монголов // Материалы и исследования по Монголии / Тр. Бурятск. ин-та обществ. наук БФ СО АН СССР. Г. 23. Улан-Удэ, 1974. С. 144—169, илл.
- Проблемы этнографии и филологии народов Монголии и Тибета в трудах Г. Ц. Цыбикова // К столетию со дня рождения проф. Г. Ц. Цыбикова. Материалы научной конференции и статьи. Улан-Удэ, 1976. С. 86—93, илл.
- История и культура народов Дальнего Востока. Историко-этнографические очерки (проспект). Владивосток, 1977. 134 с. (в соавт. с Семом Ю. А., Власенко Е. Н., Гаер Е. А., Демидовой Е. Г., Карабановой С. Ф.)
- Декоративное искусство агинских бурят (по материалам этнографической экспедиции 1973 года) // СЭ. 1978. № 4. С. 107—118, илл.
- Декоративное искусство монголоязычных народов XIII — середины XX вв. как исторический источник // Культура народов Дальнего Востока СССР (XIX—XX вв.) Владивосток, 1978. С. 43—51.
- Декоративное искусство монголоязычных народов XIX — середины XX века. М., 1979. 203 с., илл.
- Этнические традиции в декоративном искусстве монголоязычных народов МНР и СССР. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1980. 48 с.
- Графика социалистической Монголии // Искусство. 1981. № 7. С. 56—61, илл.
- Декоративное искусство малых народов советского Дальнего Востока: Традиции и проблемы развития // Опыт некапиталистического пути развития малых народов Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981. С. 89—97.
- Историография декоративного искусства малых народностей Дальнего Востока СССР (XIX в. — 70-е годы XX в.) // Этнография и фольклор народов Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981. С. 80—92.
- Проблемы декоративного искусства малых народов советского Дальнего Востока в зарубежной историографии. Владивосток, 1981. 16 с. (препринт).
- Проблемы историко-культурных связей монголоязычных народов на примере декоративного искусства XIX — середины XX в. // Всесоюз. конф. «Этнокультурные процессы в современном мире». Краткие тез. докл. и сообщ. Элиста, 1981. С. 105—106.
- Искусство, рожденное в юрте: Об этнических традициях в народном декоративном искусстве казахов // Простор. 1983. № 10. С. 204—206.
- Монголы и народы Средней Азии и Сибири: Проблемы историко-культурных связей (на примере декоративного искусства XIX — начала XX в.). Новосибирск, 1983. 8 с. (препринт).
- Проблемы этнических традиций в декоративном искусстве малых народов советского Дальнего Востока // Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, 1983. С. 3—17.
- Шахматы у монголоязычных народов XIX—XX веков // СЭ. 1972. № 1. С. 132—138, илл.
- К проблеме национального своеобразия народного искусства Монголии // Второй Международный конгресс монголоведов. Сб. научных трудов. Т. 1. Улан-Батор, 1972. С. 230—236.
- Искусство малых народностей Дальнего Востока и проблемы его изучения // Реф. докладов и сообщений Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток, 1973. Вып. 1. С. 38—44.
- Зарубежные исследователи о проблемах народного искусства монголов // Там же. С. 125—132.
- Вклад Г. Ц. Цыбикова в этнографию и филологию народов Монголии и Тибета // Там же. С. 147—156.
- Головные уборы монголов XIX — начала XX вв. (по материалам музеев МНР и частного собрания У. Ядамсүрэнэ) // СЭ. 1973. № 3. С. 134—142, илл.

- Монгольская национальная живопись и ее традиции // Искусство. 1973. № 12. С. 48—53, илл.
- Монгольские художественные изделия из мягких материалов (кожа, войлок, ткани) // Материалы по истории Дальнего Востока. История, археология, этнография, филология / Тр. ДВНЦ. Т. 9. Владивосток, 1973. С. 218—247, илл.
- Народное искусство монголов // Культура народов Востока. Материалы и исследования. М., 1973. 200 с., илл.
- Орнамент монголоязычных народов как исторический источник (В порядке постановки проблемы) // Этнографические вести Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1973. Вып. 3. С. 3—24, илл.
- Большое искусство малых народов // Нева. 1984. № 3. С. 173—176, илл.
- Современная монгольская графика и ее мастера // Дальний Восток. 1984. № 11. С. 143—145.
- К вопросу о культурно-исторических связях монголоязычных народов с тюркоязычными народами Сибири (на материале народного декоративного искусства XIX — середины XX в.) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 35—38.
- К вопросу о культурно-исторических связях монголов, бурят и калмыков с народами Средней Азии и Казахстана (на материале народного декоративного искусства XIX — начала XX в.) // Всесоюз. сессия по итогам полевых этнограф. и антрополог. исследований в 1982—1983 годах. Тез. докл. Ч. 2. Черновцы, 1984. С. 385—386.
- Проблемы историко-культурных связей монголоязычных народов (на примере народного декоративного искусства XIX — середины XX в.) // Этнические традиции и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1984. С. 164—175.
- Подголовники у монголоязычных народов в XIX — начале XX века // Культура народов Дальнего Востока. Традиции и современность. Владивосток, 1984. С. 88—100, илл.
- Развитие народного искусства агинских бурят в условиях иноэтнического окружения // Проблемы взаимодействия национальных культур в СССР и современные народные художественные промыслы. Сб. науч. трудов. М., 1984. С. 164—175.
- Проблемы сохранения и развития этнических традиций в современном декоративном искусстве малых народов советского Дальнего Востока // Арсеньевские чтения 7—8 апреля 1984 г. Тез. докл. и сообщ. Хабаровск, 1984. С. 86—89.
- Тюрко-монголы и тунгус-маньчжуры: Проблемы историко-культурных связей (на примере народного декоративного искусства XIX — начала XX в.) // Археология и этнография народов Дальнего Востока. Сб. науч. трудов. Владивосток, 1984. С. 12—30, илл.
- Этнические традиции в современном декоративном искусстве монголоязычных народов МНР и СССР // Тез. докл. науч.-практич. многосторонней конф. «Музей и этнографические проблемы современности». Секция 3. Л., 1984. С. 7—9.
- В кн.: Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX веках. Историко-этнографические очерки. М., 1985. Разделы: «Русские и советские ученые о народностях Дальнего Востока и некоторые проблемы историко-этнографического исследования региона» (с. 17—39, в соавт. с Вдовиным И. С., Ивашенко Л. Я.); «Хозяйство и материальная культура народов Дальнего Востока» (с. 92—108, в соавт. с Вдовиным И. С.); «Искусство народностей Дальнего Востока» (с. 198—204, в соавт. с Жорницкой М. Я., Соломоновой Н. А.); «Народное декоративное искусство» (с. 128—133).
- Декоративное и прикладное искусство монголоязычных народов МНР и СССР. Итоги и перспективы исследований // Вопросы изучения народов Дальнего Востока СССР в отечественной и зарубежной литературе. Хабаровск, 1985. С. 77—92.
- О понятии «самобытность» в народном декоративном искусстве коренного населения советского Дальнего Востока // XV Дальневосточная науч. конф. «XXVII съезд КПСС и проблемы развития Дальнего Востока СССР и зарубежных государств Азии». Тез. докл. и сообщ. Владивосток, 1986. Вып. 5. С. 3—6.
- Декоративное искусство народов Крайнего Северо-Востока СССР и его этнические традиции / Национальные традиции в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, 1987. С. 5—12, илл.
- Проблемы искусства народов Сибири и Дальнего Востока в трудах С. В. Иванова // Там же. С. 129—134.
- В кн.: История и культура чукчей: Историко-этнографические очерки. Л., 1987. Разделы: «Введение» (с. 3—8); «Народное декоративно-прикладное искусство» (с. 240—251).

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы / Отв. ред. О. А. Ганцкая, М. С. Кашуба, С. А. Токарев. М., 1987. 195 с.

В последнее время становится все более заметным привлечение социологических методов этнографическому изучению соционормативной культуры, и прежде всего семьи и семейного быта. Однако оно намного больше затронуло эту область жизни народов СССР, нежели зарубежных стран. Тем важнее появление рецензируемой книги — первого в советской этнографии коллективного труда о зарубежной семье.

Книга состоит из четырех разделов, в которых рассматривается семья у четырех народов Восточной и Юго-Восточной Европы — болгар, поляков, румын и сербов, и предпосланных им двух более общих разделов — теоретического и историографического. Эти общие разделы выходят далеко за рамки этнографической фамилиологии народов европейских стран социалистического государства и тем самым представляют особый интерес.

Теоретический раздел (автор О. А. Ганцкая) посвящен общим понятиям и принципам типологизации семьи. В журнальном варианте¹ он уже публиковался раньше и привлек к себе заметное внимание специалистов. Здесь прежде всего предпринят опыт рассмотрения семьи в качестве социальной системы или подсистемы, основой для чего послужили, как указывает сам автор, «исследования общей теории систем, системного анализа и системного подхода наряду с этнографическими, социологическими, демографическими и другими работами, посвященными именно проблемам семьи» (с. 5). Будучи такой системой, семья обладает характерной для нее структурой разных типологических вариантов и специфических функций. Как известно, понятие «структура семьи» в современной литературе не однозначно. Этнографы и демографы обычно включают сюда состав семьи (численный, поколенный, родственный, иногда также национальный и социальный), социологи — характер связей между членами семьи, т. е. внутрисемейные отношения². Автор, на мой взгляд, совершенно правильно синтезировал оба подхода, более обосновал такой синтез, так как он предпринимался и раньше. Подобного рода синтез обеспечивает не только большую полноту, но и большую глубину исследования объекта. Ведь такие показатели, как, скажем, поколенный или родственный состав семьи, сопрягаются с такими характерными для нее связями, как взаимоотношения между поколениями, категориями родственников и т. д.

Предложенное понимание структуры семьи важно еще и потому, что оно имеет большое значение для практических целей классификации и типологизации различных видов этой общности. Под классификацией автор имеет в виду построение систематики по какому-нибудь одному, а под типологизацией (вслед за Г. Л. Тульчинским и В. А. Светловым) — по набору существенных признаков, вскрывающих суть того или иного явления. Соответственно этому в виде примеров предлагаются следующие классификации: по признаку стабильности или исключительности — парная, моногамная и полигамная семья, по признаку числа брачных союзов — простая и сложная семья, по признаку внутренних взаимоотношений — авторитарная и эгалитарная семья и т. д. Примеры типологизации: авторитарная простая национально-однородная социально-смешанная семья с главенством мужа, эгалитарная простая национально- и социально-смешанная семья и т. п. Однако автор не только характеризует этот, несомненно, продуктивный подход, но и, пользуясь им, показывает логические основания наиболее распространенных в советской (а отчасти и зарубежной) этнографии и социологии эмпирически возникших систематик. Наиболее распространенные из них коротко рассматриваются. Это имеет уже операциональное значение как для последующих разделов рецензируемой книги, так и, шире, для нашей этнографической фамилиологии. Жаль только, что при этом вне поля зрения остались некоторые из недавно предложенных новых систематик, например различие С. И. Голодом «супружеских», «детоцентристских», «модернизированно-патриархальных» и тому подобных семей³.

В любом своем типологическом варианте семья выполняет определенные, неодинаково значимые для разных исторических эпох функции, и автор рассматривает основные функции современной

семьи. Их он выделяет пять. Это производство человека (включающее в себя биологическое производство и социализацию с инкультурацией), сексуально-эмоциональная сфера, экономическая жизнь (с входящей в нее производственной и потребительско-организационной деятельностью), экспрессивно-рекреационная область и воспроизводство этноса, т. е. «формирование национального самосознания детей в семье» (с. 12). Из них первые четыре, так или иначе выделяемые и другими исследователями, не вызывают сомнений, с пятой же дело обстоит иначе. На мой взгляд, эта функция представляет собой один из аспектов социализации, а если различать социализацию и инкультурацию¹, то именно инкультурацию. Выделять в особую функцию формирование у детей в семье национального самосознания — приблизительно то же, что выделять в качестве таких функций формирование самосознания классового, а применительно к прошлому — классового, сословного и т. п. Конечно, можно понять этнографа, уделяющего особое внимание предмету этнографических исследований, но в теоретическом плане это внимание едва ли следует доводить до такой ситуации, к которой применим известный афоризм Козьмы Пруткина «специалист флюсу подобен». Ведь если этнографы включают в число основных своих функций современной семьи воспроизводство национального самосознания, то философы включают сюда на тех же таксономических правах воспроизводство нравственного сознания, медики — воспроизводство наследственных болезней, и так дело может пойти достаточно далеко. Однако это представляющаяся ненужной инновация — единственная маленькая неудача в серьезном, теоретически и методически значимом разделе О. А. Ганцкой.

Следующий раздел — краткий историографический обзор исследований семьи в зарубежной социологической и этнографической литературе (автор С. А. Токарев). Как и в других своих работах, С. А. Токарев впечатляет широкой эрудицией и умением упорядочить огромный разнородный материал. Раздел имеет также и теоретическое значение. Автор задается вопросом, почему последнее время оживился интерес к семье (только за 1900—1960-е годы на Западе опубликовано 12 тыс. посвященных ей книг и статей), и соглашается с теми авторами, которые связывают это с одной стороны, с ломкой более широких социальных структур, с другой — с начавшимся падением рождаемости и тревогой за будущее самой семьи. Далее рассматриваются существующие точки зрения на степень изменчивости семьи в процессе социальных изменений и покачивается несостоятельность антиисторического подхода к ней как к некой биологической константе. В подразделе о семье и браке систематизируются различные взгляды на соотношение этих двух институтов и сопоставляются сильные и слабые стороны имеющихся концепций. Наконец в подразделе о типах семьи, сюжеты которого отчасти перекликаются с сюжетами предыдущего раздела О. А. Ганцкой, центральное место занимают вопросы об историческом соотношении большой и малой семьи, а также о будущем этой ячейки общества. Изложение их объективно историографическое, но местами, если не в тексте, то в подтексте, проскальзывает известный и в других работах С. А. Токарева (а также по его устным выступлениям) живой интерес к возможностям возвращения к каким-то формам большесемейных связей. «Оживление научного интереса к большой семье вызвано, быть может, общественными мотивами, подобно тому как это было прежде с изучением малой (нуклеарной) семьи: когда последняя стала все яснее обнаруживать признаки слабости и неустойчивости, научная мысль невольно обратилась к той форме семьи, которая прежде казалась оплотом общественной прочности и долговечности» (с. 27). Все это перекликается с усилением внимания к будущему семьи, так заметным в последнее время в нашей социологической литературе и публицистике (Ю. Рюриков о «биархате», Л. Жуховицкий о «традиционных и «нетрадиционных» формах семьи и т. д.), но едва ли может рассматриваться как поиск реальных альтернатив, учитывающей объективные социально-экономические, культурные, психологические и иные процессы нуклеаризации семьи, а отчасти, видимо, и дефамилиализации, характерные для индустриальных урбанизированных обществ.

Разделы о семье у четырех народов европейского социалистического содружества, как и отмечено во введении к книге, ни в своих названиях, ни в структуре, ни соответственно значительной мере в содержании не следуют строго определенному плану. Основные темы разработанные в разделе о сербах (авторы Ю. В. Бромлей и М. С. Кашуба), — семья и общесербская этнодемографическая и социально-экономическая характеристика основного массива сербского населения, вступление в брак и рождаемость, типы и структура семьи, внутрисемейное разделение труда; в разделе о болгарях (автор Л. В. Маркова) — социально-экономические, демографические и этнокультурные изменения при социализме, современные проблемы семьи и их изучение; семья в прошлом, понятие семьи и ее состава, внутрисемейные отношения и функции семьи в разделе о румынах (автор Э. А. Рикман) — семья, общество и государство, историография заключения и расторжения брака, состав семьи, внутрисемейные отношения и родственные связи; в разделе о поляках (автор О. А. Ганцкая) — основы образования семьи, ее структура и тип ее функции, ее родственные связи и родственная взаимопомощь. Вместе с тем авторский коллектив стремился получить сопоставимые материалы по основным параметрам изучения семьи, таким как ее типы, структура и функции. За пределами этих параметров, таким образом, остались лишь некоторые крупные вопросы, главным образом формирование семьи и ее место в социальной среде, однако и они рассмотрены если не у всех, то у той или другой части изученных народов.

Результаты сопоставления подытожены в кратком, но содержательном заключении к книге (автор О. А. Ганцкая). Сходные социально-экономические процессы, протекавшие и протекающие у всех четырех изученных народов, обусловили сходные тенденции в развитии семьи и близость основных характеристик. Если еще в конце XIX — начале XX в. типы семей у этих народов заметно различались по степени своего распространения, то теперь у всех приблизительно одинаково преобладает нуклеарная семья. Лишь какое-то время из-за материальных соображений

же, по традиции молодожены продолжают жить с родителями, причем теперь как патрилокально, так и (хотя и реже) матрилокально. Это обстоятельство помимо, разумеется, собственного всем современным развитым обществам противоречия между профессиональными и семейными ролями женщины — одна из причин падения рождаемости, преимущественного распространения семей с одним-двумя детьми, снижения среднего размера семей.

Интересны выводы, касающиеся современных внутрисемейных отношений. При общей далеко идущей демократизации семьи, обусловленной теми же причинами, что и в других развитых странах, все же наблюдается сохранение некоторых этических черт, «традиционно подчеркивающих уважение женщины к мужчине» (с. 194). Только ли в традициях, т. е. в данном случае в остаточных явлениях патриархального быта, здесь дело? Мне уже приходилось развивать аргументацию против футурологических прогнозов грядущего матриархата². Теперь я задаюсь вопросами: биологические и в какой-то мере обусловленные ими социальные аспекты полового морфизма, статистически большая экономическая и общественная активность мужчин, проекция семейный быт их опять-таки статистически преобладающих общественных статусов — при всех этих обстоятельствах может ли когда-нибудь стать *общей нормой* не только матриархат, но и патриархат? И могут ли коренным образом измениться семейные традиции уважения женщины к мужчине? Думается, что едва ли. Не исключено, что в общественном быту по-прежнему будут использоваться этикетизированные знаки внимания женщины, а в более интимной сфере семейного быта этот специфический «кавалерский» этикет останется менее заметным, чем так или иначе подчеркиваемое признание роли мужа и отца семейства.

Автор заключения обращает внимание и на различия в современном семейном быту изученных народов. Так, у сербов, особенно в селах, чаще наблюдается отрицательное отношение к исполнению мужчинами «непрестижных» женских работ. Внимательное сопоставление данных о разных изученных народах позволило бы сделать и некоторые другие выводы этнодифференцирующего свойства. Однако не может не давать себя знать и то, что предпринятое этнографическое и этносоциологическое изучение не велось по единой программе, рассчитанной на прямые сопоставления, и что далеко не ко всем сторонам семейного быта этих народов применялись идентичные методы. Да и там, где авторы четырех разделов о народах обращаются с одним тем же сюжетом, они делают это по-разному. Скажем, в разделе о румынах скупо упоминается, что семья имеет сексуальную функцию, в разделе о болгарях привлекается внимание лишь к семьям матерей-одиночек и в связи с этим к общественному мнению о таких матерях и лишь в разделе о поляках содержатся несколько более подробные сведения о внебрачной половой жизни. Вообще в этом отношении книга оставляет впечатление, что сексуальная жизнь изучаемых народов, как и в предшествующие десятилетия, если не целиком, то в основном табуирована для публики. Не настало ли время покончить с таким положением, когда только один И. С. Кон вел борьбу с твердо сложившимся у отечественных издательств убеждением, что человечество знает лишь приличной с их точки зрения деятельностью, а размножается почкованием? Можно было бы подметить и другие традиционные лакуны, обедняющие выявление этнографической специфики и ее сопоставление. Например, на то, что, как правило, обходится молчанием влияние традиционной религии и духовенства на особенности семейного быта и только опять-таки применительно к полякам очень коротко сообщается о победе контрацептивной революции над соответствующими предписаниями католицизма.

Однако говорить о том, чего не сделано, а не о том, что сделано, — далеко не лучший метод оценки. Сделано же авторским коллективом немало. Рецензируемая книга не только много дает этнографическом и историографическом отношении. Она свидетельствует о заметном шаге в внимательном изучении советскими этнографами семьи у народов зарубежных стран, в данном случае стран европейского социалистического содружества. Отвлекаясь от частных деталей, ее нельзя не признать несомненной удачей авторов. Остается пожелать, чтобы подобные же исследования были распространены на народы других зарубежных стран и материков.

Примечания.

А. И. Першиц

¹ Ганцкая О. А. Семья: структура, функции, типы // Сов. этнография. 1984. № 6.

² См. Янкова З. А. Городская семья. М., 1979. С. 23—24.

³ Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л., 1984.

⁴ Подробнее о соотношении этих понятий см.: Mead M. Socialisation and Inculturation // *Current Anthropology*. 1963. V. 4. № 12. P. 184 f.

⁵ Першиц А. И. Матриархат: иллюзии и реальность // Вестн. АН СССР. 1986. № 2.

Древняя одежда всегда вызывала пылкий интерес не только узких специалистов, но и представителей ряда других областей знаний. Этот интерес объясняется прежде всего многообразием (непосредственными и опосредованными) взаимосвязями и той ролью, которую она играет в системе культуры. Эволюция одежды отражала пути развития культурных традиций, народной этики и морали, этнических обычаев и социальной психологии. Параллельное и одновременное рассмотрение одежды различных народов на протяжении значительного промежутка времени позволяет не только более полно выявить многообразие этнических культур, но и проследить исторические закономерности в общем контексте человеческой цивилизации.

В сравнительно немногочисленных публикациях по древней одежде последняя рассматривалась чаще всего в ограниченных стадийных и этнотерриториальных рамках, причем предметное содержание этих работ в силу разных подходов и структурной неоднородности слабо соотносилось друг с другом. Рассматриваемая монография — первый опыт обобщающего историко-этнографического исследования традиционной одежды народов Восточной Европы с древнейших времен до XIX в. В ней предпринята попытка «сплошного» комплексного исследования одежды с использованием всех видов источников. Опубликованная книга по сути дела продолжает серию подобных работ по материальной культуре, начало которой было положено выходом в свет «Древнего жилища народов Восточной Европы» (М., 1975).

Широкие временные и этногеографические параметры, масштабность и многоплановость исследования требовали солидной источниковедческой базы. В работе использованы многочисленные и разнообразие по типологии и предметному содержанию источники: археологические, нарративные, литературные, этнографические, изобразительные и др.; многие из них уникальны и требовали от исследователя специального прочтения и интерпретации. Степень значимости каждого из этих видов источников и их взаимное соотношение неодинаковы и заметно меняются в зависимости от рассматриваемого исторического периода и этнической принадлежности вещей. Это обстоятельство не могло не отразиться на внутренней структуре и содержании отдельных глав. Текстовое содержание построено по единому плану и включает системное рассмотрение историографии и источников, материалов, компонентов (частей) мужской и женской одежды, характеристику верхней одежды, головных уборов, обуви, орнамента и способов украшения, реконструкцию социально значимых комплексов. Единая структура открывает широкие возможности для сопоставлений и сравнительно-типологического анализа, что дает исключительно ценный фактический материал для историко-этнографических атласов. В работе проводятся сравнительно-исторические параллели, выявлены общие и локальные черты в одежде многих народов, что позволяет сделать аргументированные выводы о генетических истоках ряда общеевропейских культурных явлений. Вместе с тем единая типологическая структура во всех главах до конца не выдерживается в силу неравномерной изученности одежды и ограниченности источниковедческой базы. Добавим, что параллельное рассмотрение древней одежды разных народов, обладающих различными культурными традициями, к тому же не всегда позволяет выявить типологическое соответствие отдельных компонентов и частей костюма. Несмотря на общие функции и идейно-эстетические истоки, одежду разных эпох и народов нельзя подвести под универсальную типологическую схему без того, чтобы в отдельных случаях не оказались утраченными этническая специфика и уникальность конкретного материала. При классификации и всестороннем анализе одежды во всей ее совокупности мы неизбежно наталкиваемся на многообразие типологических схем, отражающих экономические условия, исторический период, этническую традицию, социальную принадлежность, влияющие в свою очередь на выбор материалов, конструкцию, отдельные части и целые комплексы одежды, на их сезонный и ситуативно-бытовой характер, утилитарные и обрядовые функции. В процессе систематического исследования различные значимые признаки неодинаково распределяются по этническим комплексам, что, естественно, усложняет их сравнительно-типологический анализ во времени и в пространстве.

Работа построена по хронологическому и этнотерриториальному принципу, состоит из введения, 11 глав и заключения. Во введении дано краткое обоснование проблемы, рассмотрены ее состояние и значимость в системе развивающихся научных направлений, а также методология и источниковедческая база исследования.

Первая глава посвящена одежде народов, оставивших яркий след в истории Восточной Европы, — скифов, сарматов, гето-даков. Здесь впервые суммируются все известные сведения об одежде этих народов. В методологическом отношении глава представляется весьма важной, ибо не только вводит нас в мир древнейшей одежды, но и определяет исходные позиции, дает ценный сравнительный материал, по которому мы сверяем более поздние культурные напластования, проводим исторические параллели. Критическое освоение разнообразных источников позволило автору (Э. А. Риман) воссоздать не только отдельные части, но и целый комплекс древней скифской одежды. Однако сведения о древней одежде по-прежнему остаются фрагментарными, и полный ансамбль ее, как замечает автор, не поддается выявлению.

Еще более ограниченными сведениями мы располагаем по одежде восточных славян (VI–IX вв.), которая освещается во второй главе книги. Обряд трупосожжения, бытовавший во второй половине I — начале II тыс. на территории расселения славянских и балтских народов, обусловил плохую сохранность археологического материала, который служит наиболее достоверным (а подчас и единственным) источником по изучению древнейшей одежды. Исследование восточнославянской одежды уже в том виде, как оно представлено в работе, весьма ценно не только первой серьезной постановкой проблемы, но и решением ряда конкретных вопросов, позволивших высказать опре-

ные выводы и суждения о материалах, технике ткачества, основных частях костюма, атрибуции археологического материала и др. Детальный анализ украшений и металлических частей костюма позволил автору (В. В. Седов) сделать вывод о значительной подвижности древнего населения, культурных контактах и связанной с ними «заметной однородности дружинной культуры». Древнерусская одежда знаменует новый этап в развитии восточнославянской одежды, что подтверждает и содержание посвященной ей третьей главы. Изучение древнерусской одежды опирается на широкой источниковедческой основе: помимо археологических материалов к анализу привлечены памятники древнерусской литературы (так называемые «слова», жития, поучения, летописи, акты, памятники средневекового права, фольклорные и иконографические источники). Автор (М. Г. Рабинович) не выделяет в особые структурные части мужскую и женскую одежду, рассматривает ее в системе других типологических рубрик (одежда нательная, набедренная, головная), «незаметно» увязывая разнотипный материал в логически законченную систему. Уникальное знание этнографического и фольклорного материала позволило автору всесторонне интерпретировать многочисленные археологические находки, установить функции вещей и их связи с социальной действительностью, реальной бытовой обстановкой, духовными представлениями, обычаями, обрядами. При этом вводимый в научный оборот материал по одежде порою сам «на месте» становится ценным источником для выявления эпохальных явлений, обычаев, нравов, помогая лучше раскрыть различные стороны народной жизни. Автор предпринимает попытку широкой реконструкции комплексов древнерусской одежды, выделяя характерные черты и составные компоненты крестьянского, городского костюма и костюма высшей знати. Он выявляет, с одной стороны, устойчивые, консервативные, с другой — подвижные, динамичные элементы и признаки древнерусской одежды, устанавливает ареальные закономерности в бытовании отдельных типов. Выявленное этноально-типологическое многообразие одежды позволяет несколько шире взглянуть на этнические различия в Древнерусском государстве. Последовательное сравнительно-историческое (диахронное) изучение одежды дает основание говорить об устойчивой этнокультурной традиции, развитие которой носило непрерывный характер.

В последующих главах книги (IV—IX, XI) рассматриваются древняя и средневековая одежда славянских народов — русских (М. Г. Рабинович), украинцев (Н. М. Калашникова), белорусов (Н. Н. Улащик), литовцев (Р. К. Волкайте-Куликаускаене), латышей (А. Э. Зарина), эстонцев (С. К. Лаул), молдаван (В. С. Зеленчук, Н. М. Калашникова). Десятая глава посвящена архаичным формам одежды финно-угорских народов — воды и ижоры (Н. В. Шлыгина), что дополняет системный этнокультурный фон Восточной Европы.

В каждой главе подводится итог изучения древней одежды того или иного народа, что является существенным вкладом в разработку проблем национальной одежды. Здесь не только систематизированы обширные сведения из ранее опубликованных работ, но и введены в научный обиход новые данные, почерпнутые из редких источников. Однако проблема взаимной увязки и комплексного использования этих источников в различных главах решается неоднозначно. Это вызвано не только методической источниковедческой базой, но и степенью освоения разнотипного источникового материала. Пожалуй, наиболее полно и всесторонне этот материал освоен в четвертой главе, посвященной одежде русских, что позволило с большой степенью детализации осветить различные виды одежды, выделив в отдельные рубрики нательную, верхнюю комнатную, верхнюю уличную и нижнюю верхнюю одежду.

На основе обобщающего анализа автор выделяет и характеризует типичные комплекты одежды различных социальных слоев русского общества XIII—XVII вв. — крестьян, всех слоев горожан, военных и духовных лиц. При этом одежда каждого из них подразделяется в свою очередь на рабочую, повседневную (будничную) и парадную.

Недостаточная изученность древней одежды украинцев и белорусов определила ограничение периода ее рассмотрения XVI—XVIII вв. В историографическом обзоре соответствующих глав авторы освещают состояние проблемы, дают критическую оценку немногочисленным работам, отмечая целый ряд несоответствий, неправильных атрибуций и слабо аргументированных выводов. Подобные неточности и искажения встречаются весьма часто в опубликованной в начале 80-х годов работе Л. А. Молчановой, единственной специальной монографии по материальной культуре белорусов этого периода. Исследователями проведена большая серьезная работа по атрибуции материала, созданию и уточнению форм и конструкций различных типов старинной одежды, выявлению их вариативно-типологических особенностей и различий на территории Украины и Белоруссии. Содержание глав отличают последовательность и четкая расстановка логически значимых акцентов. Накопленный в белорусской и, очевидно, в украинской археологии вещественный материал позволяет уже в настоящее время расширить базу исследования и рассмотреть одежду украинцев и белорусов в более раннее время.

В изучении древней одежды остается еще много «белых пятен», гипотез, проблем. Имеющиеся в распоряжении исследователей материалы неравномерно освещают одежду простых тружеников феодального класса, сельскую и городскую, повседневную и выходную, нарядную. Блеск металла в археологических находках иногда затеняет типичную картину и смещает акценты при реконструкции комплексов старинной одежды. Трудно согласиться с мнением Р. К. Волкайте-Куликаускаене, что мужчина в исследуемый период был в первую очередь воином «поэтому реконструируемая одежда — это прежде всего одежда воина» (с. 161). Широкая постановка проблемы в ее сравнительно-историческом плане обнаруживает несовпадение этногенетических концепций о путях формирования и развития отдельных культур. Так, о древней одежде русских, украинцев, белорусов и латышей мы по существу говорим начиная с XIII—XIV вв., в то же время об одежде литовцев и эстонцев — с I тыс. до н. э. (см. гл. 7 и 9). Заметим, что жемайты отличали себя от литовцев еще в начале XX в.

Важной особенностью настоящей работы является широкий комплексный подход, когда одежда рассматривается не только как этнографическая реальия, а тесно увязывается с различными сторонами социальной действительности и духовной жизнью. Работа подводит итог многолетнему изучению древней и средневековой одежды восточноевропейских народов и определяет важные в методологическом отношении принципы для последующих исследований материальной и духовной культуры. Выявленное в ней вариативно-типологическое многообразие народного костюма является существенным вкладом в изучение традиционной культуры и позволяет глубже понять и оценить национальные традиции, закономерности их становления, взаимодействия, развития. Значение работы трудно переоценить. Являясь фундаментальным исследованием, она уже стала настольной книгой этнографов и всех, кто соприкасается с богатым наследием советской многонациональной культуры.

В. С. Титов

Молчанова Л. А. Очерки материальной культуры белорусов XVI—XVIII вв. Минск, 1981.

НАРОДЫ СССР

Этносоциальные проблемы города. М., 1986. 285 с.

Приступая к обсуждению настоящей работы, авторы отдают себе отчет в том, насколько непростой задача ее анализа и интерпретации. Монография уже при первом прочтении вызывает столь неординарные впечатления, что возникает искушение отнести ее к разряду этноурбанистической литературы, дающей принципиально новое представление об этносоциальной природе современного города.

Справедливости ради заметим, что в науке накоплен определенный опыт изучения этнических аспектов городских форм жизнедеятельности как с позиций этносоциологии¹, так и в рамках того, что принято называть традиционной этнографией². Впрочем, и сам руководитель авторского коллектива О. И. Шкаратан является социологом-урбанистом. История этнографического и этносоциологического изучения современного города насчитывает немногим более четверти века. И едва ли этот период можно назвать «золотым веком» этноурбанистики. Несмотря на появление интересных исследований и постепенное накопление эмпирического материала, город продолжает оставаться на периферии научного внимания. О том, что тема города еще не заняла в этнографии и этносоциологии подобающего места, свидетельствует не только арифметический подсчет доли работ, посвященных урбанистическим проблемам, хотя и это немаловажный показатель. Существеннее то, что в теории, а соответственно и в эмпирических исследованиях недооценивается роль городов как фактора этнического развития, как неотъемлемой стороны бытия этноса. Так, например, фундаментальный труд «Русские. Историко-этнографический атлас» (М., 1967), который, вероятно, по замыслу призван представлять традиционную культуру русского этноса в середине XIX — начале XX в., описывает только ее крестьянский слой, игнорируя городскую культуру и ее влияние на культуру крестьян.

Отсутствие общей этноурбанистической теории, этнографической школы урбанистики сказывается не только на невнимании со стороны этнографов, специально не занимающихся проблемами города, к факту городского влияния. К сожалению, для большинства работ, посвященных городским сюжетам, характерно осмысление явлений действительности по преимуществу на эмпирическом уровне, без попыток теоретических обобщений. Очевидно, что научное исследование этносоциальных проблем города существенно отстает от темпов и динамики процессов урбанизации современного советского общества. В настоящий момент этнографы едва ли могут утверждать, что они ясно представляют себе закономерности существования и развития городской этносоциальной среды. Изучение различных сторон города, полезное само по себе, еще не дает целостного понимания механизма городской жизнедеятельности как фактора и одновременно как поля этнического развития. Тем более затруднительно на имеющейся ныне основе делать сколько-нибудь долгосрочные прогнозы.

Мы далеки от мысли оценивать все достигнутое этнографами и этносоциологами в области урбанистики только со знаком «минус». Отметим, кстати, что и авторы данной рецензии так или иначе занимались проблемами города. Суть высказанных замечаний — в другом. Для нас несомненно, что современная реальность настоятельно требует преодоления устоявшихся исследовательских стереотипов и образов. Именно сейчас остро ощущается потребность в выходе на новый уровень осмысления многих, в том числе и этноурбанистических, проблем.

В этом отношении анализируемая книга, несомненно, представляет собой этап в изучении города. Прежде всего обращает на себя внимание стремление органично включить этнические аспекты в качестве составляющего элемента в социолого-урбанистическую теорию среднего уровня. Работа в теоретическом и методологическом отношении хорошо вооружена, терминологически организована. Согласно представлению авторов (разумеется, в конспективном изложении), город

лет собой целевую систему, специфическую территориальную форму организации общественного производства вещей и людей (с. 33). Город, таким образом, выступает не как абстрактно-обобщенная единица, способная вызвать интерес исследователей по тем или иным частным проблемам, а как территориальная общность, обладающая свойствами целостности, относительной самостоятельности, неделимости по функциональному назначению, т. е. содержащая в себе качества темы.

Подобный подход не имеет в работе характера декларативности, а находит свои (более или менее адекватные друг другу) теоретическую и инструментально-эмпирические формы выражения. Авторы упорядочивают и связывают в систему признаков черты, отражающие такие категории мышления, как первичная территориальная общность (равно городская территориальная общность), городской образ жизни, уклад жизни. Принципиально важной представляется попытка авторов выявить место национально-особенного в системе связей и отношений внутри городской территориальной общности. И в этом смысле особый интерес вызывает обсуждаемое понятие — «психо-общественная инфраструктура города», трактуемое как совокупность разнообразных сторон жизнедеятельности города (в монографии упоминается по меньшей мере семь из них), которые имеют для горожан социально-культурное значение и формируют их как личности (с. 41—43). Этническая специфика в данном случае выступает уже не только как визуально наблюдаемый местный колорит, как элемент социально-психологической инфраструктуры города, проявляющейся, в частности, в системе отношений между социальными группами, в функционировании средств массовой информации, в характере вовлеченности горожан в действие учреждений города и т. д.

Вероятно, высказывая мнение о том, что всякая или почти всякая сфера существования территориальных общностей на уровне их функций и структуры несет в себе элемент этнической определенности, мы близки к позиции авторов, полагающих, что этнически специфичное присуще производственной и внепроизводственной деятельности горожан, она проявляется в архитектурном облике городов, в ритмах повседневной жизни, в манере общения (с. 57, 61).

Такой широкий и нетривиальный подход к этническим (этносоциальным) проблемам позволяет, на наш взгляд, избежать расчлененно-несвязанного восприятия множества явлений, выстраивая их в систему причинно-следственных связей и отношений, что далеко не часто встречается в работах, посвященных этноурбанистическим сюжетам. Вместе с тем концепция авторов монографии обнаруживает и свои неразработанные стороны. Образно говоря, в ней еще слишком заметны «швы» между этнографическим и социологическим подходами в осмыслении поставленных проблем. В работе угадывается непростой и не всегда бесспорный процесс стыковки понятийного, методического и концептуального аппаратов обеих дисциплин. Показательным в этом смысле представляется мнение авторов об урбанизации как о внешнем по отношению к этносам факторе. С этой точки зрения город выступает в качестве общности, «перемалывающей» этносы, в которой ликвидируют процессы гомогенизации. Этническое же присутствует в городской среде как самостоятельный элемент. Такая позиция имеет полное право на существование, но, вероятно, как одна из тенденций восхождения от абстрактного к конкретному. Думается, эффективен и другой подход, именно — с позиции собственно этноса, когда урбанизация рассматривается через этносы внутри них. Если в первом случае принципиально важным кажется выявить место и определить место национального в общесоциальном контексте³, то во втором случае выдвигается задача изучения роли города в судьбе этноса. Город, таким образом, выступает и фактором формирования этносов крупных и развитых этносов, и формой их существования. А национально-особенное существует не как самостоятельный структурный элемент, а как внутреннее свойство, момент, растворенный в различных структурах, составляющих территориально-поселенческие среды. В их числе города являются «сгустками» национальной культуры.

Возвращаясь к центральному понятию «первичная территориальная общность», хотелось также привлечь внимание на следующее. Согласно справедливому утверждению авторов, «системообразующей функцией первичной территориальной общности является устойчивое социально-демографическое воспроизводство индивидов» (с. 21). Однако следует заметить, что процессы социально-демографического воспроизводства связаны не только с территориальным срезом структуры общества. Они протекают и в совокупностях, выделенных по некоторым иным основаниям. Одно из центральных мест в этом отношении занимает этническая структура. В связи с этим правомерно поставить вопрос, каким образом сопряжены территориальные общности (о которых пишут авторы книги и в реальном существовании которых у нас нет сомнений) и этнические общности, проживающие на той же территории. Имеются многочисленные факты, свидетельствующие о том, что живущие на одной территории представители разных национальностей тяготеют к различным городским центрам. Например, значительная часть армян, живущих в Азербайджане, тяготеет к городам Армении, русские Чуваши в известной степени — к крупным промышленным центрам в пределах республики (Горький, Казань, Ульяновск). Построенные для каждой национальности границы территориальных общностей при сопоставлении могли бы дать существенно различающиеся контуры.

Весьма богатый набор теоретико-методологических «находок» вызывает повышенный интерес эмпирической части исследования. Здесь прежде всего возникает вопрос о том, в какой мере эмпирические, опробованные общие положения и гипотезы на конкретном массовом этносоциологическом материале. Эмпирические данные распределены по четырем направлениям: анализ этносоциальной структуры, внепроизводственной деятельности горожан, социально-демографического воспроизводства городской общности и, наконец, этнодисперсной городской группы. Объектом исследования были татары и русские городов Татарской АССР и этнодисперсная группа татар Ленинграда. Нет необходимости освещать все сюжеты и направления анализа предлагаемого материала. В монографии немало. Отметим, что авторы оперируют с помощью современного методического

аппарата разнообразными характеристиками соответствующих структур и видов деятельности. Высоким профессионализмом особенно отличается вторая часть работы — «Интеграционные процессы в полиэтнической городской общности» (авторы — О. И. Шкаратан, Г. В. Еремичева, А. М. Коршунов, Г. В. Каныгин). Увлекают ход размышлений, композиционный строй, методические приемы. Вместе с тем по прочтении монографии возникает некоторое ощущение интеллектуального дискомфорта. Он вызван тем, что ряд теоретических идей, привлекающих наибольший интерес, все-таки не нашел своей развернутой интерпретации в эмпирическом разделе. Так, в первой части обсуждается проблема этносоциального среза производственной деятельности, эмпирического изучения особенностей организации и управления в процессе труда, межличностных отношений работников, качества и дисциплины труда. В свою очередь, конкретному анализу подвергается только социальная структура русских и татар. Авторы монографии ставят также актуальный вопрос о национальной специфике городов с их организационной системой расселения, архитектурным обликом, ритмами повседневной жизни (с. 61) и обходят его молчанием в исследовательской части. Разумеется, было бы чрезмерным требовать от авторского коллектива разработки всех сформулированных положений. Заметим, однако, что теоретическая часть, не во всем соответствуя эмпирической, опережает ее и выглядит более новаторской.

Весьма своевременной кажется постановка проблемы: этнической специфики городского образа жизни. В чем она состоит? Вопрос этот отнюдь не риторический. Всякому исследователю занимающемуся этнокультурными процессами, особенно современными, известно, насколько бывает трудно уловить и выразить с помощью эмпирических индикаторов национальное своеобразие городской среды. Авторы демонстрируют этническую специфику на показателях внепроизводственной деятельности и социально-демографическом воспроизводстве горожан. При операционализации и эмпирическом «замере» внеуродовой деятельности (авторы — О. И. Шкаратан и Г. В. Еремичева) использовались интегральные характеристики, выделенные на основе типологизации и классификации существенных типических сторон (родов, видов) образа жизни татар и русских Казани, Альметьевска, Мензелинска (см. с. 94—112). Один из основных выводов состоит в том, что «по определяющим интегральным показателям, отражающим структурные характеристики образа жизни, наблюдается полное совпадение и в количественном, и в качественном отношении» (с. 159). Оспаривать это заключение в целом нет оснований. И все же логика и результаты исследований дают повод для размышлений. Опыт оперирования обобщенными характеристиками показывает, что они во многом проясняют картину, но в известной мере и искажают ее. Априорно можно допустить, что в своих существенных сторонах, таких как психофизиологическое обеспечение, обитание, демографическое воспроизводство, культурно-познавательная деятельность, различные этнические общности (и не только проживающие на одной территории) имеют много общего. Существующее своеобразие в поведении, жизнедеятельности этносоциальных групп, во всяком случае в современном городе, эмпирически измеримо лишь при весьма детализированном изучении. Чем обобщеннее типологическая классификация, тем менее выражено этническое своеобразие, тем выше показатели социальной, культурной и иной однородности. Думается, в подобной «растворенности» проявляется устойчивость этнического, его способности сохраняться в тех или иных формах в условиях урбанизации, придавая неповторимость, конкретность типологически однородным явлениям.

Кроме того, при работе с интегральными показателями следует постоянно иметь в виду, что во многих случаях за их равенством может скрываться глубокое структурное различие. Интегральные меры связи между качественными признаками такого рода, как использовавшийся в исследовании коэффициент Чупрова, несут оценочный характер, и сопоставление значений этого коэффициента с точностью до тысячных долей вряд ли имеет смысл. Тем более недопустимо сравнивать значения этого показателя, вычисленные по совокупностям разной численности, ввиду того, что уровни значимости в данном случае различны.

Коль скоро речь зашла о методике, хотелось бы обратить также внимание на следующее. Выделение социальных слоев, к которым принадлежит обследованное население городов Татарской АССР, осуществлялось в соответствии с группировкой профессий. Последняя в свою очередь производилась путем экспертной оценки отдельных характеристик профессий по предложенным для этой цели шкалам. Полученные таким образом числовые оценки для каждой профессии перемножались, а произведение рассматривалось как индекс характера труда для данной профессии. На основании распределения значений таких индексов для всех рассматривавшихся профессий и строилась группировка (с. 94—100). Однако авторы этого метода не учли, что шкалы, относящиеся к разным характеристикам, имеют неодинаковое число градаций. По этой причине отдельные показатели входят в индекс характера труда с неодинаковыми весами, что по сути не должно следовать ни из постановки задачи, ни из каких-либо априорных рассуждений. На наш взгляд, нежелательного эффекта можно избежать, применив нормировку значений отдельных характеристик.

К сожалению, в книгу вкрались и фактические неточности. Так, вызывает возражение высказанная на с. 226—227 мысль о том, что у татар рождаемость выше, чем у других современных народов европейской части СССР. Данные переписи 1926 г. свидетельствуют о сходстве репродуктивного поведения народов Поволжья еще в 20-е годы XX в.⁴ Автор же в подтверждение своей идеи ссылается на работу, где речь идет о других вещах (см. ссылка № 8 на с. 226). В отдельных случаях имеет место некорректная интерпретация статистического материала. Например, анализируя зависимость между уровнем образования и принадлежностью к этнической группе Г. В. Старовойтова приходит к выводу о более высоких показателях уровня образования у касимовских татар (с. 222—223). Однако если данные, представленные в процентах, вырази-

абсолютных числах, это различие оказывается статистически незначимым ввиду малой наполненности соответствующих групп.

Вместе с тем ясно, что имеющиеся сбои (в общем досадные для труда столь высокого уровня) не принципиальный характер. Несомненные достоинства предлагаемой читателям монографии — в ее высокой познавательной ценности, поисковой направленности. Сформулированные в ней теоретические идеи, без сомнения, окажут продуктивное влияние на дальнейшие этноурбанистические изыскания.

Т. С. Гузенкова, А. Д. Коростелев,
В. В. Пименов

Примечания.

¹ См., например: Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. М., 1973; Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР). М., 1980; *Рукавишников В. О.* Население города (социальный состав, расселение, оценка городской среды). М., 1980; Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического исследования). М., 1986.

² См., например: *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Культура и быт рабочих горнозаводского урала. Конец XIX — начало XX в. М., 1971; *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977; *Юхнева Н. В.* Этнический состав этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984.

³ Авторы монографии формулируют и ставят на обсуждение и этот вопрос (см. с. 43).

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. III. М., 1928. С. 242—243.

М. К. Азадовский. Сибирские страницы: Статьи, рецензии, письма / Сост., автор предисл. Яновский Н. Н., Иркутск, 1988. 336 с.

К столетию со дня рождения одного из крупнейших советских фольклористов, этнографов, краеведов, литературоведов, библиографов, доктора филологических наук, профессора, члена Союза писателей СССР М. К. Азадовского (1888—1954) в Иркутске вышел сборник его статей, рецензий и писем «Сибирские страницы», подготовленный Н. Н. Яновским.

Н. Н. Яновский — современный исследователь произведений писателей-сибиряков — замыслил создание монографии о М. К. Азадовском, много лет прожившем в Сибири и всегда высоко ценившем отчий край. В последнее время Н. Н. Яновский выступил с рядом работ о деятельности этнографа, обширным очерком-воспоминанием откликнулся на смерть Л. В. Азадовской (1904—1984), жены ученого, посвятившей последние три десятилетия жизни его памяти и делам².

В ряду этих публикаций Н. Н. Яновского находится и вступительная статья к рецензируемому сборнику, основанная на изучении многих печатных и архивных материалов. В ней подробно рассказывается о жизни ученого, прослеживается формирование и становление его разнообразных творческих исканий. Осмысливая огромное количество первоклассных книг и статей, созданных за более чем 40 лет, автор останавливается, в первую очередь, на сибирике исследователя, составившей, по образному выражению А. Н. Турунова, «малую сибирскую энциклопедию». М. К. Азадовский был убежден, что Сибирь владела и владеет подчас нетронутыми духовными богатствами, которые должны стать всеобщим достоянием. Он решительно отвергал представление об отрыве культуры сибиряков от общерусских корней и общерусской национальной традиции.

М. К. Азадовский-сибиревед — это прежде всего, фольклорист широкого профиля (собираатель, исследователь, организатор научного процесса и разных печатных изданий, воспитатель молодых ученых), филолог, первым сформулировавший само понятие «сибирская литература» (расцененная вехая часть общерусской литературы) и определивший этапы ее развития от конца XVIII в. до Октябрьской революции. Еще одно важное направление сибирики М. К. Азадовского — библиография устной поэзии, этнографии, литературы, истории, краеведения Сибири, которую он стремился поставить на более высокий теоретический уровень. Н. Н. Яновский называет М. К. Азадовского выдающимся сибирским библиографом, усовершенствовавшим и надолго определившим задачи филологического краеведения родного края.

Отдельные главы вступительной статьи посвящены анализу двухтомной «Истории русской фольклористики», не утратившей своей уникальности и по сей день (здесь же рассмотрены труды по теме «литература и фольклор») и книги «В. К. Арсеньев — путешественник и писатель». Завершается вступление характеристикой роли Л. В. Азадовской в сохранении и пропаганде наследия ученого.

За долгие годы совместной жизни Лидия Владимировна вошла в круг научных интересов мужа, что позволило ей стать продолжательницей того, что сегодня с полным правом можно назвать «школой Азадовского». Благодаря энергии Л. В. Азадовской и при ее непосредственном участии в 1958 и 1963 гг. были изданы два тома «Истории русской фольклористики», долго остававшиеся в рукописи; в 1969, 1978 и 1981 гг. достоянием общественности стали письма М. К. Азадовского к многочисленным адресатам и их ответы. В книге Марка Константиновича «Статьи и письма» (Новосибирск, 1978), выпущенной в свет стараниями Л. В. Азадовской, ею было опубликовано

большое документированное исследование, насыщенное сведениями о замыслах, начинаниях, неизданных работах, истории многих размышлений, что значительно расширило и углубило представление о ценности и значимости трудов профессора. Оно стало, как подчеркнул Н. Н. Яновский: «библиографическим справочником и содержательным первоисточником по Азадовскому, по фольклору».

Корпус рецензируемого сборника состоит из семи поныне сохранивших свое значение, давно не переиздававшихся, труднодоступных, а также неизвестных ранее статей М. К. Азадовского по литературе и народоведению Сибири, снабженных обширными примечаниями. Более 400 пояснений, как правило весьма развернутых, не только свидетельствуют о необычайной эрудиции М. К. Азадовского, но и служат существенным дополнением к принципиальным проблемным вопросам, поднятым в самих публикациях. Несомненно большое историческое значение имеют письма из блокадного Ленинграда, отобранные и прокомментированные Л. В. Азадовской.

Литературоведческий раздел книги состоит из перепечаток работ «Сибирская беллетристика тридцатых годов», «П. П. Ершов» и развернутой рецензии «Из литературы об областном искусстве». Событием стало вторичное появление в печати классического труда «Сибирская беллетристика тридцатых годов», первоначально опубликованного в задуманной М. К. Азадовским серии «Очерки литературы и культуры Сибири» в 1947 г. Из-за мизерного тиража он сразу оказался библиографической редкостью и, несмотря на свою значимость, в течение длительного времени оставался доступным лишь узкому кругу специалистов.

В фольклорно-этнографическую часть входит очерк «В. К. Арсеньев — путешественник и писатель (Опыт характеристики)» — одна из последних работ ученого и обнаруженная посмертно (Чита, 1955)³. «Опыт» задумывался как введение к сформированному М. К. Азадовским тому «Из литературного наследия В. К. Арсеньева», однако он имеет и вполне самостоятельное значение, определившее его отдельную публикацию⁴.

Разыскание было создано в результате вдумчивого освоения произведений Арсеньева и из критических разборов, а также обобщения личных наблюдений, бесед и встреч (М. К. Азадовский был знаком с В. К. Арсеньевым с дореволюционной поры; дружба их длилась многие годы). Повествуя об известных и малоизвестных фактах биографии Арсеньева (например, о подробностях 1902—1907 и 1908—1910 гг.) ученый одновременно исследует работы В. К. Арсеньева, уточняет дату их написания и появления в печати, подчеркивает их краеведческую и этнографическую направленность.

Арсеньев раскрывается как один из ярких представителей плеяды великих русских географов, продолжатель дела Н. М. Пржевальского, П. П. Семенова-Тянь-Шанского, Н. Н. Миклухо-Маклая, Г. Н. Потанина. В то же время выявляется индивидуальность В. К. Арсеньева-натуралиста, своеобразие его трудов, вытекающее из особенностей условий обследованной им части России. М. К. Азадовский создал опыт характеристики не только незаурядного человека, знаменитого исследователя Дальнего Востока, но и писателя-путешественника.

В связи с последним высказаны важные мысли о малоизученных научно-художественных описаниях итогов специальных экспедиций. Беллетризированной прозе ученых-путешественников присущи особые цели и специфические приемы изображения. Выразительность сочетается в них с неукомственной точностью воспроизведения действительности, происходит органическое слияние поэзии жизни с фактами и открытиями, добытыми ученым-географом, этнографом, краеведом. М. К. Азадовским, синтезировавшим в своих штудиях достижения разных наук, при изучении творчества В. К. Арсеньева была разработана новая методика филологического анализа сочинений этнографического характера⁵.

Статья «Легенда о Шапове» написана на основе изучения устной прозы, обнаруженной М. К. Азадовским летом 1915 г. во время поездки на р. Лену к старожилому русскому населению⁶. Побывав в деревушке Анге, родине А. П. Шапова — историка, этнографа, писателя, профессора Казанского университета, высланного в 1863 г. на родину за политическую неблагонадежность, собиратель решил выяснить, сохранилась ли у земляков память о ссыльном и в каких чертах представляют они его деятельность и значение. Ответ на этот вопрос оказался важным не столько для биографа, сколько для фольклориста, интересующегося процессами возникновения и распространения народных преданий и легенд.

Сопоставляя легенду о Шапове с фантастическим рассказом о Н. Г. Чернышевском, сообщенном в воспоминаниях В. Г. Короленко, М. К. Азадовский пришел к заключению: предание о Шапове — не одинокое и не случайное явление в сибирском фольклоре. Неизбежное сходство образов народной словесности такого рода исследователь объяснил попыткой аборигенов осмыслить судьбы людей, перемещенных в далекую Сибирь, и казующихся им какими-то выходцами из иного мира, чья жизнь и судьба поражала контрастными переходами. Размышления и догадки об участии невольных пришельцев тесно переплетались с раздумьями сибиряков о своей судьбе и жизни, что и составило тот фон, на котором возникали эти легенды, и то направление, по которому шло и развивалось их содержание. Отсюда проистекает их идейная общность и поразительное совпадение даже в мелких деталях⁷.

«Эпическая традиция в Сибири» — это текст вступительной лекции, прочитанной в 1921 г. на историко-филологическом факультете Томского университета⁸. Она по сути дела является обзором, в котором впервые обобщены противоречивые свидетельства об устной поэзии Сибири вообще и главным образом о былинах.

Этнографы долго утверждали, что сибиряки не любили и не умели петь, искажали песню, которая почти совсем исчезла из их обихода. Тем самым констатировалась якобы полная «непоэтичность» местного населения. Однако развернувшись с середины XIX в. собрание и учет сибирской

менного богатства (по убеждению Азадовского едва ли уступающего Европейской России) определили необходимость пересмотра и вопроса об эпической традиции в Сибири.

Малое количество былинных записей объясняется отсутствием долгих и упорных поисков. Не только от случайного выявления фольклора переходили к длительным и систематическим исследованиям, почти всегда обнаруживали (иногда весьма обильные) остатки эпоса. Значительное количество старин было найдено С. И. Гуляевым на Алтае, А. А. Макаренко и И. А. Чекавинским на Енисее, В. Г. Богоразом в Якутской губернии, В. М. Зензиновым на берегу Ледовитого океана и т. д. Сам ученый в своих странствиях по р. Амуру и Лене установил недавнее существование там былинной традиции и знатоков былины. Если А. М. Лобода в 1896 г. располагал лишь 27 текстами, то М. К. Азадовский к 1920 г. знал уже около 60 вариантов, не считая образцов из «Сборника Кириши Данилова». Говоря об этом сборнике, М. К. Азадовский указывает, что независимо от места составления и географии записей он, несомненно, прошел сибирскую среду, ибо весь материал определенно свидетельствует о его долгом пребывании в Сибири и, может быть, в весьма отдаленной его части⁹.

М. К. Азадовский установил пути проникновения эпического предания в Сибирь: во-первых, эпика скоморохов; во-вторых, миграция жителей из северных деревень России в южные сибирские губернии; в-третьих, самый значительный фактор — казачья колонизация края.

Статья не утратила своего значения и сегодня, так как продолжает оставаться актуальными заложенные в ней основы теоретического осмысления былевой традиции в Сибири, не устарели призывы исчерпывающего изучения былинного репертуара региона¹⁰.

Обзор «Этнографические изучения в Сибири» печатается впервые. Он написан в 20-х годах, предназначался для неизданного пятого тома «Сибирской советской энциклопедии», что и определило его жанровую особенность: небольшой объем и значительная насыщенность содержания.

М. К. Азадовский, привлекая сведения начиная с VIII в., подчеркивает заслуги путешественников, а также администраторов и крупных чиновников в эпизодической регистрации народоведческих фактов, характеризующих русских сибиряков. С 1851 г. начал функционировать Сибирский отдел Русского географического общества, члены которого накапливали архивные и статистические данные, наблюдения по языку, устному творчеству и бытующей материальной культуре; однако намеченные планы были осуществлены в весьма слабой степени. До 70-х годов XIX в., уточняет исследователь, освоение материала носило еще только собирательский характер вне каких бы то ни было обобщений. Начало систематическому постижению русской народности в Сибири положил П. А. Ровинский, чью программу развил А. П. Шапов. Их воззрения с пессимистической оценкой интеллектуального уровня сибиряков оказались решающими в понижении темпа дальнейших изысканий: до конца прошлого столетия в Сибирь не было снаряжено ни одной целенаправленной экспедиции, сравнительно мало внимания уделяли русским губернские отделения РГО; работа в крае велась почти исключительно силами политических ссыльных.

Плановое изучение быта и фольклора русских Сибири началось лишь после Октябрьской революции стараниями главным образом Восточно-Сибирского отдела Географического общества и Иркутского университета; большое значение имела организация в 1923 г. журнала «Сибирская живая старина», печатного органа ВСОРГО, в котором М. К. Азадовский принимал активное участие. В последние десятилетия этнографическое познание русского населения Сибири развернулось довольно широко. Специальная группа Института этнографии АН СССР, группы новосибирских историков и этнографов опубликовали целую серию книг, обобщивших значительный пласт фактических данных. И все же статья М. К. Азадовского до сих пор сохраняет свой программный характер. Обширность территории и важность проблем, возникающих перед исследователями, говорят о том, что потребуются еще значительные усилия для ликвидации «белых пятен» этнографического изучения русских в Сибири.

Завершающая сборник подборка «Из блокадных писем М. К. Азадовского» представляет собой фактически статью Л. В. Азадовской с широкой демонстрацией корреспонденций друзьям, коллегам-фольклористам, ученикам. Эти послания — непосредственные свидетельства участника и очевидца тяжелых событий первых 200 дней осажденного города (с 22 июня 1941 г. по 20 марта 1942 г.) — содержат описания тягот, выпавших на долю одной ленинградской семьи, жизни ученого, и в осаде не потерявшего своей научной активности.

Рецензируемое издание осуществлено в целом на достаточно хорошем полиграфическом уровне, хотя в нем допущены и некоторые огрехи. Так, на стр. 292 выпала целая строчка из начала письма от 18 января; на стр. 273 и 316 наблюдается разнобой в обозначении даты выпуска работы Н. Ф. Чужака, 1922 г. и 1921 г.; на стр. 3 не исправлена опечатка при указании года смерти В. Н. Азадовской — матери М. К. Азадовского (1915 вместо 1951); на стр. 149 имеется ошибка в фамилии П. П. Семенова-Тян-Шанского, а на стр. 319 — Ф. Ф. Аристова и т. д. К сожалению, в сборнике отсутствует портрет М. К. Азадовского.

Указанные мелкие недочеты ни в коей мере не снижают общего положительного впечатления от книги замечательного ученого.

М. Я. Мельц

Примечания

- ¹ Яновский Н. Н.: 1) Марк Константинович Азадовский // Развитие литературно-критической мысли в Сибири. Новосибирск, 1986. С. 75—104; 2) Сибирские темы в творчестве М. К. Азадовского // Азадовский М. К. Статьи и письма: Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978. С. 3—14; 3) То же, переработанный вариант // Яновский Н. Н. Поиск. Новосибирск, 1979. С. 92—107.

² Издание, приуроченное к 25-летию кончины В. К. Арсеньева, получило единодушное одобрение. См.: *Молдавский Д. М.* Путешественник и писатель // Ленингр. правда. 1956. 5 февр.; *Гурвич И. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель* // Сов. этнография. 1956. № 2. С. 164—165; *Гор Г. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель* // Нева. 1956. № 3. С. 176; *Роголь Н. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель* // Дальн. Восток. 1956. № 6. С. 180—181; *Марков С.* Следопыты Дальнего Востока // Новый мир. 1956. № 8. С. 269—270. В конце 1956 г. очерк был напечатан еще раз в сокращенном виде Детгизом.

⁴ Сам том появился лишь в 1957 г. под заглавием: *Арсеньев В. К.* Жизнь и приключения в тайге / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Азадовского М. К. / Под. ред. акад. Обручева С. В. М., 1957. Рецензия: *Утков В. И.* наука, и эстетика, и этика // Сиб. огни. 1958. № 1. С. 181—182.

⁵ Вопросы, впервые поднятые М. К. Азадовским, развиты и дополнены в книгах: *Кузьмичев И. С.* Писатель Арсеньев: Личность и книги. Л., 1977; *Тарасова А. И.* Владимир Клавдиевич Арсеньев. М., 1985.

⁶ Сначала «Легенда о Шапове» была помещена в Сибирской живой старине. 1923. Вып. 1. С. 59—71, затем вышла отдельной брошюрой (Иркутск, 1923), воспроизводимой в данном сборнике.

⁷ Народные рассказы о декабристах, записанные позже (например, А. В. Пруссак в Иркутской губернии), подтверждают высказанные предположения и выводы.

⁸ При подготовке ее к печати (Вестник просвещения. 1921. № 5—7. С. 1—16) М. К. Азадовским были добавлены подстрочные примечания, увеличены и расширены цитаты.

⁹ Новейшие исследования доказывают правильность гипотезы ученого. См. *Путилов Б. Н.* «Сборник Кирши Данилова» и его место в русской фольклористике // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. Евгеньева А. П., Путилов Б. Н. 2-е изд. М., 1977. С. 374—375.

¹⁰ Успешной реализацией задач, выдвинутых М. К. Азадовским почти 70 лет назад, явилось, например, последующее собирательство Т. А. Шуба в низовьях р. Индигирки, К. А. Копержинского в Иркутской области, А. И. Лазарева в Барабе, создание обобщающих трудов В. М. Сидельниковых «Былины Сибири» (Гомск, 1968), В. С. Левашовым «Былина в Забайкалье» (Иркутск, 1980).

Д. А. Гранин. Ленинградский каталог // Нева. 1984. № 9.

С. 65—84. 1 илл.; его же. Ленинградский каталог. Л., 1986. 111 с. 89 илл.

Каталог. Это значит обычно описание какой-либо коллекции или, как говорят, «собрания». Что же собрал на этот раз известный писатель? Какие редкости? Какие древности?

К Д. А. Гранину обратился за консультацией художник В. С. Васильковский, зарисовывавший в свой альбом отнюдь не какие-то древности, а предметы, в наше время редкие или даже забытые, но еще недавно — буквально считанные десятилетия тому назад — широко употреблявшиеся. Рисовал он, не задаваясь целью систематизации, а просто по мере того, как видел или вспоминал эти предметы или явления, так что на одном листе (некоторые листы альбома помещены и в статье, и в книге) можно увидеть мывальный ботинки, футболку, примус, старый автомобиль иностранной марки, каких не встретишь теперь. Художника интересовали меблировка коммунальной квартиры, обстановка кухни и жилой комнаты, костюм ленинградцев 1920—1930-х годов, манера одеваться людей из разных слоев населения города — рабочего, учащегося, служащего, наконец, человека, что называется, преуспевающего, выбившегося в начальники. Он рисовал трамваи с открытыми площадками, извозчиков, упряжку ломового — словом, все то, во что одевались, на чем готовили, на чем ездили ленинградцы, когда с одеждой были большие трудности, но тем больше было к ней внимания (хотя и не одобрялась не только какая-либо роскошь, но иногда и ношение галстука), когда на кухне был десяток примусов и керосинок, принадлежавших разным хозяевам, а газовая плита — большой редкостью, когда не было метро, а трамваи ходили «обвешанные» людьми, уцепившимися за наружные ручки и кое-как державшимися на подножках. И, конечно, еще многое другое, чего не перечислишь в краткой рецензии.

Но оказалось, что многие предметы и явления прочно забыты и не так-то просто установить, что для чего служило, как называлось.

Д. А. Гранин охотно стал консультировать художника и скоро сам увлекся городским бытом 1930-х годов — временем своего отрочества и юности. Он вспоминал свой дом с большим, типичным для Ленинграда двором, в который нет-нет да и заходили то бродячие артисты — шарманщик, который часто был и предсказателем судьбы (ручной попугай или морская свинка тянули для желающего «жребий»), небольшой ансамбль с певцом или певицей (мать писателя как-то спела с музыкантами так увлеклась, что пошла с ними в соседний двор), то разносчики или старьевщики, эти санитары городских квартир, находившие применение разному старью. Двор — арену детских игр, большой дом с его чердаком и подвалом, тоже прекрасно известными всем мальчишкам, перенаселенную квартиру, скромный быт своих родителей и соседей. Ритуал отцовского бритья (тогда брились по большей части «опасной» бритвой — помните, с помощью такой Ипполит Матвеевич Воробьянов попытался свести свои счета с Великим Комбинатором?), даже немецкое клеймо на брите гордились клеймом фирмы «Золинген». Или не менее милый детскому сердцу ритуал одевания родителей перед тем, как пойти в гости или в театр. Как отец иногда не мог найти нужную запонку, что

гостеня к рубашке свежий воротничок (кто теперь помнит эти пристыженные воротнички?). тогдашние улицы и площади, замощенные булыжником (асфальтовое покрытие было редко даже для тротуаров)! На этих мостовых трясло даже в пролетке с дутыми шинами. А какой грохот поднимался, когда по мостовой проезжал обоз ломовых телег с их железными шинами! Иной была и застройка улиц. А в праздник улицы, площади, парки наполняла иначе, чем теперь, одетая, иначе едя ведущая толпа; иными были и городские рынки.

И вновь возвращаясь к дому, писатель вспомнил вечера в кругу семьи, когда не сидели, как теперь, у телевизора, а зачастую читали друг другу вслух или в меру способностей музицировали.

Словом, тема старого Ленинграда увлекла еще не старого ленинградца Д. А. Гранина помог С. Васильковскому сделать альбом, но на этом не закончилось его увлечение ленинградским бытом. Писатель продолжал вспоминать, искать, познакомился с другим увлеченным человеком — И. А. Фоминых, описал его метод исследования недавнего прошлого, способы собирания вещей старых ленинградцев, квартиру И. А. Фоминых на острове Голодай — настоящий музей, устраиваемые И. А. Фоминых выставки в домах культуры: «Комната учительницы до революции», «Мастерская механика начала века». Замечу от себя, что подобная работа ведется историческими и краеведческими музеями в некоторых городах нашей страны.

Бывая за границей, Д. А. Гранин обратил внимание на то, как изучают свое недавнее прошлое других стран, и познакомился с Музеем культуры XX века в Западном Берлине и выставкой того музея «Вещи и товары пятидесятих годов». Он увидел, что людей, равнодушных к недавнему прошлому, немало. Д. А. Гранин пришел к выводу важному, далекому от ностальгического любования стариной: старые вещи, старые обычаи нужно знать, чтобы строить новую жизнь. Не все старые еще исчезли бесповоротно. Многие еще вернутся и могут сослужить полезную службу. Приведенный Д. А. Граниным пример визитных карточек отнюдь не единичен. Если визитные карточки в общем-то мелочь, то этого никак не скажешь, например, про городской двор. В наше время повсюду многоэтажные дома строятся по большей части без дворов. Новый квартал представляет собой скопление больших домов, стоящих торцом или даже углом к улице, а то и группами в глубине зеленых насаждений, образующих некий общий сад. Но раздаются уже голоса архитекторов-градостроителей, что от старого двора рано отказались, что он нужен всем, и прежде всего детям, для которых джунгли настоящей школой социального опыта, что без двора нет и улицы¹. Так, может быть, архитекторы еще подумают и вернут городу дворы (конечно, не грязные, запущенные, а упорядоченные)?

Не следует предавать забвению и то, что уже не вернется: ведь это яркие аксессуары истории недавнего времени, нашей с вами истории. Не доводить же до необходимости изучать эту культуру: помощью археологических раскопок, как это делается для отдаленных эпох!

Д. А. Гранин сначала опубликовал обо всем этом серьезную статью в журнале «Нева», интересную и поучительную, заставившую задуматься не только специалистов, но и гораздо более широкий круг читателей, ибо в ней поставлен животрепещущий вопрос об отношении к нашему собственному недавнему прошлому.

Замечательно, что он не остановился на этом, а создал на основе статьи прекрасную книгу для детей среднего и старшего школьного возраста. Небольшая, но богато иллюстрированная книга выпущена Ленинградским отделением издательства «Детская литература», и, нужно думать, она предназначена прежде всего для юных ленинградцев — ведь речь идет об их родном городе. Но книга эта представляет большой интерес и для гораздо более широких читательских кругов: увлечение историей родного города свойственно юным (и не только юным) гражданам всех городов нашей страны, и книга читается не одними ленинградцами, а всеми, кому дорога история Родины. Это очень полезное увлечение: оно помогает сравнить недавно прошедшее с настоящим, узнать много нового о жизни предыдущих поколений, теснее связывает молодежь с ее отцами и дедами.

Понятно, что художник, заинтересовавшийся старым ленинградским бытом и, видимо, представлявший себе значение связанных с ним проблем, обратился к автору «Блокадной книги» и «Картины», который на этот раз создал книгу для детей, снабженную яркими иллюстрациями (над ними работал художник Г. Никеев), живую, интересную, зовущую любить и изучать родную культуру. И пусть не все ее детали определены в книге точно (например, понятия «гамашки» и «гетры», судя по словарю С. И. Ожегова — с. 123, 126, еще не детерминированы окончательно, а на рисунках — с. 66 статьи с. 8—9 книги — изображены именно гетры, а не гамашки, как утверждает автор), картина быта старого Ленинграда и задачи изучения большой области русской культуры проступают ясно, ясно, интересно.

Следует сказать, что этнографическое изучение Петербурга-Ленинграда все же развивается, хотя и медленнее, чем хотелось бы. Этим занимаются Институт этнографии АН СССР (Ленинградской его части принадлежит инициатива организации конференций «Этнография Петербурга-Ленинграда» и издания сборников, посвященных этой же теме), Музей истории Ленинграда, ряд архитектурных мастерских. На упомянутых конференциях, обсуждая вопрос о музеефикации одного из кварталов города и в порядке подготовки к этому, Музей истории Ленинграда открыл большую выставку.

Однако всего этого недостаточно, ибо есть опасность утраты материалов, относящихся к 1920—1940-м годам.

М. Г. Рабинович

¹ Ср. Гутнов А. Э. Город и деревня — диалог сквозь века // Знание — сила. 1984. № 8. с. 40.

В серии «Памятники материальной культуры Азербайджана» издано восемь выпусков каталогов коллекций Музея истории Азербайджана с текстами на русском, английском и французском языках, великолепно иллюстрированных цветными фотографиями (на выпусках не указаны год и место издания). КATALOGI представляют ценность для широкого круга читателей, интересующихся историей, этнографией, культурой азербайджанского народа, дают информацию о богатейших коллекциях музея, лишь малая часть которых представлена в его экспозиции.

Тематически в первую группу можно объединить каталоги «Азербайджанская национальная одежда» (вып. 4 — М. Джебраилова), «Ювелирные изделия» (вып. 5 — М. Атакишиева), «Восточное оружие» (вып. 1 — С. Джангирова), характеризующие традиционную одежду азербайджанцев XIX в. и дополняющие ее ювелирные украшения, а также оружие, являвшееся непременным атрибутом мужского костюма. Текст каталога, посвященного традиционной одежде, знакомит читателей с основными элементами верхней мужской и женской одежды XIX в., подразделяя их, по принятой классификации, на плечевую и поясную. Здесь не только перечисляются виды одежды: *уст кейнеи*, *архалык* (мужские и женские), *чепкен*, *зимьяк* (женские), *габа*, *чуха* (мужские) и т. д., но также поясняется, из каких тканей они изготавливались, какие материалы (мех, кружева, тесьма) использовались для их украшения.

Вполне понятно, что рамки небольшого каталога не позволили автору М. Джебраиловой достаточно полно охарактеризовать традиционный костюм азербайджанцев, в частности отличия одежды замужней женщины и девушки. К сожалению, эти отличия не ясны и из иллюстративных материалов, которые представляют комплексы женской одежды всех историко-этнографических зон Азербайджана: Бакинской, Гянджа-Казахской, Шекинской, Шемахинской, Карабахской, Нахичеванской. Явно недостаточно представлены в каталоге образцы мужского костюма. В какой-то мере этот пробел восполняют репродукции рисунков Г. Гагарина, относящиеся к 40-м годам XIX в. Интересны представленные в каталоге образцы детской одежды, которая идентична одежде взрослых — мужской и женской, отличаясь от нее главным образом только размером. Все фотографии каталога красочны, являют образец прекрасного полиграфического издания, что, впрочем, относится ко всем выпускам каталога.

В выпуске, посвященном ювелирным изделиям, представлены украшения, выполненные различными способами: штампом, филигранью, росписной эмалью. Как явствует из текста, одним из наиболее распространенных методов была штамповка, которая применялась при изготовлении браслетов, различных видов украшений для одежды, бус, деталей серебряных поясов и т. п. Большое совершенство достигли азербайджанские мастера в изготовлении филигранных изделий, которые были чрезвычайно разнообразны по форме. Значительное место при создании ювелирных изделий отводилось эмали, центром изготовления эмалевых изделий был город Баку. В каталоге содержится также описание того, какие именно изделия и какими способами изготавливались, приводятся специфические наименования некоторых из них. Иллюстративная часть каталога интересна тем, что в ней представлены основные виды распространенных в прошлом ювелирных украшений: браслеты, серьги, бусы, ожерелья, пояса, диадемы и др., изготовленные в разной манере. Они поражают многообразием форм, свидетельствуют о высокому мастерстве азербайджанских мастеров ювелиров.

Почти все представленные в каталоге украшения относятся к XIX—XX в., но несколько иллюстраций дают нам возможность познакомиться с ювелирными украшениями из археологических раскопок, проводившихся на территории современного Азербайджана, датированными I—VIII вв.

Интересен каталог «Восточное оружие», составленный на основе коллекций оружия музея, насчитывающей в настоящее время свыше 600 образцов, принадлежавших разным эпохам и народам. Значительную часть коллекции составляет восточное оружие, в том числе оружие Кавказа. В тексте каталога содержится характеристика прежде всего кавказского холодного и огнестрельного оружия. Большое внимание уделяется особенностям декорировки рукояток и ножен кинжалов, которые были широко распространены у всех народов Кавказа, являясь предметом гордости кавказских мужчин. Представляет интерес описание достоинств огнестрельного оружия, изготовлявшегося на Кавказе в XVIII—XIX вв., которое пользовалось популярностью не только на Кавказе, но и у многих народов Востока. Некоторые виды оружия, производимого на Кавказе, в частности шашки, в XIX—XX вв. были заимствованы донскими казаками. В более краткой форме в каталоге дано описание иранского, турецкого, среднеазиатского оружия.

Каталог содержит иллюстрации преимущественно различных видов кавказского оружия: кинжалы, кремневые пистолеты и ружья, а также образцы оружия, изготовленного в Иране, Турции, Бухаре и некоторых других странах Востока. Многочисленные фрагменты ножен и рукояток кинжалов, прикладов ружей, помещенные в каталоге, позволяют познакомиться с разнообразными способами их украшения — чеканкой, золочением, резьбой по кости и дереву, инкрустацией перламутром и костью. Каталог очень красочен, но все-таки недостаточно информативен, поскольку не приведены сведения о происхождении того или иного экспоната, что было бы особенно желательно для кавказского оружия.

Каталоги «Ковры и ковровые изделия» (вып. 2 — М. Кулиев), «Азербайджанские вышивки» (вып. 6 — М. Джебраилова) и «Чеканные медные изделия» (вып. 3 — М. Джебраилова) знакомят читателей с предметами быта азербайджанцев, а также позволяют судить о степени развития у них отдельных отраслей декоративно-прикладного искусства, главным образом в XIX в. Второй и шестой выпуски каталогов в общих чертах представляют технику ковроткачества и вышивки,

материалы, из которых они изготавливались, богатые и разнообразные орнаментальные мотивы и композиции ковров и вышитых изделий. В каталоге даны четыре основных типа ковров и ковровых изделий из Азербайджана (согласно принятой классификации): Куба-Ширван, Гянджа-Казах, Карабах и Тебриз. В основе такой классификации три основных признака: орнамент, техника исполнения и вид коврового изделия. Все указанные типы изделий есть в иллюстрациях каталога. В тексте, составленном М. Кулиевым, совершенно справедливо отмечается, что Азербайджан — один из тех регионов мира, где искусство ковроткачества достигло высокого мастерства.

Каталог, посвященный азербайджанским вышивкам, знакомит с широко распространенными в прошлом их видами — шитьем золотом, бисером, блестками, тамбурным швом, гладью и др. и показывает, какие изделия украшались вышивкой. Например, золотым шитьем обычно украшали праздничную женскую верхнюю одежду, головные уборы, некоторые предметы домашнего быта, тамбурным швом и гладью (с использованием цветных ниток) — женскую одежду, чехлы на подушки, разнообразные покрывала, настенные украшения. В каталоге представлены различные виды занавесей (для ниши, для зеркала), широко применявшиеся в быту азербайджанцев и часто украшавшиеся штампованными бляшками, блестками, а также другие предметы быта (футляры для Корана, часов, гробней, кошельки, кисеты для табака, переметные сумы, намазлыки — коврики для молитвы и т. д.), покрытые богатой вышивкой.

В Азербайджане известно более 80 видов изделий из меди, лишь часть которых представлена в каталоге. Это разнообразные сосуды для воды (*афтафа*, *сатылы*, *парч* и др.), подносы, пиалы, газаны для приготовления пищи, различной формы светильники — *чыраги*, своеобразные банные принадлежности. Большинство из них богато орнаментировано геометрическим, растительным узором, многие предметы украшены фигурами людей и животных.

Ковры, вышивки, медные изделия, представленные в каталогах, датируются в основном XIX — началом XX в., хотя истоки этих форм культуры относятся к значительно более ранним эпохам, что подтверждается археологическими находками и письменными источниками. Но в XIX — начале XX в. такого рода изделия имели еще достаточно широкое распространение в быту азербайджанцев и в той или иной степени, в зависимости от имущественного положения хозяев, являлись частью интерьера азербайджанских жилищ.

Рассмотренные три выпуска (2, 3, 6) каталогов весьма различны по насыщенности информацией. Наиболее информативен вып. 2 «Ковры и ковровые изделия», поскольку почти каждый экспонат помимо датировки снабжен пояснениями о месте изготовления. К сожалению, такого рода данные отсутствуют в каталоге о вышивках, в котором дана только датировка предмета. Наименее информативен каталог, посвященный медной утвари.

Кроме названных этнографических каталогов, в серии опубликованы два выпуска, посвященные археологической тематике. Это «Археологические памятники» (вып. 7 — Р. Мамедов) и «Древние и средневековые монеты» (вып. 8 — А. Раджабли). Среди археологических находок, обнаруженных на территории Азербайджана и представленных в каталоге, большое место занимает керамика, глиняная посуда и другие предметы быта, относящиеся к различным эпохам и охватывающим период с X—IX вв. до н. э. до XV в. н. э. В нумизматической коллекции музея представлены монеты, имевшие обращение в древней Кавказской Албании и Атропатене, монеты феодальных азербайджанских государств, а также более поздние.

Изданные каталоги, естественно, не претендуют на решение широких научно-исследовательских задач, но полезны как немаловажный источник этнокультурной информации.

Н. Д. Пчелинцева

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Археология Кубы. Новосибирск: 1986. 174 с.

В 1986 г. в Сибирском отделении издательства «Наука» (г. Новосибирск) вышла в свет «Археология Кубы» — коллективная монография, созданная совместными усилиями кубинских и советских исследователей. История советско-кубинского сотрудничества в области археологии имеет давние традиции. Сразу же после победы революции на Кубе начались и первые практические контакты специалистов двух стран. Древности далекого карибского острова неизменно вызывали в нашей стране большой интерес, что нашло отражение и в исторической литературе. Достаточно сказать, что первая публикация кубинских археологических материалов была осуществлена в СССР уже в 1967 г.¹ Не ослабевала эта тенденция и в последующие годы². Именно в рамках указанной традиции и следует рассматривать появление рецензируемой книги.

Правда, есть у нее и одно важное отличие от предшествующих публикаций. Данная работа — результат более высокого этапа советско-кубинского археологического сотрудничества. Она написана на основе материалов, полученных в ходе совместных разведок и раскопок на Кубе, проведенных с 1978 по 1984 г. сотрудниками Института истории, филологии и философии СО АН СССР и Академии наук Кубы.

Сборник состоит из 10 статей кубинских и 6 статей советских авторов, в которых освещаются самые разнообразные по значимости проблемы доиспанского прошлого острова.

Во Введении ответственный редактор книги Р. С. Васильевский дает краткий обзор совместных полевых работ сибирских и кубинских археологов в различных районах Кубы на памятниках докерамического периода.

Далее следует крайне сжатая по объему, но весьма емкая по содержанию статья старейшего кубинского археолога, основателя современной школы кубинской археологии Эрнесто Табио, в которой содержится общая характеристика развития археологической науки в стране за последние десятилетия и даны периодизация доиспанских культур Кубы и список всех имеющихся на сегодня радиоуглеродных дат по древностям острова. К сожалению, приведенная в статье схема периодизации археологических памятников Кубы явно устарела, о чем неоднократно говорил при жизни и сам Э. Табио. Она отражает состояние науки на 40—50-е годы и была создана еще в 1962 г.³ Между тем принципиально новые⁴ по содержанию периодизации кубинских древностей разработаны как самими кубинцами, так и зарубежными специалистами⁵.

В статье В. П. Алексеева, изучавшего в 1972 г. краниологические материалы на Кубе, ставится вопрос о происхождении древнего населения острова. Учитывая большое морфологическое сходство черепов кубинских сибонеев с карибо-аравакскими племенами, автор уверенно заключает, что «среди предков араваков и карибов нужно искать те исходные группы, которые приняли участие в заселении острова и образовали основу, на которой сформировались разные группы кубинских индейцев. Таким образом, южный, а не северный (через Флориду) путь заселения острова кажется наиболее вероятным» (с. 22).

Важное место в сборнике занимает работа Х. Феблеса «Каменные орудия комплекса Себоруко», посвященная характеристике древнейших археологических комплексов Кубы в провинции Ольгин, на побережье. Кубинский исследователь, обобщив весь имевшийся археологический материал по докерамическим памятникам региона (в том числе и результаты собственных раскопок на стоянках группы Левиса—Себоруко), разработал новую схему развития доземледельческих культур на острове. Он выделяет три этапа: ранний (8000—5000 лет до н. э.), средний (5000—2000 лет до н. э.) и поздний (2000 лет до н. э. — 1500 г. н. э.). Далее автор значительно удвевняет традиционную датировку слоя памятника Левиса, наиболее раннего на Кубе, — с 3740 до 5740 лет до н. э., т. е. на 2 тыс. лет. Основанием для столь радикального пересмотра послужила ссылка на дендрохронологическую поправку, устно высказанную Э. Табио в 1979. Однако для столь ответственного заключения требуется, конечно, более надежная и развернутая аргументация. Не случайно, видимо, сам Э. Табио оставил в своей статье (см. настоящий сборник, с. 13) прежнюю радиоуглеродную дату для слоя VII Левиса без каких-либо поправок — 3740 лет до н. э. А ведь такое значительное удвевнение понадобилось Х. Феблесу для обоснования своей хронологической схемы докерамических памятников Кубы: 8000—6000 лет до н. э. и т. д. Наконец, еще один важный вывод автора состоит в том, что он постулирует североамериканское происхождение первых обитателей острова — с п-ова Флорида и восточного побережья США.

Статья «Археологические исследования в долине р. Майри» написана группой авторов: Р. С. Васильевским, А. К. Конопайким, В. И. Молодиным и Х. Феблесом. Помимо общего описания древних стоянок по р. Майри (их известно сейчас более 30) здесь представлены также материалы раскопок двух памятников — Мелонес-23 и Мелонес-27. Точных датировок для них пока нет, но авторы предполагают, что их находки по возрасту древнее слоя VII стоянки Левиса. В этой же статье делается вывод о возможном приходе на Кубу первых поселенцев с побережья Мексиканского залива. Этот вывод противоречит тому, что один из авторов (жубинец Х. Феблес) в упомянутой выше статье утверждал совершенно иное — древнейшее население пришло на остров с севера, с территории США.

В статье «Влияние почвенно-растительных факторов на развитие земледелия кубинских аборигенов», принадлежащей перу известного кубинского археолога Х. М. Гуарчу, ставятся весьма важные проблемы взаимоотношений древнего человека с природной средой.

Другие статьи рецензируемого сборника носят более частный характер. М. Пино дает анализ пищи кубинских аборигенов по материалам пещерной стоянки Левиса-1. Р. С. Васильевский и В. И. Молодин не очень удачно, на наш взгляд, объединили в рамках одной публикации вещи, явно несовместимые: каменный инвентарь докерамических памятников Себоруко (кстати, о нем уже шла речь в статье Х. Феблеса) и глиняную пластику земледельческого поселения Лагуна-де-Лимонес, расположенного на востоке острова. Н. Кастельянос публикует материалы раскопок одного из древнейших земледельческих поселков Кубы — Ломаде-ла-Форесталь, вблизи г. Ольгин. А. Мартинес посвящает свою статью описанию охранных работ в Пунта-де-Макао, неподалеку от Гаваны (сезон 1973 г.), где удалось обнаружить как докерамический (доземледельческий), так и керамический (земледельческий) слои. Последний относится к началу VII в. н. э. (по ¹⁴C, 1330 ± 120 лет назад) и является пока древнейшим земледельческим памятником Кубы. Э. Алонсо публикует карту археологических памятников на п-ове Гаунакабибес, на крайнем западе острова, где на площади 1000 км² выявлено 102 археологических объекта (80 из них — вновь открытые). Л. С. Домингес рассказывает о некоторых аспектах древнего искусства земледельческого населения Кубы: Х. Кальвера и Р. Фунес — о наскальных росписях в пещерах провинции Камагуэй; К. Родригес — об изображениях антропо- и зооморфных духов-покровителей у аборигенов острова.

Г. Ф. Коробкова на основе трасологического анализа определяет функциональное назначение каменных орудий стоянок Наранхо-1 и Мелонес-10.

Завершает сборник публикация новых радиоуглеродных дат для некоторых кубинских древностей земледельческого периода (В. А. Панычев).

В целом совместная работа советских и кубинских археологов, вводящая в научный оборот новые археологические данные, безусловно полезна для многих специалистов по доколумбовой Латинской Америке. Однако название ее — «Археология Кубы» — представляется нам явно не соответствующим реальному содержанию. Сборник — лишь первый шаг на долгом и трудном пути по созданию подлинной картины развития доиспанских культур на территории Кубы.

В. И. Гуляев, Э. Г. Александренков

Примечания

¹ Попова Т. А., Фрадкин Э. Е. Древние культуры Кубы // Сб. МАЭ. 1967. Т. XXIV. С. 147—179.

² Александренков Э. Г. Индейцы Антильских островов. М., 1976.

³ Tabio E. E., Rey E. Prehistoria de Cuba. La Habana, 1966.

⁴ Такая схема была у Э. Табио (личное сообщение 1980 г.); Decal R. M. y Rivero de la Calle M. Arqueología aborigen de Cuba. La Habana, 1986.

⁵ Polish contributions in New World Archaeology / Ed. J. K. Kozlowski. Krakow, 1977; Chronologies in New World Archaeology / Eds Taylor R. E., Meighan C. W. N. Y., 1978.

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Мифы, предания и сказки Западной Полинезии (острова Самоа, Тонга, Ниуэ и Ротума). М., 1986

На русском языке опубликовано уже значительное число океанийских фольклорных текстов. Имеющиеся публикации весьма отличаются друг от друга по качеству. Среди них можно назвать и такой сборник, как «Мифы и предания папуасов маринд-аним», вышедший в той же, что и рецензируемое издание, серии «Сказки и мифы народов Востока» и представляющий тексты, взятые из трудов немецких этнографов-путешественников П. Вирца и Г. Невермана, и в то же время такой сборник, как «Сказки и легенды маори», тексты которого взяты из книг новозеландского писателя-фольклориста А. Рида, составителя сугубо популярных, сильно беллетризованных сборников австралийского и океанийского фольклора¹. Высоким профессиональным уровнем подготовки текстов и широким охватом фольклорного материала выделяется вышедший в 1970 г. все в той же серии сборник «Сказки и мифы Океании», в котором представлены образцы устного повествовательного творчества всех основных групп коренного населения островов Южных морей, в том числе и Западной Полинезии. Однако рецензируемый сборник займет не менее заметное место в ряду изданий полинезийского фольклора и позволит советскому читателю весьма существенно углубить свои представления о нем.

Прежде всего, в отличие от предшествующих изданий — в том числе от упомянутого сборника 1970 г., в котором лишь небольшая часть мифов и сказок переведена с языка оригинала, — подавляющее большинство текстов рецензируемой книги переведено не с европейских, а с полинезийских языков. Составительница сборника и переводчица содержащихся в нем мифов, сказок и преданий М. С. Полинская, лингвист, специалист по океанийским языкам, поставила перед собой очень сложную и благородную задачу попытаться донести до русского читателя стилистический колорит устного художественного творчества островитян и добиться как можно большей точности в передаче содержания 145 фольклорных произведений, отобранных строго продуманно. С этой задачей, требующей исключительно трудоемкой, кропотливой работы, глубоких не только лингвистических, но и этнографических и исторических знаний, а также художественного вкуса, М. С. Полинская справилась весьма успешно. Поэтому ее труд представляет большой интерес как для широкой публики, так и для тех ученых — этнографов, историков, фольклористов, которые прежде были знакомы с образцами полинезийского фольклора преимущественно в английских, немецких и французских переводах, нередко сокращенных и беллетризованных.

Кроме того, составленный М. С. Полинской сборник содержит гораздо более полную подборку самоанских, тонганских и, особенно, ротуманских текстов, чем издание 1970 г. В большинстве своем это фольклорные версии, которые ранее на русском языке не публиковались. Что же касается устного творчества коренных жителей острова Ниуэ, то оно представлено в советской печати впервые. И наконец, составительница последовательно выдержала принцип выбирать для перевода наиболее ранние и квалифицированно подготовленные публикации текстов.

Сборник открывается пространным предисловием, написанным М. С. Полинской. В нем приведены исторические, этнографические и лингвистические сведения о коренном населении Полинезии в целом и тех двух архипелагов и двух островов, которым посвящен сборник; дан

подробный анализ представленных памятников устного творчества, подробно охарактеризованы использованные источники. В конце сборника помещены детальные комментарии к каждому тексту с указанием места и времени его записи, автора публикации, языка, с которого сделан перевод. Поскольку во многих случаях содержание имеющихся в сборнике мифов, сказок и преданий строго соотносено с конкретными местностями на отдельных островах Западной Полинезии, постольку в комментариях большое внимание уделено пояснениям географического характера и каждый из разделов книги предвзвешен географической картой, на которой отмечены упоминаемые в текстах топонимы. В приложениях к книге приведены популярные рутманские, самоанские и тонганские пословицы и поговорки. Наконец, в сборнике имеются глоссарий и типологический указатель сюжетов, составленный на основе общего указателя фольклорных сюжетов С. Томсона и указателя океанийских сюжетов Б. Кертли.

Помимо стилистического своеобразия и несомненных художественных достоинств многих из помещенных в сборнике мифов, сказок и преданий, ценность опубликованных М. С. Полинской текстов также определяется заключенной в них богатейшей этнографической информацией, в том числе такой, которую трудно, а порой просто невозможно было получить европейскому наблюдателю. В ткань фантастических в своей основе фольклорных повествований вплетены многочисленные бытовые реалии. В типично первобытном этиологическом мифе или в волшебной сказке можно найти подробное описание способов плетения циновки или рыболовных сетей, информацию об устройстве жилищ, способах приготовления пищи, погребальной практике; сведения об иерархии социальных статусов и об организации власти, об элементах профессиональной или полупрофессиональной трудовой специализации и т. д. Имеются в сборнике и образцы тех памятников устного творчества, что традиционно служат океанистам важнейшим историческим источником. Подчас они доносят до нас отголоски реальных событий далекого прошлого, которые благодаря точности и глубине генеалогической памяти полинезийцев уходятся с достаточной вероятностью датировать.

В предисловии к сборнику и в комментариях к отдельным текстам М. С. Полинская неоднократно подчеркивает жанровую синкретичность публикуемых ею памятников, которая отражает нерасчлененность или слитность фольклорных жанров, характерную для всего устного творчества полинезийцев. Возможно, точнее было бы говорить о жанровой многосложности этих произведений: элементы различных фольклорных жанров в них не сплетены, а как бы напластованы и нередко легко могут быть отделены друг от друга.

Океания, и Полинезия в особенности, издавна расценивается этнографами, историками культуры как некий «подарок судьбы»: она дает богатейший материал для последовательной реконструкции ранних этапов развития социальной организации и духовной жизни общества. А полинезийский фольклор, в том числе и памятники, представленные в рецензируемом сборнике, это подарок для фольклористов и религиоведов: в нем нашли отражение различные стадии развития фольклорных жанров, религиозных представлений и, шире, разнообразных способов и средств осмысления явлений окружающего мира и самого человека — от глубоко архаических, сопоставимых с австралийскими и бушменскими, до весьма развитых, сопоставимых с древнеиндийскими или древнегреческими. Сравнивая сюжеты, записанные на различных островах и архипелагах Западной Полинезии, и даже произведения, записанные на одном и том же острове, можно видеть, как на основе древних первобытных мифов, сказок и быличек вырастает космологическая и космогоническая мифология, формируются волшебные, животные и богатырские сказки, а также исторические предания — предтеча героических эпических сказаний. Здесь как бы представлен вертикальный срез, показывающий последовательность исторического развития фольклорных жанров.

Среди персонажей западнополинезийских мифов, сказок и преданий можно встретить и животных, и фантастических зоо- и антропоморфных существ, подобных полуживотным-полулюдям из сказок Юго-Восточной Австралии, и духов, подобных папуасским демам; и богов, олицетворяющих различные стихии, богов-создателей, аналогов которым находят в мифологиях классовых обществ; наконец, героизированные образы вождей или просто выдающихся воинов, некогда действительно живших на островах и прославивших себя ратными подвигами.

В наиболее архаических, чаще всего зооморфных образах полинезийского фольклора некоторые исследователи видят даже отголоски тотемических представлений². В сугубо предположительной форме об этом пишет и М. С. Полинская (с. 30, 31). Хотя та осторожность, с которой она употребляет термин «тотемизм», очень импонирует, отметим все же, что, на наш взгляд, явных указаний на тотемические верования в текстах, опубликованных в рецензируемом сборнике, а также в сборнике 1970 г. нет, если понимать под тотемизмом не просто веру в некое мистическое родство животных (или растений) и человека, как это нередко делают фольклористы, а сложный комплекс представлений, в котором самое существенное — отождествление определенных видов животных, растений, неодушевленных предметов, явлений природы с определенными человеческими коллективами, как правило, очень немногочисленными и основанными на родственных отношениях³.

А вот этиологические мотивы целого ряда западнополинезийских фольклорных рассказов, особенно рассказов острова Ниуэ, отчетливо перекликаются с этиологическими мотивами первобытных мифов австралийских аборигенов. Примером могут служить сюжеты, в которых внешние признаки тех или иных животных объясняются как результат различных повреждений, некогда полученных в ожесточенных драках. Так, панцирь у черепахи — это камень, которым в драке в нее запустили и который навечно прилип к ее спине (астрал.); голова у птицы *века* потому наполовину лысая, что когда-то она получила глубокую рану в затылок (о. Ниуэ) и т. п.

Но наряду с довольно примитивными, часто наивно-фантастическими и сугубо конкретизированными представлениями, а также немудреными фабулами в сборнике можно встретить весьма

ложные сюжетные коллизии и образы, и даже отвлеченные понятия, такие, как Даль, Бескопечность, Простор, Дух, Мысль и т. п. Правда, складывается впечатление, что наличие таких экстракций в фольклорных повествованиях не общеполинезийское явление, как пишет М. С. Полинская в предисловии (с. 23), а особенность лишь части записанных на архипелагах мифов. Эта особенность есть следствие проделанного жрецами переосмысления народных мифологических представлений и предпринятой ими систематизации древних сюжетов⁴. «Вторичные» мифологии отличаются большей стройностью, логичностью изложения, более отчетливой соподчиненностью событий, продуманная иерархия образов богов⁵. Для других мифических существ, олицетворяющих те или иные явления природы или социальные действительности. К числу таких «вторичных» мифов, вероятно, принадлежит и самоанский миф об эпохе творения (№ 23), из которого взяты приведенные выше абстрактные понятия и который занимает в сборнике совершенно особое место.

И зооморфные мифические существа, и различные духи, и культурные герои, и боги при всей их фантастичности почти во всех содержащихся в сборнике повествованиях наделены также свойствами обычных людей. Поступкам мифическими и сказочными существами сплошь и рядом приписываются те же мотивы, что движут человеческими действиями, и мифические, сказочные герои нередко испытывают давление тех же социальных законов, что и создатели фольклорных памятников. А в художественных приемах, с помощью которых человек — его чувства, поступки, взаимоотношения с окружающими — находит отражение в западнополинезийском фольклоре, также, по-видимому, можно выделить и глубоко архаические и стадияльно более поздние черты.

Персонажи первобытных мифов, подобных опубликованным на русском языке мифам австралийских аборигенов из племени викмункан⁶, ассоциируются с различными видами животных, растений, с неодушевленными предметами, природными явлениями (ветер, молния, гром и т. д.). Вместе с тем они мужья и жены, родители и дети, сородичи и соплеменники. Это культурные герои, демиурги, совершающие могущественные акты творения. В то же время они едят, спят, добывают и готовят пищу, женятся и рожают детей, ревнуют и завидуют, сорятся и дерутся, как обыкновенные люди. Но хотя в первобытных мифах находят отражение человеческие взаимоотношения и человеческие чувства, в них нет разнообразия индивидуальных человеческих типов, сколько-нибудь отчетливо очерченных характеров, художественных образов, олицетворяющих те или иные личностные качества. Отсутствуют определения типа «злой», «добрый», «храбрый», «веселый», «мрачный», нет ни одобрения, ни осуждения поступкам действующих лиц. Первобытные мифы можно назвать морально индифферентными и обезличенными. Отсутствует распространенный в фольклоре более поздних эпох прием выражения отношения рассказчика к происходящим событиям в виде конечного результата сюжета — победа доброго начала над злым, того, что считается правильным, над тем, что считается неправильным.

Эту особенность, уходящую корнями в глубокое прошлое, можно уловить в отдельных западнополинезийских сюжетах или же в некоторых фрагментах ряда повествований (в первую очередь ниуанских, по-видимому, наиболее архаичных). Вместе с тем в анализируемых текстах, как и в полинезийском фольклоре в целом, виднейшее место принадлежит образу, который, будучи мифологическим культурным героем, имеет и отличительные индивидуальные качества, представляет уже определенный художественно индивидуализированный тип, например упомянутый выше Мауи — плут, шутник, трюкач. Возможно, это самый древний «характер» в словесном искусстве⁶. Черты трикстера присущи центральному образу таких глубоко архаических мифов, как бушменские, — Цагну, который вместе с тем ассоциируется с одним из видов насекомых (кузнечиком или цикадой). Мифологический плут, в том числе и полинезийский Мауи, во многих случаях изображается с первобытной «моральной индифферентностью» — он ни добр, ни зол, он и вредит и помогает окружающим, его действия сплошь и рядом идут вразрез с традиционными представлениями о правильном и разумном поведении. Но они не осуждаются и, даже напротив, можно полагать, что его хитрость, ловкость, несурзные проделки и выдумки обеспечивают ему сочувствие создателей мифа или рассказчиков: чаще всего он выходит победителем из столкновений с другими персонажами, успешно избегает разнообразных опасностей, преодолевает препятствия, стоящие на его пути в самых рискованных предприятиях, словом, ему сопутствует удача.

И наконец, в целом ряде текстов рецензируемого сборника отчетливо проступают элементы сказочной или эпической идеализации центрального персонажа, противостоящего темным силам. Либо богатырь, сильный воин, обладающий сверхчеловеческим могуществом или чудесным оружием и избавляющий людей от злобных чудовищ, великана-людоеда, жестоких завоевателей-чужеземцев и др. Либо это обычный человек, иногда даже ребенок (в последнем случае М. С. Полинская видит трансформацию меланезийского сюжета о «бедном сиротке»), который хитростью и при поддержке доброжелательного существа, наделенного волшебной силой, избегает гибели, уготованной ему злобным духом или враждебным могущественным правителем, а потом завладевает принадлежащими противнику сокровищами или ценными знаниями. Порой встречается мотив самопожертвования героя (героини) ради спасения либо кого-то из родных, либо всех обитателей острова, либо вообще человеческого рода. Во многих повествованиях мифологическим и сказочным персонажам даются моральные оценки: «скверный», «жестокий», «отважный», «добрый». Иногда такие оценки даются отдельным поступкам и побуждениям действующих лиц: «злое дело», «злой умысел».

Для наиболее архаических фольклорных повествований, как можно заключить по целому ряду публикаций, не характерны определения настроений, психических состояний действующих лиц (типа «ему грустно», «весело», «страшно»). Выразительность обычно достигается при помощи прямой речи, насыщенной междометиями. В полинезийских мифах и сказках прямая речь также выполняет эту функцию. Вместе с тем в них довольно многочисленны и непосредственные определения психических состояний героев. Особенно часто упоминаются стыд, страх, скорбь.

Неоднократно встречающийся мотив — самоубийство с горю об умершем супруге или родственнике, со стыда или раскаяния за совершенное преступление.

Необходимо, однако, отметить, что в некоторых текстах, как подчеркивает и М. С. Полинская, достаточно отчетливо проступает влияние христианской морали и европейских литературных вкусов. По-видимому, оно особенно заметно в тех повествованиях, которые были записаны со слов грамотных полинезийцев, владевших одним из европейских языков и сознательно стремившихся подражать европейской повествовательной традиции. Хотя бы отчасти на счет этого влияния можно отнести вкрапленные в полинезийские тексты моральные оценки и определения психических состояний. В отдельных, впрочем, достаточно немногочисленных случаях в излишней сложности, «литературности» речи можно, видимо, упрекнуть и переводчицу. Однако в целом достоинства перевода и подготовки текстов столь сильно перевешивают их недостатки, что несомненно этот сборник может рассматриваться в качестве образцового издания памятников устного народного творчества. Остается только пожалеть, что в это серийное издание нельзя было включить самостоятельные стихотворные произведения полинезийского фольклора: отдельные песенные вставки в фольклорных повествованиях показывают, что переводы поэтических текстов весьма удаются М. С. Полинской.

О. Ю. Артемова

Примечания

¹Мифы и предания папуасов маринд-аним. М., 1981; Сказки и легенды маори (из собрания А. Риды). М., 1981.

²Мелетинский Е. М. Повествовательный фольклор народов Океании // Сказки и мифы Океании. М., 1970. С. 28.

³Максимов А. Н. К вопросу о тотемизме у народов Сибири // Уч. зап. Ин-та истории. Т. 7. М., 1928; Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.

⁴Мелетинский Е. М. Указ. раб. С. 18.

⁵Макконнел У. Мифы мункан. М., 1981.

⁶Ср. Мелетинский Е. М. Указ. раб. С. 24.

ЛЕВ ЕВГЕНЬЕВИЧ КУББЕЛЬ

23 ноября 1988 года умер доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнографии АН СССР, заместитель заведующего сектором истории первобытного общества Лев Евгеньевич Куббель. Наша наука потеряла одного из выдающихся своих деятелей, замечательного исследователя-африканиста, видного теоретика эволюции исторических форм потестарных и политических институтов, человека, обладавшего глубоким личным обаянием и тонкой деликатностью.

Л. Е. Куббель ушел из жизни внезапно и безвременно, далеко не исчерпав свои дарования и творческую энергию. Его авторское наследие и сферы приложения его научной деятельности столь многогранны и обширны, что охватить их — задача не из легких.

Лев Евгеньевич родился в 1929 году в Ленинграде в семье инженера и преподавательницы английского языка и воспитывался в лучших традициях интеллигентных семей. С ранних лет в нем развивали любознательность, трудолюбие, эстетический вкус, любовь и способности к изучению иностранных языков. Немецкому и английскому его учили с детства, позднее он освоил французский. Этими тремя языками Лев Евгеньевич владел свободно. Читал также по-польски и по-итальянски. Профессионально переводил с арабского.

Детство и юность в главном портовом городе страны, глубоко чтившем старинные традиции мореплавания и судостроения, сформировали особый интерес к истории морских путешествий и Великих географических открытий, к истории морского флота и техники кораблестроения. Заканчивая школу, Л. Е. Куббель намеревался поступать в Ленинградский кораблестроительный институт и в дальнейшем, сделав иной выбор, сохранял приверженность ранним увлечениям. Многие годы, в Ленинграде, Лев Евгеньевич занимался парусным спортом на Финском заливе. Он был также вдохновенным знатоком различных образцов судостроительного искусства, великолепно разбирался в конструкциях парусных кораблей, и до самых последних дней жизни Центральный военно-морской музей оставался для него любимейшим местом в Ленинграде.

Учился Л. Е. Куббель на Восточном факультете Ленинградского университета. Специализировался по арабистике на кафедре Ближнего Востока. На этой кафедре, включавшей в свой состав целую плеяду выдающихся ученых, он получил блестящее филологическое и историческое образование, овладел классическими методами источниковедческого анализа под руководством крупнейших арабистов И. Ю. Крачковского и В. И. Беляева. С отличием окончив университет в 1961 году, Лев Евгеньевич в течение шести лет не мог найти работу по специальности и вынужден был служить в организации, носившей название «Резинопроект», поступив туда на должность техника, а затем приобретя квалификацию инженера.

В 1957 году появилась возможность устроиться на кафедру Ближнего Востока ЛГУ, и,

будучи уже женатым и имея двоих детей, Л. Е. Куббель перешел туда со ставки инженера на ставку лаборанта. А через несколько месяцев ему представился случай поступить на работу в Ленинградскую часть Института этнографии АН СССР в сектор Африки, куда Д. А. Ольдерогге пригласил его для участия в переводе и подготовке к изданию арабских источников, вошедших в серию «Древние и средневековые источники по истории и этнографии Африки южнее Сахары». Это положило начало многолетнему кропотливому труду, выполнявшемуся Л. Е. Куббелем с большим увлечением параллельно с историко-этнографическими исследованиями. Результатом явились три тома (совместно с В. В. Матвеевым) сочинений средневековых арабских авторов с аналитическими вступительными статьями и подробными примечаниями. К этим работам близко примыкает и является в известной мере их продолжением еще одна книга — «Суданские хроники», в которой Л. Е. Куббель издал в своем переводе два арабоязычных исторических сочинения, написанных в XVII веке в г. Томбукту (Мали). Эти переводы характеризуются стремлением к максимальной точности, к воспроизведению специфического арабского и суданского колорита текстов и, по возможности, авторского стиля их создателей.

Работа над арабскими источниками в конце 50-х — начале 60-х годов в значительной мере определила круг исследовательских интересов Л. Е. Куббеля, локализовав их в Западном и Центральном Судане, и дала ему богатейший фактический материал. Примерно в те же годы ему представился случай дважды побывать в странах этого региона. В 1961 году он на год поехал в Гвинею. Работая там в качестве переводчика в группе советских геодезистов, он приобрел одновременно обширный багаж этнографических наблюдений, который сослужил ему хорошую службу в дальнейших исследованиях. В 1963 году Лев Евгеньевич опубликовал свою первую монографию, «Из истории древнего Мали», защитил по ней кандидатскую диссертацию и в том же году снова отправился на несколько месяцев в Африку, на этот раз в Мали уже в составе лингво-этнографической экспедиции АН СССР, которая должна была выработать рекомендации по созданию письменности на местных языках.

В 1966 году Л. Е. Кубель получил приглашение перейти в Институт Африки АН СССР в Москве. Там он проработал до 1972 года, в течение трех лет (с 1967 по 1970) заведующим сектором культуры и образования. А в 1972 году он перешел в Московскую часть Института этнографии СССР в группу (впоследствии сектор) истории первобытного общества, где и работал до конца жизни.

В центре теоретических интересов Льва Евгеньевича на протяжении всего его творчества были проблемы сложения классового общества и становления государственности. И именно в этой области он внес наиболее существенный вклад в отечественную науку. Уже в первой, упоминавшейся выше монографии «Из истории древнего Мали» он сосредотачивает исследование преимущественно на политической истории, социально-экономической стратификации и отношениях собственности мандингского общества в XIII—XV веках, хотя анализирует также и духовную жизнь, в особенности религиозную ситуацию. И уже в этой работе он привлекает внимание исследователей к чрезвычайно важному в теоретическом отношении явлению, имевшему место не только в древнем Мали, но и во многих подобных государственных образованиях других регионов мира и породившему многочисленные дискуссии между специалистами — к наличию государственности при отсутствии сложившихся форм частной собственности на землю.

В самой крупной своей африканистической монографии, опубликованной в 1974 году и защищенной в том же году в качестве докторской диссертации, Л. Е. Куббель поставил задачу дать первое в мировой науке всестороннее описание другого, пришедшего на смену древнему Мали, раннегосударственного образования Западного Судана — Сонгайской державы XV—XVI веков. Книга основана на комплексном изучении источников: археологических данных, средневековых арабских сочинений, записок и отчетов ранних европейских путешественников. Осторожно используются также сведения устной традиции и метод этнографической ретроспекции. Автор подробно исследует этническую ситуацию, систему хозяйства, общинно-родственные и семейные структуры, а также идеологию, но все же главный интерес для него представляют сопоставление социально-экономического положения различных слоев сонгайского общества и анализ организации власти. При этом Л. Е. Куббель стремится не просто показать Сонгайскую державу в период ее расцвета, но и как бы выстроить некую кардинальную линию, по которой шел процесс политико- и классогенеза в Западном Судане до марокканского завоевания и европейского вмешательства; линию, демонстрирующую некоторые общие исторические закономерности этого процесса. Поэтому в поисках свидетельств преемственности Л. Е. Куббель постоянно обращался к истории более

ранних политических образований в соседствующих с сонгаями районах — древней Ганы и Мали. При этом он вплотную столкнулся с целым рядом фактов, которые не укладывались в общепринятую в марксистской историографии схему образования государства, и будучи добросовестным и вдумчивым исследователем, уделил этим фактам особое внимание, создав тем самым почву для последующих теоретических дискуссий. Поставленная Л. Е. Куббелем на материалах древней Ганы проблема отсутствия классовых отношений при наличии государственной организации впоследствии получила название «политогенетической контroversы». Фундаментальный характер исследования, глубокая и достаточно острая постановка ряда важнейших в теоретическом отношении вопросов обеспечили «Сонгайской державе» высокую оценку специалистов, в том числе в странах Африки, в Западной Европе и в США. Ей, в частности, посвятил подробную статью виднейший английский этнограф и философ Э. Геллнер¹. Этой книге Лев Евгеньевич в значительной мере обязан своим именем в зарубежной науке.

Начиная с 1975 года, Л. Е. Куббель от исследования конкретных примеров классообразования и политогенеза переходит к разработке общих вопросов организации отношений власти, властвования и соответствующих структур в докапиталистических обществах. В 1988 г. он выпустил монографию «Очерки потестарно-политической этнографии» — капитальный труд, который привлёк и ещё привлечёт большое внимание этнографов, историков, политологов. В ней, развивая и аргументируя на большом африканском и ином этнографическом материале идеи, выдвинутые в предшествующих статьях (в частности, в специальной статье, вышедшей в 1979 г. в сборнике «Исследования по общей этнографии»), он первым в советской этнографии заложил основы такого же важного подраздела, как этнополитология. Тем самым в отечественной науке была закрыта заметная брешь, зиявшая с 1940-х годов, когда эта субдисциплина стала приобретать современные контуры в западной, особенно английской, антропологии. Здесь не место детально говорить о выдвинутых Львом Евгеньевичем этнополитологических идеях, и поэтому отметим только главное. Понятийно-терминологическая дифференциация потестарной и политической этнографии позволяет значительно более четко, чем это делается в работах английских, французских и других политантропологов, исследовать институты власти и отношения властвования, с одной стороны, в доклассовых, с другой — в традиционных классовых обществах.

Помимо крупных монографических исследований Л. Е. Куббелю принадлежит множество публикаций в различных периодических изданиях, сборниках и коллективных монографиях. Он был в числе ведущих авторов таких коллективных изданий сектора истории первобытного общества, как «Становление классов и государства» (М., 1976), «Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий» (М., 1978), «Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе» (М., 1982), «История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы интросоциогенеза» (М., 1983), «История первобытного общества. Эпоха классообразования» (М., 1988).

Наряду с теоретическими исследованиями Л. Е. Куббель написал целый ряд источниковедческих и историографических работ, опубликованных, в частности, в коллективных трудах Института Африки АН СССР и Института всеобщей истории АН СССР. Немало работ Льва Евгеньевича опубликовано за рубежом — в Верхней Вольте (ныне Буркина-Фасо), ГДР, Эфиопии, Польше. Он откликнулся рецензиями на множество советских и зарубежных этнографических и исторических изданий, был редактором большого числа научных и научно-популярных книг как отечественных, так и переводных. К ряду из них написал предисловия или послесловия.

Помимо арабских источников по истории Африки, Л. Е. Куббель перевел на русский язык несколько западноевропейских исторических исследований. Он имел особый вкус к такой работе и уже будучи доктором наук не мог, по его собственному выражению, «отказать себе в удовольствии» взяться за перевод интересной книги. Его переводы являются образцовыми и наглядно свидетельствуют, что лишь высококвалифицированный специалист может хорошо перевести научную работу. Последним и самым крупным его переводом был фундаментальный трехтомный труд «Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв.» известного французского ученого, ведущего представителя исторической школы «Анналов» Ф. Броделя. Два тома этого труда уже вышли в свет в издательстве «Прогресс», а третий находится в печати.

Лев Евгеньевич проявил себя и как мастер популяризации этнографических и исторических знаний, опубликовав несколько научно-популярных работ, среди которых выделяются книги «Страна

¹ Gellner E. Class before State: The Soviet Treatment of African Feudalism // Archives Européennes de Sociologie. T. XVIII, 1977, № 2.

золота», живо и увлекательно излагающая историю древней Ганы, средневековых Мали и Сонгаи, а также «Путь в Томбукту», где рассказана полная драматизма история исследования внутренних районов Западной Африки европейскими путешественниками.

Свой опыт и знания Лев Евгеньевич умело передавал научной молодежи. Он подготовил многих аспирантов и стажеров, в том числе и из стран Африки — Судана, Нигера, Гвинеи-Бисау, Мали.

С 1980 г. Лев Евгеньевич работал заместителем главного редактора журнала «Советская этнография». Он курировал статьи по этнографии народов зарубежных стран, но к нему же поступали все наиболее сложные теоретические, дискуссионные статьи, работа с которыми требовала неординарных знаний, большого опыта, человеческого такта. И тем не менее в дни так хорошо знакомой каждой редакции авралов его, ученого и организатора науки с европейским именем, можно было увидеть за пишущей машинкой или другой технической работой.

Все те, кто знал Льва Евгеньевича, не могли не чувствовать обаяния его личности. Как истинно интеллигентный человек, он был неизменно корректен, сдержан, терпим и доброжелателен в своих взаимоотношениях с коллегами. Уже будучи тяжело больным, он никогда не жаловался, помня о том, что у каждого «свои проблемы», и стремясь при всех обстоятельствах сохранять чувство юмора. Хотя он не мог не отдавать себе отчет в истинном значении и масштабах своей научной работы и широте своей эрудиции, он всегда был подчеркнуто скромным.

Со Львом Евгеньевичем было легко и надежно в деловом научном сотрудничестве и удивительно приятно в простом неформальном общении. Он был нам хорошим товарищем.

Утрату, которую мы понесли, многие из нас будут остро ощущать еще очень долго.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ *

Научные публикации

- О некоторых чертах военной системы халифата Омейядов // Палестинский сборник. 1959. № 4 (67). 1,6 а. л.
- Древнейшее арабское сообщение об обычаях соправления брата и сестры у африканских народов // Советская этнография (далее — СЭ). 1961. № 1. 0,5 а. л.
- Ранние арабские сообщения о Западном Судане и его торговых связях с Северной Африкой // Краткие сообщения ИНА АН СССР. 1961. № 47. 0,5 а. л.
- Новые исследования по истории Мали // СЭ. 1962. № 3. 0,5 а. л.
- Из истории древнего Мали // Африканский этнографический сборник. V / ТИЭ АН СССР. Новая серия. Т. 76. 1963. 10,2 а. л.
- Сервильные поселения и их роль в этнической истории средней дельты Нигера в XVI в. / VI МКАЭН. Доклады делегации СССР. 1964. 0,6 а. л. То же // Труды VII МКАЭН. Т. 9. М., 1970.
- Экспедиция Е. П. Ковалевского в Египет и Восточный Судан в 1847—1848 гг. (на англ. и франц. яз.) // Россия и Африка. М., 1966. 0,75 а. л.
- Материалы по социально-экономическим отношениям у народов Эфиопии в трудах А. К. Булатовича // СЭ. 1967. № 3. 0,6 а. л. То же на франц. яз. // Proceedings of the 3d International Conference of Ethiopian Studies. Addis Ababa, 1970.
- Возникновение государственности в Западном Судане (на франц. и англ. яз.) / II Международный конгресс африканистов. Доклады делегации СССР. М., 1967. 0,5 а. л. То же на франц. яз. // Congrès International des Afrikanistes. IIe session. Dakar, 1972.
- К истории общественных отношений в Западном Судане в VIII—XVI вв. // Африка в советских исследованиях. Ежегодник. М., 1968. 1,6 а. л. (то же на англ. и франц. яз.).
- О периодизации истории долины Верхнего и Среднего Нигера в VIII—XVI вв. (на франц. яз.) // Notes et documents Voltaïques. Ouagadougou (Haute-Volta), 1968. № 1 (4). 0,8 а. л.
- ДокOLONиальная Африка в трудах Шейха Анта Диопа // СЭ. 1969. № 4. 1,0 а. л.
- Некоторые вопросы развития культуры стран Африки в свете ленинского учения о культурно-преемственности // СЭ. 1970. № 2. 0,8 а. л.
- Задачи и особенности культурного строительства в независимых государствах Африки // Проблемы культурного строительства в странах Африки. М., 1971. 2,6 а. л.
- Вопросы культурного строительства // Актуальные проблемы некапиталистического развития освобождающихся стран. М., 1971. 0,55 а. л. (совместно с Вавиловым В. Н. и Семашкиной М. В.).

* В список не включены рецензии и редактировавшиеся Л. Е. Куббелем монографии и сборники советских и зарубежных авторов, изданные в период с 1966 по 1988 г.

- У. Дюбуа и формирование африканской интеллигенции (на англ. и франц. яз.) // У. Дюбуа — ученый, гуманист, борец. М., 1971. 0,5 а. л. (совместно с Катагощиной И. Т.).
- К вопросу о некоторых особенностях исторического развития Западного Судана в средние века // Основные проблемы африканистики. Этнография, история, филология. М., 1973. 0,5 а. л.
- Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974. 24,7 а. л.
- Плавания Коковцова и Головинина (вводные статьи и примечания к разделу) // Африка глазами наших соотечественников. М., 1974. 1,0 а. л.
- Раздел «Африка» в ст.: Первобытная периферия докапиталистического мира // Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1974. 0,5 а. л.
- Об особенностях классовообразования в средневековых обществах Западного и Центрального Судана // Становление классов и государства. М., 1976. 2,1 а. л.
- Предисловие и раздел: Арабоязычные африканские источники по истории народов Африки // Источниковедение истории Африки. М., 1977. 0,9 а. л.
- К истории этнографического изучения Африки и России // Из истории русской африканистики. М., 1977. 3,0 а. л.
- Глава «Африка» // Первобытная периферия докапиталистических классовых обществ. М., 1978. 3,0 а. л.
- ДокOLONиальные политические структуры Африки в западноевропейской этнографии (критический обзор тенденций) // СЭ, 1977. № 4. 1,5 а. л. То же // Kultur und Ethnos. Zur Kritik der bürgerlichen Auffassungen über die Rolle der Kultur in Geschichte und Gesellschaft. В., 1980.
- Историческая наука в Верхней Вольте, Гвинее, Камеруне, Конго, Нигере, Сенегале, Чаде // Историческая наука в странах Африки. М., 1979. 4,0 а. л.
- Хрестоматия по древней и средневековой истории Африки (составление, перевод источников, примечания). М., 1979. 28,6 а. л. (совместно с Берзиной С. Я.).
- Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979. 2,5 а. л.
- Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества (на англ. яз.) // Советские этнографические исследования. М., 1978. 0,5 а. л.
- Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. 1,8 а. л.
- Потестарно-политическая культура докапиталистических обществ (к постановке проблемы) // СЭ. 1980. № 1. 1,5 а. л.
- Варианты формирования отношения зависимости и эксплуатации (на африканском материале) (на нем. яз.) // Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Bd. XXXII. 1985. 0,6 а. л.
- Разделы в гл.: Историография истории первобытного общества // История первобытного общества. Т. 1. М., 1983. 3,75 а. л.
- Традиционная потестарно-политическая культура и колониальное общество // Этнографические исследования культуры. М., 1985. 1,3 а. л.
- Традиционная политическая культура и колониальное общество // Народы Азии и Африки. 1981. № 6. 1,0 а. л.
- Идеология и ритуал в становлении верховной власти на грани перехода к раннеклассовому обществу (на нем. яз.) // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. В., 1982. № 1. 0,5 а. л.
- Антиколониализм в африканской общественной мысли: идеи и люди // Антиколониальная борьба и общественная мысль в Тропической и Южной Африке. М., 1983. 0,75 а. л. (совместно с Туполевым Б. М.).
- Понятия и термины этнографии: несколько соображений в связи со статьей А. И. Першица // СЭ. 1983. № 5. 0,3 а. л.
- Культурная традиция в информационной сети культуры: функционирование и трансформация // Советские исследования по этнографии (на англ. яз.). М., 1983. 0,5 а. л.
- Традиционная политическая культура в постколониальном обществе (на примере Африки) // Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1984. 0,6 а. л.
- Глава: Культура Западной Африки // История Африки в XIX — нач. XX в. (2-е изд.). М., 1984. 0,5 а. л.
- Этнография и науки о государстве и праве // Вестник Академии наук СССР. 1984. № 10. 1,0 а. л. (совместно с Венгеровым А. Б. и Першицем А. И.).
- Введение и заключение в кн.: Африка. Культурное наследие и современность. М., 1985. 1,13 а. л.

- Культурная традиция в информационной сети культуры: функционирование и трансформация // СЭ. 1985. № 6. 1,0 а. л.
- 20 статей в кн.: Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. 1,85 а. л.
- Возникновение отношений зависимости и эксплуатации (на африканском материале) // Народы Азии и Африки. 1986. № 3. 1,0 а. л.
- Жизненный цикл в публикациях журнала «Советская этнография» (1981—1986) // Сб. советских докладов для III Конгресса МОЭФЕ (на англ. яз.). М., 1987. 0,35 а. л.
- «Формы, предшествующие капиталистическому производству» К. Маркса и некоторые аспекты возникновения политической организации // СЭ. 1987. № 3. 1,0 а. л.
- Африка. Энциклопедический справочник: в общем обзоре «Исторический очерк» (разделы); статьи: «Дервишские ордена», «Ислам» и др. (более 30 статей). Т. 1—2. М., 1986—1987.
- Более 40 статей в БСЭ (3-е изд.), СИЭ, КЛЭ. М., 1962—1986.
- Проблема общего и особенного в политогенезе: некоторые аспекты / Доклад на XII МКАЭН. М., 1988. 0,5 а. л. (то же на англ. яз.).
- Очерки постстарно-политической этнографии. М., 1988. 19,55 а. л.
- Глава: Возникновение частной собственности, классов и государства; раздел: Первобытная периферия классовых обществ // История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М., 1988. 11,5 а. л.
- Контакты Северной Африки и суданско-сахельской зоны в VII—XVI вв. // Африка: взаимодействие культур. М., 1988. 0,85 а. л.

Публикации источников

- Арабские источники VII—X вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары (перевод с арабск. яз.; авторство: введение, приложения). М.; Л., 1960. 28,7 а. л. (совместно с Матвеевым В. В.).
- Разделы: «Ал-Бакри» и «Ибн Хаукал» // Арабские источники X—XII вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары (перевод с араб. яз.; приложения). М.; Л., 1965. 5,0 а. л.
- Разделы: «Якут», «Ибн ал-Асир» и др. (7,5 а. л.) // Арабские источники XII—XIII вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары (перевод с арабск. яз.; приложения). Л., 1985. 21 а. л.
- Суданские хроники (перевод с арабск. яз.; авторство: предисловие, примечания). М., 1984. 38,5 а. л.

Научные переводы

- Верни Л. Камерон. Пересекая Африку (перевод с англ. яз.; авторство: предисловие, примечания — 3,0 а. л.). М., 1981. 25,7 а. л.
- Фернан Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. (перевод с франц. яз.). Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. 47,3 а. л. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. 50,95 а. л. Т. 3. Время мира. М. (в печати).

Основные научно-популярные и информационные публикации

- Экспедиция советских лингвистов в Республику Мали // Вестник Академии наук СССР. 1964. № 9. 0,3 а. л.
- Страна золота. М., 1966. 7,5 а. л. 2-е изд. в печати.
- На II Международном конгрессе африканистов (Дакар, 1967) // Народы Азии и Африки. 1968. № 3. 0,8 а. л.
- На Всесоюзной конференции африканистов // СЭ. 1970. № 4. 0,8 а. л. (совместно с Андриановым Б. В.).
- Письмо из Москвы (на нем. яз.) // Sinn und Form. В., 1970. № 6. 0,4 а. л. (совместно с Никифоровой И. Д.).
- Путь в Томбукту. Рассказ о путешествиях А. Г. Лэнга по внутренним областям Африки. М., 1971. 4,5 а. л.
- В поисках Нигера. М., 1972. 13,8 а. л. (совместно с Зотовой Ю. Н.).
- Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР // СЭ. 1983. № 3. 0,9 а. л.
- На III конгрессе Международного общества этнологии и фольклора Европы // СЭ. 1987. № 6. 0,5 а. л.

A Session of the Interdisciplinary Council on Studying Ethnic Processes Devoted to Ethnic Problems in the Baltic Republics

The session was held on Oct. 28, 1988, the report being delivered by Ya. K. Rebane, heading the Estonian interdisciplinary council on studying ethnic processes. The speaker gave an analysis of the current situation in Estonia in view of the conception of republican economic self-support. The discussion concerned some problems relevant to the entire Baltic region of the USSR as well as some general ethno-political problems.

Ethnic Change and Language Situation in Estonia

Linguistic and cultural development in modern Estonia is complicated by some factors (primarily, excessive immigration) reducing the functional field of Estonian national culture, including language. The share of ethnic Estonians in the population of the republic is also declining. These trends have a negative effect upon interethnic relations, necessitating competent management of ethnic processes. The sphere of management should include economic trends, culture and education, aiming at giving non-Estonian population access to Estonian culture, spreading cultural achievements of other ethnic groups among the Estonians, promoting the sentiments of internationalism and Soviet patriotism.

Improving interethnic relations should be conducted in the spirit of mutual understanding and tolerance, avoiding biased judgements and overheated passions. Nihilistic approach should be rejected, considering the positive experience accumulated in Soviet years.

Ya. K. Rebane

Editorial Comment

Having read our second account of the sessions of the Interdisciplinary Council on Studying Ethnic Processes (the first one was published in the preceding issue of the journal), the reader may conclude that these sessions are not visibly useful, because heated discussion prevails over analytic approaches and the ideas being put forward sound like pure declarations. We think this impression to be incorrect, at least partly.

Evaluating the current stage of elaborating the conception of ethnic relations (to be exact, the situation described is characteristic of late 1988), we must note that even now that concrete projects are under development, animated discussion still goes on, concerning the basic foundations of the conception, both theoretical and political in character. It couldn't have been otherwise, because improving ethnic relations in the USSR is not a «technical» task. Taking political decisions, improving legislation etc. should be preceded by laying methodological, theoretical and ideological foundations of the reform. These are the problems the Interdisciplinary council centers its work at.

Ethnic Processes in the USSR and Some Aspects of Soviet Population Censuses

Soviet population censuses are often regarded as an important source of ethnic information. But, in the author's opinion, the current rules of processing the data, particularly those on ethnicity and mother tongue, reduce the value of this source to a great extent. The statistics are processed and published according to a list of ethnic groups which is compiled beforehand. This contradicts the principle of fixing ethnic nationality as one's personal ethnic identity, free from external influence. Ethnic identity is universally acknowledged as the principal criterion of ethnicity, which implies that one should name his ethnic group in his native tongue. However, the ethnic nationality item is now worded so that the respondent must give a Russian ethnonym, which does not always correspond to his actual ethnic identity. Improving the methodology of the population censuses is an important pre-condition of more profound and objective analysis of ethnic processes in this country.

M. V. Kriukov

Clan Organization in the Socio-Economic Structure of Class Societies

Soviet scholars still tend to regard clan as a form of social organization inherent to primitive society only. It is assumed that clan organization disintegrates together with primitive egalitarian societies, being gradually replaced by «patronymy», which is considered as a specific social structure. In the authors' view, the «patronymy» is rather a retarded form of clan-communal organization, adapted to post-primitive stratified society. So, clan organization does not disintegrate but rather transforms itself under the conditions of class society. The transformation, in its turn, has an accelerating effect upon social stratification.

A. V. Korotayev, A. A. Obolonkov

Substantiating the Methods of Studying Ancient Ethnic and Cultural Contacts (the Case of Ethno-Cultural Links of South-Eastern and Central Europe with the Armenian Highland and the Southern Caucasus)

Studying interaction between ancient cultures is limited by the possibilities of archaeological sources and linguistic reconstructions. The problem of cultural interaction as reflected by archaeology hasn't been adequately elaborated. So, archaeological data are not always subject to interpretation in terms of such concepts as convergence or synstadial evolution, migration, exchange, diffusion, segmentation, ethnic affiliation etc. Any archaeological reconstruction of these phenomena is based upon indicating the level of analogousness of the artefacts. That's why the concepts of «analogousness of a single artefact» and «type analogousness» should be differentiated. Spatial relocations of cultural phenomena should be reconstructed primarily by fixing type analogousness. We must differ between migratory transmission, implying that a cultural phenomenon moves together with its bearer, and interportant transmission (the phenomenon moving from one bearer to another). These transmission types interact and replace each other historically. This is observed when comparing the archaeological cultures of the Armenian Highland and the Southern Caucasus with those of South-Eastern and Central Europe.

G. Ye. Aresh'an

An Age-Long Argument. Settlement Structure as an Ethnic Sign (the Case of Russian North)

Specific features in the structure of Russian and Finno-Ugric rural settlements of the Russian North are identified on the basis of objective numerical criteria. The roots of the difference are characterized.

V. P. Orfinskiy

CONTENTS

Looking Ahead to the CPSU Central Committee Plenary Session on Improving Interethnic Relations in the USSR

A Session of the Interdisciplinary Council on Studying Ethnic Processes. *Ya. K. Rebane* (Tallinn). Ethnic Change and Language Situation in Estonia. Review of Comments.

M. V. Kriukov (Moscow). Ethnic Processes in the USSR and Some Aspects of Soviet Population Censuses.

Articles

A. V. Korotayev, A. A. Obolonkov (Moscow). Clan Organization in the Socio-Economic Structure of Class Societies. *G. Ye. Aresh'an* (Yerevan). Substantiating the Methods of Studying Ancient Ethnic and Cultural Contacts (the Case of Ethno-Cultural Links of South-Eastern and Central Europe with the Armenian Highland and the Southern Caucasus). *V. P. Orjinsky* (Petrozavodsk). An Age-Long Argument. Settlement Structure as an Ethnic Sign (the Case of Russian North).

From the History of Ethnography

K. V. Chistov (Leningrad). *M. K. Azadovsky* and the Performer Problem in the Russian Folklore Studies (XIX—XX c.).

Ethnography in Museums

V. A. Dmitriev, N. M. Kalashnikova (Leningrad). On Modern Principles of Acquisition for Ethnographic Museums.

Communications

V. Ya. Babenko (Ufa). Food of the Ukrainian Population in Bashkiria. *T. V. Zaikovskaya* (Nezhin, Chernigov Region). Traditional Beliefs and Concepts among the Greeks of Adzharia (the Ancient Sources of the Images of St. Elijah and St. George). *V. G. Cha'an, N. V. Meishvili* (Sukhumi). Demographic Characteristics of a Primate Horde as a Model for Studying Early Homi-
nides.

Searchings, Facts, Hypotheses

Ye. N. Studenetskaya (Leningrad). An Investigation 120 Years After.

Academic Life

A. Yu. Britsina (Kiev). A Conference of Ukrainian Lore Collectors. *A. V. Kurbanov, A. M. Bianki* (Leningrad). Central-Asian and Caucasian Readings Dedicated to the 80th Birthday of *Ye. N. Studenetskaya*. *M. Ya. Zhornitskaya, E. G. Alexandrenkov* (Moscow). A Festival of Ethnographic Films. Expeditions in Brief

Our Anniversaries

List of Major Works by *A. O. Viires*, Doctor of Historical Sciences (to His 70th Birthday). List of Major Works by *N. V. Kocheshkov*, Doctor of Historical Sciences (to His 60th Birthday and 25th Anniversary of His Scholarly Activity).

Criticism and Bibliography

General Ethnography. *A. I. Pershits* (Moscow). Ethno-Social Aspects of Family Studies among the Peoples of Non-Soviet Europe. *V. S. Titov* (Minsk). Ancient Apparel in Eastern Europe. Peoples of the U S S R. *T. S. Guzenkova, A. D. Korostelyov, V. V. Pimenov* (Moscow). Ethno-Social Problems of the City. *M. Ya. Melts* (Leningrad). *M. K. Azadovsky* Siberian Pages: Essays, Reviews, Letters. *M. G. Rabinovich*. (Moscow). D. A. Granin. A Leningrad Catalogue. *N. D. Pchelintseva* (Moscow). Ethnographic Materials in the Series «Monuments of Azerbaijanian Material Culture». Peoples of America. *V. I. Gul'ayev, E. G. Alexandrenko* (Moscow). Archaeology of Cuba. Peoples of Oceania. *О. Yu. Artemova* (Moscow). Myths, Legends and Tales of Western Polynesia.

In Memoriam Lev Yevgenyevich Kubbel'.

Технический редактор *Гришина Е. И.*

Сдано в набор 11.01.89 Подписано к печати 31.03.89 Формат бумаги 70×100^{1/4}
Офсетная печать Усл. печ. л. 14,3 Усл. кр.-отт. 43,6 тыс. Усл.-изд. л. 18,6 Бум. л. 5,5
Тираж 2999 экз. Зак. 2462. Цена 1 р. 90 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, В—36, ул. Д. Ульянова, 19, тел.: 126-94-91, 123-90-97

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Цена 1 р. 90 к.

Индекс 70845

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»

Г О Т О В Я Т С Я К П Е Ч А Т И :

Миненко Н. А. ЖИВАЯ СТАРИНА: БУДНИ И ПРАЗДНИКИ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В XVIII— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. 1989. 10 л. 40 к.

В книге рассказывается о важнейших сторонах жизни русского крестьянства Сибири: организации мирского самоуправления, деревенском судопроизводстве, этике соседских взаимоотношений, досуге. Приводятся сведения об отношении крестьян к книге, их частной переписке. Воссоздается праздничная обрядность, раскрываются ее социальные функции. Освещается деревенская медицинская практика: взгляды крестьян на этимологию болезней, применение ими лечебных средств.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Традиции в современном обществе. 1989. 20 л. 3 р. 50 к.

В сборнике обобщен опыт ученых социалистических стран по разработке проблем, связанных с современными этнокультурными процессами. В статьях рассматриваются пути развития народов и их взаимодействия, адаптации культур к процессам модернизации, раскрываются черты традиционной культуры, которые влияют на современное социальное и экономическое развитие, на дальнейшее совершенствование социализма.

Сборник рассчитан на этнографов, социологов, историков, а также всех интересующихся судьбами этнокультурных традиций в современном обществе.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

252030 Киев, ул. Ленина, 42; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр-т, 22.